РАЗНОСТИ

ПРАВОСЛАВНЫХЪ И ПАПИСТОВЪ

ВЪ УЧЕНІИ О ЦЕРКВИ.

О ГЛАВЕНСТВѢ ПАПЫ.

Протоіерея А. Лебедева

Сочиненій о Разностяхъ Церквей

Т. III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, № 45
1903.

BR
95

Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальная библиотека
по общественным наукам

1131
Ł2

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 15 Апрѣля 1903 г. Цензоръ, Іеромонахъ Александръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . IX—XIII

Вступленіе . . . . . 3— 8

Сличеніе Катихизисовъ. . . . . 8— 38

I. О главенствѣ Христовомъ и главенствѣ папы . . . . . 38— 59

II. О непогрѣшимости Церкви, — въ частности: 1) о предметѣ непогрѣшимости (63—68 стр.); 2) о непогрѣшимости, какъ дарѣ, которымъ надѣлена Церковь (68—78), 3) о выраженіи ex cathedra, какъ условіи и признакѣ непогрѣшимости папскихъ опредѣленій (79—95), и 4) объ апостольской власти папы, какъ основѣ его непогрѣшимости (96—98) . . . . . 59— 98

III. О единствѣ Церкви по представленіямъ православныхъ и папистовъ . . . . . 98—128

IV. О смѣшеніи догматическихъ опредѣленій съ каноническими въ теоріи папизма. Постановка вопроса: различіе между догматическими и каноническими опредѣленіями . . . . . 128—139

1) Развитіе каноническаго права первенствующихъ іерарховъ . . . . . 140—172

2) Предвосхищеніе папами правъ на вселенское главенство . . . . . 172—202

3) Подлоги и окончательное смѣщеніе каноническихъ правъ съ догматическими . . . . . 202—230

Заключеніе . . . . . 230—234

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Стр.

Разборъ двухъ латинскихъ сочиненій о главенствѣ папы и его непогрѣшимости.

А) Исхожденіе св. Духа и вселенское первосвященство. Изданіе С. Асташкова. 1886 г. . . . . 235—298

Б) De l' infaillibilité par Julien Astromoff, prêtre catholique russe . . . . . 299—313

№ 2.

О признакахъ истинной Церкви, по поводу книги Вл. Соловьева „La Russie et l'Eglise Universelle". . . . . 314—367

№ 3.

Повѣсть Симеона суздальскаго объ осьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ. Исидоровъ соборъ и хоженіе его. . . . . 368—381

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нашей духовной литературѣ имѣется довольно сочиненій по обличенію латинства,—сочиненій весьма солидныхъ, дѣльныхъ и научно-документальныхъ; каковы: „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ“ покойнаго митр. моск. Филарета; „Правда всел. Церкви“ А. Н. Муравьева; „Обличительное Богословіе“ архим. Иннокентія; „Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ“, Авдія Востокова (архіепископа могилевскаго Анатолія); „О причинахъ отдѣленія западной церкви отъ восточной“ протоіерея Прокоповича; „Разборъ римскаго ученія о главенствѣ папы“ архим. (нынѣ архіепископа) Никанора и др. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ эти сочиненія не совсѣмъ удовлетворяютъ современнымъ потребностямъ религіознаго чувства. Какъ сочиненія полемическія, они, по преимуществу, отрицательнаго характера; говоря, какъ не должно мыслить латин. церковь, они недостаточно говорятъ о томъ, какъ слѣдуетъ ее мыслить, мало знакомятъ съ построеніемъ ея системы въ цѣломъ, немного даютъ данныхъ для сужденія объ ея положитель-

номъ содержаніи; а въ отношеніи къ папистамъ недостаточно затрогиваютъ ихъ съ живыхъ сторонъ, слабо касаются основныхъ, источныхъ началъ ихъ міровоззрѣнія и мало знакомятъ ихъ съ нашими представленіями о Церкви. Лат. богословы, находя въ нашихъ обличит. сочиненіяхъ только опроверженіе доказательствъ, на которыхъ строится ихъ система, а не опроверженіе самой системы, укоряютъ насъ въ нелогичности; имъ кажется, что эти самые авторы, которые опровергаютъ ихъ, заговорили бы иначе, если бы стали на ихъ точку зрѣнія,—и пришли-бы къ тѣмъ же самымъ выводамъ, къ какимъ пришли и они, если бы въ своемъ развитіи двинулись нѣсколько дальше.

Имѣя все это въ виду, при составленіи предлагаемаго труда, я старался поставить полемику нѣсколько на иной путь; я занимаюсь разборомъ не столько доказательствъ, на которыхъ зиждется система папизма, сколько разборомъ самой системы; я не о томъ разсуждаю, что доказательства папизма слабы и неосновательны, а раскрываю и утверждаю, что самая система невѣрна и содержитъ въ себѣ ложь и противорѣчіе, и что потому ее нельзя доказывать, а если латины доказываютъ,—то доказательства ихъ не больше, какъ фикція,—доказательства мнимыя, дополняемыя воображеніемъ.

Опасаясь въ свою очередь подвергнуться со стороны папистовъ упреку въ нелогичности и въ недоразвитости, я старался сколько возможно полнѣе и

совершеннѣе усвоить ихъ міровоззрѣніе въ ученіи вообще и въ частности въ ученіи о главенствѣ папы, и понять особенности ихъ мышленія. Чтобы строго логически вести споръ, я первымъ дѣломъ заботился о точности и опредѣленности понятій, и затѣмъ установлялъ общія съ папистами начала и изъ нихъ выводилъ рядъ мыслей, обличающихъ латинскія искаженія; выяснялъ общіе законы духовно-благодатной и церковной жизни и указывалъ, какъ латины ихъ обходятъ или нарушаютъ. Такъ говоря *о главенствѣ Христовомъ*, я показываю, какъ важно въ Церкви для спасенія вѣрующихъ исповѣданіе и храненіе этого главенства и сейчасъ же раскрываю, что главенство папы, исповѣдуемое лат. церковію, отводитъ вѣрующихъ отъ главенства Христова и низводитъ ихъ въ плотской образъ мыслей. Не признать справедливости моихъ мыслей нельзя,—а признать ихъ значитъ отказаться отъ папизма. Говоря *о непогрѣшимости Церкви*, я раскрываю основной законъ дух. жизни, что непогрѣшимость Церкви основывается на ея святости, и сейчасъ показываю, какъ искаженъ этотъ законъ въ латинствѣ; непогрѣшимость тамъ основывается на единствѣ папы съ епископами, а такое единство можетъ быть фиктивнымъ, т. е. подобраннымъ, подтасованнымъ, воображаемымъ. Точно также, говоря о развитіи церковной власти, я указываю на тѣ пути и законы, по которымъ оно должно было идти и совершаться; а затѣмъ указываю, въ чемъ состояло развитіе латинскаго главенства, до ка-

кого момента оно шло правильно и съ какого уклонилось съ истиннаго пути. Так. обр. я возвожу нашъ споръ съ папистами къ основнымъ началамъ церковной жизни, послѣ чего дальнѣйшія наши разсужденія будутъ напрасны и излишни.

Планъ моего сочиненія весьма простъ: во вступительной части я сличаю катихизисы православные и латинскіе, отсюда вывожу главнѣйшіе пункты нашихъ съ ними разностей и затѣмъ раскрываю эти разности, что и составляетъ предметъ моего изслѣдованія. Выведенные пункты эти относятся къ ученію: 1) о главенствѣ Христовомъ, 2) о непогрѣшимости Церкви, 3) о ея единствѣ, и 4) о строгомъ различіи догматическихъ и каноническихъ опредѣленій степеней священства, каковое различіе не соблюдается въ латинской церкви.

Пріемы изслѣдованія остаются тѣ же самые, какіе я употреблялъ въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ: „По поводу латинскаго догмата о непор. зачатіи“ и „О латинскомъ культѣ сердца Іисусова“; сначала я раскрываю правосл. воззрѣніе на тотъ или другой вопросъ изслѣдованія, а затѣмъ противополагаю ему латинское воззрѣніе. Отъ такого сопоставленія лучше и легче выясняется вопросъ и сильнѣе выступаетъ простота и величіе Православія.

Въ изложеніи своихъ мыслей я старался быть сколько возможно краткимъ и понятнымъ для всѣхъ читателей, не только для богословски-образованныхъ, но и для свѣтскихъ. Поэтому, хотя можно бы было

на эту тему написать изслѣдованіе обширное, я ограничился тѣмъ, что̀ представляю, въ увѣренности, что и этого будетъ достаточно для того, чтобы понять и почувствовать всю глубину той фальши, въ какой пребываетъ латинство.

Говорю это въ виду возбужденнаго въ публикѣ интереса къ вѣроисповѣднымъ разностямъ и возникшей вслѣдствіе того потребности сознательно и разумно относиться къ спорнымъ вопросамъ въ области вѣрованій. Буду считать себя счастливымъ, а трудъ мой щедро вознагражденнымъ, если моя книга будетъ содѣйствовать удовлетворенію этой святой потребности.

Протоіерей **А. Лебедевъ.**

СПБ.
Домъ Казанскаго Собора.
1886.

Примѣчаніе 2-го изданія. Въ предлагаемомъ изданіи книги сдѣланы слѣдующія перемѣны.

1. Изъ числа приложеній выпущенъ бывшій подъ № 2 очеркъ „Смыслъ исторіи папства по воззрѣніямъ одного государя“, представлявшій изъ себя въ сокращеніи анонимную книгу того же заглавія; сдѣлано это въ виду того, что хотя сочиненіе это и представляетъ интересъ, какъ цѣльный и характеристичный обзоръ роли папства въ исторіи, но тѣмъ не менѣе носитъ характеръ публицистическаго произведенія и потому въ видахъ сокращенія можетъ, думается, быть выпущено безъ особаго ущерба для богословскихъ интересовъ.

2. Взамѣнъ выпущеннаго вставляется отпечатанная въ 1890 г. брошюра прот. Лебедева „О признакахъ Истинной Церкви“ по поводу книги Вл. Соловьева „La Russie et l' Eglise Universelle“. Хотя эта статья (въ большей своей части) служила бесѣдою для одного общественнаго собранія и потому носитъ въ извѣстной степени характеръ этого своего назначенія, тѣмъ не менѣе мы помѣщаемъ ее здѣсь какъ въ виду того, что книга Соловьева должна имѣть себѣ отзывъ въ духовной литературѣ, такъ и потому, что эта статья прот. Лебедева есть тоже частное приложеніе развиваемыхъ въ основномъ сочиненіи мыслей. *Изд.*

РАЗНОСТИ

ПРАВОСЛАВНЫХЪ и ПАПИСТОВЪ

ВЪ

УЧЕНІИ О ЦЕРКВИ.

Да не бываемъ кто́му младе́нцы, влаю́щеся и скита́ющеся всяки́мъ вѣ́тромъ ученія, во лжи человѣ́честѣй, въ ковáрствѣ козне́й лще́нія: истинствующе́ же въ любви, да возрастимъ въ Него́ всяческая, иже́ есть Глава́ Христо́съ, изъ Него́-же все тѣ́ло составля́емо и счинѣ́ваемо прили́чнѣ, всяцѣ́мъ осязаніе́мъ подаянія, по дѣ́йству въ мѣ́рѣ единыя́ коеяждо́ части, возраще́ніе тѣ́ла твори́тъ въ созда́ніе самаго́ себе́ любо́вію. Ефес. 4, 14—16.

ВЪ УЧЕНІИ о Церкви, изложенномъ въ IX членѣ Символа Вѣры, разности православныхъ и латинянъ, какъ извѣстно сосредоточиваются въ вопросѣ *о главенствѣ* римскаго епископа въ Церкви вселенской.

Вопросъ этотъ имѣетъ въ дѣлѣ нашего спасенія во Христѣ значеніе величайшей важности. И восточные и западные, т. е. православные и латиняне, одинаково согласны въ томъ, что Церковь есть такое божественное учрежденіе, въ которомъ вѣрующимъ во Христа вмѣняются Его заслуги и сообщается освященіе Духомъ Святымъ, а чрезъ то совершается ихъ вѣчное спасеніе. Безъ сомнѣнія, такое или другое пониманіе этого божественнаго учрежденія необходимо отражается и въ жизни Церкви, и въ дѣлѣ спасенія ея членовъ,—ибо словеса Христовы — *духъ суть и животъ суть* (Іоан. 6, 63). Вопросомъ *о главенствѣ папы* не только опредѣляются особенности въ устройствѣ самой Церкви, но и устанавливаются особыя отношенія вѣрующихъ къ невидимой Главѣ ея, Христу-Спасителю. Поэтому, если латинское главенство—ложь, то оно вноситъ ложь въ устройство Церкви и въ самыя отношенія наши къ невидимой Главѣ ея. Если-же, напротивъ, главенство есть истина, то отрицаніемъ этой спасительной истины православные сами затрудняютъ для себя дѣло спасенія во Христѣ. — Такъ существенно

важно значеніе этого вопроса, и потому онъ требуетъ отъ насъ самаго безпристрастнаго, строгаго и обстоятельнаго изученія, изслѣдованія и рѣшенія.

Въ чемъ-же сущность дѣла? Гдѣ проходитъ та пограничная линія, которая точно и ясно разграничиваетъ ученіе о семъ предметѣ церкви восточной отъ ученія церкви латинской?—Чтобы приблизиться къ рѣшенію этихъ вопросовъ, обратимся къ писателямъ той и другой церкви и поищемъ у нихъ разъясненія самаго существа разногласій по занимающему насъ предмету.

Латинскіе писатели неоднократно касались этого пункта разногласій и давали на него свои объясненія. Такъ, неизвѣстный авторъ, 43 года изучавшій вопросъ „О возможномъ соединеніи церквей восточной и западной“ [1]), въ этомъ вопросѣ у восточныхъ не находитъ ничего болѣе, какъ напрасныя только предубѣжденія и противорѣчія ихъ самимъ себѣ, въ которыя они будто-бы поставили себя со временъ Фотія отрицаніемъ главенства папы. Онъ пишетъ, что „Восточные первенство ап. Петра надъ прочими апостолами и его епископство въ Римѣ признаютъ и отвергаютъ, равнымъ образомъ и наслѣдіе, перешедшее отъ ап. Петра къ римскимъ первосвятителямъ, *со властію надъ всею Церковію и патріархами*, тоже признаютъ и отвергаютъ“ [2]),—признаютъ, ибо въ своихъ богослужебныхъ книгахъ продолжаютъ исповѣдовать первенство Петрово и главенство римскихъ епископовъ,—и въ то же время отвергаютъ, ибо это ученіе о видимомъ главенствѣ папы исключили изъ своего вѣроученія, что сдѣлано восточными со временъ патр. Фотія. Причина такого нелѣпаго противорѣчія, по мнѣнію автора, заключается въ нравственномъ настроеніи восточныхъ, въ ихъ ненависти и злобѣ къ латинянамъ [3]). Укоризна жестокая!

---

[1]) Книжка подъ этимъ заглавіемъ издана въ Берлинѣ 1858 г.
[2]) Стр. 153.
[3]) Ibid.

Къ сожалѣнію, авторъ не выясняетъ внутреннихъ причинъ и основаній такого нехристіанскаго настроенія православныхъ къ латинскому Западу, продолжающагося уже цѣлое тысячелѣтіе. Нельзя-же думать, чтобы озлобленіе всѣхъ православныхъ произошло отъ одного честолюбца, какимъ авторъ представляетъ патр. Фотія, чтимаго восточною церковію за поборника истины и подвижника вѣры.

Другой латинскій писатель, о. Гагаринъ, вѣроятно, тоже долго занимавшійся вопросомъ о разностяхъ церквей, нѣсколько мягче относится къ разномыслію восточныхъ. Онъ находитъ, что „въ русскихъ катихизисахъ *не столько заблужденій,* сколько *пропусковъ*, пробѣловъ; да и чего въ нихъ недостаетъ, то богослужебныя книги дополняютъ и поправляютъ“ [1]). И это объясненіе не легче предшествующаго; тамъ отрицаніе главенства объясняется ненавистію и злобою православныхъ къ латинянамъ, а здѣсь ихъ недоразвитостію, недомысліемъ, умственною бѣдностію.

Такимъ образомъ, по суду упомянутыхъ латинскихъ писателей, причину разногласія въ вопросѣ о главенствѣ римскаго епископа надо искать у восточныхъ не въ ихъ догматическомъ ученіи, а въ ихъ психическомъ состояніи,—въ озлобленіи—по суду одного, и въ недоразвитости,—по суду другого. Обращаемъ вниманіе на сужденія этихъ писателей потому, что упомянутыя произведенія ихъ латинскими богословами-полемистами величаются *діамантами* въ ихъ богословской литературѣ [2]).

Съ видомъ большей серьезности (научности) судятъ о данномъ вопросѣ такіе латинскіе писатели, какъ Гергенретеръ и Дэллингеръ. Первый изъ нихъ, въ своей критикѣ сочиненія Януса („Папа и Соборъ“), сущность разногласія полагаетъ въ томъ, что въ латинской церкви практикуется начало *монархическое*, а въ восточной будто-бы начало *аристократическое*, и что восточная церковь представляетъ собою

---

[1]) Будетъ-ли Россія католическою? о. Гагарина въ р. пер. стр. 8.

[2]) Такъ величаетъ чешскій капланъ Бартакъ, писавшій противъ русской Церкви вскорѣ послѣ освященія Пражскаго прав. храма См. его брошюры, подъ общимъ заглавіемъ: Studie o cirkvi ruské, I—IV. 1875.

первую ступень схизматическаго уклоненія или ниспаденія отъ монархическаго начала по покатому пути къ поліархической демократіи,—на что и приводитъ слова Дэллингера. „Это—покатый путь, говоритъ Гергенретеръ словами сего послѣдняго,—по которому двигались церковныя общества въ этомъ отношеніи. Первый шагъ сдѣланъ византійцами: „только патріархи, управляющіе каждый своимъ церковнымъ округомъ, и никакого папы, никакой главы надъ патріархами". Потомъ явилась англиканская церковь и сказала: „ни папы, ни патріарховъ, только епископы". Съ своей стороны и протестанты континента заявили: „не нужно епископовъ, только пасторы, а надъ ними свѣтскіе правители". Позднѣе явились новыя протестантскія секты въ Англіи съ другимъ заявленіемъ: „мы не нуждаемся въ пасторахъ; только проповѣдники съ каѳедръ". Наконецъ, появились „друзья" (квакеры) и многія другія новѣйшія общества и сдѣлали открытіе: „проповѣдники—зло, каждый самъ для себя будь пророкомъ, учителемъ и священникомъ". Сдѣлать еще шагъ внизъ пока еще не удалось, но и надъ этимъ въ Соединенныхъ Штатахъ дѣлаютъ опыты. „Проповѣдники - женщины уже появились тамъ и составляютъ около себя общества слушателей" [1]). И такъ, вотъ на какомъ страшномъ пути стоитъ восточная церковь! Она первая, по мнѣнію знаменитыхъ богослововъ латинской церкви, подала примѣръ погибельнаго уклоненія отъ латинскаго единства къ безпорядочному дробленію на разныя секты.

Намъ кажется, что даже и въ томъ случаѣ, если мы станемъ на точку зрѣнія Дэллингера и Гергенретера, устройство церкви восточной не выражается или не опредѣляется словомъ—*аристократическій*. Не лучше-ли было-бы сказать, что какъ латинская церковь практикуетъ *начало монархическое—неограниченное*,—такъ восточная—начало *монархическое—ограниченное*; ибо патріархи,— такъ какъ за ними не признается непогрѣшимости,—управляютъ своимъ округомъ сообща съ соборомъ. Но мы, православные, не можемъ одобрить и такого перенесенія представленій и выраженій съ

[1]) Anti-Janus, стр. 163.

устройства гражданскихъ обществъ на устройство общества духовнаго. Царство Божіе, или Церковь, есть область духа и благодати, и для выраженія представленій о ней долженъ существовать и существуетъ особый церковный языкъ. По нашему крайнему убѣжденію, такое разсужденіе вышеупомянутыхъ богослововъ обнаруживаетъ слишкомъ внѣшнее пониманіе существа Церкви Христовой.

Православные богословы иначе выражаютъ существующія разности въ устройствѣ церквей. Обыкновенно говорятъ, что въ латинской церкви дѣйствуетъ *начало единоличнаго управленія*, а въ восточной *начало соборное*[1]). Но и такое опредѣленіе разностей не выражаетъ всего существа дѣла. Какъ *начало единовластительства*, такъ и *начало соборности* требуютъ высшаго и безусловнаго опредѣленія: ибо какъ первое не есть непремѣнно *неправославно,* такъ и второе не есть само въ себѣ безусловно *православно*. Если-бы православное христіанство осталось въ одномъ патріархатствѣ, или въ одномъ какомъ-нибудь народѣ съ однимъ духовнымъ правителемъ во главѣ, было-ли бы такое единоначаліе неправославно? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Патріархъ или митрополитъ, сдѣлавшись главою всего православнаго христіанства и признаваемый въ такомъ качествѣ всѣми ему подчиненными пастырями и всѣми народами,—чрезъ это не преобразился-бы въ папу, хотя, по нашему представленію, имѣлъ-бы много искушеній къ тому. Слѣдовательно, повторяемъ, единоначаліе, практикуемое въ латинской церкви, само въ себѣ не есть еще *начало неправославное*. Оно можетъ быть православнымъ или неправославнымъ смотря по тому, какъ будутъ имъ пользоваться. Оно существовало въ церкви ветхозавѣтной, подзаконной и, говоря современной рѣчью, оставалось православнымъ. Іудейскіе первосвященники, въ своемъ лицѣ иногда соединявшіе и царское достоинство, ни въ чемъ однакожъ не сдѣлались похожими на римскихъ первосвященниковъ. Образецъ подобнаго единоначалія представляетъ намъ и исторія христіанской Церкви. Владыки черногорскіе соединяли въ себѣ двѣ власти и епископскую, и княжескую,

---

[1]) Прот. Васильевъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ еп. Жакмэ.

и православная церковь не думала отлучать ихъ за такое единоначаліе. Съ другой стороны и *соборность* не безусловно православна: не всякій соборъ православенъ потому только, что онъ есть соборъ епископовъ. Соборъ Дубскій противъ Іоанна Златоустаго, соборъ Діоскора въ Ефесѣ, соборы иконоборческіе, соборъ, наконецъ, Флорентійскій, отвергаются восточною церковію и осуждаются, какъ неправославные, хотя послѣдніе, и особенно Флорентійскій, претендуютъ на званіе *вселенскаго*. Слѣдовательно, какъ для единоначалія, такъ и для соборности существуетъ высшее и совершеннѣйшее опредѣленіе, которое собственно и устанавливаетъ православіе того или другого начала. Если это высшее опредѣленіе усвоено тѣмъ или другимъ началомъ,—это начало становится православнымъ, если же оно утрачено, то и соборъ, какъ бы онъ многочисленъ ни былъ,—будетъ неправославнымъ. Въ чемъ же заключается это высшее опредѣленіе?

Чтобы подойти строго научнымъ путемъ къ рѣшенію этого вопроса, — обратимся къ катихизисамъ той и другой церкви и по нимъ сличимъ ученіе о Церкви латинянъ и восточныхъ, и сперва выяснимъ сущность разногласій, а затѣмъ выведемъ рѣшеніе даннаго вопроса. Къ такому сличенію мы обязываемся, притомъ, вышеупомянутымъ упрекомъ о. Гагарина въ пропускахъ, имѣющихся будто бы въ нашихъ катихизисахъ по сравненію ихъ съ латинскими. Сказанное же въ катихизисахъ кратко или неполно будемъ пополнять и прояснять заимствованіями изъ системъ Догматическаго Богословія той и другой церкви.

Сличеніе Катихизисовъ.

Начнемъ съ православнаго катихизиса.

Пространный православный катихизисъ (составленный митропол. Филаретомъ), считающійся символической книгой вообще въ правосл. церкви,—на вопросъ: „Что такое Церковь?“ отвѣчаетъ такъ: „Церковь есть отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и таинствами“. Въ этомъ

опредѣленіи выступаютъ главнымъ образомъ двѣ черты: *Богоустановленность Церкви* и *единство*, обусловливаемое и внутренними и внѣшними признаками—православнымъ вѣроученіемъ и нравоученіемъ, священноначаліемъ и таинствами.

Разъясняя это краткое опредѣленіе Церкви, православный законоучитель пользуется и болѣе полнымъ и научно-составленнымъ опредѣленіемъ, какое напр., дается въ системѣ православнаго догматическаго Богословія высокопреосвященнаго митрополита Макарія. Тамъ мы читаемъ: „Церковь есть общество православно-вѣрующихъ и крестившихся во имя Іисуса Христа, Имъ Самимъ основанное непосредственно и посредствомъ св. Апостоловъ, Имъ же Самимъ оживляемое и ведомое къ животу вѣчному, видимо—посредствомъ духовныхъ пастырей: чрезъ ученіе, священнодѣйствія и управленіе, а вмѣстѣ невидимо—посредствомъ вседѣйствующей благодати всесвятаго Духа“[1]). Въ этомъ опредѣленіи, которое можно считать сокращеніемъ всего православнаго ученія о Церкви, особенно сильно выступаетъ ученіе о главенствѣ Христовомъ. Онъ есть глава Церкви, управляющій ею невидимо силою Своей благодати и видимо чрезъ Свои орудія, чрезъ установленныхъ Имъ пастырей Церкви. Въ дальнѣйшемъ изложеніи ученія эта черта выступитъ сильнѣе и опредѣленнѣе.

Послѣ приведеннаго опредѣленія Церкви, въ катихизисѣ объясняется—*вѣра* въ Церковь и предметъ вѣрованія, а затѣмъ признаки истинной Церкви: *единство*, *святость*, *соборность* или *вселенскость* (католичность) и наконецъ ея *Апостольство*, т. е. непрерывность и неизмѣнность идущаго отъ Апостоловъ ученія, преданія и рукоположенія.

На вопросъ: „Что значитъ *вѣровать* въ Церковь?“—катихизисъ учитъ:—„Значитъ благоговѣйно чтить истинную Церковь Христову и повиноваться ея ученію и заповѣдямъ, по увѣренности, что въ ней пребываетъ, спасительно дѣйствуетъ, учитъ и управляетъ благодать, изливаемая отъ единой вѣчной главы ея, Господа Іисуса Христа“. *Предметъ вѣры* опре-

---

[1]) Простр. Правосл. Кат. 1878 г. стр. 52. Догмат. Богословіе Высокопреосв. Макарія 1883 г. стр. 235.

дѣляется такимъ образомъ: „Церковь, которая видима, можетъ быть и предметомъ вѣры (которая есть *обличеніе невидимыхъ*); ибо, во первыхъ, хотя Церковь видима, но невидима усвоенная ей и освященнымъ въ ней благодать Божія, которая и есть *собственно предметъ вѣрованія* въ Церковь. Во вторыхъ, Церковь, будучи видима, поколику она есть на землѣ и къ ней принадлежатъ всѣ православные христіане, живущіе на землѣ, въ то же время есть невидима, поколику она есть и на небеси, и къ ней принадлежатъ всѣ скончавшіеся въ истинной вѣрѣ и святости". Далѣе приводятся доказательства на это изъ Священнаго Писанія.

При объясненіи перваго признака, катихизисъ въ слѣдующемъ видѣ излагаетъ православное ученіе о *единствѣ* Церкви. „Церковь есть *едина*, потому что она есть одно духовное тѣло, имѣетъ одну главу Христа и одушевляется однимъ Духомъ Божіимъ. *„Едино тѣло, единъ духъ, яко же и звани бысте во единомъ упованіи званія вашего; единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ"* (Ефес. 4: 4, 5, 6). Дѣлая особенное удареніе на ту мысль, что другой, видимой главы и быть не можетъ для Церкви, катихизисъ предлагаетъ вопросъ: „Чѣмъ точнѣе удостовѣряемся, что Іисусъ Христосъ есть единая глава единыя Церкви?"—и отвѣчаетъ: „Апостолъ Павелъ пишетъ, что для Церкви, какъ *зданія Божія, основанія иного никто-же можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (I Кор. 3; 10; 11). Посему для Церкви, какъ тѣла Христова не можетъ быть иной главы, кромѣ Іисуса Христа. —„Церковь, долженствующая пребыть во вся роды вѣка, требуетъ и главы всегда пребывающей; а таковъ есть единъ Іисусъ Христосъ. Посему и Апостолы называются не болѣе, какъ служителями Церкви" (Колос. 1; 24, 25).

Единство Церкви возлагаетъ на насъ обязанность: *блюсти единеніе духа въ союзѣ мира* (Ефес. 4, 3).

Въ ученіи о Церкви главенство Христово такъ существенно важно, что оно непремѣнно излагается въ каждой Православной Догматикѣ въ полномъ своемъ значеніи. Такъ у высокопреосвященнаго Макарія мы читаемъ: „Ввѣривъ видимое управленіе своей Церкви епископамъ, которые да-

рованною имъ властію связуютъ всѣхъ вѣрующихъ во единый союзъ внѣшній, Господь Іисусъ невидимо самъ держитъ кормило правленія Церкви, какъ истинный ея Глава, и оживляя ее единою и тою же спасительною благодатію Св. Духа, соединяетъ всѣхъ членовъ Церкви союзомъ внутреннимъ. Это ясно: а) изъ того, что Онъ обѣщался *пребывать во вся дни до скончанія вѣка* съ Апостолами, а въ лицѣ ихъ и съ преемниками ихъ, пребывать, безъ сомнѣнія, для того, чтобы руководить ихъ на ихъ высокомъ поприщѣ, содѣйствовать имъ, управлять ими, и, слѣдовательно, избралъ ихъ только видимыми орудіями своего благодатнаго дѣйствія на вѣрующихъ; б) изъ того, что хотя власть учительства Онъ поручилъ Апостоламъ и ихъ преемникамъ, но верховнымъ учителемъ, невидимо чрезъ нихъ поучающимъ вѣрующихъ, повелѣлъ называть одного Себя (Мѳ. 23, 8) и потому сказалъ: *слушаяй васъ Мене слушаетъ*; *и отметаяйся васъ, Мене отметается* (Лук. 10, 16). Равнымъ образомъ, хотя власть совершать священнодѣйствія для освященія вѣрующихъ поручилъ церковнымъ пастырямъ, но верховнымъ *Первосвященникомъ*, который *всегда живъ сый, во еже ходатайствовати о насъ, можетъ спасти до конца приходящихъ чрезъ Него къ Богу* (Евр. 7, 25), остается Самъ и Самъ невидимо совершаетъ чрезъ пастырей св. таинства: Самъ невидимо предстоитъ и пріемлетъ покаяніе грѣшника, исповѣдующаго грѣхи свои предъ священникомъ; Самъ есть *приносяй* и *приносимый* въ таинствѣ евхаристіи (по выраженію молитвы на литургіи). То же должно сказать относительно церковнаго управленія, которое хотя видимо поручено пастырямъ, но сосредоточивается невидимо въ Господѣ, какъ царѣ благодатнаго царства (Іоан. 18, 36) и *пастыреначальникѣ* (1 Петр. 5, 4). в) Это ясно изъ тѣхъ мѣстъ писаній, гдѣ Іисусъ Христосъ называется Главою Церкви, а Церковь Его тѣломъ (Кол. 1, 18, Ефес. 1, 22, 23; 5, 23; также: 4, 11 — 16. Кол. 2, 19. 1 Кор. 10, 17; 12, 12. Римл. 12, 4. 5) и изъ писаній святоотеческихъ; такъ св. Василій Великій говоритъ: „въ ней, т. е. въ Церкви, содержитъ и сочетаваетъ каждый членъ въ единомысліи съ другимъ *единая* и *истинно-единственная Глава*, которая есть Христосъ“; Григорій Богословъ: „одинъ

Христосъ—одна Глава Церкви": блаженный Θеодоритъ: „Христосъ Господь занимаетъ мѣсто Главы, а вѣрующіе въ Него—мѣсто тѣла".

„Что Господь оживляетъ Церковь Своею божественною благодатію, очевидно уже изъ предшествующей мысли; ибо если Христосъ есть дѣйствительно Глава Церкви, а она—тѣло Его, то какъ-же возможно, чтобы Онъ не проникалъ ее Своею силою? Это и подтверждаетъ Апостолъ, когда говоритъ о Спасителѣ: *и Того даде Главу выше всѣхъ Церкви, яже есть тѣло Его, исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ* (Еф. 1, 23); и далѣе: *дабы мы истинною любовію все возращали въ Того, который есть Глава Христосъ, изъ котораго все тѣло составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви* [1]) (4; 15, 16). Кромѣ того, мысль сія утверждается на обѣтованіи Спасителя ниспослать на землю всесвятаго Духа, который бы пребылъ въ Церкви во вѣки (Іоан. 14, 16—17),—обѣтованіи, дѣйствительно, исполнившемся въ свое время (Дѣян. 2, 2). Съ тѣхъ поръ всесвятый Духъ, Духъ Христовъ, нисходитъ, во-первыхъ, на всѣхъ христіанскихъ пастырей въ таинствѣ священства, и облекаетъ ихъ силою и властію, постоянно въ нихъ обитающею (2 Тим. 1, 14),—учить, священнодѣйствовать и пасти духовное стадо. Нисходитъ, во-вторыхъ, на всѣхъ вѣрующихъ въ таинствѣ крещенія, гдѣ возраждаетъ ихъ и содѣлываетъ живыми членами таинственнаго тѣла Христова;—въ таинствѣ муропомазанія, гдѣ сообщаетъ имъ силы для укрѣпленія и постепеннаго возрастанія въ жизни духовной, а затѣмъ и во всѣхъ прочихъ таинствахъ. Нисходитъ, въ-третьихъ, на всѣхъ вѣрующихъ, пастырей и пасомыхъ, или справедливѣе, постоянно почіетъ на нихъ (пока они остаются того достойными) своими духовными дарами, какъ *Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія, Духъ страха Божія* (Ис. 11; 2, 3); по-

[1]) Для большей ясности мы позволяемъ себѣ этотъ текстъ привести въ русскомъ переводѣ.

стоянно приноситъ въ нихъ (если они не противятся) свои духовные плоды—*любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе* (Гал. 5, 22, 23) и всѣ прочія добродѣтели. Всего же яснѣе и осязательнѣе мы усматриваемъ соединеніе Христа съ Церковію и со всѣми ея членами въ таинствѣ евхаристіи: здѣсь каждый христіанинъ пріискренне пріобщается *плоти и крови Христовой*, а съ ними пріемлетъ въ себя всего Христа, и каждый послѣ того можетъ сказать по примѣру Апостола: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Отъ сего-то происходитъ совершенное единеніе вѣрующихъ, какъ со Христомъ, Главою Церкви, *изъ Него же все тѣло составы и соузы подаемо и снемлемо, раститъ возращеніе Божіе* (Кол. 2, 19),—такъ и между собою; ибо всѣ они *оживляются однимъ и тѣмъ же Духомъ* (Кор. 12, 11, 13), живутъ однимъ и тѣмъ же Христомъ, и *мнози сущи*, подлинно *едино суть тѣло* (1 Кор. 12, 12) [1]).

Такимъ образомъ, при единствѣ невидимой Главы Христа становится яснымъ внутреннее духовное единство отдѣльныхъ частей вселенской Церкви, т. е. частныхъ независимыхъ народныхъ церквей. Поэтому катихизисъ далѣе спрашиваетъ: „Какъ согласить съ единствомъ Церкви то, что есть многія церкви отдѣльныя и самостоятельныя, напримѣръ, іерусалимская, антіохійская, александрійская, константинопольская, россійская?“—и отвѣчаетъ: „это суть частныя церкви, или части единой Вселенской Церкви. Отдѣльность видимаго устройства ихъ не препятствуетъ имъ духовно быть великими членами единаго тѣла Церкви Вселенской, *имѣть единую Главу Христа, и единый духъ вѣры и благодати*. Единство сіе выражается видимо одинаковымъ исповѣданіемъ вѣры, и общеніемъ въ молитвахъ и таинствахъ“.

Послѣ сего идетъ рѣчь о единствѣ Церкви, земной и небесной,—что въ латинскихъ катихизисахъ раскрывается на концѣ IX члена подъ именемъ *общенія святыхъ*. Православный катихизисъ спрашиваетъ: „Существуетъ-ли также единство между пребывающею на землѣ и небесною Церковію?„

---

[1]) Тамъ же, стр. 231—4.

и отвѣчаетъ: „Безъ сомнѣнія существуетъ, какъ по отношенію ихъ къ единой главѣ, Господу нашему Іисусу Христу, такъ и по взаимному общенію между тою и другою". „Средствомъ этого общенія служитъ молитва вѣры и любви. Вѣрные, принадлежащіе къ Церкви, подвизающейся на землѣ, принося молитву Богу, призываютъ въ то же время на помощь Святыхъ, принадлежащихъ къ Церкви небесной: и сіи, стоя на высшихъ ступеняхъ приближенія къ Богу, своими посредствующими молитвами очищаютъ, и подкрѣпляютъ, и приносятъ предъ Бога молитвы вѣрныхъ, живущихъ на землѣ, и по волѣ Божіей благодатно и благотворно дѣйствуютъ на нихъ, или невидимою силою, или чрезъ свои явленія, и нѣкоторыя другія посредства". Затѣмъ приводятся на это свидѣтельства изъ Писаній.

Въ объясненіи второго признака, *святости*, въ катихизисѣ говорится: „Церковь есть *святая* потому, что освящена Іисусомъ Христомъ чрезъ Его страданія, чрезъ Его ученіе, чрезъ Его молитву и чрезъ таинства. *Христосъ возлюби Церковь, и Себе предаде за ню, да освятитъ ю, очистивъ банею водною въ глаголь: да представитъ ю Себѣ славну Церковь, не имущу скверны, или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна* (Ефес. 5, 25—27). Въ молитвѣ къ Богу Отцу о вѣрующихъ Іисусъ Христосъ сказалъ между прочимъ: *святи ихъ во истину Твою; слово Твое истина есть. И за нихъ Азъ свящу Себе, да и тіи будутъ священи во истину*" (Іоан. 17; 17—19). Послѣ сего рѣшается вопросъ: „Какимъ образомъ Церковь есть *святая*, когда въ ней есть и согрѣшающіе?" Отвѣтъ: „Согрѣшающіе, но очищающіе себя истиннымъ покаяніемъ, не препятствуютъ Церкви быть святою; а грѣшники нераскаянные, или видимымъ дѣйствіемъ церковной власти, или невидимымъ дѣйствіемъ суда Божія, какъ мертвые члены, отсѣкаются отъ тѣла Церкви и такимъ образомъ она и съ сей стороны сохраняется святою (I Кор. 5, 13; II Тим. 2, 19)".

При объясненіи третьяго признака, катихизисъ спрашиваетъ: „Почему Церковь называется *Соборною*, или что то же, *Каѳолическою* или Вселенскою?"—и даетъ такой отвѣтъ: „Потому, что она не ограничивается никакимъ мѣстомъ, ни вре-

менемъ, ни народомъ, но заключаетъ въ себѣ истинно вѣрующихъ всѣхъ мѣстъ, временъ и народовъ. Ап. Павелъ говоритъ,—что *благовѣствованіе* существуетъ *во всемъ мірѣ и есть плодоносно и растимо* (Кол. 1, 5, 6). И что въ Церкви Христіанской *нѣсть Еллинъ, ни Іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варваръ и скивъ, рабъ и свободъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Кол. 3, 11). *Сущіи отъ вѣры благословятся съ вѣрнымъ Авраамомъ*“ (Гал. 3, 9). Затѣмъ объясняется важное преимущество Каѳолической Церкви,—именно: „Ей собственно принадлежатъ высокія обѣтованія, что *врата адова не одолѣютъ ей*, что *Господь пребудетъ* съ нею *до скончанія вѣка*, что въ ней пребудетъ *слава* Божія о *Христѣ Іисусѣ во вся роды вѣка*: что слѣдов., она никогда не можетъ ни отпасть отъ вѣры, ни погрѣшить въ истинѣ вѣры, или впасть въ заблужденіе“. „Несомнѣнно исповѣдуемъ, какъ твердую истину, что Каѳолическая (т. е. Вселенская, а не Римская) Церковь не можетъ погрѣшать или заблуждаться, и изрекать ложь вмѣсто истины; ибо Духъ Святый, всегда дѣйствующій чрезъ вѣрно служащихъ отцевъ и учителей Церкви, предохраняетъ ее отъ всякаго заблужденія“. Такъ учатъ Восточные Патріархи (Посл. Вост. Патр. о прав. вѣрѣ гл. 12). Отсюда, для спасенія необходимо нужно, чтобы вѣрующій принадлежалъ къ ней. „Поелику Іисусъ Христосъ, по изреченію ап. Павла, *есть Глава Церкви и Той есть Спаситель тѣла*, то дабы имѣть участіе въ Его спасеніи, необходимо нужно быть членомъ Его тѣла, т. е. Каѳолической (Вселенской) Церкви (Еф. 5, 23). Ап. Петръ пишетъ, что *крещеніе спасаетъ насъ по образу Ноева ковчега*. Всѣ спасшіеся отъ всемірнаго потопа, спаслись единственно въ ковчегѣ Ноевомъ: такъ всѣ обрѣтающіе вѣчное спасеніе, обрѣтаютъ оное въ единой Каѳолической Церкви.

Послѣ сего предлагается слѣдующій вопросъ: „Какія мысли и воспоминанія соединять должно съ наименованіемъ Церкви „Восточной?“ и дается слѣдующій отвѣтъ, свидѣтельствующій о православіи Восточной Церкви: „Въ раю, насажденномъ на Востокѣ, создана была и первая Церковь безгрѣшныхъ прародителей: и тамъ же, по грѣхопаденіи, положено новое основаніе Церкви спасаемыхъ, въ обѣтованіи о Спа-

сителѣ. На Востокѣ, въ землѣ Іудейской, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, совершивъ дѣло спасенія нашего, положилъ начало Своей собственной Христіанской Церкви. Оттуда распространилась она по всей вселенной; и до нынѣ Православная Каѳолическая Вселенская вѣра, семью Вселенскими Соборами утвержденная, въ первоначальной своей чистотѣ неизмѣнно сохраняется въ древнихъ Церквахъ восточныхъ, и въ единомысленныхъ съ восточными, какова есть благодатію Божіею и Всероссійская Церковь.

Наконецъ, при объясненіи четвертаго признака, на вопросъ: „Почему Церковь называется *Апостольскою?*“ — въ катихизисѣ дается слѣдующій отвѣтъ: „Потому, что она непрерывно и неизмѣнно сохраняетъ отъ Апостоловъ и ученіе, и преемство даровъ Св. Духа, чрезъ священное рукоположеніе. Въ семъ же разумѣ Церковь называется также *Православною* или *Правовѣрующею.—Нынѣ странни и пришельцы, но сожителе Святымъ и присніи Богу, наздани бывше на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу*“. (Ефес. 2, 19—20).

Называя Церковь *Апостольскою*, Символъ вѣры „научаетъ твердо держаться *ученія и преданій Апостольскихъ*, и удаляться отъ такого ученія и такихъ учителей, которые не утверждаются на ученіи Апостоловъ. Ап. Павелъ говоритъ: *тѣмъ же убо братіе, стойте и держите преданія, имѣже научистеся или словомъ или посланіемъ нашимъ*“ (2 Сол. 2, 15. Приводятся также Тит. 3, 10; 1, 10, 11. Мѳ. 18, 17).

Затѣмъ излагается ученіе о Церковной Іерархіи. Въ Церкви существуетъ учрежденіе, въ которомъ сохраняется преемство Апостольскаго служенія; это—Церковная *Іерархія* или священноначаліе.—Іерархія Христіанской Православной Церкви ведетъ свое начало отъ самого Іисуса Христа и отъ сошествія на Апостоловъ Св. Духа, и съ тѣхъ поръ непрерывно продолжается чрезъ преемственное рукоположеніе въ таинствѣ Священства. *Той далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ совершенію Святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова.* (Еф. 4, 11, 12).

Послѣ сего указывается, что Вселенскій Соборъ прости-

раетъ свое дѣйствіе на всю Вселенскую Церковь, что Православнымъ Патріархамъ и Святѣйшимъ Синодамъ подчинены главныя части Вселенской Церкви,—а Митрополитамъ, Архіепископамъ и Епископамъ—подчинены меньшія православныя области и города. .

Въ заключеніе всего ученія о Церкви предлагается слѣдующій вопросъ: „Дабы исполнить долгъ повиновенія Церкви, откуда можно узнать, чего она требуетъ отъ своихъ членовъ?“ и дается слѣдующій отвѣтъ: „Сіе можно узнать изъ Свящ. Писанія, изъ правилъ св. Апостолъ, св. Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборовъ и св. Отецъ, и изъ Церковныхъ уставовъ“.

Для полнаго изображенія устройства Церкви, присовокупимъ слова высокопреосвященнаго Макарія изъ его Догматическаго Богословія. Тамъ читаемъ: „Опредѣливъ объемъ Церкви своей, указавъ ей цѣль и давъ необходимыя средства для цѣли, Господь Іисусъ далъ ей вмѣстѣ и опредѣленное устройство, которымъ вполнѣ обезпечивается и облегчается достиженіе этой цѣли. Устройство Церкви состоитъ въ томъ, что:

а) она раздѣляется по составу своему на двѣ существенныя части: *паству и Богоучрежденную іерархію*; паству составляютъ всѣ вообще вѣрующіе въ Господа Іисуса; іерархія же или священноначаліе есть особое Богоучрежденное сословіе людей, которыхъ однихъ Господь уполномочилъ распоряжаться тѣми средствами, какія даровалъ Онъ Церкви для ея цѣли; т. е. уполномочилъ въ ней быть учителями, священнослужителями и духовными управителями, и которымъ потому всѣ прочіе Христіане, составляющіе паству, должны повиноваться въ дѣлахъ вѣры.

б) что Богоучрежденная іерархія состоитъ изъ трехъ степеней: первая и высшая — степень епископа, вторая и подчиненная—степень пресвитера; третья и еще низшая—степень діакона. Отношеніе этихъ чиновъ іерархіи *между собою и къ паствѣ* состоитъ въ томъ, что епископъ въ своей частной церкви или епархіи есть мѣстоблюститель Христовъ и слѣдовательно главный начальникъ, какъ надъ всею подвѣдомственною ему іерархіею, такъ и надъ паствою. Въ част-

Академія наукъ СССР
Институтъ научной [illegible]
и фундаментальной [illegible]
по общественнымъ наукамъ

ности же онъ есть а) *главный учитель* въ своей церкви и для простыхъ вѣрующихъ, и для самихъ пастырей; б) *первый священнодѣйствователь* и *совершитель св. Таинствъ* въ своей частной церкви, и наконецъ в) *главный управитель* въ своей частной церкви.

в) что такъ какъ средоточіе духовной власти надъ каждой частной церковію заключается въ ея епископѣ, отъ котораго проистекаетъ для нея „ученіе, и священнодѣйствіе, и управленіе“,—то слѣдуетъ, что

1) нѣсколько частныхъ церквей могутъ подлежать распоряженіямъ только всѣхъ своихъ епископовъ въ совокупности или собору помѣстному. Съ сею-то цѣлію еще св. Апостолы узаконили: дважды въ году да бываетъ соборъ епископовъ и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о догматахъ благочестія, и разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія (Пр. ап. 37);

2) Церковь Христова вообще, обнимающая собою всѣ частныя, какъ Церковь вселенская, ввѣрена всѣмъ вообще епископамъ, какъ говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, въ четвертомъ письмѣ своемъ къ Африканцамъ (см. Послан. Вост. Патр. о прав. вѣрѣ чл. 10). И слѣдовательно средоточіе духовной власти для Церкви вселенской—во вселенскихъ Соборахъ. Эту истину ясно выразили сами св. Апостолы, когда по случаю происшедшихъ между новыми христіанами недоумѣній касательно обрѣзанія и нѣкоторыхъ обрядовъ, желая постановить правила для всей бывшей въ то время Церкви Христовой, рѣшили дѣло соборне (Дѣян. 15, 28). Съ тѣхъ поръ какъ только открылась возможность созывать вселенскіе Соборы, на нихъ рѣшались окончательно всѣ дѣла, касавшіяся всей Церкви, какъ свидѣтельствуетъ исторія этихъ Соборовъ; выше власти Соборовъ вселенскихъ никакая другая власть не признавалась въ дѣлахъ вѣры, и безусловно покоряться рѣшеніямъ и узаконеніямъ вселенскихъ Соборовъ почиталось непремѣннымъ долгомъ и для всѣхъ вѣрующихъ, и для самихъ пастырей.

Вслѣдствіе такого устройства вселенской Церкви Христовой естественно происходитъ совершенное ея единство, когда всѣ частныя церкви, покоряясь своимъ пастырямъ,

такъ сказать, сосредоточиваются въ своемъ епископѣ; а епископы безусловно покоряются однимъ и тѣмъ же узаконеніямъ вселенскихъ Соборовъ и въ своемъ ученіи, и въ своихъ священнодѣйствіяхъ, и въ своемъ управленіи". (Догматич. Богосл. по изд. 1868 г., стр. 237—238).

Въ предложенномъ изложеніи исчерпано все догматическое православное ученіе о Церкви. Чтобы судить, имѣются-ли какіе пробѣлы въ этомъ изложеніи, представимъ то же ученіе по латинскимъ катихизисамъ.

Въ нихъ мы прежде всего замѣчаемъ нѣкотораго рода свободу (или точнѣе сказать, неточность), неопредѣленность и небрежность въ опредѣленіи Церкви. Въ тѣхъ катихизисахъ, какіе только мы могли собрать, имѣющіяся опредѣленія Церкви можно раздѣлить на три класса: въ однихъ дается такое общее понятіе о Церкви, что его могутъ взять въ свои катихизисы и протестанты, и реформаты, и другія разныя секты; въ другихъ,—возлѣ невидимой Главы упоминается видимая глава—папа; въ третьихъ—опредѣляется собственно римско-католическая церковь и вводится представленіе только о главенствѣ папы.

Къ первому классу относятся опредѣленія слѣдующихъ катихизисовъ:

а) Римскаго (изд. Bassani 1709): указавъ различное употребленіе слова *Церковь*, ecclesia, Катихизисъ учитъ: „но по общему обычаю святыхъ писаній этимъ словомъ пользовались для обозначенія совокупности христіанъ и собраній только вѣрующихъ, которые именно вѣрою призваны къ свѣту истины и познанію Бога, дабы, отвергнувъ отъ себя тьму невѣдѣнія и заблужденій, благочестно и свято поклонялись и отъ всего сердца служили истинному и живому Богу; но чтобы выразить этотъ предметъ однимъ предложеніемъ, скажемъ словами св. Августина: *Церковь есть вѣрующіе христіане, разсѣянные по всему міру*" (Вопр. 2, стр. 86).

б) Катихизиса Стацевича, — по которому въ настоящее время учатся русскіе католики: „Церковь (по греч. Ἐκκλησία). означаетъ *собраніе*, и подъ этимъ именемъ мы разумѣемъ всѣхъ вѣрныхъ, которые обязываются служить Богу, исповѣдуя Имъ Самимъ откровенную вѣру, которой они научи-

лись отъ отцевъ своихъ, и сохранили ее неприкосновенною безъ малѣйшей перемѣны" (стр. 58).

в) Катихизиса чешскаго законоучителя М. Прохазки: „Церковь есть основанное и устроенное І. Христомъ религіозное общество для спасенія вѣрующихъ" (стр. 107).

г) Такія же опредѣленія даются въ обширныхъ богословскихъ сочиненіяхъ. Такъ, у знаменитаго Мёлера въ его „Символикѣ" мы читаемъ слѣдующее опредѣленіе Церкви: „подъ Церковію на землѣ католики разумѣютъ основанное Христомъ, видимое общество всѣхъ вѣрующихъ, въ которомъ дѣло, совершенное Имъ во время Его земной жизни для очищенія отъ грѣховъ и освященія человѣчества, подъ руководствомъ Его Духа и при посредствѣ Имъ установленнаго и имѣющаго непрерывно продолжаться апостольскаго служенія продолжается до конца міра, и всѣ народы въ теченіе временъ—приводятся къ Богу [1]). Такъ 2) въ Догматикѣ Дирингера мы находимъ слѣд. опредѣленіе: „представительство (Repräsentation) Христа на землѣ называется *учащею Церковію*, а чрезъ его дѣятельность осуществляемое и руководимое живое общество спасаемыхъ — *вообще Церковію*. Этимъ выраженіемъ обозначается прежде всего мѣсто религіозныхъ собраній, а вслѣдствіе того (?) и самое собраніе, а потомъ отдѣльная христіанская община, наконецъ, составъ всѣхъ христіанскихъ общинъ подъ богоустановленнымъ водительствомъ. Если для опредѣленія этого понятія за исходный пунктъ взять тотъ самый моментъ, по которому отдѣльный человѣкъ есть истинный живой членъ общины спасаемыхъ, — именно, если взять союзъ со Христомъ, устрояемый въ ней Духомъ Святымъ, моментъ, который можетъ быть разрушенъ самовольнымъ возвращеніемъ въ царство тьмы, — то плотское и земное является въ этомъ обществѣ упраздненнымъ, и самое общество, какъ Церковь, образуетъ устроенный и ведомый Духомъ Святымъ союзъ спасаемыхъ людей, какъ между собою, такъ и со своимъ Главою-Христомъ" [2]).

---

[1]) Symbolik, стр. 331.

[2]) Kathol. Dogmatik von Dieringer., стр. 543—4.

Ясно, что такого рода опредѣленія Церкви могутъ годиться для катихизисовъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Опредѣленія второго класса мы находимъ:

а) въ катихизисѣ пражской архіепископіи, который употреблялся въ прошломъ столѣтіи. На вопросъ: „что такое Церковь?“—мы читаемъ: „Церковь есть собраніе вѣрующихъ подъ Христомъ, какъ ихъ невидимой Главой, и подъ Его намѣстникомъ или представителемъ на землѣ, римскимъ папою (Мѳ. 16, 18), который съ епископами и духовными управителями видимымъ образомъ, по божественному установленію, устрояетъ ее и управляетъ ею [1]).

б) въ знаменитомъ катихизисѣ іезуита П. Канизія. Тамъ, читаемъ: „Церковь есть собраніе всѣхъ исповѣдующихъ вѣру Христову и Его ученіе, которые управляются на землѣ подъ единою высшею послѣ Христа главою и пастыремъ [2]).

Эти опредѣленія, хотя и не совсѣмъ точны, но имѣютъ то преимущество предъ вышеприведенными, что даютъ понятіе именно о церкви папистической, латинской.

Къ третьему классу относятся опредѣленія собственно церкви римско-католической, видимой, существующей на землѣ, въ которыхъ о главенствѣ Христовомъ или совсѣмъ не упоминается, или если упоминается, то не въ самомъ опредѣленіи, а послѣ.—Такъ:

а) въ катихизисѣ Дегарбе читаемъ: „Церковь есть общество всѣхъ христіанъ на землѣ, которые исповѣданіемъ одной вѣры и употребленіемъ однихъ таинствъ соединены подъ одною общею главою (папою, какъ наслѣдникомъ св. Петра) и подъ епископами, ему подчиненными (какъ преемниками другихъ апостоловъ) [3]);

б) въ Буддинскомъ катихизисѣ 1849 г. и въ маломъ Вѣнскомъ 1860 г. имѣемъ слѣдующее опредѣленіе: „Святая вселенская Церковь есть видимое собраніе всѣхъ правовѣрующихъ христіанъ, подъ единой видимой, верховной главою, римскимъ папою,—исповѣдающихъ единое ученіе и употреб-

---

[1]) Изд. 1766 г. стр. 217—19.

[2]) Cathech. 1742 г. p. 27.

[3]) Въ чешск. перев. 1860 г., стр. 38.

ляющихъ одни таинства". Затѣмъ на новой строкѣ прибавлено: „Есть также и невидимая верховная глава Церкви І. Христосъ".

в) въ Вѣнскомъ Катихизисѣ д-ра Вапплера, одобренномъ самимъ папою Піемъ IX, имѣется слѣд. опредѣленіе: „Церковь католическая есть совокупность всѣхъ правовѣрующихъ христіанъ на землѣ, которые, исповѣдуя единую вѣру, пользуясь одними средствами ко спасенію и признавая одну верховную главу, римскаго папу, составляютъ одно общество" [1]). Это опредѣленіе полнѣе всѣхъ и точнѣе другихъ даетъ понятіе о римско-католической Церкви.

Прибавимъ къ этому опредѣленію Церкви, имѣющееся въ *популярной догматикѣ епископа Ирзика.* Онъ пишетъ: „предстоятели, правители и *князья* Церкви, соединенные съ своей верховной главой, составляютъ то досточтимое и высокое собраніе, которое называютъ *учащею Церковію,* или, *въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, только Церковію*" [2]).

Представленныя опредѣленія даютъ право сдѣлать слѣдующіе выводы: а) въ понятіи о Церкви вселенской не необходимо непремѣнно вводить ученіе о главенствѣ папы, какъ это показываютъ катихизисы перваго класса; б) введеніе этого ученія съуживаетъ понятіе о Церкви вселенской, ограничивая представленіе о ней только видимою церковію и даже еще уже, только учащею церковію; в) чѣмъ ограниченнѣе и уже становится понятіе о Церкви, тѣмъ виднѣе выступаетъ ученіе о главенствѣ папы, и тѣмъ болѣе отодвигается на задній планъ и затемняется представленіе о невидимой Главѣ Церкви, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Въ первомъ классѣ опредѣленій является ненужнымъ представленіе о папѣ, а въ послѣднемъ — оказывается ненужнымъ представленіе о невидимой Главѣ-Христѣ. Это весьма знаменательно!

Для дальнѣйшаго сличенія мы возьмемъ только два катихизиса—римскій и д-ра Вапплера, одобренный папою.

Прежде всего мы должны замѣтить, что нашъ православный катихизисъ, какъ сличеніе показало, меньше разнится

---

[1]) Učení Katolického náboženstvi. Dr. Wappler. 1876 г.

[2]) Popul. Dogmatik. von Irzik., стр. 32.

отъ римскаго, чѣмъ отъ позднѣйшихъ, какъ, впрочемъ, и должно быть, потому что послѣ ватиканскаго послѣдняго собора ученіе о папѣ получило въ своемъ развитіи законченность, а потому и должно занимать больше мѣста, чѣмъ какое могли давать ему катихизисы до собора.

За симъ, для большей ясности и краткости, представимъ сначала программу, по которой изложено въ римскомъ катихизисѣ ученіе о Церкви. Послѣ понятія о Церкви въ немъ идетъ рѣчь о таинственномъ знаменованіи самаго слова *Церковь* (вопр. 3), о разныхъ наименованіяхъ Церкви (стадо, невѣста, домъ Божій и т. под.) (вопр. 4), затѣмъ о двухъ отдѣленіяхъ Церкви—воинствующей и торжествующей (вопр. 5), о существованіи въ Церкви людей грѣшныхъ (вопр. 6, 7), о людяхъ, не принадлежащихъ Церкви (вопр. 8—9), объ употребленіи слова Церковь въ частнѣйшихъ смыслахъ (вопр. 10) и, наконецъ, о свойствахъ Церкви, — о единствѣ, святости, соборности или вселенскости и апостольствѣ (вопр. 11—19), послѣ чего объ отличіи вѣры въ Церковь отъ вѣры въ Святую Троицу (вопр. 20 — 22) и, наконецъ, объ общеніи святыхъ (23—27).

Въ ученіи о единствѣ Церкви излагаются тѣ же мысли, какъ и въ православномъ катихизисѣ, съ тѣмъ только отличіемъ, что вводится ученіе о главенствѣ папы;—но это сдѣлано такъ неловко, что съ перваго взгляда чувствуется его неумѣстность; оно, какъ клинъ, вошло въ ученіе о Церкви и стало между представленіемъ о главенствѣ Христовомъ и представленіемъ о единствѣ Духа, проникающаго и освящающаго Церковь. Если бы ввести это представленіе въ нашъ катихизисъ, то вышло бы такъ: „Церковь есть *едина*, потому, что она есть одно *духовное* тѣло, имѣетъ одну главу—невидимую — Христа и одну главу — видимую — папу и одушевляется однимъ Духомъ Божіимъ“. Неумѣстность видимой главы здѣсь очевидна. Съ такою же очевидностію она является и въ римскомъ катихизисѣ. Такъ мы читаемъ въ немъ: „Такое множество разсѣянныхъ по всему міру людей называется *единымъ* по тѣмъ причинамъ, которыя указаны Апостоломъ; ибо онъ исповѣдуетъ, что *единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе*. Единъ

также ея управитель и устроитель, невидимый, впрочемъ, Христосъ, котораго *далъ* вѣчный *Отецъ*, чтобы *Онъ былъ главой всей Церкви, которая есть Его тѣло;* а видимый тотъ, который держитъ римскую каѳедру Петра, князя Апостоловъ, какъ Его намѣстникъ". Затѣмъ: „Единъ и тотъ-же есть Духъ, говоритъ кромѣ того Апостолъ Коринѳянамъ, Который даруетъ вѣрующимъ благодать подобно тому, какъ душа сообщаетъ жизнь всѣмъ удамъ тѣла" и т. д. (вопр. 12).

Въ ученіи о *соборности* или *вселенскости* Церкви высказывается истинное исповѣданіе православной вѣры, что всѣ вѣрующіе, начиная съ Адама, принадлежатъ къ той же Церкви, которая *заложена на основаніи апостолъ и пророкъ*, а эти всѣ поставлены и основаны *на ономъ краеугольномъ камени, Христѣ, Который изъ обоихъ содѣлалъ одно и благовѣствовалъ миръ дальнимъ и ближнимъ* (Еф. 2, 14, 17, 20). Здѣсь ни слова не упоминается о Петрѣ, а слѣдовало - бы; потому что современные богословы учатъ, что будто-бы на Христѣ какъ на основномъ Камени положенъ другой основной камень ап. Петръ; а на Петрѣ зиждутся прочіе Апостолы, какъ Пророки на Іоаннѣ Крестителѣ. Составители римскаго катихизиса, какъ видно, еще не держались тогда такихъ взглядовъ. Въ этомъ-же отдѣленіи, какъ и слѣдуетъ, упоминается и о необходимости принадлежать къ Церкви, если кто желаетъ себѣ спасенія.

Въ ученіи объ *Апостольствѣ* Церкви говорится объ ея происхожденіи отъ Апостоловъ, а отсюда и объ ея истинности; причемъ кратко упоминается объ ея непогрѣшимости. „Духъ Св., учитъ Римскій Катихизисъ, управляетъ Церковію не чрезъ иныхъ какихъ либо служителей, а чрезъ Апостольскихъ,—поелику Духъ Св. сперва ниспосланъ былъ Апостоламъ, а потомъ, по безконечной благости Божіей, остался въ Церкви навсегда. Но какъ эта единая Церковь не можетъ погрѣшать въ преподаваніи ученія о вѣрѣ и нравственности,—ибо Духъ Св. управляетъ ею,—то отсюда слѣдуетъ, что всѣ другія общества, которыя несправедливо присвояютъ себѣ имя Церкви,—поелику руководимы духомъ діавола,—пребываютъ въ самыхъ погибельныхъ заблужденіяхъ вѣры и

нравственности“ [1]). Здѣсь опять ничего не упомянуто о папѣ и его непогрѣшимости, какъ дѣлаютъ позднѣйшіе катихизисы. Но при этомъ слѣдуетъ сдѣлать еще одно замѣчаніе: составители Катихизиса очень рѣзко отзываются о другихъ обществахъ, которыя присвояютъ себѣ наименованіе Церкви,— именно какъ о руководимыхъ духомъ діавола. Православный катихизисъ не имѣетъ такихъ выраженій.

Въ ученіи *о вѣрѣ въ Церковь* замѣчается та особенность, что катихизисъ различаетъ вѣру въ Церковь отъ вѣры во Святую Троицу *по качеству*. „*Въ Церковь не такъ нужно вѣровать, какъ въ Бога*“, — такъ озаглавливается 22-й вопросъ,—и затѣмъ дается на него слѣд. объясненіе: „По истинѣ, мы вѣруемъ во Св. Троицу, Отца, Сына и Св. Духа, такъ, что въ Нихъ полагаемъ вѣру свою. Но въ этомъ случаѣ, измѣнивши способъ реченія, мы исповѣдуемъ, что вѣруемъ „Церковь быти святою“, а не „въ святую“, чтобы и этимъ особымъ способомъ реченія Богъ, Творецъ всего, отличенъ былъ отъ сотворенныхъ вещей и чтобы за всѣ тѣ чрезвычайныя благодѣянія, которыми Церковь преисполнена, мы воздавали благодарность благости Божіей“ [2]).

Православный катихизисъ, какъ мы видѣли, не дѣлаетъ такого тонкаго различенія, но, какъ говоритъ о Богѣ: „Вѣрую во единаго Бога Отца... и во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія... и въ Духа Св. Господа,—также говоритъ и о Церкви: вѣрую во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь“. Ибо какъ мы, христіане, вѣруемъ въ Бога Творца, Промыслителя и Искупителя, такъ вѣруемъ и

---

[1]) Стр. 99, Вопр. 15, 16.

[2]) Приводимъ и лат. текстъ для тѣхъ, кто желалъ-бы удостовѣриться въ нашемъ чтеніи: 22 §. Non ut in Deum, ita in Ecclesiam credendum est.—Tres enim Trinitatis personas Patrem, et Filium, et Spiritum sanctum, ita credimus, ut in eis fidem nostram collocemus. Nunc autem mutata dicendi forma, sanctam, et non in sanctam, Ecclesiam credere profitemur, ut hac etiam diversa loquendi ratione Deus omnium effector á creatis rebus distinguatur, praeclaraque illa omnia, quae in Ecclesiam collata sunt beneficia, divinae bonitati accepta referamus. Cath. ex decreto sacr. concilii Tridentini. Bassani 1709. p. 97. Такое впрочемъ различеніе Ѳома Аквинатъ полагаетъ и относительно вѣры въ Бога: credere Deo, credere Deum, credere in Deum. Summa theol. 2 p. 2 qu. art. III.

въ Бога-Освятителя, дѣйствующаго въ Церкви. Видно, такъ разумѣли и составители вселенскаго Символа, отцы II Вселенскаго Собора. И прав. катихизисъ, изъясняя разумѣніе Отцевъ, учитъ, что предметъ вѣры въ ученіи о Церкви составляетъ ея невидимая Глава — Христосъ и Духъ Божій, одушевляющій ее. Напрасно поэтому дѣлается въ рим. катихизисѣ указанное выше различеніе. Оно даетъ намъ право предполагать въ составителяхъ катихизиса какую-то опасливость и совѣстливость, чтобы не сравнять съ Божествомъ нѣчто *тварное*, *человѣческое*, чему приходится вѣровать, но что слѣдуетъ отличать отъ вѣры въ Бога, значитъ, по ихъ понятію, не благодать Божія есть предметъ вѣрованія въ Церковь, а нѣчто земное. Не есть-ли это ученіе о главенствѣ папы?

Въ заключеніе говорится объ *общеніи Святыхъ*. Изложеніе объ этомъ предметѣ было-бы вполнѣ согласно съ православнымъ катихизисомъ,—если-бы въ римскомъ катихизисѣ не введено было ученіе о *заслугахъ* Святыхъ, что не пріемлется Православною Церковію,—и о чемъ рѣчь у насъ ведется отдѣльно.

Такимъ образомъ, въ римскомъ катихизисѣ нами пока найдена одна главная и существенная разность, именно, что римскій епископъ есть видимая глава Церкви, ея видимый устроитель и правитель, какъ преемникъ Петра, князя Апостоловъ;—тогда какъ прав. катихизисъ утверждаетъ, что для Церкви, какъ *тѣла Христова*, не можетъ быть иной главы, кромѣ І. Христа; ибо Церковь, долженствующая пребыть во всѣ роды вѣка, требуетъ и главы всегда пребывающей, а таковъ есть единъ І. Христосъ. Посему и Апостолы называются не болѣе, какъ служителями Церкви.

Въ зависимости отъ этой разности есть еще одна разность, впрочемъ разность только отрицательнаго свойства. При сличеніи катихизисовъ, если можно какой изъ нихъ упрекнуть въ пробѣлахъ, такъ это именно римскій. Въ изложеніи ученія о Церкви въ немъ нѣтъ ни слова ни о Соборахъ, ни о власти высшихъ Іерарховъ. О власти Соборовъ нигдѣ нѣтъ ни слова,—а о правительственной Іерархіи упоминается въ таинствѣ Священства, при чемъ мы узнаемъ,

что степеней Священства не три, какъ учитъ Восточная Православная Церковь, — (епископъ, пресвитеръ и діаконъ), а очень много. Такъ въ отвѣтѣ на 25-й вопросъ о Священствѣ читаемъ: „Чинъ священства хотя и одинъ, но имѣетъ различныя степени достоинства и власти. *Первая* степень есть тѣхъ, которые называются *просто священниками*, (обязанности ихъ были выше изложены). *Вторая* степень *епископовъ*, которые суть представители отдѣльныхъ епископій, и имѣютъ задачей управлять не только низшими слугами Церкви, но и всѣми вѣрующими и имѣть заботливое и усердное попеченіе объ ихъ спасеніи... Эти епископы называются также верховными священниками, каковое имя взято отъ язычниковъ, которые главныхъ священниковъ обыкновенно называютъ первосвященниками или верховными священниками. *Третья* степень есть степень *архіепископовъ* которые выше епископовъ, и иные зовутся *митрополитами*, потому что суть представители тѣхъ городовъ, которые считаются какъбы матерями цѣлой извѣстной страны; поэтому и имѣютъ высшее, чѣмъ епископы, достоинство, и болѣе обширную власть, хотя въ посвященіи ничѣмъ не отличаются отъ епископовъ. На *четвертой* степени стоятъ *патріархи* т. е. первые и наивысшіе отцы. Прежде, въ Церкви, кромѣ римскаго папы, было еще четыре патріарха; но они не были равны по достоинству; ибо константинопольскій получилъ высшее положеніе ради славы императорскаго правительства, хотя это достоинство ему было дано послѣ всѣхъ остальныхъ. По немъ ближайшій—александрійскій, церковь котораго основалъ ев. Маркъ, по приказанію князя Апостоловъ. Третій антіохійскій, гдѣ Петръ прежде всего имѣлъ свое пребываніе. Послѣднюю степень имѣетъ іерусалимскій, котораго церковь устроилъ Іаковъ, братъ Господень. Кромѣ всѣхъ этихъ степеней церковь католическая всегда признавала и чтитъ римскаго наивысшаго епископа, котораго Кириллъ александрійскій на Соборѣ Ефесскомъ называетъ архіепископомъ всего міра, отцемъ и патріархомъ. Ибо онъ возсѣдаетъ на каѳедрѣ Петра, князя Апостоловъ, на которой Петръ, какъ доказано (sic!), сидѣлъ до конца своей жизни; почему въ немъ признается наивысшая степень достоинства и полнота полномочій, ко-

торая ему дана не какими-нибудь соборами, или не какими-нибудь человѣческими опредѣленіями, но Самимъ Богомъ. Поэтому онъ есть отецъ и правитель, какъ преемникъ Петра и какъ истинный и законный намѣстникъ Христа Господа, глава всей церкви, всѣхъ вѣрующихъ, и епископовъ, и остальныхъ представителей, какими-бы они достоинствами и какою бы властію ни были одарены".

И такъ, степеней собственно *священства* пять: просто священникъ,—затѣмъ епископъ, архіепископъ или митрополитъ, далѣе патріархъ и, наконецъ, папа. Катихизисъ очень неопредѣленно выражается объ этихъ степеняхъ; онъ оставляетъ безъ отвѣта вопросъ: какія это степени—*догматическія* или только *каноническія*? Установлены-ли онѣ, какъ степени, Основателемъ Церкви,—или-же возникли исторически, обычаемъ, и затѣмъ утверждены канонами Соборовъ? Изложеніе такъ неопредѣленно, неточно и двусмысленно, что можно давать тотъ или другой отвѣтъ, смотря по надобности. Кто не знаетъ догматическаго ученія, основаннаго прямо на Свящ. Писаніи, о трехъ степеняхъ священства, діаконѣ, пресвитерѣ и епископѣ,—тому можно выдать все это пятичное число степеней священства за догматическое, — а тому, кто бы сталъ оспаривать это, тому можно сказать, что здѣсь имѣется въ виду и догматическое, и каноническое опредѣленіе. Ибо когда сказано объ архіепископахъ, что ихъ посвященіе ничѣмъ не отличается отъ епископскаго, то это значитъ, что они имѣютъ преимущество только каноническое, а не догматическое. Равно, когда сказано о папѣ, что верховное достоинство и полнота полномочій даны ему не какими-нибудь соборами или человѣческими опредѣленіями, но Самимъ Богомъ, то этимъ показывается, — что какъ архіепископы или митрополиты, такъ и патріархи свои преимущества получили отъ соборовъ, или человѣческихъ опредѣленій,—тогда какъ папа отъ Самого Бога. Такимъ образомъ мы здѣсь видимъ, во первыхъ, смѣшеніе догматическаго опредѣленія съ каноническимъ, — таинства съ административнымъ титуломъ. Во вторыхъ, мы здѣсь узнаемъ, что въ Церкви Христовой не три степени священства: діаконъ, свя-

щенникъ и епископъ,—а самое меньшее—четыре: діаконъ, священникъ, епископъ и папа.

Обратимся теперь къ катихизису д-ра Вапплера, одобренному самимъ папою Піемъ IX, и посмотримъ, какъ у него излагается ученіе о Церкви. Планъ его таковъ: все ученіе раздѣляется на два отдѣленія, первое озаглавливается: *Католическая Церковь основана Богомъ*, а второе: *Католическая Церковь устроена Богомъ*. Въ I отдѣленіи говорится: объ основаніи Церкви Іисусомъ Христомъ (§ 24), о ея видимости (§ 25), ея непоколебимости (§ 26), объ апостольскомъ служеніи и Петровомъ примативѣ (§ 27), о передачѣ апостольскаго служенія и Петрова примата ихъ преемникамъ (§ 28), о примативѣ папы и епископскомъ чинѣ (§ 29), о признакахъ истинной Церкви (§ 30), и наконецъ объ истинной Церкви римско-католической (§ 31). Во II отдѣленіи идетъ рѣчь о ниспосланіи Духа Св. (§ 32), о непогрѣшимости Церкви (§ 33), о предметѣ непогрѣшимости (§ 34), о способахъ отправленія ею своего учительскаго чина (§ 35), объ источникахъ ученія (§§ 36—39), объ авторитетѣ Церкви, какъ правилѣ вѣры для каждаго католика (§ 40), о догматахъ вѣры, опредѣляемыхъ Церковію (§ 41), и наконецъ, излагаются выводы отсюда: истинность католическаго ученія и необходимость для каждаго католика держаться этого ученія и исповѣдовать оное (§§ 42—43).

Въ этой программѣ уже нѣтъ никакого сходства съ изложеніемъ православнаго катихизиса,—не только по формѣ, но и по существу дѣла. Здѣсь дѣло представляется такъ: Христосъ основалъ Церковь, устроилъ ее и снабдилъ Духомъ Святымъ, — а дальнѣйшее выполненіе задачи поручилъ своимъ намѣстникамъ—Петру и его преемникамъ.

Чтобы яснѣе было такое наше пониманіе, изложимъ самыя мысли вкратцѣ, но въ порядкѣ ихъ развитія у автора.

„Іисусъ Христосъ, читаемъ мы въ катихизисѣ,—насадилъ Церковь, т. е. основалъ религіозное общество, въ которомъ и чрезъ которое всѣ люди должны быть ведены ко спасенію. Онъ же благоволилъ, чтобы члены этого общества объединены были не только общею вѣрою внутренно, но и совнѣ, такъ, чтобы она представляла изъ себя совнѣ видимое и

для всѣхъ замѣтное общество. Церковь основана на всѣ времена, ибо Онъ Самъ далъ такія обѣтованія, изъ которыхъ видно, что она будетъ пребывать до окончанія міра.

Членовъ Церкви Христосъ раздѣлилъ на два класса — священниковъ и не-священниковъ. Ибо не всѣмъ членамъ далъ онъ одинаковыя права и равную власть; но изъ вѣрующихъ въ Него избралъ Апостоловъ предстоятелями своей Церкви и далъ имъ особенную власть, которую они должны отправлять отнюдь не отъ имени или по приказанію вѣрующихъ, но Его именемъ и по Его повелѣнію. Эта духовная власть слагается изъ трехъ обязанностей: *учительства*, *священства* и *пастырства*, учить, совершать таинства, управлять вѣрующими и вести ихъ ко спасенію".

Это таинственное служеніе могло быть совершаемо только подъ верховнымъ управленіемъ св. Петра. Почему Іисусъ Христосъ учредилъ въ Церкви свое верховное достоинство (приматство) и ввѣрилъ оное св. ап. Петру, котораго поэтому по справедливости слѣдуетъ называть княземъ Апостоловъ и видимымъ намѣстникомъ Господа Іисуса на землѣ. Это явствуетъ: а) изъ ясныхъ выраженій Христа: „ты еси Петръ и на этой скалѣ созижду Церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго и еже аще свяжеши на земли, будутъ связана на небеси, и еже аще разрѣшиши на земли, будутъ разрѣшена на небеси (Мѳ. 16. 17). Паси агнцы моя, паси овцы моя (Іоан. 21, 17)". б) изъ *дѣйствій* самого Петра, какъ и остальныхъ Апостоловъ. По вознесеніи Господа, св. Петръ дѣйствительно отправлялъ наивысшую власть въ Церкви; остальные же Апостолы признавали эту власть Петра, а писатели Евангелія ясно выражали свое признаніе въ томъ, что, когда исчисляютъ Апостоловъ, Петра ставятъ на первомъ мѣстѣ, буквально называя его *первымъ*.

Со смертію Апостоловъ ихъ служеніе не могло прекратиться; не могло прекратиться и первенство, или высшая правительственная власть, врученная св. Петру; но то и другое имѣли продолжаться долго, до скончанія міра... Что продолженіе Апостольскаго служенія было необходимо, это ясно само собою. Но также необходимо было и первенство Петрово;

это ясно вытекаетъ изъ цѣли его установленія. Ибо если еще при жизни Апостоловъ необходимо было средоточіе единства, то въ послѣдующее время эта потребность тѣмъ была сильнѣе, чѣмъ больше возрастала опасность, что Церковь, принимая въ свое лоно различные народы, *раздробится*. Должны быть преемники какъ Апостоламъ, такъ и св. Петру.

Преемники Апостоловъ суть епископы, а преемникъ князя Апостоловъ есть всегда епископъ римскій. Ибо св. Петръ послѣ управленія общиной въ Антіохіи, будучи веденъ Духомъ Святымъ, перенесъ свое мѣстопребываніе въ Римъ и здѣсь, какъ епископъ, управлялъ христіанской общиной и умеръ мученическою смертію въ *санѣ римскаго епископа*.

Какъ преемникъ св. ап. Петра, римскій епископъ есть верховная глава Церкви, намѣстникъ Іисуса Христа на землѣ, и въ смыслѣ этого величайшаго званія называется *папою* или *святымъ отцемъ*. Папа превосходитъ другихъ епископовъ не *почетнымъ* только *положеніемъ*, но и дѣйствительно *высшею властію* надъ всею Церковію, такъ что всѣ епископы ему подчинены. Эти послѣдніе, по Божественному установленію, имѣютъ власть управлять Церковію, какъ преемники Апостоловъ, только въ союзѣ съ своимъ верховнымъ главою, папою, и подъ его вѣдѣніемъ, потому что наивысшее управленіе по божественному установленію принадлежитъ только папѣ. Они управляютъ даннымъ имъ округомъ по указанію папы и подъ его наблюденіемъ, подобно тому, какъ пресвитеры, по указанію и полномочію своего епископа, своимъ приходомъ. Каждый епископъ участвуетъ въ устроеніи всей Церкви на вселенскихъ Соборахъ, созываемыхъ и предсѣдательствуемыхъ папою, гдѣ епископы подаютъ свои голоса.

Затѣмъ, авторъ, указавши кратко признаки истинной Церкви, прилагаетъ ихъ къ церкви католической и выводитъ отсюда, что только она обладаетъ всѣми этими признаками,—и поэтому, только она есть единая, истинная, спасительная Церковь, а прочія религіозныя общества, которыя присвояютъ себѣ наименованіе Христовой Церкви, каковы напримѣръ, протестантскія, и церкви, такъ называемыя, *греческія*, по справедливости не могутъ называться именемъ

Христіанской Церкви, — потому что ни одна изъ нихъ не имѣетъ въ дѣйствительности тѣхъ четырехъ признаковъ, какіе должна имѣть Церковь. Авторъ такъ кратко сказалъ о признакахъ Церкви и о неистинности другихъ Церквей,— что мы не выписываемъ всего буквально, а пополнимъ эту краткость извлеченіемъ изъ другого катихизиса, послѣ того, какъ исчерпаемъ его программу.

Первое отдѣленіе ученія о Церкви передано нами все сполна, теперь обратимся ко второму. Оно начинается съ того, что Іисусъ Христосъ основалъ Церковь съ тою цѣлію, чтобы всѣ люди въ ней и чрезъ нее ведены были къ истинному Богопознанію и Богопочтенію, а чрезъ то къ вѣчному спасенію. Для сей цѣли Онъ обѣщалъ Апостоламъ ниспослать Святаго Своего Духа, что и исполнилъ въ день Пятидесятницы (§ 32). Но Онъ не только Апостоламъ, а также и ихъ преемникамъ обѣщалъ свою божественную помощь, чтобы Церковь, сохраняя и преподавая Божественное ученіе, оставалась чистою отъ заблужденія или непогрѣшимою.

Церковь *непогрѣшима...*: но не всѣ члены Церкви одарены непогрѣшимостію, а только *епископатъ* или *церковь учащая*, но и епископамъ качество непогрѣшимости принадлежитъ не каждому порознь, а ихъ совокупности, и при томъ только *въ союзѣ съ папой*. Папа же *непогрѣшимъ лично*, самъ въ себѣ, въ силу своего высокаго званія, какъ глава Церкви (§ 33).

Эта непогрѣшимость простирается на все, что относится къ божественному откровенію и ко спасенію вѣрующихъ... Поэтому учащій церковный чинъ непогрѣшимъ, когда: а) сохраняетъ и преподаетъ откровенное ученіе, относящееся къ вѣрѣ и нравственности; б) когда *разбираетъ* и раскрываетъ откровенное ученіе, т. е. провозглашаетъ такое ученіе, которое выведено изъ откровеннаго ученія и состоитъ съ нимъ въ необходимой связи... в) когда разрѣшаетъ сомнѣнія и споры, возникающіе по поводу откровеннаго ученія, и когда открываетъ и осуждаетъ заблужденія, противныя откровенному ученію и, наконецъ, г) когда рѣшаетъ и установляетъ относящееся къ вѣчному спасенію вѣрующихъ (§ 34).

Непогрѣшимый судъ Церкви произносится различными

способами, а именно: а) отъ лица вселенскаго Собора, бывшаго подъ предсѣдательствомъ папы; б) отъ лица помѣстнаго собора, утвержденнаго папой; в) отъ лица самого папы, какъ главы Церкви, и г) отъ лица епископовъ, хотя и не собиравшихся на соборъ, но явно выразившихъ свое согласіе на какое-нибудь опредѣленіе относительно вѣры и нравственности, или одобрившихъ рѣшеніе молчаливымъ согласіемъ (§ 35).

Общій выводъ отсюда тотъ, „что истинный авторитетъ Церкви католической есть *правило вѣры*“ для каждаго католика.

Для болѣе полнаго изложенія того, какъ понимаютъ католическіе катехеты признаки истинной Церкви и какъ прилагаютъ ихъ къ своей церкви,—воспользуемся катихизисомъ каплана Прохазки, составленнымъ по руководству катихизиса еп. Мартина.—Онъ пишетъ:

„Христосъ основалъ *одну Церковь*, и потому, только та можетъ называться Его истинною Церковію, которая обладаетъ всѣми четырьмя признаками. Такова единственно Церковь римско-католическая. Ибо а) всѣ другія общества, присвояющія себѣ имя Церкви Христовой, образовались послѣ, чрезъ свое отторженіе отъ римско-католической церкви (посредствомъ раскола или ереси), а римско-католическая Церковь имѣетъ свое начало не отъ какой-либо другой Церкви; она—одна изъ старѣйшихъ церквей; исторія ея восходитъ ко Христу; Христосъ ея основатель; б) только римско-католическая церковь величается всѣми тѣми признаками, которыми Христосъ надѣлилъ свою Церковь.

1) Римско-католическая Церковь есть *едина* со-внѣ и внутри. Всѣ члены Церкви слушаются своихъ епископовъ, а епископы со всѣми вѣрующими подчинены епископу римскому, какъ общей главѣ всѣхъ, пастырю всей Церкви, преемнику св. Петра, видимому намѣстнику Христову, который, какъ твердое кольцо, соединяетъ всѣхъ членовъ Церкви. Всѣ члены церкви въ ученіи и богослуженіи должны согласоваться съ римскимъ папою, и въ дѣлахъ вѣры подчиняться непогрѣшимому авторитету учащей церкви, чѣмъ сохраняется внутреннее и внѣшнее единство. Кто-же осмѣ-

лится нарушить внѣшнее или внутреннее единство, тотъ, какъ схизматикъ или какъ еретикъ, бываетъ отлученъ отъ церкви.

Всѣ отдѣлившіяся отъ церкви религіозныя общества лишены единства. Такъ называемая церковь восточная, отторженная отъ средоточія единства, распалась по народностямъ и государствамъ на множество обществъ; таковы: 1) церковь анатолійская, или старая греческая съ патріархомъ цареградскимъ (въ главѣ); 2) церковь русская; 3) церковь эллинская въ Греціи; 4) церковь карловицкаго патріархата, въ землѣ австрійской; 5) церковь черногорская, кипрская, церковь горы Синайской (?); кромѣ того тамъ обнаруживается стремленіе къ образованію новыхъ земскихъ или народныхъ церквей... (Сужденіе автора о протестантскихъ обществахъ мы оставляемъ). Положеніе этихъ церквей, другой катихизаторъ сравниваетъ съ союзомъ нѣмецкихъ государствъ до объединенія ихъ подъ гегемоніею Пруссіи.

2) Церковь римско-католическая есть *святая*. Она ведетъ всѣхъ членовъ своихъ къ святости; святость ихъ ставитъ за высшее для себя правило и послѣднею цѣлію ихъ жизни (какъ будто другія общества имѣютъ не то же правило и не ту же цѣль), имѣетъ всѣ источники благодати, литургію, таинство покаянія и причащенія, возвѣщаетъ ученіе, ведущее къ святости (а другія—не тоже-ли?), заповѣдуетъ добрыя дѣла, рекомендуетъ евангельскіе совѣты; она считаетъ во всѣхъ столѣтіяхъ множество славныхъ святыхъ, которые сіяли геройскими добродѣтелями въ чрезвычайной степени, и святость которыхъ Богъ подтвердилъ чудесами. (О восточной церкви при этомъ ничего не говорится, а только о протестантахъ, что мы оставляемъ).

3) Римско-католическая церковь есть дѣйствительно *католическая*, *соборная*, какъ ее называютъ даже противники ея. Имѣя одну общую верховную главу и объявляя свой учащій авторитетъ за правило вѣры, она способна принять въ свое лоно всѣ народы. Отъ временъ апостольскихъ до сихъ поръ она имѣетъ стремленіе распространиться по всему міру, посему молится объ обращеніи заблудшихъ и невѣрующихъ и разсылаетъ во всѣ концы міра миссіонеровъ. Нѣтъ ни од-

ного уголка на земномъ шарѣ, гдѣ бы не считалось хоть нѣсколько членовъ римской церкви. Хотя всегда и повсюду приходится ей встрѣчать противодѣйствія, но она преодолѣваетъ ихъ и расширяется между всѣми народами, и имѣетъ гораздо больше членовъ, чѣмъ всѣ секты, взятыя вмѣстѣ. Остальныя общества, составляющія только народныя церкви, не способны распространяться по всему міру. (Почему-же это такъ?).

4) Римско-католическая церковь есть *апостольская*. Предстоятели ея суть дѣйствительные и истинные преемники Апостоловъ (почему-же Апостоловъ, а не одного ап. Петра). Это подтверждаетъ исторія. Отъ нынѣшняго папы Пія IX непрерывнымъ рядомъ мы восходимъ до св. Петра, котораго Христосъ поставилъ *княземъ Апостоловъ*. Каждый нашъ епископъ получилъ свою власть отъ какого-нибудь другаго епископа, а тотъ отъ иного, и такъ послѣдовательно восходимъ къ св. Апостоламъ, которые получили свое служеніе отъ самого Господа Іисуса Христа. Церкви же, въ которыхъ Петръ и его преемники не признаются главами Церкви, въ которыхъ духовное верховенство получаетъ свое полномочіе отъ князей, отъ общества, или отъ такихъ людей, которые не получили онаго посредственно или непосредственно отъ Христа,—не могутъ считаться апостольскими“. .

„*Примѣчаніе*. Римско-католическая церковь только одна имѣетъ такое устройство, которое Христосъ далъ своей Церкви. Въ ней одной находится чинъ правящій, учащій и священнодѣйствующій всѣхъ степеней, какъ устроили Апостолы, по повелѣнію и полномочію Христову: въ особенности въ ней находится единая, видимая, верховная глава—папа.

И такъ, единственно только римско-католическая церковь можетъ хвалиться всѣми признаками Церкви Христовой; единственно она есть истинная Церковь Христова. Поэтому только она по всему праву можетъ называться единою спасительною Церковію, и кто, узнавши ее, не хочетъ въ нее вступить, тотъ рискуетъ своимъ спасеніемъ и впадаетъ въ грѣхъ“.

Общій результатъ отсюда слѣдующій: „Вѣра наша опирается на авторитетъ учащей церкви, и тотъ имѣетъ истин-

ную вѣру, кто вѣритъ всему, что предлагаетъ церковь для вѣрованія, и вѣритъ потому, что это предлагаетъ церковь. Учащій авторитетъ церкви служитъ *принципомъ* (послѣднею причиною, правиломъ) вѣры католическаго христіанина. И это не есть слѣпая неразумная вѣра; ибо католикъ имѣетъ доказательства, что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ, что *въ Церкви Его пребываетъ Божественный авторитетъ*, поэтому дѣйствуетъ разумно, когда свой погрѣшительный разумъ *подчиняетъ непогрѣшительному Божественному разуму*".

По поводу сейчасъ приведенныхъ словъ законоучителя Прохазки сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Мы видѣли, что, подводя римско-католическую церковь подъ всѣ признаки истинной Церкви,—онъ указалъ при этомъ, что другія церкви не подходятъ подъ эти признаки и потому не суть истинныя,—при чемъ упомянулъ и о восточной церкви; но оказалось, что восточная не подходитъ только подъ первый признакъ,—она *не едина*, ибо раздробилась на нѣсколько отдѣльныхъ независимыхъ народныхъ церквей,—и еще брошенъ укоризненный намекъ при изложеніи третьяго признака — соборности,—что будто-бы народныя церкви неспособны распространяться по всему міру. Приличествуютъ-ли церкви восточной другіе признаки, о томъ не сдѣлано даже и намека,—и справедливо; ибо: а) церковь восточная имѣетъ столько-же права (а въ нашихъ глазахъ, разумѣется, большее право) присвоять себѣ *святость*, какъ и римско-католическая,—въ доказательство чего можетъ указать на цѣлый сонмъ великихъ святыхъ, прославившихся въ ней послѣ раздѣленія церквей, и б) она также, какъ и западная, ведетъ преемство рукоположенія отъ временъ Апостольскихъ. И такъ на основаніи сего мы можемъ сказать, что, по понятію католическихъ богослововъ, церковь восточная по одному признаку не подходитъ подъ понятіе истинной Церкви, именно,—что по своему внѣшнему устройству не имѣетъ такого правительственнаго центра, какъ церковь латинская.

И такъ, сличая нашъ православный катихизисъ съ латинскими катихизисами, мы непогрѣшительно можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы.—

1. Восточная православная церковь съ особеннымъ удареніемъ говоритъ о единой главѣ Церкви, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, и при этомъ учитъ, что другой главы — видимой быть не можетъ. Латинская-же церковь, хотя и признаетъ невидимую главу, но останавливается исключительно на раскрытіи значенія и достоинствахъ видимой главы своей—папы. Это уже *не пробылъ* въ православномъ катихизисѣ, какъ говоритъ о. Гагаринъ, — и не предубѣжденіе по злобѣ и ненависти, какъ утверждаетъ неизвѣстный авторъ, 43 года изучавшій вопросъ „О возможномъ соединеніи церквей". Это, по мнѣнію православныхъ, есть отступленіе латинянъ отъ истиннаго исповѣданія вѣры, отъ Вселенскаго православія. — Православный законоучитель, о. Владиславлевъ, изложивъ въ своемъ Катихизисѣ ученіе о главенствѣ Христовомъ, спрашиваетъ: „Не отступила-ли церковь римско-католическая отъ истиннаго ученія о единой Главѣ Церкви Христовой?" и отвѣчаетъ: „Отступила; ибо она учитъ, что будто папа есть видимая глава всей Церкви, что онъ намѣстникъ Христа, князь надъ епископами и надъ самими царями". Причина этой разности лежитъ въ разности взглядовъ православныхъ и латинянъ на значеніе главенства Христова въ Церкви и установленнаго Имъ епископскаго служенія.

2. Восточная церковь приписываетъ непогрѣшимость въ дѣлахъ вообще Церкви, — всему составу ея, всѣмъ благочестивымъ людямъ—слѣдовательно и мірянамъ, и духовнымъ; а выразителями непогрѣшимаго учительства считаетъ—вселенскіе соборы; латинская-же церковь—промывая, такъ сказать, весь составъ Церкви и отцѣживая тѣхъ, которымъ не присвояется непогрѣшимости, въ концѣ-концовъ, усвояетъ ее лично и исключительно папѣ. Эта разность коренится въ различіи взглядовъ на условія непогрѣшимости Церкви вообще.

3. Православные исповѣдуютъ, что хотя частныя церкви и пользуются независимостію и самостоятельностію въ управленіи, но не смотря на то, въ своей совокупности составляютъ единое духовное тѣло Церкви; ибо имѣютъ одно ученіе вѣры, одно церковное устройство, одни таинства, и потому

находятся въ постоянномъ взаимообщеніи посредствомъ молитвъ и таинствъ. Латинскіе-же богословы безъ видимой главы, безъ видимаго средоточія единства не могутъ понять и признать *внутренняго*, *духовнаго* единства. Слѣдовательно не единство вѣры, не единство ученія нравственнаго, не единство таинствъ, Богослуженія, молитвъ и тождество церковнаго устройства, не единство духовнаго настроенія составляетъ существенное условіе духовнаго единства независимыхъ народныхъ церквей, какъ учитъ церковь восточная,— а единоличное управленіе въ формѣ папистической и происходящее отсюда устройство латинской церкви,—вотъ безъ чего не можетъ существовать Церковь, какъ единое духовное тѣло. Понятно, что и въ этомъ случаѣ причины разногласія глубоко коренятся въ разныхъ воззрѣніяхъ той и другой стороны на значеніе внутреннихъ условій единства.

4. Восточная церковь, признавая Христа единственною главою Церкви,—на землѣ считаетъ высшею духовною властію Вселенскіе Соборы, ниже ихъ Помѣстные, а еще ниже мѣстною властію отдѣльной церкви—Патріарховъ и Синоды. Латинская-же церковь единственною верховною властію на землѣ, источнымъ началомъ всякихъ церковныхъ и духовныхъ полномочій ставитъ папъ, отъ которыхъ получаютъ свою власть и Соборы и другія верховныя власти Церкви. Очевидно, главная причина такого разногласія заключается въ различіи взглядовъ на догматическія и каноническія опредѣленія власти.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ необходимости раскрыть значеніе представленныхъ разностей и ихъ внутреннія причины, въ которыхъ онѣ коренятся.

I:

О главенствѣ Христовомъ и главенствѣ папы.

Первая разность, какъ мы сказали, заключается въ томъ, что православные съ особеннымъ удареніемъ говорятъ объ единой невидимой Главѣ Церкви, Господѣ нашемъ Іисусѣ

Христѣ, и отвергаютъ необходимость въ какой-либо видимой; латины же, напротивъ, хотя и признаютъ Христа Спасителя невидимою Главою Церкви, но останавливаются исключительно на раскрытіи ученія о папѣ, какъ видимой главѣ Христовой Церкви. Причины такой разности, повторяемъ, заключаются въ неодинаковости взглядовъ той и другой церкви на ученіе о главенствѣ Христовомъ.

Мы утверждаемъ, что латины преувеличиваютъ значеніе въ Церкви римскаго епископа и, закрывая главенствомъ его главенство Христово, чрезъ то извращаютъ въ Церкви самый порядокъ спасенія. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ основанія, по которымъ мы такъ утверждаемъ.

Основнымъ и исходнымъ пунктомъ нашего изслѣдованія служитъ та мысль, признаваемая одинаково и латинами, что главенство Христово не есть только отвлеченное умопредставленіе о владычествѣ Его надъ Церковію, но живое, внутреннее, основное начало церковной жизни, которое опредѣляетъ собою живыя отношенія членовъ Церкви какъ къ главѣ ея, Христу Спасителю, такъ и взаимно другъ къ другу.

Въ изложеніи катихизическаго ученія о Церкви мы уже представили ученіе о главенствѣ Христовомъ. Повторимъ вкратцѣ сказанное.—Христосъ Спаситель есть въ истинномъ и дѣйствительномъ смыслѣ Глава Церкви. Ввѣривъ управленіе Церкви епископамъ, Онъ Самъ остается верховнымъ ея пастыремъ, оживляя ее спасительною благодатію Духа Святаго, Самъ невидимо учитъ, священнодѣйствуетъ и правитъ,—Самъ низводитъ на вѣрующихъ Духа Святаго, Который почіетъ на нихъ въ благодатныхъ дарахъ *премудрости* и *разума*, *совѣта* и *крѣпости*, *вѣдѣнія*, *благочестія* и *страха Божія* (Ис. 11, 2, 3), и приноситъ въ нихъ духовные плоды: *любовь*, *радость*, *миръ*, *долготерпѣніе*, *благость*, *милосердіе*, *вѣру*, *кротость*, *воздержаніе* (Гал. 5, 22, 23) и другія добродѣтели. Установивъ пастырей, чрезъ которыхъ, какъ чрезъ Свои видимыя орудія Онъ изливаетъ свою благодать на вѣрующихъ,—Онъ въ то-же время и Самъ непосредственно входитъ въ общеніе съ каждымъ изъ нихъ. *Се стою при дверехъ и толку, и аще кто услышитъ гласъ Мой и отвер-*

зетъ двери,—вниду къ нему и вечеряю съ нимъ и той со Мною (Апок. 3, 20, также Іоан. 14, 21). Въ такое общеніе со Христомъ—посредственное и непосредственное—входятъ всѣ вѣрующіе безъ различія пола, возраста и служенія, и дѣлаются участниками, каждый въ свою мѣру, благодатныхъ даровъ Св. Духа (Дѣян. 2, 1—4. 16—21).

Чтобы находиться въ живомъ общеніи съ невидимой Главой, Христомъ Спасителемъ, и жить подъ Его благодатнымъ и спасительнымъ воздѣйствіемъ, для сего безусловно необходима вѣра въ Него, какъ невидимую Главу Церкви. *Безъ вѣры невозможно угодити Богу* (Евр. 11, 6); *иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ* (Мр. 16, 16). Лишивъ насъ Своего видимаго соприсутствія и въ то же время давъ обѣщаніе *быть съ нами во вся дни до скончанія вѣка* (Мѳ. 28, 20), Господь вводитъ, насъ во внутренній подвигъ вѣры. Если бы Онъ оставался съ нами на землѣ и по своему человѣчеству, и былъ зримъ нами тѣлесными очами,—мы бы жили не вѣрою, а видѣніемъ славы Божіей лицемъ къ лицу. Чудо пребыванія съ нами Господа дѣйствовало бы на насъ поражающимъ и подавляющимъ образомъ; вслѣдствіе чего мы не имѣли бы подвига вѣры,—а жизнь безъ подвига лишена бы была нравственнаго достоинства. Нѣтъ, Господь хощетъ, чтобы мы зрѣли Его очами вѣры, чтобы непрестанно представляли и чувствовали Его соприсутствіе съ нами, — ради Него все творили и все терпѣли, какъ бы находясь въ Его присутствіи. Если ветхозавѣтные праведники терпѣли ради Него, какъ бы видя Его, по словамъ св. Апостола (Евр. 11, 27),—хотя образъ Его для нихъ предносился въ общихъ и еще неопредѣленныхъ чертахъ, какъ образъ грядущаго,—то тѣмъ свойственнѣе такое живое умопредставленіе о соприсутствіи Господа намъ, вѣрующимъ Новаго Завѣта, уже видѣвшимъ и слышавшимъ Его. Если въ Ветхомъ Завѣтѣ вѣра вводила сыновъ Завѣта *въ соучастіе страстей Христовыхъ* (Евр. 11, 25, 26) и открывалась въ чрезвычайныхъ подвигахъ, которые съ такою силою описываетъ ап. Павелъ (Евр. 11 гл.), то тѣмъ удобнѣе это нашей вѣрѣ въ Господа, уже совершившаго дѣло нашего спасенія.

Чтобы вѣра наша была благоугодною Господу и спасительною, для сего она должна вводить насъ во внутреннюю сообразность съ Нимъ, т. е. по вѣрѣ мы должны становиться подобными Ему; для сего должны слѣдовать Его ученію, подражать Его примѣру и принимать участіе въ Его страданіяхъ и смерти, посредствомъ таинствъ и распинанія своей грѣховной *плоти съ ея страстьми и похотьми* (Простр. Кат. чл. 4);—все это кратко ап. Павелъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ* (Филипп. 2, 5), т. е. тѣ чувствованія и расположенія, по которымъ Христосъ Сынъ Божій нисходилъ на землю и отдалъ Себя за спасеніе міра, должны устрояться и въ нашей душѣ, именно: чувства смиренія, послушанія и самоотверженной любви къ ближнему. Это мудрствованіе должно восходить до возможнаго сходства со Христомъ или уподобленія Ему. Устрояя и настрояя свою душу по образу Христа Спасителя, вѣрующій становится въ одинъ духъ съ Господомъ, отождествляется съ Нимъ. Такимъ образомъ, Христосъ водворяется въ душѣ вѣрующихъ со всѣми благодатными дарами Духа Своего.

Чтобы достигать такой сообразности съ Господомъ и входить съ Нимъ во внутреннее общеніе, для сего необходимо познаніе Господа, размышленіе о Его любви къ человѣку и молитва. Познаніе открываетъ божественныя свойства нашего Спасителя,—размышленіе углубляетъ ихъ разумѣніе,—молитва приближаетъ насъ къ Нему и открываетъ нашу душу для благодатнаго Его воздѣйствія. Такъ зараждается, развивается и усовершается любовь вѣрующаго ко Христу нашему Спасителю. Любовь эта должна главенствовать надъ всѣми родами любви земной. *Иже любитъ отца или матерь паче Мене*, сказалъ Самъ Господь, *нѣстъ Мене достоинъ; и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Мѳ. 10, 37).

Такъ выясняется ученіе о главенствѣ Христовомъ, какъ основное ученіе о спасеніи человѣка. *Сей есть камень, укоренный отъ васъ зиждущихъ*, говорилъ св. ап. Петръ въ обличеніе невѣрующаго Синедріона, *бывый во главу угла; и нѣсть ни о единомъ же иномъ спасенія. Нѣсть бо иного*

имене подъ небесемъ даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ-же подобаетъ спастися (Дѣян. 4, 11, 12).

Такъ объясняется и отношеніе вѣрующихъ къ невидимой Главѣ, Господу нашему Іисусу Христу. Всѣ вѣрующіе, и пастыри и пасомые, всѣ одинаково объединяются во Христѣ, какъ радіусы въ своемъ центрѣ, всѣ пребываютъ въ благодатномъ общеніи съ Нимъ, *посредственно* чрезъ пастырей и таинства, совершаемыя пастырями, и *непосредственно*, чрезъ молитву и чувствованіе Его соприсутствія, — и всѣ одинаковыя имѣютъ права участвовать въ благодатныхъ дарахъ Святаго Духа.

Отсюда выясняется и то, какъ необходимо всѣмъ членамъ Церкви Христовой возглавляться во Христѣ,—носить въ своемъ сознаніи живое представленіе о Его соприсутствіи намъ, по Его примѣру жить и Ему уподобляться,— чтобы такимъ образомъ быть во единъ духъ съ Господомъ.

Отсюда же выясняются и опредѣляются взаимныя отношенія какъ пастырей къ пасомымъ, такъ и пасомыхъ къ пастырямъ.

Въ чемъ заключается существо пастырскаго служенія? Если для участія въ Церкви и для спасенія вѣрующихъ необходима вѣра во Христа, какъ главу Церкви и уподобленіе Ему,—то, какъ само собою понятно, первѣйшая и существенная обязанность пастырей въ отношеніи къ пасомымъ состоитъ въ томъ, чтобы приводить ихъ ко Христу, утверждать въ ихъ умахъ мысль о главенствѣ Христовомъ и вводить ихъ въ благодатное общеніе съ Нимъ, научая ихъ *мудрствовать еже и во Христѣ Іисусѣ*.

Проходя это служеніе, и сами пастыри въ свою очередь должны возглавляться во Христѣ. Кромѣ общихъ всѣмъ вѣрующимъ добродѣтелей, — они, какъ пастыри, должны усвоять себѣ еще и духъ пастырскаго служенія Христова: *Азъ есмь пастырь добрый*, говоритъ Онъ земнымъ пастырямъ; — *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. 10, 11); т. е. усвоять себѣ духъ кротости, смиренія, долготерпѣнія къ пасомымъ, благости и любви, до готовности положить за нихъ душу свою. Все ихъ служеніе должно совершаться отъ имени небеснаго Пастыреначальника, по

Его примѣру, Его благодатною силою и для Его пренебесной славы; забывая себя, въ Немъ одномъ они должны полагать начало, основаніе, продолженіе, конецъ и цѣль своей пастырской дѣятельности.

Подобнымъ образомъ опредѣляются и отношенія пасомыхъ къ своимъ пастырямъ. Вѣрою возглавляясь во Христѣ, какъ Главѣ Церкви, какъ единомъ и истинномъ Пастырѣ, они взираютъ на земныхъ пастырей, какъ на служителей Божіихъ, чрезъ которыхъ дѣйствуетъ, учитъ, священнодѣйствуетъ и правитъ самъ небесный Пастыреначальникъ Христосъ, и потому по заповѣди Его (Лук. 10, 16), пріемлютъ ихъ во имя Христово, во имя же Христово оказываютъ имъ послушаніе и окружаютъ ихъ своимъ вниманіемъ и почитаніемъ. При такомъ воззрѣніи вѣры чрезъ земныхъ пастырей къ небесному Пастыреначальнику, ни высокоименитые пастыри ничего не прибавятъ къ ученію и таинодѣйствію, ни незнатные, смиренные и худородные ничего не убавятъ отъ Христова ученія и Христовой благодати.

Такъ главенствомъ Христовымъ утверждаются должныя отношенія между пасомыми и пастырями.

При такихъ отношеніяхъ какъ пастыри служатъ истинными орудіями Христа, приводя пасомыхъ въ живое отношеніе къ Нему, такъ и сіи послѣдніе, почитая пастырей какъ служителей Христовыхъ, утверждаются прямо во Христѣ, и такимъ образомъ Христосъ является дѣйствительнымъ Главою для тѣхъ и другихъ, основаніемъ и послѣднею цѣлію ихъ дѣятельности и жизни, а потому и благодать Его, не задерживаемая Его орудіями, обильно сообщается всѣмъ вѣрующимъ.

Но вѣра, какъ явленіе нравственной свободы, подлежитъ законамъ развитія, можетъ усовершаться и возвышаться въ силѣ и достоинствѣ,—можетъ извращаться или погасать до совершеннаго безвѣрія; поэтому она требуетъ внимательнаго и заботливаго попеченія о себѣ.

Въ необходимой связи съ достоинствомъ вѣры стоитъ и достоинство пастырскаго служенія. Если вѣра пастыря ясно представляетъ образъ вѣруемаго, т. е. если пастырь ясно сознаетъ и держитъ предъ собою совершеннѣшій образецъ

Христова пастырства и руководствуется имъ,—то несомнѣнно въ своемъ пастырскомъ служеніи онъ можетъ достигнуть высокой степени уподобленія своему первообразу,—можетъ пріобрѣсти силу дѣйственнаго ходатайства за людей, быть посредникомъ между Богомъ и людьми, проводникомъ благодати Божіей съ неба на землю. Если же вѣра въ пастырѣ не развивается и не совершенствуется,—а тѣмъ паче, если угасаетъ отъ порочной жизни,—то, какъ само собою понятно, и пастырское служеніе утрачиваетъ свою силу и значеніе; пастырь безъ вѣры, или пастырь порочный оскорбляетъ свое служеніе, убиваетъ чувство вѣры въ пасомыхъ, препятствуя ихъ мысли обращаться ко Христу, а ихъ сердцамъ раскрываться для принятія Его благодати,—кратко, такой пастырь не привлекаетъ къ Церкви, а отгоняетъ отъ нея. Но кромѣ оскудѣнія вѣры, можетъ быть еще и извращеніе ея. Такъ, если пастыри по вѣрѣ во Христа ревнуютъ о Его славѣ, но безъ должнаго усвоенія духа Его человѣколюбія,—то они ниспадаютъ въ область земныхъ или плотскихъ воззрѣній. Такую ревность Господь осудилъ въ лицѣ своихъ учениковъ Іакова и Іоанна, просившихъ у Него позволенія низвести огонь на самарянское селеніе, не принявшее Его. *Не вѣсте, коего духа есте вы*, сказалъ имъ Господь, *Сынъ бо человѣческій не пріиде душъ человѣческихъ погубити, но спасти* (Лук. 9, 54, 55). Подобнымъ же образомъ, пастыри впадаютъ въ плотской образъ представленій о своемъ служеніи, когда свои духовныя права и преимущества смѣшиваютъ съ видами земнаго господства и властвованія; примѣръ чего представляютъ тѣ-же ученики Господа, когда просили у Него первыхъ мѣстъ въ царствіи небесномъ. Господь осудилъ такой плотскій образъ представленій о духовной власти, говоря всѣмъ ученикамъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ пастырямъ: *вѣсте, яко князи языкъ господствуютъ ими, и велицыи обладаютъ ими. Не такоже будетъ въ васъ: но, иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга, и иже аще хощетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ; яко же Сынъ человѣческій не пріиде, да послужатъ Ему, но послужити, и дати душу свою избавленіе за многихъ* (Мѳ. 20, 25—28). Подобнымъ же образомъ, пастыри ниспадаютъ съ

высоты истинной вѣры въ плотской образъ мыслей, когда преувеличенно смотрятъ на свои благодатныя права и преимущества, — и презрительно на невѣжество и простоту народа,—какъ это мы видимъ въ примѣрѣ іудейскихъ вождей, осужденныхъ Господомъ. Когда слуги архіерейскіе, посланные взять Іисуса Христа во храмѣ, не привели Его по той причинѣ, что они увлечены были Его проповѣдью,—фарисеи, говоря имъ въ отвѣтъ, высказали слѣдующее высокое мнѣніе о себѣ и презрительное—о народѣ: *еда кто отъ князь вѣрова въ Онь, или отъ фарисей? Но народъ сей, иже не вѣсть закона, проклятии суть* (Іоан. 7, 46—49). Господь съ силою обличалъ такое самомнѣніе фарисеевъ, грозя имъ за то горемъ. *Горе вамъ законникомъ, яко взясте ключь разумѣнія; сами не внидосте и входящимъ возбранисте* (Лук. 11, 52). Подобнымъ же образомъ впадаютъ въ плотской образъ мыслей и тогда, когда вмѣсто того, чтобы вводить пасомыхъ въ живое общеніе съ Господомъ,—останавливаютъ ихъ вниманіе на себѣ, на своихъ преимуществахъ и полномочіяхъ, приводятъ ихъ прежде всего къ общенію съ собою, въ полной увѣренности, что чрезъ это общеніе пасомые потомъ войдутъ въ общеніе съ Самимъ Господомъ и получатъ спасеніе. Примѣры такихъ плотскихъ воззрѣній были во времена Апостоловъ (см. 1 Кор. 1—3 гл. Гал. 5 гл.). Въ обличеніе такого рода неправыхъ воззрѣній св. ап. Павелъ внушалъ пастырямъ и проповѣдникамъ, чтобы они не присвояли себѣ самостоятельнаго значенія и какъ бы независимости отъ Господа,—чтобы не останавливали на себѣ и на своихъ достоинствахъ и преимуществахъ взоровъ слушателей, но все направляли во славу Господа, — и въ вѣрѣ и любви къ Нему вѣрующихъ имѣли свое утѣшеніе и свою награду. Такое внушеніе онъ даетъ въ той мысли, что Богъ для сообщенія людямъ Своей божественной мудрости и для явленія Своей силы избралъ не мудрецовъ и сильныхъ міра сего, но худородныхъ, немощныхъ и простецовъ, и ими посрамилъ людей вѣка сего, считающихъ себя и мудрыми, и сильными, и значущими;—чтобы такимъ образомъ никакая плоть не хвалилась предъ Господомъ, — но чтобы *всякій хвалящійся хвалился о Господѣ* (1 Кор. 1, 27—31). Раскрывши

эту общую основную мысль, Апостолъ указываетъ затѣмъ на собственный примѣръ. Будучи въ Коринѳѣ въ немощи, въ страхѣ и въ великомъ трепетѣ, Апостолъ не прибѣгалъ къ какимъ-нибудь человѣческимъ, искусственнымъ мѣрамъ, чтобы поднять себя въ глазахъ слушателей и привлечь ихъ вниманіе къ проповѣди о крестѣ Христовомъ,—для іудеевъ служившей соблазномъ, а для еллиновъ казавшейся безуміемъ,—но предлагалъ ее въ простотѣ слова, и „въ явленіи духа и силы“,—съ тою преднамѣренною цѣлію, чтобы вѣра слушателей утверждалась не на мудрости человѣческой, а на силѣ Божіей (1 Кор. 2, 1—5). И такъ по мысли Апостола, пастыри Церкви должны всемѣрно заботиться о томъ, чтобы не останавливать на себѣ, на своихъ какихъ-либо достоинствахъ вниманіе пасомыхъ, но скорѣе умалять, смирять себя, и чрезъ то давать возможность пасомымъ прямо и непосредственно взирать вѣрою на Христа Спасителя, и такимъ образомъ входить съ Нимъ въ живое и непосредственное общеніе.

Въ свою очередь и отношенія пасомыхъ къ пастырямъ, смотря по вѣрѣ, могутъ возвышаться, совершенствоваться и достигать полнаго и крѣпкаго единенія съ пастырями,—могутъ и ниспадать, извращаться и доходить до открытой вражды и отпаденія отъ пастырей въ ересь и расколъ. Такъ, если вѣра пасомыхъ совершенствуется познаніемъ любви Божіей къ человѣку, опытами внутренней жизни, чувствомъ соприсутствія Христова,—то, несомнѣнно, такая вѣра приводитъ пасомыхъ къ разумному, сознательному послушанію пастырямъ, къ крѣпкому съ ними единенію и любвеобильному общенію. Но, не говоря уже о безвѣріи, — и эта вѣра можетъ извращаться и ниспадать въ область плотскихъ воззрѣній. Такъ, если вмѣсто того, чтобы возводить свои взоры отъ пастырей земныхъ, какъ служителей Божіихъ, къ Самому Христу, какъ Главѣ Церкви и верховному Пастырю,—пасомые будутъ останавливать свои духовные взоры только на своихъ пастыряхъ, на ихъ личныхъ достоинствахъ, напр. краснорѣчіи, дарованіяхъ ума, знатности происхожденія, важности мѣста, величіи сана и т. под., какъ будто эти достоинства сами по себѣ придаютъ особенное значеніе ихъ

служенію, возвышаютъ мудрость проповѣди и усугубляютъ благодать таинодѣйствій,—въ то же время будутъ съ пренебреженіемъ относиться къ другимъ, не столь знатнымъ и славнымъ пастырямъ,—въ такомъ случаѣ они стали бы ниспадать изъ области вѣры въ плотской образъ мыслей, уже противный истинному духу Христову. Подобный случай былъ въ церкви Коринѳской, основанной св. ап. Павломъ. Коринѳскіе христіане въ дѣлѣ проповѣди, придавая особенное значеніе личнымъ достоинствамъ проповѣдниковъ, раздѣлились на партіи, изъ которыхъ каждая называлась именемъ того проповѣдника, который казался ей наиболѣе знаменитымъ и достойнымъ почтенія; даже имя Христово понято было въ такомъ же плотскомъ смыслѣ, какъ имя наиболѣе важное и послужило прикрытіемъ партіи. Одинъ говорилъ: я — Кифинъ; другой — я Павловъ; третій — я Аполлосовъ, четвертый—а я Христовъ. Въ такомъ образѣ мыслей проповѣдникамъ Евангелія придавалось нѣкотораго рода самостоятельное значеніе, нѣкоторая независимость отъ Христовой благодати,—какъ будто бы проповѣдники своими достоинствами придавали проповѣди больше значенія и силы, чѣмъ сколько она имѣетъ сама по себѣ и по дѣйствію Духа Божія. Почему Апостолъ, назвавъ Коринѳянъ *плотскими*, для вразумленія ихъ писалъ: *развѣ Павелъ распялся за васъ? или во имя Павла вы крестились? Кто Павелъ? кто Аполлосъ? Они только служители, чрезъ которыхъ вы увѣровали и притомъ по скольку каждому далъ Богъ. Я насадилъ, Аполлосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ. Посему и насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возращающій* (1 Кор. 1, 13; 3, 5—7).

Такимъ образомъ въ жизни Церкви соблюдается свобода отношеній, которая въ основѣ своей держится на вѣрѣ въ главенство Христово, а въ развитіи совершенствуется, при помощи благодати Божіей, познаніемъ и усиліями воли.

Отсюда становится понятнымъ, что какъ для пастырей въ ихъ служеніи, такъ и для пасомыхъ въ ихъ отношеніяхъ къ пастырямъ, столь же свойственно ниспадать въ плотской образъ мыслей, какъ вообще свойственно человѣку недоумѣвать, заблуждаться и грѣшить. Особенно близка эта

опасность пастырямъ церкви. Отъ простаго пресвитера до высшаго іерарха,—каждому всегда предстоитъ искушеніе увлечься своими духовными правами и преимуществами, преувеличить значеніе ихъ въ дѣлѣ спасенія людей, и ревновать объ ихъ поддержаніи и распространеніи, — и нужна большая осторожность и внимательность къ себѣ, чтобы устоять противъ этого искушенія. Одно только можетъ и должно предохранять пастыря,—это именно ясное представленіе объ истинномъ духѣ Христовомъ, духѣ Его человѣколюбія. Сынъ человѣческій приходилъ не погублять души, но спасать, не да послужатъ Ему, но послужити и дати душу свою избавленіе за многихъ.

Таково, по нашему убѣжденію, православное ученіе о главенствѣ Христовомъ. Оно такъ важно во всей своей совокупности, что въ немъ нельзя поступиться ни одною составною частью, ни одною частною мыслію; съ измѣненіемъ ученія послѣдуетъ измѣненіе въ самомъ строѣ внутренней церковной жизни,—какъ это мы и видимъ въ латинской церкви.

Въ латинской церкви, къ которой мы теперь переходимъ, ученіе о главенствѣ Христовомъ, дѣйствительно, такъ измѣнено, что это измѣненіе отражается на всемъ строѣ ея церковной жизни. То, что мы назвали ниспаденіемъ въ область плотскихъ воззрѣній,—то именно совершилось въ ней и повело къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя при семъ были неизбѣжны и логически необходимы.

Въ латинской церкви хотя и признается главенство Христово, но на самомъ дѣлѣ его нѣтъ; оно перешло въ главенство папы, и оказывается устраненнымъ, излишнимъ, недѣйствующимъ. Папа есть *намѣстникъ Христа*, или, какъ выражаются сами папы, *намѣстникъ Бога на землѣ* (папа Иннокентій III). Это слово *намѣстникъ* понимается латинскою церковію, т. е. самими папами, наукой и журналистикой, въ самомъ широкомъ и исключительномъ смыслѣ. Христосъ, покидая міръ, вмѣсто Себя оставилъ ап. Петра *со всей полнотой своей власти*, а ап. Петръ, оставляя міръ, въ свою очередь передалъ эту полноту власти своимъ преемникамъ въ Римѣ, папамъ. Такъ преемственно продолжается на землѣ *намѣстничество Христово*, или же по выраженію папъ, *на-*

мѣстничество Божіе. Папа не служитель только Божій, не домостроитель таинъ Божіихъ, какъ ап. Павелъ именовалъ себя и другихъ Апостоловъ, но обладатель всей Христовой власти, продолжатель на землѣ дѣла Христова, какъ бы Самъ Христосъ, видимый Спаситель. „Какъ Христу по воскресеніи дана власть на небеси и на земли, такъ и папѣ безусловно принадлежитъ власть свѣтская и духовная", — возвѣщаетъ міру папа Иннокентій III (въ буллѣ Novit). „Всѣ крещеные суть подданные папы и подлежатъ его суду", говоритъ папа Бонифацій VIII. „Съ каждымъ папою Христосъ пребываетъ *вполнѣ* и *совершенно* въ таинствѣ и авторитетѣ",—учитъ Ѳома Аквинатъ. Въ папѣ продолжается Боговоплощеніе, или соединеніе божества съ человѣчествомъ, занимающее средину между соединеніемъ *ипостаснымъ* и *нравственнымъ*, учатъ новѣйшіе богословы (напр. Дирингѐръ [1]). Папѣ вручены ключи царствія небеснаго. Какъ распорядитель небесной сокровищницы, папа простираетъ свои дѣйствія не только на живыхъ, но и на умершихъ; посредствомъ индульгенцій онъ восполняетъ грѣшнымъ людямъ ихъ недостатки въ добрыхъ дѣлахъ, сокращаетъ сроки ихъ посмертнаго очищенія въ чистилищномъ огнѣ и вводитъ ихъ въ рай. Кратко, папа, за отсутствіемъ Христа Спасителя, есть полновластный управитель Его св. Церковію. Самъ Христосъ поставилъ его за Себя, поэтому къ нему нужно относиться такъ, какъ бы относились къ Самому Христу, если бы Онъ оставался на землѣ [2]), проповѣдуетъ римская газета Цивильта. Таково ученіе о намѣстничествѣ папы.

И такъ, папа есть глава церкви въ собственномъ и буквальномъ смыслѣ, какъ намѣстникъ Христовъ. Всѣ католики возглавляются въ немъ, — сперва епископы, а за ними — ихъ паствы. Катихизисъ Дегарбэ учитъ: „единство и порядокъ въ церкви сохраняется тѣмъ, что каждый вѣрующій находится въ подчиненіи у своего приходскаго священника,—всѣ священники—у своего епархіальнаго епископа, а

---

[1]) Kath. Dogmatik von Dieringer, p. 514—515.

[2]) Janus, стр. 43, гдѣ приводится и самый текстъ изъ Цивильты на италіанскомъ языкѣ, p. 259.

всѣ епископы—у св. отца—папы". Такимъ образомъ латинская Церковь представляетъ законченное пирамидальное зданіе: нижніе слои составляетъ народъ, средину—іерархія, вершину—папа. Но эта то именно видимая цѣльность и законченность нарушаетъ и подавляетъ внутреннюю жизнь латинской церкви.

Прежде всего у католика нѣтъ истинной вѣры во Христа и не можетъ быть: взоры его вѣры обращены на папу, какъ на Христова намѣстника, имъ задержаны и на немъ остановлены. Папа замѣняетъ католику Христа, папа служитъ для него посредникомъ предъ Богомъ, папа обѣщаетъ и даетъ ему спасеніе, — чего же еще нужно? что прибавлять къ этому? Зачѣмъ крестьянинъ будетъ обращаться къ владѣтелю имѣнія, живущему въ чужихъ краяхъ, когда въ имѣніи живетъ управляющій, снабженный отъ владѣтеля всѣми полномочіями? Такъ и католику—зачѣмъ обращаться ко Христу, когда полнота Его власти почиваетъ на папѣ? Правда, католика учатъ вѣрить, „что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ", но эта вѣра ему дозволяется только для того, чтобы имѣть увѣренность въ томъ, что „Его божественный авторитетъ пребываетъ въ Церкви въ лицѣ папы", — т. е. ему дозволяется вѣрить въ божество Іисуса Христа на столько, на сколько это нужно, чтобы успокоиться въ папѣ. Такимъ образомъ, и въ самой вѣрѣ опять главенствуетъ папа; онъ есть мѣрило истины. Поэтому, если бы даже католикъ и захотѣлъ должнымъ образомъ, т. е. свободно и по убѣжденію, вѣровать во Христа, онъ не можетъ этого сдѣлать; онъ долженъ вѣровать во Христа такъ, какъ позволяетъ папа, и подражать Ему такъ, какъ попускаетъ папа. Католикъ взираетъ на Христа только очами папы. Въ церкви латинской нѣтъ объективной истины, а есть личная—папы. Истиной Христовой католикъ не можетъ повѣрять папу,—а напротивъ папой повѣряетъ истину Христову [1]). Всякое по-

[1]) Католики обречены на религіозное невѣжество.—Въ своихъ комментаріяхъ папа Иннокентій IV писалъ: „для мірянъ довольно знать, что есть Богъ, награждающій всѣхъ добрыхъ, а въ остальномъ implicite подразумѣвательно вѣровать всему, во что вѣруетъ Церковь. Напротивъ, епископы и исповѣдники должны отчетливо знать члены апо-

ползновеніе сличать образъ папы съ образомъ Христа въ Евангеліи клеймится проклятіемъ, какъ поползновеніе протестантское, дерзновенное, еретическое,—и въ прежнія времена наказывалось инквизиціей и сожженіемъ на кострѣ. Такъ погибли ревнители Евангелія Гусъ, Іеронимъ пражскій, Савонарола и под.

Вмѣстѣ съ вѣрою утрачивается внутреннее подвижничество нашего духа. Христосъ, какъ мы выше раскрыли, соприсутствуетъ намъ невидимо, для того, чтобы мы взирали на Него очами вѣры. Православные такъ и понимаютъ это; сообразно съ этимъ такъ и располагаютъ образъ своихъ мыслей и чувствованій. Для католика, напротивъ, Христосъ замѣненъ видимостію; въ папѣ онъ видитъ продолжателя Христа, Его преемника, намѣстника, полномочнаго замѣстителя. Какъ Апостолы вѣровали во Христа, что Онъ есть Сынъ Бога живаго, и за это они названы блаженными; такъ и католики вѣруютъ въ папу, что въ немъ пребываетъ Божественный авторитетъ со всею полнотою Христовой власти, и за это получаютъ спасеніе. Слѣдовательно, всякая истина познается и пріобрѣтается не внутренними усиліями вѣры, не внутреннимъ подвигомъ, а внѣшнимъ образомъ, такъ сказать, приложеніемъ папскаго штемпеля. Гдѣ папа—тамъ истина, папа—мѣрило истины.

Вслѣдствіе такого отношенія ко Христу католика, онъ не можетъ должнымъ образомъ уподобляться Христу и входить въ сообразность съ Нимъ, потому что католикъ не можетъ понять и усвоить себѣ духъ человѣколюбія Христова. Если онъ будетъ взирать на Христа только сквозь призму папизма, онъ никогда не увидитъ образа Христова въ цѣль-

---

стольскаго исповѣданія; прочимъ же духовнымъ, если они не особенно даровиты,—довольно знать столько же, сколько и міряне, развѣ только съ прибавленіемъ того, что въ таинствѣ причащенія предлагается тѣло Христово (conficitur, gesetzt werde) Commentar in Decr. t. 2. Отсюда естественно, что мірянамъ запрещается читать библію на родномъ языкѣ и вести бесѣды частно или публично о дѣлахъ вѣры. Буллою Александра IV они подпадали за это церковному отлученію, а оставаясь годъ подъ онымъ, могли быть притянуты къ инквизиціи (Sext. Dec. 5, 2). Janus p. 176.

ности, но всегда въ разложеніи на радужные цвѣта. Католикъ слышитъ проповѣдь о Христѣ, о Его жизни, о Его совершенствахъ, но никогда не услышитъ рѣчи о чрезвычайной и всеобъемлющей любви Его къ человѣку, въ той силѣ, въ какой это нужно, чтобы подорвать латинскую нетерпимость и фанатизмъ. Христосъ не понятъ въ Римѣ, и никогда не можетъ быть понятъ, пока тамъ живетъ Его намѣстникъ, въ которомъ нѣтъ соотвѣтствія образу Христа; настоящее пониманіе духа Христова потребовало бы измѣненія въ Его отображеніи, въ папѣ.

Когда, такимъ образомъ, вѣра во Христа не можетъ быть центральною добродѣтелью католика,—ея мѣсто заняла добродѣтель спеціально *латинскаго характера*—это *рабское послушаніе*. Папа—непогрѣшимое правило вѣры; надо принимать все, чему онъ учитъ, къ чему обязываетъ вѣровать, что выдаетъ за догматъ. „*Церковь естъ рабыня папы*“—вотъ классическое выраженіе сущности папизма (Каэтанъ). „Церковь должна принимать всякое ученіе, какое папѣ угодно будетъ предписать ей,—учитъ знаменитый Беллярминъ;—о какомъ нибудь изслѣдованіи не можетъ быть и рѣчи; безъ всякихъ разсужденій, не смотрѣвши, Церковь должна вѣрить, что все, чему учитъ папа, безусловно истинно, что̀ повелѣваетъ—безусловно хорошо, что̀ запрещаетъ — безусловно худо и вредно. Если бы даже папа точно погрѣшилъ (напр. предписалъ грѣхъ и осудилъ добродѣтель); то и тогда Церковь обязана считать грѣхъ за благо, а добродѣтель за зло, если она не хочетъ идти противъ своей совѣсти [1]). Поэтому, если папа разрѣшаетъ подданныхъ отъ присяги государю (на что, по Беллярмину, онъ имѣетъ полное право), то Церковь должна вѣрить, что совершаетъ нѣчто доброе, и каждый христіанинъ долженъ считать за грѣхъ оставаться вѣрнымъ и послушнымъ своему государю [2]). Тотъ же богословъ раз-

---

[1]) „Si autem papa erraret praecipiendo vitia, vel prohibendo virtutes, teneretur Ecclesia credere vitia esse bona et virtutes mala, nissi vellet contra conscientiam peccare“. De Rom. Pontif. 4, 5, ed. Paris 1643 p. 456.—Janus p. 414—415.

[2]) Janus 415.

суждаетъ о Соборахъ, что со стороны ихъ это была извращенная притязательность—подвергать изслѣдованію и одобренію папскія рѣшенія въ дѣлахъ вѣры.—Епископъ Корнелій Муссо битонтскій проповѣдывалъ въ Римѣ: „что говоритъ папа, то мы должны принимать, какъ если бы это говорилъ Самъ Богъ. Въ дѣлахъ божественныхъ мы считаемъ его Богомъ; и въ таинствахъ вѣры я повѣрилъ бы одному папѣ болѣе, чѣмъ тысячамъ Августиновъ, Іеронимовъ, Григоріевъ“ [1]). О. Шмитцъ въ своей брошюркѣ о непогрѣшимости папы, изданной въ свѣтъ для приготовленія читателей къ принятію новаго догмата,—пишетъ: „Церковь стоитъ тѣмъ, что Спаситель далъ главу, которой всѣ члены ея въ нисходящемъ порядкѣ обязаны непосредственнымъ и посредственнымъ послушаніемъ. Слѣдовательно *сверху внизъ только права, снизу вверхъ только обязанности.* Такое *послушаніе* образуетъ единство и сохраняетъ порядокъ“ [2]). Это послушаніе мы назвали спеціально латинскою добродѣтелью, потому что только въ латинской Церкви оно доводится до той крайности, когда попираются всѣ права человѣка-христіанина, когда отнимается у него разумъ, и онъ лишается свободы. И въ восточной Церкви послушаніе цѣнится высоко, какъ одна изъ высшихъ добродѣтелей, но оно понимается, какъ воспитательное средство, какъ лучшій и совершеннѣйшій путь къ искорененію въ человѣкѣ грѣховной воли, упрямства, своенравія и самомнѣнія, — и въ то же время, какъ превосходное средство къ насажденію и укорененію въ душѣ добрыхъ расположеній: смиренія, незлобія, самоотверженія и вообще всѣхъ добрыхъ навыковъ. Въ латинской же церкви послушаніе есть средство держать христіанина всегда въ состояніи дѣтства и постоянной зависимости отъ церковной власти. Въ орденѣ іезуитовъ,—этомъ, такъ сказать, сконцентрированномъ латинствѣ,—*послушаніе* практикуется какъ средство подавить въ душѣ человѣка сознаніе различія между добромъ и зломъ и сдѣлать его слѣ-

---

[1]) Conciones in ep. ad Romanos p. 606. Janus p. 404.

[2]) Stimmen aus der Kath. Kirche 18. Ist der Papst persönlich unfehlbar?—von Schmitz, München, 1870 г. стр. 234.

пымъ орудіемъ чужой воли, всегда готовымъ какъ на добро, такъ и на зло“ [1]).

Этою добродѣтелію опредѣляются и взаимныя отношенія пастырей и пасомыхъ латинской Церкви. Какъ православные пастыри должны приводить ко Христу всѣхъ вѣрующихъ; такъ латинскіе пастыри должны всѣхъ приводить къ покорному и безусловному *послушанію* папѣ, — намѣстнику Христову. Утративъ свои древнія права и ставши къ папѣ въ отношенія подчиненія, какъ пресвитеры къ своимъ епископамъ, — латинскіе епископы предъ своимъ посвященіемъ даютъ папѣ присягу, въ которой обѣщаются „защищать, пріумножать и распространять права, почести, преимущества и авторитетъ св. римской церкви, государя нашего папы и преемниковъ его“, а вмѣстѣ съ симъ „еретиковъ, схизматиковъ и противящихся папѣ сколько возможно гнать и преслѣдовать“. Послѣ такой присяги все пастырское служеніе епископовъ будетъ состоять въ томъ,—чтобы эти обязательства передать пасомымъ и наблюдать за ихъ усерднымъ выполненіемъ. Для чего они должны развить въ пасомыхъ представленіе о величіи и высокомъ достоинствѣ папы и утвердить ихъ въ мысли, что папа есть намѣстникъ Христовъ, и что безъ него нѣтъ Церкви и нѣтъ спасенія,—а вмѣстѣ съ симъ—породить, развить и укрѣпить чувство ненависти, вражды и нетерпимости къ еретикамъ и схизматикамъ. По тому и другому предмету заботъ пастырей увлеченіе съ ихъ стороны, какъ знакъ усердія, какъ плодъ благочестиваго настроенія, не только естественно, но и желательно и спасительно. Чѣмъ ревностнѣе выполняются епископами ихъ обязательства, чѣмъ болѣе усердія въ данномъ направленіи, тѣмъ тверже единство латинской церкви, тѣмъ

---

[1]) Obedientia tum in executione, tum in voluntate, tum in intellectu sit, in nobis semper omnia ex parte perfecta, omnia justa esse nobis persuadendo, omnem sententiam ac judicium nostrum contrarium caeca quadem obedientia abnegendo. Jnstit. Soc. Jesu. Prag. 1757. 1408.—47 правило Игнатія Лойолы для іезуитовъ гласитъ: Tu debes esse machina in manibus praepositi tui, non potes habere voluntatem snam, rationem, vim, omnes haec res debent laborare pro majore gloria Dei.—Obedientia sancta est, et debet esse sine interrogatione.

полнѣе ея жизнь. Отсюда легко объясняется, какимъ образомъ ревнители папства, какъ напр. Беллярминъ, могли дойти до такой дерзости, что папу называли *Вице-Богомъ* на землѣ,—равно объясняется и то, почему такіе типы религіознаго фанатизма, какъ Игнатій Лойола, Петръ Арбуэзъ, Іоасафатъ Кунцевичъ и под. могутъ быть чтимы какъ святые,—т. е. именно потому, что они суть представители латинской добродѣтели, религіозной *ревности*. — Такъ выясняется вторая добродѣтель латинской Церкви — именно *ревность* о папѣ, которая, при невозможности католика понять чистый образъ Христа и усвоить духъ Его человѣколюбія,—во всѣхъ истыхъ католикахъ переходитъ въ *фанатизмъ*. На этомъ основаніи, настоящій папизмъ, нормальный, вѣрный своей идеѣ,—есть папизмъ римскій, ультрамонтантскій, или, точнѣе, іезуитскій. Папизмъ же спокойный, равнодушный, терпѣливый уже измѣняетъ своей идеѣ и не есть настоящій папизмъ; если онъ не граничитъ съ индифферентизмомъ въ вѣрѣ или съ безвѣріемъ, онъ приближается къ православію. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ не можетъ быть одобренъ въ Римѣ, — и потому, когда мы говоримъ о папизмѣ, мы вездѣ разумѣемъ папизмъ, какой идетъ изъ Рима.

Перейдемъ теперь къ разсужденію относительно главы латинской церкви—папы и спросимъ: какая въ немъ центральная добродѣтель, которою опредѣляются его отношенія какъ къ невидимой Главѣ Христу, такъ и ко всѣмъ сынамъ латинской церкви? Безъ сомнѣнія, вѣра; она должна быть живымъ началомъ въ его сознаніи, опредѣляющимъ его отношенія и дѣятельность. Но этотъ отвѣтъ не разрѣшаетъ всѣхъ возникающихъ при семъ недоумѣній. Папа не простой пастырь, какъ мы понимаемъ по православному положеніе нашего епископа; — папа — намѣстникъ Бога, — носитель всей полноты Христовой власти, — лице, въ которомъ продолжается Боговоплощеніе,—т. е. Духъ Святый пребываетъ въ соединеніи, среднемъ между *тотаснымъ* и *нравственнымъ*. Какъ такое лицо, онъ долженъ носить въ себѣ сознаніе своихъ полномочій и своей чрезвычайной Боговдохновенности. Какъ же вѣра будетъ относиться къ такому сознанію? Нужно помнить, что вѣра есть дѣло свободы и

внутренняго подвига; она можетъ колебаться, возвышаться и упадать. Поэтому, если мы признáемъ ее основаніемъ служенія папы и его отношеній ко всему католическому міру,—какъ это мы признаéмъ въ нашихъ православныхъ пастыряхъ, то тѣмъ самымъ мы признáемъ въ немъ возможность колебаній въ вѣрѣ, т. е. возможность высокаго подъема ея и возможность глубокаго упадка во тьму невѣрія и заблужденій,—какъ опять признаéмъ эту возможность въ нашихъ пастыряхъ. Но по теоріи папизма этого признать никакъ нельзя; въ такомъ случаѣ папа былъ бы низведенъ въ рядъ обыкновенныхъ пастырей, облеченныхъ епископскимъ саномъ; въ немъ ничего бы не было великаго и чрезвычайнаго. Но папа—намѣстникъ Христа;—благодать его первосвященства дѣйствуетъ въ немъ и помимо его вѣры, всею полнотой Христовой власти,—всею силою Духа Божія;—иначе погибло бы священство на землѣ. Поэтому въ отвѣтъ на предложенный нами выше вопросъ — объ основной добродѣтели папы—надо идти не отъ вѣры, а отъ его сознанія обитающихъ въ немъ даровъ. Вѣра можетъ существовать и дѣйствовать въ папѣ въ его частной жизни,—какъ его лично опредѣляющее начало; но въ оффиціальномъ его положеніи и служеніи одной вѣры мало,—даже ея можетъ и совсѣмъ не быть,—ибо не мало было папъ невѣрующихъ,—потребно нѣчто другое, болѣе дѣйствительное, болѣе неизмѣнное и твердое. Что же это такое? Если папѣ дарована полнота власти Христовой, если въ немъ обитаетъ и въ отправленіи имъ его верховныхъ обязанностей всегда дѣйствуетъ Духъ Святый и если къ этому прибавимъ, что эти полномочія и это дѣйствованіе Духа Святаго обнаруживаются тѣмъ сильнѣе и становятся тѣмъ благоплоднѣе, чѣмъ яснѣе сознаніе такой благодати,—то понятно, что центральную добродѣтель въ папѣ составляетъ именно это ясное сознаніе. Въ подъемѣ этого сознанія и заключается идеалъ папской добродѣтели и папскаго величія. Такъ было во Христѣ, подобное должно быть и въ Его намѣстникѣ. Христосъ Спаситель носилъ въ Себѣ сознаніе своего Божественнаго величія, своего единосущія и равенства съ Богомъ Отцемъ. Такъ и Его намѣстникъ—папа носитъ въ себѣ сознаніе всей полноты Христовой власти и

чувство обитанія въ немъ Духа Божія. Христосъ Спаситель взывалъ и взываетъ всему міру: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан 8, 12); *Азъ есмь путь, истина и животъ* (14, 6), *и никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною* (14, 6). Подобно и намѣстникъ Его объявляетъ всему міру, что свѣтъ истины сіяетъ только въ немъ; что въ его лицѣ непоколебимое и непогрѣшимое основаніе Церкви Христовой и потому только чрезъ признаніе его главенства и подчиненіе ему—возможно спасеніе для людей. Христосъ Спаситель, призывая къ Себѣ людей, говоритъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѳ. 11, 28). Такъ и намѣстникъ Его папа зоветъ къ себѣ всѣ народы или чрезъ своихъ миссіонеровъ, или чрезъ свои посланія, обѣщая всѣмъ спасеніе въ лонѣ римской Церкви. Словомъ, — намѣстникъ Христовъ дѣйствуетъ съ полнымъ сознаніемъ своего званія—намѣстника. И исторія намъ свидѣтельствуетъ, что папы именно тогда и приближались къ идеалу своего служенія, когда собственное ихъ самосознаніе достигало наибольшей силы и высоты. Величіе такихъ папъ какъ Николай I, Григорій VII, Иннокентій III, Бонифацій VIII, состояло именно въ чрезвычайномъ подъемѣ ихъ самосознанія.

Логически неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого самосознанія было и есть *стремленіе* къ *господству* и *ревность* о сознанныхъ полномочіяхъ. Папы не могли дѣйствовать по примѣру ап. Павла, раскрытому нами выше, т. е. умалять себя, чтобы тѣмъ яснѣе открывалась чрезъ нихъ сила Божія, — напротивъ они поставили себя центромъ нравственно-религіознаго міра, и подчинили себѣ всю западную половину Церкви. Все, что имѣло въ себѣ признаки самостоятельности и свободы, — все было порабощено, подавлено, попрано. Самое главное и существенное изъ этого—похищена была у вѣрующихъ свобода ихъ во Христѣ, — свобода вѣры и жизни,—свобода живыхъ и непосредственныхъ отношеній къ невидимой Главѣ Церкви;—вмѣстѣ съ этимъ ими утрачены были и права на участіе во всѣхъ благодатныхъ дарахъ Царствія Божія. Все было поглощено папою. Церковь, дѣйствительно, стала рабынею папы.

Чѣмъ выше, такимъ образомъ, поднималось самосознаніе

папъ, и вмѣстѣ, чѣмъ болѣе права переходили съ Церкви на одно лице—намѣстника Христова,—тѣмъ сильнѣе возбуждалась въ нихъ забота объ охраненіи своихъ правъ и полномочій, и тѣмъ крѣпче, глубже и тверже укоренялся духъ истребительной *ревности*. Отсюда становится понятнымъ, почему такіе папы, какъ Иннокентій III, ополчали на еретиковъ католическіе народы и не находили въ томъ ничего противнаго истинному духу Христову; почему въ Римѣ радовались и благодарили Бога за Варѳоломеевскую ночь, о которой съ ужасомъ и отвращеніемъ повѣствуетъ исторія; почему папа Пій IX въ канонизаціи Петра Арбуэза и Іоасафата Кунцевича — освятилъ свирѣпый *фанатизмъ*. Все это дѣлалось и дѣлается потому, что *фанатизмъ* составляетъ существо духа и настроенія латинской церкви.

И такъ, главенствомъ папы, какъ мнимаго намѣстника Христова, извращается весь строй и складъ духовной жизни вѣрующихъ во Христа. Основныя начала христіанской жизни—вѣра во Христа и уподобленіе Ему, замѣнены другими спеціальными добродѣтелями, и не могутъ раскрываться въ ней во всей своей силѣ, и если раскрываются, то или какъ исключенія, или какъ несовершенныя добродѣтели, окрашенныя цвѣтомъ слѣпого послушанія и нехристіанской ревности.

Мы не судимъ и не смѣемъ судить папизмъ латинской церкви; но онъ уже осужденъ словомъ Божіимъ. Какъ мы видѣли,—самимъ Господомъ осуждены всѣ раскрытыя нами свойства папизма: его *господство и властвованіе*,—его духъ ложной *ревности*, его *самомнѣніе* и *присвоенная имъ монополія* знанія (см. выше стр. 43—45). Папизмъ, если подвести его подъ взглядъ ап. Павла на раздѣленіе коринѳянъ, осуждается имъ, какъ ниспаденіе съ высоты вѣры въ плотской образъ мыслей; ибо паписты, какъ раздѣлившіеся коринѳяне, говорятъ о себѣ: мы Петровы, какъ будто Петръ распялся за нихъ или во имя Петрово они крестились. Этимъ образомъ мыслей всѣ вѣрующіе опять обращаются въ духовное рабство, и хотя считаются вѣрующими во Христа, но въ существѣ дѣла, по выраженію того же Апостола, *остаются безъ Христа и отпадаютъ отъ благодати* (Гал. 5, 4).

Поэтому, если бы намъ, православнымъ, пришлось когда-нибудь входить съ латинами въ соглашеніе относительно соединенія Церквей, то, разумѣется, первымъ условіемъ такого соглашенія было бы отреченіе папы отъ незаконнаго и дерзновенно-присвоеннаго имъ названія намѣстника Христова въ исключительномъ смыслѣ.

II.

О непогрѣшимости Церкви.

Вторая разность въ ученіи о Церкви, существующая между нами и латинами, относится къ вопросу—о *непогрѣшимости Церкви.*

Мы уже касались этого предмета въ предшествующей статьѣ, когда говорили о главенствѣ папы; въ настоящей же статьѣ намъ придется заняться этимъ вопросомъ спеціально.

Въ латинскомъ изложеніи ученія о *непогрѣшимости Церкви* употребляются одни и тѣ же слова и выраженія, какъ и у насъ; но, какъ свойственно всѣмъ неправомыслящимъ, въ нихъ влагаются иныя понятія, подъ ними подразумѣвается совершенно иной смыслъ. Когда латины говорятъ, что *Церковь непогрѣшима*, то подъ этимъ выраженіемъ разумѣютъ совсѣмъ не то, что мы представляемъ себѣ,—не Церковь въ ея совокупности, а римскаго епископа или *папу*, — на томъ основаніи, что въ немъ сосредоточивается вся жизнь Церкви, отъ него исходитъ и имъ держится *непогрѣшимость* всей Церкви.

Чтобы быть логическими и послѣдовательными въ своемъ изложеніи о семъ предметѣ, они совсѣмъ иначе, чѣмъ мы, ставятъ исходный вопросъ о *непогрѣшимости Церкви.* Вмѣсто вопросовъ о томъ, что разумѣть подъ *непогрѣшимостію Церкви*? въ какомъ смыслѣ Церковь называется хранительницею истины? чѣмъ обусловлено храненіе истины въ чистотѣ и неповрежденности? кто служитъ органомъ непогрѣшительнаго исповѣданія истины? вмѣсто этихъ вопросовъ—латин-

скіе богословы ставятъ вопросъ слѣдующаго рода: кому въ Церкви ввѣрено *непогрѣшительное учительство* [1])? Отвѣчая на этотъ вопросъ, они, такъ сказать, процѣживаютъ весь составъ Церкви, и одинъ за другимъ выдѣляютъ элементы погрѣшительные; сперва выдѣляютъ, такъ называемую, *церковь слушающую*, т. е. мірянъ всѣхъ сословій,—затѣмъ, разбирая составъ учащей церкви, выдѣляютъ изъ нея пресвитеровъ,—далѣе, хотя и съ большими оговорками и ограниченіями,—епископовъ, и такимъ образомъ доходятъ до главы латинской церкви—папы, который и оказывается искомой величиной; — одинъ папа, какъ вселенскій учитель, непогрѣшимъ.

Но съ такой постановкой вопроса согласиться нельзя. Учительство есть только часть въ данномъ вопросѣ; есть только одно изъ условій храненія истины въ Церкви, но не вся совокупность этихъ условій. Одно учительство не спасетъ истины,—какъ это мы видимъ въ исторіи Церкви ветхозавѣтной. Книжники не только не спасли Божіей истины, но при этомъ еще исказили и затмили ее. Такъ можетъ случиться и въ Церкви новозавѣтной. Слѣдовательно, вопросъ о непогрѣшимости Церкви слѣдуетъ взять во всей его совокупности. Поэтому мы утверждаемъ, что неправильна постановка вопроса, а отъ неправильно поставленнаго вопроса неправильно дается отвѣтъ, невѣрно ведется изслѣдованіе, и къ ложнымъ приходятъ выводамъ.

Латинское ученіе о непогрѣшимости папы получило законченность на ватиканскомъ соборѣ и выражено въ слѣдующемъ вѣроопредѣленіи, идущемъ отъ лица самого же папы: „твердо держась преданія, дошедшаго до насъ отъ начала Христовой вѣры, мы (разумѣй папа), съ согласія священнаго собора, во славу Бога Спасителя нашего, къ возвышенію католической религіи и ко спасенію Христіанскихъ народовъ, учимъ и объявляемъ, какъ Богомъ открытое вѣ-

---

[1]) Такъ въ катихизисахъ, такъ и въ богословскихъ сочиненіяхъ. Мы имѣемъ подъ рукою сжатое и въ этомъ отношеніи образцовое латинское сочиненіе—проф. Рэма, изъ котораго беремъ изложеніе теоріи папской непогрѣшимости. Цитаты см. ниже.

роопредѣленіе: что когда римскій папа говоритъ отъ своей каѳедры, (ex cathedra), т. е. когда, исполняя свое служеніе, какъ пастырь и учитель всѣхъ христіанъ, въ силу своей апостольской власти, опредѣляетъ, что такое-то ученіе относительно вѣры и нравственности должна содержать вся Церковь, то онъ, при божественной, обѣщанной ему въ лицѣ Петра, помощи, обладаетъ тою непогрѣшимостію, которою Божественный Спаситель благоволилъ надѣлить свою Церковь для опредѣленія ученія относительно вѣры и нравственности, и что поэтому такія опредѣленія римскаго папы сами по себѣ, а не по согласію Церкви, неизмѣнны. А если-бы кто дерзнулъ, отъ чего да хранитъ Богъ, этому нашему опредѣленію противорѣчить, тотъ да будетъ анаѳема". 4 Засѣд. 4 гл.

Это краткое вѣроопредѣленіе есть сокращеніе многодневныхъ трудовъ цѣлаго собора, плодъ усердныхъ работъ многочисленныхъ комитетовъ и коммиссій, на которыя былъ раздѣленъ соборъ для разработки всѣхъ подробностей вопроса. Поэтому въ немъ каждое слово тщательно взвѣшено и съ какою-нибудь опредѣленною цѣлію придумано.

Изъ этого, такимъ образомъ, тщательно обдуманнаго вѣроизложенія оказывается, что ученіе о непогрѣшимости папы основано на древнемъ преданіи, что вѣроопредѣленіе издается съ согласія священнаго собора, и что оно объявляется какъ Богомъ открытое вѣроопредѣленіе, ведущее къ возвеличенію церкви латинской и ко спасенію людей.—Но не слишкомъ ли много сказано,—и сказано неосторожно? Во всякомъ случаѣ, въ этомъ краткомъ опредѣленіи даетъ себя знать латинскій складъ мышленія и характеръ папизма.

Разсматривая это опредѣленіе, мы, во первыхъ, не признаемъ въ немъ ссылки на древнее преданіе о папской непогрѣшимости. Что преданіе о семъ предметѣ существовало въ церкви латинской, — это правда. Но образованіе церкви латинской мы относимъ не ранѣе, какъ къ IX вѣку, т. е. къ тому времени, когда открыто было заявлено ея стремленіе къ преобладанію [1]). Съ этого времени началось ея обо-

[1]) Объ этомъ предметѣ будетъ ниже особое изслѣдованіе. См. IV ст.

собленіе отъ Церкви вселенской и развитіе на основахъ чисто латинскихъ. До IX-го же вѣка во вселенской Церкви рѣшительно не существовало и не могло существовать преданія о непогрѣшимости папы. Вселенская Церковь какъ тогда держалась, такъ и теперь держится одного начала:— не по *каѳедрѣ* судить о православіи лица,—а по православію судить о лицѣ и его вѣрности православію [1]). IV Вселенскій Соборъ, прочитавши на одномъ изъ своихъ засѣданій посланіе папы св. Льва I, — посланіе, дѣйствительно замѣчательное по вѣрности изложенія догмата о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ, тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ принять его, поручилъ особой коммиссіи провѣрить его,—и когда это было сдѣлано и затѣмъ доложено о православіи римскаго исповѣданія, оно принято было Соборомъ какъ голосъ, какъ исповѣданіе всей Церкви. Слѣдовательно, Соборъ вселенскій мыслился какъ власть высшая, чѣмъ римскій епископъ. Поэтому, ссылка на древнее преданіе есть ничто иное, какъ перенесеніе позднѣйшихъ взглядовъ латинской церкви на начальныя времена, которыя не знали этихъ взглядовъ.

Это обычная манера латинскихъ богослововъ—все свое позднѣйшее цѣликомъ приписывать древности.

Во вторыхъ, мы удивляемся въ этомъ опредѣленіи странному противорѣчію: непогрѣшимый папа издаетъ свое вѣроопредѣленіе съ согласія священнаго собора, но въ самомъ вѣроопредѣленіи отрицаетъ нужду въ согласіи церкви (т. е. больше чѣмъ собора) на признаніе непогрѣшимости и неизмѣнности будущихъ опредѣленій; ибо сказано: опредѣленія ученія, которое должна содержать церковь, неизмѣнны сами по себѣ, а не по согласію церкви. Выходитъ такъ, что при опредѣленіи своей непогрѣшимости, папа опирается на соборъ,—а въ будущемъ,—такъ какъ непогрѣшимость за нимъ уже утверждена,—онъ будетъ давать опредѣленія прямо отъ себя, безъ всякой ссылки на соборъ.

Въ третьихъ, опредѣленіе объявляется какъ Богомъ открытое. Значитъ-ли это, что оно теперь открыто Богомъ, или

---

[1]) Окружное Посланіе единой святой и ап. Церкви Вост. Патр. Спб. 1850 г. стр. 16.

что оно выведено изъ откровенія Божія (изъ словъ, сказанныхъ апостолу Петру) и какъ выводъ возводится на степень Богооткровеннаго ученія? Въ первомъ случаѣ требуется доказать, что откровеніе вселенскихъ истинъ продолжается доселѣ и именно въ лат. церкви; а во-второмъ,—что выводъ изъ священнаго писанія сдѣланъ правильно, строго-логическій; но ни на то, ни на другое паписты не представляютъ неоспоримыхъ доказательствъ.

Въ четвертыхъ, опредѣленіе объявляется спасительнымъ для всѣхъ людей, а кто его не будетъ признавать, тотъ будетъ отлученнымъ и погибшимъ человѣкомъ. Но какимъ образомъ такая важная истина ведетъ людей ко спасенію—на это указанія нѣтъ. Впрочемъ это и не нужно, — какъ покажетъ намъ самое изслѣдованіе.

Въ составъ ватиканскаго опредѣленія входятъ слѣдующія понятія, которыя подлежатъ нашему изслѣдованію: 1) о *предметѣ* непогрѣшимости, 2) о *непогрѣшимости*, какъ дарѣ, которымъ надѣлена Церковь, 3) о выраженіи ex cathedra, какъ признакѣ и условіи непогрѣшимости и 4) объ апостольской власти, какъ основѣ непогрѣшимости.

1) *Предметъ непогрѣшимости.* Вопросъ о томъ: въ чемъ собственно состоитъ непогрѣшимость Церкви?—православными богословами понимается и разрѣшается въ самомъ тѣсномъ и строгомъ смыслѣ,—собственно въ смыслѣ храненія истины отъ примѣси какой-либо лжи, или невѣрности, или односторонней исключительности. Истина дана намъ въ руководство ко спасенію,—дана всѣмъ людямъ, на всѣ времена. Катихизисъ, говоря о Божественномъ Откровеніи, учитъ, что „оно дано намъ для того, чтобы мы могли *право* и *спасительно* вѣровать въ Бога и *достойно* чтить Его“. Очевидно, всякая примѣсь лжи и неправды вслѣдствіе какого-нибудь искаженія будетъ отражаться и на вѣрѣ въ Бога, и на почитаніи Его. Если Богъ для того открылъ намъ Себя, чтобы мы имѣли объ Немъ чистыя и совершенныя понятія и сообразно съ тѣмъ воздавали Ему почтеніе, достойное Его святости и Ему благопріятное; то изъ благоговѣнія къ Его величію и совершенствамъ, мы должны всемѣрно заботиться о томъ, чтобы преданную Имъ и для насъ спасительную истину

блюсти въ чистотѣ, неповрежденности и полнотѣ, ничего отъ нея не убавляя, и ничего къ ней не прибавляя. Богословъ русской церкви, покойный митрополитъ Макарій, разсуждая о непогрѣшимости Церкви, пишетъ: „Предметъ непогрѣшимости Церкви составляютъ только истины божественнаго откровенія... Ученіемъ о непогрѣшимости Церкви отнюдь не приписывается ей того, будто она получаетъ какія-либо новыя откровенія отъ Бога, а утверждается только, что она во всей цѣлости и истинности соблюдаетъ прежнее, изначала завѣщанное ей откровеніе, и значитъ отнюдь не приписывается ей дара боговдохновенности, которымъ обладали св. Апостолы, а приписывается только соприсутствіе Св. Духа, предохраняющее ее отъ заблужденія [1]). Къ этому разумѣнію проф. Чельцовъ прибавляетъ отъ себя слѣдующее: „говоря, что ученіе Церкви непогрѣшимо, мы не утверждаемъ ничего болѣе, какъ именно то, что оно неизмѣнно,—то же самое, какое было предано ей изначала, какъ ученіе Божіе". Посему, все, что не имѣетъ основанія ни въ Священномъ Писаніи, ни въ Священномъ Преданіи, какъ напр. изслѣдованія археологическія, филологическія, историческія, экзегетическія, юридическія, соображенія философскія, или данныя естествовѣдѣнія,—все это, какъ плоды самодѣятельности человѣческаго разума, не составляетъ предмета непогрѣшимости Церкви, такъ что когда какой-либо церковный писатель или Соборъ для вразумленія невѣрующихъ, не ограничивается только положительнымъ изложеніемъ содержимаго Церковію ученія вѣры, но вступаетъ на путь разсужденій, доказательствъ, изслѣдованій или соображеній, то въ *этой послѣдней части* своего вѣроизложенія онъ подлежитъ оцѣнкѣ одинаково съ каждымъ другимъ мыслителемъ. Ясно, что если разумъ каждаго отдѣльнаго человѣка можетъ погрѣшать, то погрѣшимъ и коллективный разумъ всего человѣчества; непогрѣшимъ только Богъ, и только Его ученіе, проповѣдуемое Церковію, по существу своему чуждо погрѣшностей". Отсюда авторъ дѣлаетъ слѣдующій, для насъ очень важный, выводъ; „И такъ положительное *изложеніе догмата*

[1]) Введеніе въ прав. Богословіе 1847 г. стр. 535—6. § 137.

въ томъ или другомъ *православномъ вѣроизложеніи* должно быть разсматриваемо, какъ *выраженіе непогрѣшимаго ученія Церкви,*—а *объясненіе* или *доказательства,* которыми оно иногда можетъ сопровождаться, сами по себѣ должны быть принимаемы съ большимъ или меньшимъ уваженіемъ, только какъ памятникъ современнаго вѣроизложенію развитія богословской науки“ [1]). Сдѣланное авторомъ различеніе—различеніе весьма тонкое, точное и весьма намъ нужное въ разсмотрѣніи этого пункта въ латинскомъ ученіи.

Сущность нами сказаннаго о предметѣ непогрѣшимости Восточные Патріархи выражаютъ слѣдующимъ образомъ: „вся наша ревность направлена къ тому, чтобы соблюсти чистымъ и неприкосновеннымъ безукоризненный и всесовершенный символъ Христіанской вѣры, сообразно съ Евангеліемъ и опредѣленіями св. вселенскихъ Соборовъ, и съ ученіемъ непрерывно продолжающейся Соборной Церкви [2]).

Въ ватиканскомъ опредѣленіи предметъ непогрѣшимости Церкви понимается гораздо шире, хотя и не съ тою опредѣленностію, съ какою это излагается у православныхъ богослововъ. Въ опредѣленіи разумѣется не вѣроизложеніе уже существующаго въ Церкви догмата, но опредѣленіе, даже и на будущее время, такихъ ученій, которыхъ Церковь еще не содержала, но съ того момента, какъ издано будетъ то или другое опредѣленіе, должна будетъ содержать. Катихизисъ д-ра Ваппплера, составленный послѣ ватиканскаго опредѣленія, простираетъ личную непогрѣшимость папы на все, что относится къ откровенному ученію о вѣрѣ и нравственности, именно: „на ученія, выведенныя изъ откровенія и стоящія съ нимъ въ связи,—на разрѣшенія сомнѣній и споровъ по предметамъ вѣры и нравственности, на обличеніе еретическихъ заблужденій, и наконецъ, вообще на установленіе и опредѣленіе всего, относящагося къ вѣчному спасенію вѣрующихъ“. Здѣсь, очевидно, нѣтъ и мысли ограничить вопросъ о предметѣ непогрѣшимости только точнымъ вы-

---

[1]) Древнія формы символа вѣры прав. Церкви... И. Чельцова. Спб. стр. 190–191.

[2]) Окр. Посл. стр. 21.

раженіемъ положительнаго и Церковію уже содержимаго ученія вѣры. Предметъ непогрѣшимости здѣсь понятъ, какъ церковное учительство. Церковное учительство, исходящее отъ главы Церкви, вообще непогрѣшительно,—будетъ ли это изложеніе положительнаго ученія, или это будетъ какое добавленіе, въ видѣ экзегиза, выводовъ изъ откровенія, соображеній разума, или въ видѣ изслѣдованій церковно-археологическихъ, историческихъ и под. Такъ понимаютъ это и другіе богословы. Профессоръ Рэмъ, спеціально на эту тему написавшій цѣлую книгу [1]), вопросъ о непогрѣшимости Церкви сводитъ къ вопросу о *непогрѣшимомъ учительствѣ*, какъ мы и сказали выше, — и на разрѣшеніе этого вопроса посвящаетъ свое изслѣдованіе. Въ понятіе этого учительства у него, какъ и у другихъ писателей, входитъ отрицаемая православной наукой [2]) теорія развитія догматовъ, —и, какъ неизбѣжное ея слѣдствіе, возведеніе на степень общеобязательныхъ истинъ и такихъ мнѣній, которыя, зародившись въ умахъ нѣкоторыхъ набожныхъ, но не довольно разумныхъ людей, подъ чьимъ-либо покровительствомъ, мало по малу распространяются въ массѣ вѣрующихъ и дѣлаются достояніемъ большинства.

Такое разумѣніе *предмета* непогрѣшимости Церкви въ смыслѣ *непогрѣшимаго учительства* необходимо для латинской церкви въ тѣхъ видахъ, чтобы оправдать всѣ тѣ догматы, которыхъ нѣтъ въ откровеніи, но которые будто бы выведены изъ него путемъ умозаключеній, или просто сказать, которые были вымышлены, сочинены, придуманы латинскими богословами. Таковъ напр. догматъ о непорочномъ

---

[1]) Das Glaubensprincip der kathol. Kirche. Wien 1877.

[2]) Введеніе въ прав. Богословіе Макарія. См. выше. — Чельцовъ говорилъ объ этомъ предметѣ слѣд. образомъ: Никакой исторіи вѣры, религіи, христіанства, или исторіи догматовъ въ собственномъ смыслѣ у православныхъ нѣтъ и быть не можетъ. Стр. 185; см. выше. Вост. Патріархи выражаются такъ: Вѣра, будучи уже вполнѣ раскрыта и запечатлѣна, не допускаетъ ни убавленія, ни прибавленія, ни другаго какого-либо измѣненія, и дерзающій или сдѣлать, или совѣтовать, или замышлять сіе, уже отвергся вѣры Христовой, уже подвергся добровольно вѣчной анаѳемѣ за хулу на Духа Святаго, какъ будто Онъ глаголалъ несовершенно въ писаніяхъ и на Всел. Соборахъ. Стр. 41—42.

зачатіи. Начало сего ученія, въ видѣ частнаго мнѣнія, восходитъ къ половинѣ 12-го вѣка, затѣмъ берется подъ покровительство сперва ордена францисканцевъ, а потомъ ордена іезуитовъ, и въ половинѣ нынѣшняго столѣтія (1854 г.) возводится на степень догмата, т. е. Богомъ открытаго, для спасенія вѣрующихъ необходимаго и потому для всѣхъ обязательнаго ученія. Съ утвержденіемъ этого мнѣнія въ качествѣ догмата получили догматическую твердость и всѣ латинскія, неправыя предположенія о первородномъ грѣхѣ, какъ только объ утратѣ первобытной праведности и святости, о непосредственномъ твореніи каждой въ отдѣльности души человѣческой, о какомъ-то пассивномъ зачатіи, о предварительномъ искупленіи и т. под. [1]). То же должно сказать и объ основномъ догматѣ латинства, — объ исхожденіи Св. Духа *и отъ Сына* (Filioque). Это ученіе, возникшее въ Испаніи, принято было подъ покровительство германскихъ императоровъ и по ихъ настоянію внесено въ Символъ, послѣ чего поступило подъ защиту папъ, и сдѣлалось основнымъ догматомъ латинской церкви. Оно не содержится прямо въ откровеніи, но выведено изъ него тоже путемъ умозаключеній, (изъ ученія о равенствѣ Лицъ Св. Троицы и о посольствѣ Сыномъ Св. Духа), и, какъ дѣло погрѣшительнаго ума человѣческаго, всегда будетъ подлежать его же суду. По нашему убѣжденію выводъ сдѣланъ неправильно, и потому это ученіе навсегда будетъ оставаться спорнымъ пунктомъ и средостѣніемъ между нами и латинами, вѣчнымъ препятствіемъ къ единенію съ ними. Восточные Патріархи въ своемъ Окружномъ Посланіи, именуютъ это ученіе *ересью*, которая распространилась по епархіямъ европейскаго Запада, преодолѣвъ православіе тѣхъ странъ, по нерадѣнію тогда бывшихъ тамъ пастырей и покровительству властей, и пріобрѣла знаменитость въ Церкви, облекшись отличительнымъ именемъ *папизма* [2]). Таковы же догматы латинянъ *о сверхъ-должныхъ дѣлахъ святыхъ*, объ *индульгенціяхъ*, объ *удовлетвореніи*

[1]) См. мое сочиненіе: „Разности Церквей восточной и западной въ ученіи о Пресв. Дѣвѣ Маріи Богородицѣ".—(Изд. 1881 г. и 1903 г.).

[2]) Окр. П. стр. 9—10.

и *о чистилищѣ*. Всѣ эти ученія суть *мнѣнія* сперва *частныя*, а потомъ взятыя подъ *покровительство учащей церкви* и ея авторитетомъ возведенныя на степень Богомъ открытыхъ ученій.

И такъ въ ватиканскомъ опредѣленіи мы имѣемъ несообразное съ истиной, чрезвычайно широкое понятіе о предметѣ непогрѣшимости, въ которое, кромѣ истинъ Богооткровенныхъ, опредѣляемыхъ Церковію, входятъ и представленія о разнообразныхъ отправленіяхъ и проявленіяхъ церковнаго учительства.—Нельзя, говоримъ, не видѣть здѣсь стремленія папизма оправдать себя въ тѣхъ новшествахъ, которыя онъ ввелъ въ свое вѣроученіе и тѣмъ отдѣлился отъ Церкви вселенской.

2) Второй пунктъ, къ объясненію котораго вызываетъ насъ ватиканское опредѣленіе,—относится къ вопросу о храненіи Церковію непогрѣшимости въ вѣроученіи.

Въ ватиканскомъ вѣроопредѣленіи сказано, что при опредѣленіи ученія папа обладаетъ тою непогрѣшимостію, которою Божественный Спаситель благоволилъ надѣлить свою Церковь. При сличеніи здѣсь содержащагося ученія съ нашимъ, по которому у насъ хранителемъ ученія полагается все тѣло Церкви,—разность оказывается глубокая и существенная, сопровождаемая значительными послѣдствіями для латинской церкви. Раскроемъ это.

По ученію православной Церкви, храненіе Богопреданной истины въ ея цѣлости и чистотѣ вручено Церкви. Православный Катихизисъ учитъ: „*Всѣ истинно вѣрующіе*, соединенные священнымъ преданіемъ вѣры, *совокупно и преемственно*, по устроенію Божію, составляютъ изъ себя Церковь, которая и есть вѣрное хранилище Священнаго Преданія, или, по изреченію св. ап. Павла, *Церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15). Св. Иринеи пишетъ: *не должно у другихъ искать истины, которую легко заимствовать отъ Церкви. Ибо въ нее, какъ бы въ богатую сокровищницу, Апостолы въ полнотѣ положили все, что принадлежитъ истинѣ, такъ что каждый желающій можетъ принимать отъ нея питіе жизни. Она есть дверь жизни.* (Противъ ерес. кн. Ш, гл. 4). Восточные Па-

тріархи объ этомъ предметѣ выражаются въ томъ же смыслѣ, говоря, что „у насъ хранитель благочестія—самое тѣло Церкви, т. е. самый народъ". Ясно, что въ этомъ отношеніи у насъ нѣтъ раздѣленія Церкви на двѣ неравныя половины—церковь учащую и церковь слушающую, такъ, какъ будто учители Церкви по обязанности и сознательно хранятъ непогрѣшительное ученіе Церкви,—а церковь слушающая—міряне—только своимъ безусловнымъ послушаніемъ участвуетъ въ храненіи истины. Нѣтъ, забота о храненіи истины лежитъ на всѣхъ сынахъ Церкви—и на пастыряхъ, и на пасомыхъ. Всѣ вѣрующіе обязаны стремиться къ *непогрѣшимости* въ вѣрѣ,—какъ всѣ обязаны достигать *святости* въ жизни. Этого требуетъ наша природа, чтобы знать истину, какъ истину; этого же требуетъ самое существо истины, какъ откровеніе всесовершеннаго Божества; этого же требуетъ и конечная цѣль откровенія—спасеніе человѣка.

Но, чтобы хранить Божественную истину въ ея чистотѣ и цѣлости, для этого недостаточно одного книжнаго знанія истины. Такое знаніе есть знаніе внѣшнее и для храненія истины мало значущее. Къ концу ветхозавѣтной Церкви, преемники пророковъ, книжники были учеными богословами, считались знатоками Писанія, обладателями ключей разумѣнія, но тѣмъ не менѣе, по слову Спасителя, оказались слѣпыми вождями, пребывающими въ заблужденіяхъ, не знающими ни Писанія, ни силы Божіей (Мѳ. 22, 29; 23, 13;—Лук. 11, 52). Они почивали на законѣ, знали сколько буквъ въ священныхъ книгахъ, сколько разныхъ значковъ, умѣли спорить о важности заповѣдей, разсуждать о знаменіяхъ времени, но тѣмъ не менѣе, проглядѣли самое главное—не узнали Того, о Комъ писалъ Моисей и Пророки, Кто былъ чаяніемъ народовъ и спасеніемъ Израиля. Подобное можетъ быть и, къ сожалѣнію, бываетъ и въ наше время. Знаніе Писаній, разсужденія о догматахъ вѣры, краснорѣчивыя разглагольствія о Спасителѣ—еще не даютъ ручательства въ непогрѣшительномъ храненіи истины Божіей.

Что же нужно для этого? Въ противоположность внѣшнему познанію нужно еще внутреннее познаніе, живое усвое-

ніе истины или иначе—устроеніе нашей внутренней жизни по руководству истины. Мы должны такъ мыслить о Богѣ и такъ чтить Его, какъ учитъ откровеніе,—такъ понимать міръ и такъ относиться къ нему, какъ учитъ откровеніе,—такъ устроять свою душу и свою жизнь, какъ опять учитъ то же откровеніе. Такое устроеніе души своей мы должны такъ упрочить за собою, чтобы оно вошло въ нашу природу, сдѣлалось нашею собственностію, нашимъ достояніемъ, подобно тому, какъ въ порядкахъ земной жизни — порядочность и приличныя манеры дѣлаются собственностію благовоспитаннаго человѣка,— чужія пьесы — собственностію артиста. Съ усвоеніемъ откровенной истины всей душей, съ претвореніемъ ея, такъ сказать, въ существо нашего духа, она перестаетъ быть внѣшнимъ писаннымъ руководствомъ; она становится его природою, его свойствомъ, характеромъ его жизни. Вѣрующій, такимъ образомъ, достигаетъ нравственнаго тожества съ истиной; истина въ немъ осуществляется [1]), а черезъ то достигается воспитательная и спасительная цѣль откровенія.

Съ постепеннымъ усвоеніемъ откровенной истины въ насъ постепенно развивается чувство истинности и духъ разумѣнія. Спаситель сказалъ, что *творящій волю Отца небеснаго разумѣетъ божественное происхожденіе Его ученія* (Іоан. 7, 17). Св. ап. Павелъ ту же мысль о нравственномъ сродствѣ боголюбивой души съ Христовой истиной выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *мы приняли не духа міра сего, а духа отъ Бога, дабы знать дарованное намъ отъ Бога; душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія... и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надо судить духовно, но духовный судитъ обо всемъ, а о немъ судить никто не можетъ* (Кор. 2, 11—15). Такъ Апостолъ выясняетъ общій законъ духовной благодатной жизни, дѣйствующій въ Церкви. Это, говоритъ, сродство духа съ истиной или полное тоже-

[1]) Св. Марія Египетская 47 л. провела въ пустынѣ въ покаяніи, и достигла такого совершенства, что, не учившись и не видавъ человѣческаго лица впродолженіе всего пребыванія въ пустынѣ, говорила словами Св. Писанія. Фактъ весьма замѣчательный. См. Четьи-Минеи 1 Апр.

ство съ нею. Какъ въ жизни плотской, земной мы понимаемъ слова въ той мѣрѣ, въ какой они намъ знакомы по собственнымъ нашимъ ощущеніямъ и опытамъ; такъ и въ духовной жизни *глаголы жизни вѣчной* становятся намъ понятными только въ той мѣрѣ, въ какой истины откровенія проводятся въ нашу жизнь, становятся достояніемъ нашего внутренняго опыта и нашего сознанія. Слѣпому напрасно мы станемъ толковать о свѣтѣ и цвѣтахъ, глухому—о музыкѣ, страдающему лихорадочнымъ ознобомъ—о теплотѣ и благотворности солнечныхъ лучей. Такъ непонятна будетъ рѣчь о божественныхъ предметахъ человѣку невѣрующему и нравственно-больному, духовно-слѣпому и глухому. Душевный человѣкъ, живущій плотскою жизнію, хотя бы возсѣдалъ на самомъ высокомъ іерархическомъ престолѣ, не можетъ принимать и понимать того, что отъ Духа Божія, а вѣрующій и живущій духовно, хотя бы принадлежалъ и къ неученымъ мірянамъ, *судитъ духовно обо всемъ*.

Для управленія ходомъ внутренней жизни вѣрующихъ и для наблюденія за правильностію ея теченія поставлены пастыри Церкви, какъ ея учители. Мы уже сказали, въ чемъ состоитъ пастырское служеніе? Въ томъ, чтобы приводить ко Христу и вводить вѣрующихъ въ живое общеніе съ Нимъ. Учительство есть одинъ изъ видовъ этой общей обязанности пастырей. Въ своемъ учительствѣ они должны преподавать ученіе Христово, не какъ свою, но какъ объективную истину,— т. е. для всѣхъ необходимую и обязательную,—всѣми пріемлемую и познаваемую. Объективная истина пребываетъ въ сознаніи вселенской Церкви. Послѣ того, какъ Основатель Церкви Христосъ, Своею крестною смертію и воскресеніемъ, положилъ начало нашего спасенія и заповѣдалъ ученикамъ Своимъ проповѣдовать Евангеліе всѣмъ народамъ и учить ихъ соблюдать все, что Онъ имъ заповѣдалъ,—Апостолы согласно съ Его повелѣніемъ устроили вселенскую Церковь, положивъ въ нее, какъ въ богатую сокровищницу, всю полноту Христовой истины. Съ того времени Церковь всегда сознавала и сознаетъ себя, какъ духовное, но въ то же время видимое общество людей, которые имѣютъ одинаковое исповѣданіе вѣры, и потому одинаковыя мысли, одинаковыя сер-

дечныя расположенія и движенія воли, одинаковыя отношенія къ Богу и къ міру, одинаковыя надежды и чаянія въ будущемъ, и которые этою одинаковостью связуются въ одно святое братство. Это единство внутренно и благодатно поддерживается въ Церкви невидимою Главою ея, Христомъ, всегда съ нами пребывающимъ и въ насъ дѣйствующимъ силою ниспосылаемаго Имъ Духа Святаго, видимымъ же образомъ — пастырями и учителями Церкви. Понятно, что ихъ учительство не нужно понимать, какъ раскрытіе чего-то своего личнаго для Церкви, чѣмъ Церковь безъ нихъ не владѣетъ и не могла бы владѣть. Нѣтъ, учительство истинныхъ пастырей состоитъ въ преподаніи и раскрытіи истины, въ Церкви же пребывающей и Церковію обладаемой. Они берутъ ученіе отъ Церкви и для Церкви же употребляютъ. Спасительное знаніе истины, принадлежащее немногимъ, пастыри должны сообщать всѣмъ, чтобы всѣ преуспѣвали въ познаніи и достигали въ мѣру полнаго возраста Христова. Такимъ образомъ, не выступая изъ общаго церковнаго сознанія или изъ вселенскаго единомыслія, но пребывая въ немъ, они сами преуспѣваютъ въ разумѣніи истины и своихъ пасомыхъ приводятъ къ нему.

Это ученіе весьма глубокое и весьма важное въ православномъ міровоззрѣніи. Пастыри не могутъ быть больше Церкви;— напротивъ, Церковь всегда больше пастырей; они суть только органы вселенскаго тѣла, а не все тѣло.

Отсюда становится понятною духовная связь пастырей съ своими паствами; ихъ связуетъ не авторитетъ съ одной стороны и безусловное послушаніе съ другой, а единство истины и единство ея сознанія,—или просто единомысліе. Пасомые пріемлютъ и уважаютъ своего пастыря, когда онъ говоритъ и возвѣщаетъ имъ истину; и напротивъ, чуждаются и отвергаютъ такого пастыря, который ложь выдаетъ за истину;— значитъ, у нихъ есть чувство и разумѣніе истины; значитъ, они судятъ о пастырѣ не по его авторитету, а по его соотвѣтствію истинѣ; слѣдовательно мѣриломъ взаимныхъ отношеній между ними служитъ объективная истина,— или, говоря языкомъ богословскимъ,—православіе. Эти самыя мысли Восточные Патріархи кратко выражаютъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Св. Отцы научаютъ насъ, чтобы мы не по престолу судили о православіи (какъ требуютъ латины), но о самомъ престолѣ и сѣдящемъ на престолѣ—по Божественнымъ Писаніямъ, по Соборнымъ уставамъ и опредѣленіямъ, и по Вѣрѣ, всѣмъ проповѣданной, т. е. *по православію непрерывнаго ученія Церкви*“ [1]).

Заключая все это изслѣдованіе, мы говоримъ, что *непогрѣшимость* Церкви покоится на внутреннемъ ея составѣ, и покоится такъ твердо, прочно, незыблемо, что отрицать ее будетъ значитъ то же, что отрицать существованіе истинновѣрующихъ, праведныхъ и богоугодныхъ людей, въ которыхъ живетъ Духъ Божій. Если о мірѣ сказано: *сѣмя свято стояние его,* т. е. что ради святаго сѣмени стоитъ міръ, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о Церкви. Пока есть праведники—существуетъ и Церковь,—хранится и непогрѣшительное ученіе вѣры; и наоборотъ, — пока хранится непогрѣшительное ученіе вѣры и существуетъ Церковь, будутъ и праведники. Какъ бы ни умалялось число праведниковъ, но они будутъ существовать до конца міра, и когда зло возрастетъ до того, что будетъ грозить существованію ихъ на землѣ, тогда прекратится и существованіе самаго міра. По слову Господа, дни чрезвычайныхъ неправдъ, скорбей и бѣдствій послѣдняго времени *прекратятся избранныхъ ради* (Мѳ. 24, 22). Так. образ. наше заключеніе можно выразить въ слѣдующемъ краткомъ видѣ: *непогрѣшимость* Церкви покоится на ея *святости; Церковь непогрѣшима, потому что свята.*

Не таковы представленія Церкви латинской.

Папа, по ученію латинянъ, одаренъ даромъ *активной* и *пассивной* непогрѣшимости, т. е. что̀ мы приписываемъ всему тѣлу Церкви, то совершается въ его лицѣ; въ немъ богооткровенная истина хранится въ своей неповрежденности, его сознаніемъ усвояется и претворяется въ существо человѣческаго духа и чрезъ него же дѣлается достояніемъ всей церкви. Словомъ, въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается вся церковная жизнь. Даръ непогрѣшимости пребываетъ въ немъ *пассивно*, когда онъ держится исповѣданія

[1]) Окр. П, стр. 18.

вѣры (хотя этого можетъ и не быть), и *активно*, когда даетъ опредѣленіе объ ученіи, котораго Церковь еще не содержала. Таковою представляется папская непогрѣшимость, по толкованію латинскихъ богослововъ.

Не станемъ вдаваться въ подробнѣйшій разборъ, какъ самыя слова, здѣсь употребляемыя латинами, недовольно ясно и раздѣльно понимаются ими; скажемъ существенное.

Когда говорятъ, что папа *лично* непогрѣшимъ (Катихизисъ) и что онъ снабженъ *даромъ активной и пассивной* непогрѣшимости,—нужно бы представлять, что непогрѣшимость соприсуща ему *постоянно*, внутри—въ его сознаніи, и вовнѣ—въ каждомъ случаѣ проявленія его сознанія. Но въ дѣйствительности оказывается совсѣмъ не то. Даръ *непогрѣшимости* дѣйствуетъ въ немъ, такъ сказать, *спорадически*. Въ предшествующей статьѣ мы показали въ его сознаніи раздвоеніе: частная его жизнь,—жизнь какъ христіанина, наравнѣ съ другими подвизающимися въ дѣлѣ спасенія, проходитъ подъ руководствомъ вѣры и можетъ какъ достигать высокаго подъема, такъ и ниспадать до совершеннаго безвѣрія, что̀ зависитъ отъ его личнаго, свободнаго изволенія; общественная же его жизнь, прохожденіе верховнаго служенія, совершается подъ руководствомъ его самосознанія, и чѣмъ выше самосознаніе, тѣмъ ближе папа подходитъ къ своему идеалу. То же самое раздвоеніе существуетъ и въ его непогрѣшимомъ учительствѣ. Въ частной жизни, въ своемъ сознаніи, какъ вѣрующій, какъ ученый, онъ погрѣшимъ;—даже болѣе того: онъ можетъ быть невѣромъ, матеріалистомъ, человѣкомъ распутнымъ (какъ и бывали тому не единичные примѣры [1]), — но какъ папа, какъ верховный первосвященникъ — онъ сосудъ Духа Святаго, онъ непогрѣшимъ. О погрѣшимости его такъ разсуждаютъ латинскіе богословы: папа, какъ ученый, какъ писатель, когда

[1]) „Даже нашъ вѣкъ видѣлъ нѣсколько самыхъ худшихъ преемниковъ ап. Петра. Скандальная жизнь Льва XII, его амуры и многочисленное потомство отъ madame Пфифферъ люцернской, и затѣмъ жизнь Григорія XVI, его легкомысліе и фривольныя забавы, такъ подробно описанныя въ недавно-изданномъ сочиненіи автора—римско-католика,—могутъ доказать, что прогрессъ цивилизаціи и умств. движенія XIX

излагаетъ свои частныя мнѣнія и не даетъ опредѣленій для вселенской Церкви, можетъ погрѣшать, какъ и всякій другой ученый. Беллярминъ выдаетъ за общепризнанное положеніе, что по невѣдѣнію папа, какъ частный ученый, можетъ погрѣшать и въ вопросахъ вѣры и нравственности. За общепризнаваемое положеніе Беллярминъ выдаетъ даже и то, что будто бы папа въ вопросахъ спорныхъ и частныхъ можетъ заблуждаться вмѣстѣ со вселенскимъ соборомъ. Кратко *непогрѣшимость* связана неразрывно не съ лицемъ папы и не съ его нравственнымъ состояніемъ,—а съ его служеніемъ и именно съ отправленіемъ служенія [1]). Какъ лице, папа можетъ противиться Духу Святому, пребывать въ заблужденіи и невѣріи, быть сосудомъ лжи и грѣха,— но какъ скоро онъ начинаетъ говорить, какъ вселенскій учитель, Духъ Божій движетъ его устами, и непогрѣшительное вѣдѣніе богооткровенной истины открывается всему міру. Непогрѣшительнымъ учителемъ вселенской Церкви можетъ быть и порочный папа, говорятъ іезуиты, — ибо Духъ Святый нѣкогда прорекъ устами порочнаго первосвященника Каіафы (Іоан. 11, 51); непогрѣшительнымъ можетъ быть также и совершенно невѣжественный папа; ибо Богъ указалъ нѣкогда людямъ истинный путь чрезъ прорекшую ослицу (Числ. 22, 27—30;—іезуитъ Эрберманъ). Въ исторіи латинской Церкви мы имѣемъ примѣры на то, какъ порочные папы изрекали опредѣленія якобы по дѣйствію Духа Божія. Такъ это было съ папой Іоанномъ XXIII; по суду Констанцскаго Собора, онъ былъ человѣкъ жестоковыйный и упорный грѣшникъ, беззаконникъ, достовѣрно обвиняемый въ человѣкоубійствѣ, въ отравленіяхъ и другихъ тяжкихъ злодѣяніяхъ,—извѣстный святокупецъ, упорный еретикъ и безбожный матеріалистъ, утверждавшій, что душа человѣ-

вѣка вліяли мало или же вовсе не имѣли дѣйствія на исправленіе скандальнаго поведенія мнимыхъ намѣстниковъ Христовыхъ.—Слова винчестерскаго бенифиціарія.—Если это завѣреніе справедливо, то оно доводитъ насъ до 1846 г. и слѣдов. только одно первосвященство покойнаго папы отдѣляетъ насъ отъ настоящаго времени". Безспорныя преимущества Прав. Каѳол. Церкви Овербека. 1883 г. стр. 107—8.

[1]) Das Glaubensprincip v. Röhm. p. 111—112.

ческая умираетъ и потухаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ;—но тѣмъ не менѣе его канонизація или сопричисленіе къ лику святыхъ Бригитты, которую папа Григорій XII, умирая, велѣлъ изгнать изъ Рима, какъ вредную для церкви мечтательницу,—принята римскою церковію; слѣдовательно признается, что въ этомъ случаѣ папа Іоаннъ дѣйствовалъ, какъ непогрѣшимый учитель силою Духа Божія [1]).

Такимъ образомъ между хранителемъ истины, папой, и хранимой имъ истиной нѣтъ внутренней связи, нѣтъ нравственнаго сродства и тожества. Соприсутствіе Духа Божія связывается съ его лицемъ чисто внѣшнимъ, такъ сказать, насильственнымъ и механическимъ образомъ. Спасительное дѣйствіе Духа Божія проходитъ чрезъ него, не задѣвая или не затрогивая его ума и сердца,—безслѣдно для его сознанія;—непогрѣшимъ не папа, а непогрѣшимо его служеніе,—его папское дѣйствованіе;—потому что „Церкви необходимо не лице какъ таковое, а служеніе“ [2]),—говоритъ проф. Рэмъ. Непогрѣшимость Церкви, поэтому, покоится не на *святости ея*, какъ мы утверждаемъ,—а на *званіи папы*; Церковь не потому *непогрѣшима*, что *свята*, а потому, что имѣетъ верховнаго первосвященника, чрезъ котораго всегда, когда нужно, дѣйствуетъ Духъ Святый. Такъ превращенъ основной законъ церковной жизни! Основное условіе — святость устранено; а вмѣсто него поставлено другое, совершенно случайное и по существу немыслимое,—папское служеніе. Это opus operatum, доведенное до крайности, до абсурда.

Когда такимъ образомъ во главѣ Церкви истина познается не путемъ нравственнаго претворенія въ существо духа, когда притомъ и соприсутствіе Святаго Духа понимается

---

[1]) Право канонизаціи святыхъ и объявленіе иконъ чудотворныхъ чудотворными — принадлежитъ папѣ, со времени п. Александра III. „Объ отношеніяхъ“. Авдія Востокова, ч. II стр. 55.

Папа Сикстъ V, Доминикъ Гравина (XVIII в.), Дюваль († 1638) Михаилъ Мауклеръ (ок. 1640), Григорій де Валенсіа и др. распространяютъ прерогативу непогрѣшимости и на канонизацію святыхъ.—См. Овербека „Безспорныя преимущества пр. к. церкви“. 1883 г. стр. 85.

[2]) Röhm pag. 109... denn nicht die Person als solche, als das Amt ist der Kirche nothwendig.

чисто внѣшнимъ образомъ,—то что же должно сказать о самой Церкви? какъ она участвуетъ въ храненіи непогрѣшимой истины? какъ участвуютъ всѣ вѣрующіе? Если мы возьмемъ *непогрѣшимость* въ смыслѣ латинскомъ, какъ *учительство;* то, очевидно, нижніе слои пирамидальнаго зданія Церкви не участвуютъ въ *непогрѣшимости*; ибо учительство не ихъ дѣло. Но если мы возьмемъ непогрѣшимость въ смыслѣ *храненія* истины,—въ нашемъ смыслѣ,—что отчасти допускаютъ и латиняне,—то и за ними признается участіе; и міряне участвуютъ въ непогрѣшимости, но только не такъ, какъ папа и отчасти духовные, но особеннымъ, имъ свойственнымъ, образомъ, именно: *страдательно* или пассивно. Вся Церковь, стоящая подъ главенствомъ папы, т. е. за исключеніемъ его самого — одарена даромъ *пассивной непогрѣшимости*, а что такое *пассивная непогрѣшимость*, —мы объ этомъ можемъ судить по предшествующей статьѣ. Мы знаемъ, что спеціальная латинская добродѣтель — не вѣра, какъ добродѣтель дѣятельнаго характера, а *безусловное послушаніе*; воспринимая безпрекословно ученіе учащей церкви, слушающая церковь участвуетъ въ *ея непогрѣшимости* посредствомъ безпрекословнаго принятія преподаваемаго ей ученія, такъ какъ учащій авторитетъ служитъ для католика *правиломъ* вѣры. Католикъ не можетъ и не долженъ знать истины по ея внутреннему достоинству, какъ она есть сама въ себѣ; онъ долженъ изучать ее по ученію папы, по соображенію со всей его системой. Всякое самостоятельное движеніе католика въ области вѣры и познанія — преступно и подлежитъ осужденію; оно служило бы признакомъ сомнѣнія въ самой теоріи папизма и могло бы привести къ попыткѣ повѣрять ее съ откровенной истиной, что въ глазахъ папистовъ равняется ереси или протестантству. Отсюда объясняется характеръ католическаго воспитанія. Нигдѣ школы не отличаются такою односторонностію и исключительностью, какъ въ католичествѣ. Молодые люди, вышедшіе изъ латинскихъ школъ, часто совсѣмъ теряютъ способность правильно мыслить, безпристрастно относиться къ чужимъ взглядамъ, умѣть становиться на точку зрѣнія противника и судить о предметѣ по существу; — *объективной истины* для нихъ не

существуетъ, и они ея не знаютъ. Въ этомъ отношеніи латинство представляетъ собою замкнутое—цѣлое, тщательно прикрытое отъ сторонніхъ вліяній и тѣхъ опасностей и искушеній, которыя неизбѣжны на пути свободнаго и самостоятельнаго мышленія. Это было бы похвально, если бы не противорѣчило природѣ человѣка и не лишало его свободы, для сохраненія которой Самъ Творецъ избралъ такое чрезвычайное средство, какъ воплощеніе Сына Божія и Его страданія за насъ.

И такъ, въ церкви латинской познаніе истины какъ внѣшне для главы ея—папы, такъ внѣшне и для всего состава церкви. Отсюда объясняется вообще характеръ богословской науки въ латинствѣ. Она не стремится къ познанію законовъ духовной жизни, къ раздѣльности понятій и точности выраженій; но она заботится о логическомъ движеніи мысли и внѣшне-правильномъ построеніи системы. Схоластика—вотъ названіе, которое объясняетъ всѣ ея особенности, весь ея характеръ. Схоластическая богословская наука — есть плодъ внѣшняго познанія истины. Отсюда объясняется чрезвычайное сходство латинства съ фарисейскимъ ветхозавѣтничествомъ. Латинство есть повтореніе или воспроизведеніе мудрости книжниковъ и фарисеевъ. (Особенно это рѣзко выступаетъ въ системахъ іезуитской морали). Законъ христіанскій, законъ любви и безконечнаго восхожденія отъ совершенства къ совершенству—понятъ здѣсь чисто внѣшнимъ образомъ, какъ ветхозавѣтный законъ дѣлъ, какъ кодексъ предписаній и заповѣдей, не связанныхъ и не проникнутыхъ духомъ новозавѣтной любви. Какъ тамъ выполненіе закона признавалось возможнымъ для человѣка, такъ признается оно возможнымъ и въ латинствѣ; какъ тамъ оно давало право на оправданіе, такъ и здѣсь даетъ право на заслуги и на блаженство. Какъ тогда неразумная ревность по закону вызвала себѣ обличеніе со стороны св. ап. Павла и послужила для него поводомъ къ раскрытію ученія объ оправданіи вѣрою во Христа; такъ и теперь одностороннее латинство вызвало себѣ подобное обличеніе, — только въ видѣ другой, противоположной крайности—въ лютеранствѣ.

3) Обращаемся теперь къ признакамъ непогрѣшительныхъ папскихъ опредѣленій.

Папа, какъ мы видѣли выше, не обладаетъ безусловной непогрѣшимостію,—какъ лицо, онъ погрѣшимъ, наравнѣ съ другими, но онъ непогрѣшимъ, когда говоритъ *отъ своей каѳедры*, ex cathedra, т. е. когда исполняетъ свое служеніе, какъ пастырь и учитель всѣхъ христіанъ.

Естественно теперь возникаетъ вопросъ: когда же онъ говоритъ ex cathedra? Какъ можетъ это узнать вѣрующій католикъ? какіе на это указаны ему признаки, по которымъ бы онъ могъ отличать непогрѣшительныя опредѣленія отъ погрѣшительныхъ, чистую божественную истину отъ вредныхъ примѣсей лжи? Гдѣ проходитъ та черта, которая отдѣляетъ личныя мнѣнія папы отъ его каѳедральныхъ опредѣленій? Имѣть на это прямой и ясный отвѣтъ католику необходимо; ибо во-первыхъ папскихъ опредѣленій очень много; поэтому спрашивается: всѣ-ли нужно относить къ каѳедральнымъ опредѣленіямъ, или только нѣкоторыя изъ нихъ?—если же нѣкоторыя, то какія именно? Такъ, напр., папа Сикстъ V, издавая въ свѣтъ собственноручно исправленный латинскій переводъ библіи, подъ угрозою анаѳемы обязывалъ католиковъ принимать оный какъ самый подлинникъ; и такъ какъ этотъ переводъ оказался потомъ невѣрнымъ, со множествомъ ошибокъ, и потому изъятъ былъ изъ употребленія,—то очевидно, что его опредѣленіе не было каѳедральнымъ; но отсюда раждается вопросъ: какимъ же образомъ католики могли отличить это ошибочное опредѣленіе папы отъ другихъ неошибочныхъ? Должно ли также относить къ каѳедральнымъ опредѣленіямъ Силлабусъ Пія IX, который католическія правительства не позволили обнародывать въ церквахъ своихъ владѣній? Точно также опредѣленіе папы Льва XIII относительно Ѳомы Аквината, въ которомъ онъ возводитъ его въ доктора Церкви, а его богословіе на степень образца богословской системы,—нужно ли относить къ числу каѳедральныхъ, непогрѣшимыхъ и неизмѣнныхъ? По нашему мнѣнію, не слѣдовало бы, но какъ думаютъ объ этомъ католики, и чѣмъ они должны руководствоваться въ этомъ случаѣ?

Во-вторыхъ; кромѣ этого множества есть еще довольно

такихъ опредѣленій, которыя одно другому противорѣчатъ. Такъ папа Левъ III, несмотря на требованіе императора Карла Великаго, не согласился внести въ Никео-Константинопольскій Символъ испанское прибавленіе Filioque, и, для огражденія Символа отъ такого посягательства на его цѣлость и на будущее время, вычеканилъ Символъ на двухъ таблицахъ, которыя и утвердилъ на стѣнахъ храма. Папа же Бенедиктъ VIII, по настоянію императора Генриха [1]), около 1014 или 1015 г. внесъ это прибавленіе въ Символъ, и съ тѣхъ поръ испанское нововведеніе сдѣлалось догматомъ всей латинской Церкви. Спрашивается: кто же изъ этихъ папъ дѣйствовалъ непогрѣшимо? Вопросъ о Символѣ — вопросъ вселенской важности, и никакъ нельзя сказать того, чтобы кто-нибудь изъ этихъ папъ дѣйствовалъ, какъ частное лице, а не какъ вселенскій учитель. Папа Евгеній IV въ своихъ буллахъ къ Базельскому Собору признавалъ положеніе Констанцскаго Собора о верховенствѣ Соборовъ надъ папами, но послѣ отрекся отъ своего признанія: — опять вопросъ вселенской важности, по крайней мѣрѣ, для латинства;—спрашивается: когда же папа Евгеній IV дѣйствовалъ, какъ вселенскій учитель: тогда ли, когда признавалъ верховенство Соборовъ, или тогда, когда отрекся отъ этого признанія? Папа Климентъ XIV осудилъ и закрылъ орденъ іезуитовъ, а Пій VII возстановилъ его;—спрашивается: кто же изъ нихъ дѣйствовалъ, какъ вселенскій учитель, и кто, какъ частное лице? Орденъ іезуитовъ имѣетъ великое значеніе въ латинской Церкви и потому опредѣленія объ его закрытіи и возстановленіи должны считаться каѳедральными; но кому же вѣрить?

И такъ, какимъ образомъ можно распознать каѳедральное опредѣленіе (ex cathedra) отъ некаѳедральныхъ? Въ выраженіи ex cathedra нѣтъ данныхъ для указанія разграничительной черты между тѣми и другими: оно слишкомъ условно и растяжимо; его можно, какъ угодно, расширять

---

[1]) Histoire du Schisme des Grecs par le p. Louis Maimbourg de la Compagnie de Jésus. à Paris 1677 v. pag. 199.—См. также Handbuch der alt. Geschichte v. Hergenröther. 1880 г. 1 B. p. 690.

и, какъ угодно, съуживать,—чего въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ различеніе божественной истины отъ опредѣленій частныхъ, подлежащихъ ошибкамъ и отмѣнамъ, отнюдь не должно быть.

Въ Церкви православной восточной такого вопроса нѣтъ и не можетъ быть. Мы, православные, различаемъ опредѣленія вселенскихъ Соборовъ отъ опредѣленій помѣстныхъ; первымъ придаемъ вселенскую важность, вторымъ, какъ не прошедшимъ чрезъ единомысленное сознаніе вселенскаго Собора, значеніе только для мѣстной церкви. И просто, и ясно.

Папистамъ, впрочемъ, такое положеніе дѣла вселенскихъ опредѣленій не представляется столь простымъ и понятнымъ, и потому на этомъ пунктѣ намъ нужно остановиться и разъяснить его имъ. Папистамъ представляется непонятнымъ, какимъ образомъ мы безъ авторитета папы, котораго не признаемъ, можемъ рѣшать вопросъ о вселенскости того или другаго Собора, и одни изъ нихъ принимать, какъ вселенскіе, а другіе, какъ частные? Спрашивается, — пишетъ горячій защитникъ папизма, чешскій капланъ Бартакъ,—спрашивается: „кто у восточныхъ установленъ судьей въ этомъ дѣлѣ? Греки учатъ такъ же, какъ и мы, что вселенскіе Соборы дѣйствуютъ по Божественному полномочію, Божественнымъ авторитетомъ, и непогрѣшительно рѣшаютъ въ дѣлахъ вѣры;—спрашивается: кто же у нихъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, что извѣстный вселенскій Соборъ дѣйствовалъ по Божественному полномочію и Божественнымъ авторитетомъ, и дѣйствительно рѣшилъ вопросъ вѣры непогрѣшительно, а не по человѣческому разсужденію и самомнѣнію, вообразивъ себя дѣйствующимъ по внушенію отъ Духа Святаго? Возможно-ли, чтобы этотъ вопросъ былъ рѣшенъ судьею, имѣющимъ человѣческій авторитетъ и подверженнымъ ошибкамъ и заблужденіямъ? Можетъ-ли Божественное непогрѣшимое опредѣленіе пріобрѣтать силу достовѣрности отъ человѣческаго погрѣшительнаго сужденія? Какимъ образомъ мы можемъ пріобрѣсти увѣренность въ непогрѣшимости Собора, когда относительно его возникаютъ сомнѣнія? Когда изъ Собора исключаютъ высшаго непогрѣшимаго судію и рѣшителя

вселенскости папу, то остаются-ли еще какіе признаки, при которыхъ сомнѣніе стало-бы невозможнымъ? Соборъ безъ непогрѣшимаго судіи не сталъ-ли бы просто иллюзіей, призракомъ, обманомъ? Или, можетъ быть, греки думаютъ, что одинъ вселенскій Соборъ подтверждается слѣдующимъ, а тотъ еще слѣдующимъ и т. д. Но это кругъ, сказочка о бѣленькомъ бычкѣ. Не понимаемъ, какъ можно такъ оскорблять логику? Народъ греческій былъ когда-то народомъ философскимъ, но это было давно, этому прошло уже двѣ тысячи лѣтъ“ [1]). Вотъ съ какою запальчивостію возражаютъ намъ наши противники, не замѣчая, что они-то именно и стоятъ въ этомъ логическомъ кругу.

Такая постановка дѣла крайне не научна и являетъ всю односторонность латинскаго мышленія. Нелогичность восточныхъ авторъ усматриваетъ съ точки зрѣнія папской непогрѣшимости, съ числа неизвѣстнаго, которое еще нужно найти и доказать. Эта непогрѣшимость представляется автору въ видѣ внѣшняго авторитета, который прилагаетъ свой штемпель или свою печать къ тѣмъ или другимъ рѣшеніямъ епископовъ и тѣмъ опредѣляетъ ихъ вселенское значеніе. Авторъ не подозрѣваетъ, что мы признаемъ за Церковію самосознаніе, т. е. что она всегда сознавала и сознаетъ себя, какъ единое, всегда себѣ вѣрное и тожественное общество. Съ этой точки зрѣнія упрекъ въ недостаткѣ логики падаетъ именно на папистовъ, а никакъ не на православныхъ. Разъяснимъ это.

Всякое общество,—имѣющее свой опредѣленный уставъ, знаетъ: какое изъ своихъ собраній ей нужно считать общимъ—генеральнымъ, и какое—частнымъ; а когда высылаетъ на собранія своихъ представителей,—имѣетъ право судить ихъ, дѣйствовали-ли они по возложеннымъ на нихъ полномочіямъ или нѣтъ? рѣшали ли данные имъ вопросы въ интересахъ общества, или вопреки имъ? Подобное, только въ лучшемъ и совершеннѣйшемъ смыслѣ должно сказать о Церкви вселенской. Она знаетъ свои Соборы и ясно различаетъ между ними вселенскіе и помѣстные. У нея есть свои представи-

[1]) Studie o cirkvi ruské. II V cirkvi r. trè papežü. p. 24—25.

тели — епископы, предстоятели помѣстныхъ церквей. Когда епископовъ приглашаютъ на Соборъ, отъ лица ли свѣтской власти, или отъ лица старѣйшихъ іерарховъ, или отъ лица іерарховъ, нуждающихся въ братской помощи сослужителей, имъ предъявляютъ общецерковныя нужды и вопросы, о которыхъ будетъ рѣчь на Соборѣ. Поэтому епископы, отправляясь на Соборъ, знаютъ о предметѣ совѣщаній и везутъ съ собою готовое исповѣданіе своихъ церквей, какъ ихъ предстоятели и представители, не для открытія новыхъ догматовъ, но для исповѣданія и сохраненія единства и чистоты догматовъ вѣры, содержимой и исповѣдуемой всѣми церквами,— и для обличенія еретическихъ заблужденій и искаженій. При сличеніи помѣстныхъ исповѣданій между собою открывается вселенское единомысліе помѣстныхъ церквей; при сличеніи единомысленнаго исповѣданія помѣстныхъ церквей съ исповѣданіемъ Отцевъ предшествующихъ вѣковъ, — открывается тождество исповѣданія по времени. Церковь едина за всѣ времена по своему ученію и исповѣданію. Вмѣстѣ съ симъ, по сличеніи исповѣданій частныхъ, слагается исповѣданіе общее, очищенное или отрѣшенное отъ мѣстныхъ особенностей въ языкѣ и выраженіяхъ. Такъ составился вселенскій символъ на первыхъ двухъ Вселенскихъ Соборахъ; такъ составлялись и вселенскія вѣроопредѣленія на остальныхъ вселенскихъ Соборахъ. Подъ составленными такимъ образомъ вѣроопредѣленіями подписывались всѣ участвовавшіе въ Соборѣ епископы; формула подписи была слѣдующая: *опредѣляя подписалъ*. Подпись требовалась отъ каждаго собственно для заявленія согласія съ соборнымъ опредѣленіемъ, какъ вселенскимъ исповѣданіемъ, а не для его утвержденія въ достоинствѣ непогрѣшительнаго опредѣленія. Опредѣленіе получало вселенское значеніе не вслѣдствіе подписи того или другаго отца, — а вслѣдствіе единомышленнаго исповѣданія вѣроопредѣленія. Поэтому, не подписавшіеся выступали изъ союза съ Церковію, производили расколъ, давали силу ереси, осуждаемой Соборомъ, отлучались отъ Церкви или мыслились внѣ общенія съ Церковію. Такъ Іоаннъ, епископъ Антіохійскій, дотолѣ оставался въ разобщеніи съ Церковію, доколѣ не подписался подъ опре-

дѣленіемъ III-го вселенскаго Собора, осудившаго ересь Несторія. Такъ отлучены были монофизитскіе епископы, отвергшіе IV вселенскій Соборъ, осудившій Евтихія; такъ пребываетъ въ разобщеніи церковь Армянская, не бывшая на этомъ вселенскомъ Соборѣ и по недоразумѣніямъ не признавшая его вѣроопредѣленія. Вотъ почему на Соборахъ дорожили подписями римскаго епископа; его отказъ въ подписи подъ вѣроопредѣленіемъ---не то, чтобы лишалъ его силы и значенія, а производилъ бы расколъ и соблазнъ въ Церкви и тѣмъ давалъ бы силу ереси.—Съ подписаннымъ вѣропредѣленіемъ Отцы Собора возвращались къ своимъ паствамъ. Паствы не рѣдко съ торжествомъ и славою принимали возвращавшихся пастырей, какъ побѣдителей ереси,—и тѣмъ выражали свое согласіе и единомысліе съ составленнымъ ими вѣроопредѣленіемъ. Православныя паствы никогда не были безучастными зрителями вселенскихъ Соборовъ; не имѣя права на церковное учительство, онѣ участвовали своимъ единомысліемъ и своимъ сочувствіемъ православной сторонѣ Собора. Тѣ же паствы, которыя не принимали своихъ пастырей, тѣ чрезъ то самое выдѣлялись изъ церковнаго единства. Такимъ образомъ, вселенскій Соборъ въ краткой формулѣ выражаетъ единое исповѣданіе всѣхъ церквей и церквамъ же опять возвращаетъ эту формулу для храненія точно опредѣленной въ ней истины отъ недомыслія и еретическихъ искаженій. Ясно, что Церковь не можетъ не знать вселенскихъ Соборовъ, какъ человѣческія общества не могутъ не знать своихъ общихъ собраній. Важность вселенскихъ Соборовъ опредѣляется не столько количествомъ собиравшихся епископовъ, сколько вселенскою важностію вопросовъ.

Впрочемъ, если латинскимъ богословамъ непремѣнно нужно знать признаки, по которымъ бы, согласно съ нашимъ воззрѣніемъ, можно было судить безошибочно о непогрѣшимости вселенскихъ Соборовъ, то для утѣшенія ихъ мы можемъ указать (только никакъ не на подпись какого-нибудь авторитетнаго епископа,—какъ думаютъ латины,—но) на слѣдующіе внутренніе признаки: 1) требуется, чтобы епископы собирались на Соборъ не по земнымъ побужденіямъ и цѣлямъ, а во имя Христово, для огражденія пра-

вославнаго ученія и православной Церкви вселенской; 2) чтобы на Соборѣ, тоже во имя Христово, въ чувствахъ невидимаго соприсутствія Духа Божія, была свобода совѣщанія, единомысліе и братская любовь, и 3) чтобы опредѣленія Собора были приняты всѣми церквами, даже и не участвовавшими въ немъ. Когда мы говоримъ, чтобы епископы собирались не ради земныхъ какихъ-либо видовъ, а во имя Христово,—мы этимъ самымъ отрицаемъ всякія политическія побужденія и разсчеты на какія-нибудь земныя выгоды, и напротивъ утверждаемъ чисто благодатныя отношенія пастырей къ своему Главѣ Христу, при которыхъ только и возможно содѣйствіе Духа Божія и непогрѣшительное опредѣленіе Собора. Когда говоримъ, чтобы на Соборѣ хранились—свобода совѣщаній, единомысліе и братская любовь,—мы осуждаемъ всѣ тѣ насильственныя преступныя дѣйствія, какія напр. позволялъ себѣ Діоскоръ, епископъ Александрійскій, на Ефесскомъ Соборѣ,—и осуждаемъ всякаго рода принужденія, подпольныя интриги, тайные или коварные подговоры, разные посулы и тому подобныя дѣйствія, ни въ какомъ случаѣ не свойственныя и неприличныя собраніямъ христіанскихъ архипастырей. Когда говоримъ, чтобы Соборъ былъ принятъ всею Церковію, то этимъ утверждаемъ только вселенское единомысліе церквей. Такъ VII вселенскій Соборъ мы признаемъ *вселенскимъ* потому, что онъ принятъ всею Церковію, единогласно, хотя патріархатства: александрійское, антіохійское и іерусалимское были представляемы двумя только патріаршими синкеллами (пресвитерами Іоанномъ и Ѳомою [1]). По всѣмъ этимъ признакамъ, какъ сами пастыри, такъ и пасомые совершенно здраво могутъ судить, какіе Соборы нужно признавать вселенскими, и какіе нѣтъ,—какіе православными, и какіе неправославными. Такъ по нашему православному разумѣнію, подъ эти признаки никакъ не подходитъ напр. Соборъ Флорентійскій, признаваемый латинскою церковію *вселенскимъ*, а нами совершенно отвергаемый. Основанія на это мы имѣмъ слѣдующія: 1) этотъ Соборъ созванъ былъ не во имя Хри-

[1]) См. Дѣян. Соб. Т. VII, стр. 359, 205.

стово, а по земнымъ разсчетамъ: императоръ Византійскій уніей съ Римомъ хотѣлъ себѣ купить помощь Запада противъ турокъ, которые уже начинали грозить самому Константинополю; а папа съ своей стороны имѣлъ виды Соборомъ въ Италіи лишить силы Базельскій Соборъ, который грозилъ папѣ отлученіемъ и котораго права, какъ высшей инстанціи, признавалъ самъ папа; кромѣ того, папа льстилъ себя надеждою осуществить всегдашнія мечты римскаго престола подчинить себѣ непокорный Востокъ. При такихъ побужденіяхъ имя Христово служило только прикрытіемъ человѣческихъ разсчетовъ. 2) Пренія на соборѣ велись неискренно и несвободно, но подъ давленіемъ императора съ одной стороны, и папы—съ другой; первый пользовался своимъ вліяніемъ, какъ императоръ, а второй старался воздѣйствовать на восточныхъ сокращеніемъ содержанія, какое онъ обѣщалъ имъ на время ихъ пребыванія въ Италіи,—и другими подобными средствами; вслѣдствіе сего пренія не привели ни къ какому соглашенію; противники остались при своихъ разностяхъ,—вопросъ о латинскихъ нововведеніяхъ остался нерѣшеннымъ. 3) При составленіи окончательнаго договора, съ той и другой стороны, пастырями, домогавшимися уніи, руководила не *истина* Христова, какъ бывало въ древнія времена, а *хитрость* и *лукавство*; греки старались составить такую формулу, чтобы какъ можно меньше уступить, а латиняне такую, чтобы какъ можно больше взять. Въ концѣ концовъ Соборъ не увѣнчался полнымъ общеніемъ и желаннымъ соединеніемъ; греческіе епископы только присутствовали при латинской Литургіи, и не смотря на желаніе папы, никто изъ нихъ не священнодѣйствовалъ съ латинами, никто не пріобщился опрѣсноковъ, и даже братское лобзаніе греки давали только другъ другу, а не латинянамъ. Когда же греки и съ своей стороны хотѣли отслужить торжественную Литургію, на которой въ знакъ общенія долженъ былъ присутствовать и папа, имъ было въ этомъ отказано. Что же можно сказать о такомъ Соборѣ? Можно ли признать, что имъ управлялъ Христосъ, какъ его невидимая Глава,—и въ немъ дѣйствовалъ Духъ Святый, просвѣщая пастырей Церкви Своею благодатію? Понятно, по-

чему восточные епископы, согласившіеся на унію съ Римомъ, не были приняты своими паствами, по своемъ возвращеніи изъ Италіи, и принуждены были оставить свои каѳедры, и въ тишинѣ монастырскаго уединенія оплакивать свою измѣну православію. Восточная Церковь формально отвергла этотъ Соборъ, какъ незаконный, какъ латиномудрствующій. Восточные патріархи сперва въ Іерусалимѣ, а потомъ и въ Константинополѣ произнесли противъ него приговоры осужденія; точно также поступили и русскіе епископы; въ 1441 году они осудили своего митрополита Исидора за участіе на Соборѣ и принятіе уніи, и съ тѣхъ поръ перестали брать себѣ митрополитовъ изъ Константинополя. Исидоръ былъ послѣднимъ изъ грековъ [1]).

Такъ возраженіе дало намъ случай разъяснить, какимъ образомъ въ восточной Церкви составляются вѣроопредѣленія, какъ участвуютъ въ этомъ дѣлѣ пастыри Церкви и какъ эти вѣроопредѣленія принимаются паствами.

Послѣ этого для насъ будутъ понятны разности во взглядахъ латинской Церкви на каѳедральныя вѣроопредѣленія и отношенія къ нимъ епископовъ и ихъ паствъ.

Проф. Рэмъ, въ своемъ сочиненіи, упомянутомъ нами выше, даетъ подробное объясненіе выраженію—ex cathedra. Изображая сначала высокое служеніе епископа и потомъ папы,—онъ старается вывести свое объясненіе изъ взаимныхъ отношеній епископата къ папѣ и папы къ епископату. „Епископы, разсуждаетъ онъ, въ дѣлѣ учительства суть намѣстники Іисуса Христа; они поставлены Духомъ Святымъ руководить и управлять Церковію; они суть Ангелы

---

[1]) Почтенные оо. іезуиты, посѣщая меня въ Прагѣ, нерѣдко заговаривали со мной объ уніи на основаніяхъ Флорентійскаго Собора. Не желая входить въ полемику съ гостями,—я сначала отмалчивался, отклоняя рѣчь отъ такой щекотливой темы;—но когда гости опять и опять возвращались къ разговору объ этомъ предметѣ,—упрекая православныхъ въ клятвопреступленіи и т. под.,—тогда я нашелся вынужденнымъ сказать, что я сомнѣваюсь: можно-ли этотъ Соборъ назвать въ строгомъ смыслѣ христіанскимъ,—и указалъ на то, что здѣсь изложено. Съ тѣхъ поръ наши рѣчи объ уніи на основаніяхъ Флорентійскаго Собора прекратились.

церквей, посланники Божіи, столпы и основанія Церкви; преемники Апостоловъ, обладающіе вполнѣ ихъ властію; вѣтви, произросшія отъ нихъ; сыны, унаслѣдовавшіе все имѣніе своихъ отцевъ. Но вслѣдъ за тѣмъ мало по малу ограничиваетъ ихъ достоинство и ихъ высокое служеніе въ Церкви. — Епископы, продолжаетъ онъ, способны заблуждаться и выдавать ложь за истину. Исторія представляетъ множество примѣровъ, когда епископы еретичествовали, вооружались противъ истины и гнали ее, слѣдовательно имъ нельзя усвоять непогрѣшимости. (А папы развѣ не представляютъ подобныхъ примѣровъ?) — Спрашивается: гдѣ же послѣ этого непогрѣшимость? Въ *единствѣ* епископовъ съ папою.

Для сохраненія единства въ Церкви необходимъ средоточный, всесвязующій центръ. Для Апостоловъ онъ данъ въ лицѣ Петра,—для епископовъ—въ лицѣ папы. Петръ и папа—выраженія равнозначущія: приговоръ папы есть приговоръ Петра: быть въ общеніи съ папою значитъ быть въ общеніи съ Петромъ; въ папѣ продолжаетъ жить Петръ,—въ лицѣ папы Петръ возсѣдаетъ на апостольскомъ престолѣ и правитъ кормиломъ Церкви. На семъ основаніи—исповѣданіе Петра, вѣра первоверховной главы и основанія Церкви есть не только первый и высшій, но именно основной и правиломъ служащій (normirende) авторитетъ въ Церкви. И потому папѣ приличествуетъ составлять символы вѣры. Новое изданіе Символа, говоритъ Ѳома Аквинатъ,—можетъ оказаться необходимымъ для предотвращенія нововозникающихъ заблужденій. Авторитету папы предоставлено изданіе символа, а авторитетъ символа служитъ послѣднимъ опредѣленіемъ того, во что должны вѣровать и на что опираться всѣ вѣрующіе [1]).

Ученіе римскаго епископа есть ученіе апостола Петра; онъ занимаетъ каѳедру Петра и есть верховнѣйшій и наивысшій учитель, на котораго не къ кому аппелировать, напротивъ къ нему восходятъ всѣ аппеляціи, какъ въ послѣднюю инстанцію; онъ есть учитель вселенной; къ нему обра-

[1]) Summa 2,2 q. 1. art. X.

щаются со всѣми сомнѣніями, и его рѣшеніямъ обязательно оказывать послушаніе. Онъ есть причина непоколебимости и единства вѣры, руководство истины и ея первоисточникъ, уста, представитель, органъ Церкви, и намѣстникъ Христа, какимъ былъ ап. Петръ.

Непогрѣшимость есть неотъемлемое преимущество приматства Петрова...

Папскія опредѣленія ex cathedra, вслѣдствіе соприсутствія Духа Святаго, непогрѣшимы сами по себѣ, *а не отъ одобренія и согласія епископата.* Но этимъ (?) отнюдь не выражается, что будто опредѣленіе ex cathedra въ дѣлахъ вѣры и нравственности непогрѣшимо безъ согласія епископовъ и даже можетъ стоять въ противорѣчіи съ ними. Напротивъ, папа и епископы образуютъ цѣлое; ни папа—безъ епископовъ, ни епископы—безъ папы... Какъ глава не можетъ жить безъ членовъ, а члены безъ главы, такъ и глава Церкви—(этого живаго организма, по библейскому воззрѣнію),—папа—безъ епископовъ, а епископы безъ главы—папы. И какъ члены отъ главы получаютъ движеніе и управленіе, такъ равно и глава нуждается въ членахъ для совершенія своихъ отправленій. Эта цѣлостность имѣетъ мѣсто и при опредѣленіяхъ папы ex cathedra. Они непогрѣшимы и неизмѣнны сами по себѣ, а не отъ послѣдующаго согласія учащей Церкви. Но опредѣленіе ex cathedra существуетъ только тогда, когда папа даетъ его въ качествѣ главы церковнаго учащаго организма. Какъ индивидуальное лице (?!), онъ можетъ отдѣлиться отъ епископата и тайно или явно пребывать въ заблужденіи или невѣріи; но онъ не можетъ этого сдѣлать, пока онъ состоитъ главою епископата, а онъ только тогда главою, когда даетъ опредѣленіе ex cathedra; потому что при такомъ опредѣленіи, согласно обѣтованію Господа, онъ пребываетъ въ единеніи съ епископатомъ". Вотъ богословскія толкованія Ватиканскаго выраженія ex cathedra.

И такъ непогрѣшимъ папа, не отдѣльно взятый отъ епископата и противорѣчащій ему, но находящійся въ единеніи съ *большею* или *меньшею* частію епископовъ и говорящій ко всей Церкви.

„Догматъ этотъ не есть новость (?!). Имъ не измѣняется догматъ *о непогрѣшимости Церкви*, — напротивъ, — то, что прежде подразумѣвалось, или существовало въ неразъясненномъ видѣ, implicite, то теперь является explicite, въ видѣ разъясненномъ и опредѣленномъ. Всегда существовалъ такой взглядъ, что при возникновеніи важнѣйшихъ споровъ по предметамъ Писанія и Преданія,—если рѣшенія епископовъ расходятся, есть высшій, непогрѣшимо-рѣшающій авторитетъ —папа, говорящій ex cathedra; равнымъ образомъ, что такое опредѣленіе—ex cathedra въ спорныхъ вопросахъ папа даетъ только тогда, когда онъ, въ соединеніи съ епископатомъ, соборнѣ или безъ соборовъ тщательно изслѣдовалъ ихъ, и что потомъ такимъ опредѣленіямъ должны подчиняться раньше несогласные епископы, а равно и остальные вѣрующіе, если они хотятъ оставаться въ Церкви.

„Вѣроопредѣленія, составленныя большимъ или меньшимъ числомъ епископовъ, послѣ общаго совѣщанія, изслѣдованія и обсужденія Писаній и Преданій, пользовались высокимъ уваженіемъ въ Церкви, но не имѣли всеобще-обязательной силы; они становятся обязательными только въ томъ случаѣ, когда папа объявляетъ ихъ таковыми. Собраніе епископовъ одной націи или провинціи или большей части ихъ, вслѣдствіе такого подтвержденія ихъ рѣшеній, получаетъ характеръ католическаго вселенскаго Собора. *Одобренныя* папою вѣроопредѣленія Собора становятся непогрѣшимыми *не вслѣдствіе папскаго подтвержденія* (?), но отъ того, что при ихъ составленіи епископы состояли въ единеніи вѣры съ римской каѳедрой. Утвержденіе папы необходимо для епископовъ и вѣрующихъ, только для того, чтобы они знали, что они пребываютъ въ союзѣ и общеніи съ главою Церкви. Подобное нѣчто бываетъ относительно грѣховъ;—ихъ нужно исповѣдывать, хотя совершенное раскаяніе ихъ уже истребило.

„При каѳедральныхъ опредѣленіяхъ папы сужденіе епископовъ слѣдуетъ за сужденіемъ папы, а при подтвержденіи вѣроопредѣленія помѣстнаго Собора предшествуетъ; но на вселенскихъ Соборахъ папа и епископы въ одно время

являются свидѣтелями, стражами и судіями вѣры. Вселенскій Соборъ состоитъ изъ епископовъ и папы вмѣстѣ.

„Чтобы Соборъ былъ вселенскимъ, для этого нѣтъ необходимости въ участіи всѣхъ епископовъ; довольно, если будетъ разослано приглашеніе ко всѣмъ и всѣ будутъ знать о томъ. Число дѣйствительно явившихся неважно. Довольно, если число присутствующихъ епископовъ не слишкомъ мало, чтобы представлять всю церковь. Значеніе Соборамъ придается важностію и авторитетомъ верховнаго первосвященника; если онъ присутствуетъ—довольно *ста епископовъ*, если же отсутствуетъ—ничего не значитъ, если соберется множество, учитъ Мельхіоръ Канусъ“ [1]).

Это толкованіе, повидимому, такое стройное,—при внимательномъ чтеніи оказывается слишкомъ искусственнымъ, нестройнымъ, несогласнымъ съ ученіемъ о главенствѣ папы, и въ существѣ дѣла пустымъ, безсодержательнымъ.

Когда авторъ начинаетъ говорить объ епископахъ,—онъ разсуждаетъ объ нихъ почти вполнѣ согласно съ древними объ нихъ представленіями, употребляя при семъ выраженія свящ. Писанія и древнихъ Отцевъ церкви—св. Игнатія, Кипріана и др. Но какъ скоро рѣчь пошла о папѣ,—все сказанное объ нихъ стушевывается, теряетъ силу. Епископы погрѣшительны и лично, и въ своемъ служеніи, а потомъ, когда пришлось говорить о вселенскихъ соборахъ, имъ опять придается какъ будто нѣкоторая доля дѣятельнаго участія въ непогрѣшительныхъ опредѣленіяхъ. Точно также и о папѣ; то онъ отождествляется съ ап. Петромъ, то трактуется погрѣшимымъ и съ соборомъ, и безъ собора; за нимъ признается даже возможность пребывать въ невѣріи и въ заблужденіи—тайно и явно; и въ концѣ концевъ разсужденіе сводится къ тому, что непогрѣшимость усвояется не *служенію* папскому, а *единству* папы съ епископатомъ, и епископата съ папой, при чемъ непогрѣшимость представляется какъ-бы переливающеюся жидкостію,—то она на сторонѣ епископата, когда онъ рѣшаетъ вопросы вѣры, а папа только свидѣтельствуетъ свое единство съ нимъ своею под-

[1]) Das Glaubensprincip der kath. Kirche v. Röhm. стр. 74—119.

писью,—то на сторонѣ папы, когда епископатъ изъявляетъ свое согласіе съ его рѣшеніемъ и притомъ нерѣдко молчаливое. Но это новое условіе — единство необходимо вызываетъ предположеніе еще другихъ условій. Чтобы единство папы съ епископатомъ служило ручательствомъ *каѳедральности* и потому *непогрѣшимости* папскихъ опредѣленій,— для этого необходимо нужно, чтобы епископатъ былъ единомысленнымъ между собою, но этого единомыслія, особенно при такомъ условномъ и широкомъ пониманіи предмета непогрѣшимости, не было и нѣтъ. Такъ, напр., его не было въ вопросѣ о непорочномъ зачатіи; 18 епископовъ, изъ коихъ были люди богословски образованные и вліятельные, предостерегали Пія IX отъ объявленія этого догмата, какъ нововведенія которое можетъ навлечь на латинскую церковь упреки въ сочиненіи новыхъ догматовъ. Его не было и на Ватиканскомъ соборѣ: изъ 764 отцевъ собора—163 оставили Римъ подъ разными предлогами, чтобы только спасти свою совѣсть, не раздражая папы; 81 не участвовали въ голосованіи; 91 воздержались отъ подачи своего голоса, 61 изъявили условное согласіе, 85 вотировали противъ папской непогрѣшимости и только 283 безусловно согласились на Ватиканское опредѣленіе,—приблизительно то число прелатовъ, какое было содержимо на иждивеніи папы. Можно-ли послѣ этого говорить о единствѣ? Если такимъ образомъ нѣтъ единства въ самомъ епископатѣ, и если непогрѣшимая истина опредѣляется только подачей голосовъ, то, безъ сомнѣнія, папѣ принадлежитъ право или пристать къ большинству, или принять и утвердить мнѣніе меньшинства. А если это такъ, и если для засвидѣтельствованія единства папы съ епископатомъ довольно и ста епископовъ,—какъ учатъ латинскіе богословы, — а у него въ Римѣ найдется гораздо большее число епископовъ, которые состоятъ при его дворѣ и изъ раболѣпнаго служенія ему готовы принять за богооткровенную истину всякое его мнѣніе,—то единство папы съ епископатомъ и епископата съ папой не представляетъ никакого ручательства въ каѳедральности и потому непогрѣшительности папскаго опредѣленія. — Во первыхъ,—такого единства нѣтъ, а во-вторыхъ, это мнимое единство всегда можно искус-

ственно подобрать и составить, и потомъ выдать за общее, вселенское единство.

Но помимо всего этого, теорія папскаго главенства, возвеличивая римскаго епископа и умаляя значеніе прочихъ епископовъ, подаетъ основательный поводъ спросить: можетъ-ли епископатъ представлять какой-либо авторитетъ въ дѣлѣ опредѣленій? По теоріи папскаго главенства не можетъ. Епископы суть викаріи папы, даютъ ему присягу, какъ своему господину, и относятся къ нему также, какъ пресвитеры по отношенію къ своему епископу. Какъ викаріи, они собираются на соборъ по приглашенію папы; какъ викаріи, занимаются тѣми только вопросами, какіе предлагаетъ имъ папа, и какъ викаріи же рѣшаютъ эти вопросы въ томъ смыслѣ и направленіи, какъ того желаетъ опять господинъ ихъ папа. Какое-же ручательство въ непогрѣшимости можетъ послѣ этого представлять единство съ такимъ Соборомъ?—Латинскіе епископы, опять какъ викаріи папы, не могутъ быть представителями своихъ паствъ и ихъ исповѣданій,—какъ это было въ древней Церкви и какъ это есть въ Церкви восточной. Латинскіе епископы для паствъ представляютъ папу, какъ его помощники и викаріи, а отъ лица паствъ на Соборѣ служатъ не представителями ихъ исповѣданій, а свидѣтелями ихъ благопокорности и безусловнаго послушанія; на Соборѣ они могутъ только удостовѣрять, что ихъ паствы дѣйствительно составляютъ церковь слушающую,—что всѣ ученія, исходящія отъ римской каѳедры ап. Петра, твердо содержатся церквами. Предъ утвержденіемъ догмата о непорочномъ зачатіи спрашивали епископовъ о настроеніи паствъ по отношенію къ этому вопросу,—спрашивали вовсе не въ древнемъ смыслѣ, а для того, чтобы увѣриться, что четки, медальоны, картинки и молитвы, направленныя къ распространенію новаго ученія, сдѣлали свое дѣло, и что провозглашеніе новаго догмата не встрѣтитъ никакого препятствія. Удостовѣреніе большинства епископовъ, кромѣ 18-ти, которые возражали не отъ лица паствъ, а отъ себя, успокоили опасливость тѣхъ, кто заправлялъ ходомъ этого дѣла, и догматъ былъ провозглашенъ. Такая каѳедральность не можетъ ручаться за непогрѣшимость.

И такъ единеніе папы съ епископатомъ не можетъ служить условіемъ каѳедральности.

Нельзя думать, чтобы такое условіе могло быть принято и самими папами. Папамъ нѣтъ надобности совѣтоваться съ своими помощниками, которые отъ нихъ получаютъ благодатные дары, ими живутъ, по милости ихъ пастырствуютъ и по ихъ руководству учатъ народъ. Чего папамъ недостаетъ? Чѣмъ можетъ позаимствоваться старшій отъ младшихъ, отецъ отъ своихъ дѣтей, глава отъ тѣла? Органы нужны для главы, какъ исполнители и совершители ея воли.

Поэтому, мы утверждаемъ, и строгая логика въ томъ насъ убѣждаетъ, что единство папы съ епископатомъ никакъ не можетъ служить условіемъ каѳедральности папскихъ опредѣленій, они неизмѣнны только сами по себѣ! Мысль объ этомъ единствѣ взята изъ практики древней Церкви, и къ латинской церкви никакъ не относится. Какъ условіе, оно введено въ опредѣленіе догмата только для того, чтобы въ немъ имѣть, такъ сказать, лазейку, въ которую можно будетъ укрывать и устранять все, что будетъ встрѣчаться въ исторіи латинства противнаго папской теоріи. Всѣ папскія опредѣленія, изданныя съ несомнѣннымъ характеромъ каѳедральности, но оказавшіяся впослѣдствіи погрѣшительными,—всѣ устраняются посредствомъ подведенія подъ это условіе. Такъ Левъ III не дозволилъ внести въ Символъ Filioque,—онъ въ этомъ случаѣ не былъ въ единомысліи съ епископатомъ и потому погрѣшилъ. Евгеній IV призналъ верховенство Соборовъ,—онъ въ это время дѣйствовалъ подъ вліяніемъ страха и внѣ союза съ епископатомъ, и потому погрѣшилъ. Климентъ XIV осудилъ орденъ іезуитовъ,—опять то же объясненіе; онъ дѣйствовалъ подъ давленіемъ свѣтскихъ правительствъ, внѣ союза съ епископатомъ, и потому погрѣшилъ. Папа Пій IX, въ рѣчи къ савойскимъ пилигримамъ, благословилъ оружіе турокъ противъ Россіи,—опять онъ былъ въ то время внѣ союза съ епископатомъ,—подъ впечатлѣніемъ событій въ Польшѣ 1863 года и такъ далѣе. Такія объясненія прекрасны съ точки зрѣнія латинянъ. Но справедливы ли они и могутъ ли имѣть какое объективное значеніе? — это другой вопросъ. Если только

одинъ папа непогрѣшимъ, то слѣдовало бы отъ него одного и ожидать разрѣшенія вопроса о каѳедральности и неизмѣнности его опредѣленій. Если же онъ не даетъ его, то всѣ такія и подобныя толкованія не имѣютъ никакого значенія, и если имъ придаютъ значеніе,—а не придавать имъ значенія нельзя—то въ церкви латинской образуются двѣ непогрѣшимости, одна—такъ сказать—*законодательная*, а другая *истолковательная*,—какъ оно въ дѣйствительности и есть,—*законодательная* принадлежитъ папѣ; а *истолковательная*—латинскимъ богословамъ, или точнѣе и прямѣе, отцамъ іезуитамъ; такъ какъ имъ собственно и нуженъ былъ этотъ догматъ; благодаря ихъ стараніямъ, хитрости и ловкости [1]) онъ былъ утвержденъ въ этомъ достоинствѣ и значеніи въ папствованіе Пія IX, этого добродушнаго, искренняго, но не глубокаго по уму и образованію старца, который искренно вѣрилъ въ свою боговдохновенность и вполнѣ находился во власти этихъ тайныхъ заправителей латинской церкви. Возвышеніемъ папы, котораго они держатъ въ своей власти, отцы іезуиты увеличиваютъ и безъ того чрезмѣрную силу папы и важность его въ церкви латинской; а неопредѣленностію догмата оставляютъ за собою право быть всегда толкователями всѣхъ папскихъ опредѣленій. Догматъ изложенъ въ такой формѣ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ всѣмъ требованіямъ гибкой и изворотливой логики оо. іезуитовъ: имъ признается за папой лично-непогрѣшимое учительство, но при случаѣ дается возможность ее ограничить, имъ подводятся подъ теорію верховенства и непогрѣшимости всѣ древніе Соборы вселенскіе и помѣстные, и въ то же время представляется возможность оправдывать папъ, когда они изрекали погрѣшительныя опредѣленія.

Послѣ этого сравнивать такъ искусственно и такъ лукаво составленное опредѣленіе съ вѣроопредѣленіями или вѣроизложеніями вселенскихъ Соборовъ не представляется возможнымъ и приличнымъ.

---

[1]) Веденіе этого дѣла іезуитами довольно подробно раскрыто г. Овербекомъ въ его сочиненіи „Свѣтъ съ Востока". Пер. съ нѣм. Изданіе Виленскаго Братства. 1868 г.

4) Наконецъ переходимъ къ разсмотрѣнію четвертаго пункта Ватиканскаго опредѣленія.

Въ основу непогрѣшимости папскихъ вѣроопредѣленій полагается апостольская власть и божественная помощь, обѣщанная папѣ въ лицѣ ап. Петра... Слова обѣтованія Христова, относившіяся къ ап. Петру,—папы относятъ къ себѣ: *ты еси Петръ и на семъ камени созижду Церковь Мою... Азъ молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя; паси агнцы Моя, паси овцы Моя*... Положимъ, что въ этихъ словахъ давались великія полномочія апостолу Петру. Высшій передаетъ низшему, Уходящій изъ сего міра — остающемуся въ немъ,—это понять не трудно. Но не легко понять, какимъ образомъ—отъ ап. Петра передаются эти чрезвычайныя полномочія папамъ?

Для увѣренія въ дѣйствительности передачи этихъ полномочій должно существовать какое нибудь видимое посредство. Если сюда приложить наши православныя начала,—то для передачи папѣ его чрезвычайныхъ полномочій должны существовать: а) власть выше папы и б) какой-нибудь видимый знакъ, или таинственное священнодѣйствіе. Между тѣмъ ничего подобнаго не существуетъ; для папы нѣтъ ни высшей власти, ни особаго таинства. Если на мѣсто умершаго папы избранъ пресвитеръ,—его рукополагаютъ во епископа епископы; если же избранъ епископъ,—онъ только восходитъ на папскій тронъ и коронуется. Спрашивается: чѣмъ истые католики удостовѣряются, что послѣ восшествія на престолъ новоизбраннаго папы Петровы полномочія вмѣстѣ съ дарами непогрѣшимости дѣйствительно переданы ему. Когда бы каждый папа заживо предъ своей смертію рукополагалъ себѣ преемника, тогда бы еще можно было примириться съ теоріей папизма. Но этого нѣтъ и быть не можетъ; папа вдругъ и при томъ самъ собою дѣлается папой; не самозванство ли это? Для устраненія такого рода недоумѣнія можно представить объясненія, которыя впрочемъ принять не согласится ни одинъ изъ благомыслящихъ католиковъ; говорятъ: *избраніемъ* низводятся на новоизбраннаго папу благодатныя права и полномочія. Но, во первыхъ, избраніе въ Церкви никогда не было таинствомъ;—въ такомъ случаѣ и

міряне стали бы участвовать въ низведеніи благодатныхъ даровъ; во вторыхъ, избиратели папы — члены конклава не могутъ передавать новоизбранному того, чего сами не имѣютъ; въ третьихъ, избиратели, какъ общество, всегда выше избраннаго лица въ томъ смыслѣ, что они, возлагая на избраннаго свои полномочія,—въ случаѣ невыполненія имъ принятыхъ обязательствъ, имѣютъ право судить его и лишать полномочій. Но ни къ кардиналамъ избирателямъ, ни къ папѣ такого начала приложить нельзя. Остается принять то средневѣковое представленіе, по которому выходило, что благодатные дары, пребывавшіе въ папѣ, по смерти его, поглощены бываютъ Церковію, какъ скрытое тепло, а съ избраніемъ новаго папы опять съ Церкви переходятъ на избранника, въ немъ сосредоточиваются и на немъ покоятся. По такому представленію Соборы, составлявшіеся безъ папы, имѣли силу, пока не было папы, какъ же скоро его выбирали, Соборъ терялъ свою силу [1]). Но и такое представленіе нисколько не объясняетъ дѣла: по прежнему остается непонятнымъ, какимъ образомъ со смертію папы его власть передается епископамъ, а съ избраніемъ папы отъ епископовъ возвращается къ избранному безъ всякаго особаго посредства?— Представляютъ и другое объясненіе, но столь же неосновательное, какъ и первое. Говорятъ, что самый обрядъ коронованія папы слѣдуетъ считать таинствомъ, низводящимъ на него благодать верховенства и непогрѣшимости, — но такое таинство будетъ самопосвященіемъ, т. е. такимъ дѣйствіемъ, для котораго нѣтъ ни малѣйшаго основанія въ христіанскомъ ученіи и въ церковной практикѣ. Если, такимъ образомъ, передача полномочій Петровыхъ совершается внѣ существующихъ законовъ церковно-благодатной жизни, — а между тѣмъ эта передача стоитъ въ противорѣчіи съ законами духовной жизни, уже извѣстными намъ, (— связи разумѣнія истины со святостію жизни),—то, очевидно, что ссылка Ва-

[1]) Почему на Соборахъ, составлявшихся для преобразованія Церкви и шли диспуты: съ чего начинать дѣяніе Собора—съ избранія ли папы,—но тогда Соборъ утрачивалъ свою силу,—или съ разсужденія о преобразованіяхъ въ Церкви,—но тогда преобразованія не имѣли силы, такъ какъ обсуждались безъ папы.

тиканскаго опредѣленія на Божественную помощь, обѣщанную будто бы папамъ въ лицѣ ап. Петра, ни на чемъ не основана, и просто измышлена папистами. Это ихъ самообольщеніе и самообманъ!

Поэтому, если бы намъ, православнымъ, пришлось начать съ папистами переговоры о соединеніи Церквей, — то, безъ сомнѣнія, прежде чѣмъ начать переговоры, нужно бы было условиться относительно этого догмата *о непогрѣшимости папы*. При существованіи этого догмата никакіе переговоры невозможны. Если паписты будутъ послѣдовательны, — они должны будутъ потребовать отъ восточныхъ безъ всякихъ разсужденій одного только изъявленія раскаянія въ прошломъ отчужденіи, и безусловной покорности и безпрекословнаго послушанія папѣ на будущее время.—Восточные же, напротивъ, оставаясь вѣрными православію и здравымъ началамъ православнаго мышленія, потребуютъ съ своей стороны, чтобы латинская церковь отреклась отъ мнимаго догмата—папской непогрѣшимости, и, осудивъ его, какъ лукавое изобрѣтеніе оо. іезуитовъ, — воротилась къ древнему ученію о непогрѣшимости Церкви, признавъ ея органами вселенскіе Соборы. Если папистамъ не позволитъ отказаться отъ своихъ заблужденій *гордость*, — то тѣмъ болѣе ревность объ истинѣ не позволитъ православнымъ признать ложь за истину.

III.

О единствѣ Церкви.

Третья разность въ ученіи о Церкви, какую мы нашли по сличеніи катихизисовъ, относится къ вопросу *о единствѣ Церкви*, какъ одномъ изъ признаковъ ея истинности.

На ученіи объ этомъ предметѣ паписты строятъ главнымъ образомъ доказательства правоты своей церкви и неправоты церкви восточной, будто-бы отпавшей отъ вселенскаго единства и утратившей то начало, которое объединяетъ ее. Такая постановка вопроса о единствѣ Церкви дѣлаетъ его

центральнымъ въ нашемъ спорѣ. Поэтому, хотя въ предшествующихъ статьяхъ съ достаточною ясностію нами показана неправота папизма, по вопросамъ о главенствѣ папы и его непогрѣшимости,—вопросамъ существеннымъ, — тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ случаѣ мы должны остановиться на означенномъ вопросѣ и спеціально заняться его разрѣшеніемъ.

Чтобы нашъ споръ имѣлъ ясность, опредѣленность и строгую послѣдовательность, для сего сначала представимъ сущность латинскаго ученія *о единствѣ Церкви* и ихъ пониманіе этого единства, а затѣмъ предложимъ то пониманіе, какого держимся мы и какое считаемъ единственно истиннымъ и совершеннымъ, и съ нимъ свѣримъ ученіе латинское.

Латинское ученіе о единой Церкви мы уже видѣли въ изложеніи катихизисовъ: „церковь римско-католическая, говорится тамъ, *едина* совнѣ и внутри; ибо всѣ члены ея пребываютъ въ послушаніи у своихъ епископовъ, а епископы въ послушаніи у папы, какъ пастыря всей Церкви, который, какъ твердое кольцо, соединяетъ всѣхъ вѣрующихъ во едино. Въ ученіи и богослуженіи всѣ члены Церкви должны согласоваться съ верховнымъ пастыремъ и подчиняться непогрѣшимому авторитету учащей церкви, чѣмъ сохраняется внутреннее и внѣшнее единство. Нарушители этого единства отлучаются отъ Церкви. Всѣ религіозныя общества, отдѣлившіяся отъ римской церкви, лишены единства. Такова церковь восточная, распавшаяся по народностямъ и государствамъ на множество отдѣльныхъ церквей; каковы: церковь греческая съ патріархомъ цареградскимъ во главѣ, церковь русская, церковь эллинская (въ Греціи), церковь карловицкаго патріархата въ Австріи, черногорская, кипрская и (какая-то еще неизвѣстная намъ) церковь горы Синайской. Кромѣ того, тамъ обнаруживается стремленіе къ образованію новыхъ земскихъ или народныхъ церквей. Всѣ эти независимыя и отдѣльныя церкви образуютъ союзъ, подобный германскому союзу, существовавшему до объединенія его подъ гегемоніей Пруссіи“.

Другіе писатели судятъ объ этомъ предметѣ гораздо

строже. Такъ неизвѣстный авторъ, въ сочиненіи [1]), недавно изданномъ заграницей, пишетъ:

а) Церковь *вселенская* (каѳолическая) по необходимости *монархія* и ничѣмъ другимъ быть не можетъ. Само понятіе вселенства непремѣнно предполагаетъ эту именно, а не другую форму правленія, абсолютная неизбѣжность коей зиждется на двойной причинѣ, т. е. на несмѣтномъ количествѣ подданныхъ и на безпредѣльномъ пространствѣ территоріальнаго владычества. Эта истина до того очевидна, что во всемъ теченіи вѣковъ ее оспаривали одни только мятежники, т. е. именно только тѣ, кои находили удобнымъ для себя или выгоднымъ публично и формально отщепиться отъ вселенства".

---

[1]) Это сочиненіе напечатано подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Исхожденіе Св. Духа и вселенское первосвященство". Изданіе Сергѣя Асташкова. Фрейбургъ въ Бризгавѣ. У книгопродавца Б. Гердера. 1886 г. Типографія Юліуса Клинкгарда въ Лейпцигѣ. Вѣна I Вольцейле 33. Книжная торговля Б. Гердера.

Книга издана на русскомъ языкѣ и, какъ видно по языку, писана не русскимъ. По тону, манерѣ и складу мышленія сочиненіе это похоже на сочиненіе другаго безъименнаго автора, изданное за границей въ 1858 году, подъ названіемъ „О возможномъ соединеніи Церквей Восточной и Западной",—на которое я ссылался въ начальной моей статьѣ. Вѣроятно, и это произведеніе какого-нибудь сочлена „Товарищества Іисусова". Страннымъ мнѣ показалось въ этой книгѣ то, что конецъ ея не сходится съ началомъ. По „предисловію" книга была написана давно, такъ какъ рукопись была найдена въ бумагахъ покойнаго Митроп. Макарія (чего, однакожъ, прямые наслѣдники покойнаго митрополита не знаютъ), а въ концѣ обозначены годъ и мѣсто, гдѣ была написана книга, именно: *Богородское.* 10 Августа 1886 года. Что это значитъ?!.

Книга эта, какъ видно изъ словъ издателя Сергѣя Асташкова, издана съ цѣлію вызвать „дѣльный и основательный отвѣтъ на дерзкую и обидную критику всего нашего церковнаго православнаго ученія". Охотно принимаемъ брошенный намъ вызовъ. Предлагаемыя мною статьи, которыя начаты по вызову, сдѣланному мнѣ еще въ Прагѣ,—будутъ служить достаточнымъ отвѣтомъ на эту новую книгу. Впрочемъ, въ концѣ своей книги я надѣюсь поговорить объ ней отдѣльно; причемъ имѣю намѣреніе поговорить и о книгѣ г. Астромова, „О непогрѣшимости папы"—которая тоже заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Какъ видно, оба эти произведенія стоятъ между собою въ связи.

б) Помѣстныя церкви всѣ въ совокупности совершенно безсильны образовать единую *христіанскую-республиканскую церковь* (да зачѣмъ такую и создавать); потому что *никакого единства* (sic!) не можетъ быть тамъ, гдѣ не существуетъ общаго центра правленія, а безъ единства не можетъ быть и церковнаго вселенства, такъ какъ въ этомъ предположеніи, ни одна изъ частныхъ церквей не можетъ даже обладать какимъ-либо правильнымъ *органическимъ средствомъ* убѣдиться: состоитъ-ли она или не состоитъ въ общеніи съ прочими церквами (?!)? Утверждать-же, что совокупность независимыхъ церквей въ состояніи когда-нибудь образовать Церковь единую и вселенскую, значило-бы утверждать, что совокупность политическихъ правительствъ Европы въ состояніи образовать единое Европейское государство, т. е. признавать явную нелѣпость. Если-бы кто-либо предложилъ образовать Прусское королевство безъ Прусскаго короля, или Россійскую Имперію безъ Русскаго Императора, того, вѣроятно, отправили-бы къ психіатру. Однако предложеніе его нисколько не было-бы нелѣпѣе понятія *о Вселенской Церкви безъ вселенской главы*".

в) Если-же вопреки существенному, какъ мы видѣли, свойству вселенской Церкви быть монархіей, допущено было ея раздѣленіе, напр. на отдѣльные и независимые другъ отъ друга патріархаты, какъ того домогаются отдѣлившіяся отъ вселенства (читай католичества) церкви Востока, то въ такомъ случаѣ вопросъ чрезъ это нисколько-бы не измѣнился. Каждый патріархъ опять-таки неизбѣжно обладалъ-бы преимуществомъ, признаваемымъ вселенскою церковію только за Римскимъ первосвященникомъ, и на приговоры этого патріарха точно также нельзя было-бы аппелировать подчиненнымъ ему церквамъ, ибо необходимо-же признать какую-нибудь истанцію послѣднею. Такимъ образомъ верховная власть крошилась-бы на части, но тѣмъ не менѣе не исчезла, и пришлось-бы только поневолѣ измѣнить существенный членъ Символа, исповѣдуя, что мы вѣруемъ *въ церкви отдѣльныя и взаимно-независимыя*. Вотъ къ какому чудовищному понятію (?!) ведетъ неизбѣжно отрицаніе церковнаго главенства. Но этого мало. Понятіе это, кромѣ того, еще неми-

нуемо усовершенствуется (?) на практикѣ свѣтскою политическою властію, которая, не стѣсняясь тщетнымъ и пустымъ дѣленіемъ церквей на патріархаты, несомнѣнно поспѣшитъ установить независимость своей собственной національной церкви, или даже вовсе освободиться отъ неудачнаго по своимъ видамъ патріаршества, какъ это и случилось именно въ Россіи. Такимъ образомъ въ замѣнъ *единой* только *непогрѣшимости* (авторъ непогрѣшимость отождествляетъ съ верховной властью), отвергнутой какъ слишкомъ сверхъестественное преимущество, получится столько непогрѣшимостей, сколько угодно будетъ правительствамъ образовать по количеству существующихъ государствъ и народностей; и религіозная верховная власть, нисходя постепенно отъ первосвященства до патріархатовъ, отъ нихъ низойдетъ еще до національныхъ синодовъ, съ ихъ всемогущими оберъ-прокурорами, пока окончательно унизится до прямого правительственнаго главенства, какъ въ Англіи, т. е. до чистаго протестантизма“ [1]).

Весь смыслъ приведенныхъ отрывковъ мы можемъ выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ:

а) истинная Церковь должна представлять изъ себя монархію, объединенную въ одномъ лицѣ, какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны,—какова и есть церковь латинская;

б) безъ видимой главы Церкви, какъ центра, какъ объединяющаго начала, въ церквахъ восточныхъ *нѣтъ и не можетъ быть никакого единства*;

в) восточные патріархаты суть тѣ-же монархіи, какъ и латинская, только въ маломъ размѣрѣ,—а ихъ главы—такія-же верховныя и непогрѣшимыя главы церквей, какъ папа Церкви вселенской, и потому

г) въ своей совокупности они столь-же мало представляютъ единства, какъ независимыя государства безъ общаго правительственнаго центра.

Таково латинское пониманіе ученія о единствѣ Церкви. Здѣсь мы усматриваемъ, во первыхъ, плотское пониманіе

---

[1]) Стр. 77—79.

этого единства. Представленія о земныхъ царствахъ смѣшиваются съ представленіемъ о царствѣ Божіемъ, которое имѣетъ свое особое устройство и въ которомъ дѣятельность его слугъ отличается по своему характеру отъ дѣятельности слугъ земныхъ царствъ. Припомнимъ слова Христовы, сказанныя Пилату: *Царство Мое нѣсть отъ міра сего: аще отъ міра сего было-бы царство Мое, слуги Мои убо подвизалися быша, да не преданъ быхъ былъ іудеомъ: нынѣ-же царство Мое нѣсть отсюду.* Утвердивъ вопросъ Пилата, Царь-ли Онъ,—Христосъ продолжалъ: *Азъ на сіе родихся, и на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину, и всякъ, иже отъ истины, послушаетъ гласа Моего* (Іоан. 18, 36, 37). Послѣдними словами опредѣляется характеръ дѣятельности слугъ Христовыхъ и отношенія къ нимъ слушателей. Особенности царства Христова, какъ царства духовнаго, требуютъ и особаго языка, о чемъ нами и было замѣчено выше.

Во вторыхъ: въ логикѣ автора, насколько она выразилась въ этомъ отрывкѣ, обнаружилась наклонность къ выводамъ ad absurdum;—т. е. изъ положенія, признаваемаго противникомъ за истинное, путемъ строго логическимъ выводится нелѣпость, которая и обличаетъ во лжи основное, исходное положеніе. Это умозаключеніе хорошо въ математикѣ, при строгой опредѣленности формулъ,—но въ такихъ спорныхъ пунктахъ, какъ въ данномъ случаѣ, такой пріемъ можетъ только свидѣтельствовать противъ мыслителя; потому что въ такихъ случаяхъ за положеніе противника берется мысль или не точно формулированная,—почему удобная для того, чтобы подразумѣвать подъ нею какой-угодно смыслъ, — или даже совсѣмъ не принадлежащая противнику. Такимъ способомъ мышленія отличаются особенно о.о. іезуиты [1]). Но это мышленіе бѣдное, несовершенное, имѣющее видъ логической послѣдовательности, а въ сущности фальшивое.

Въ третьихъ: въ приведенномъ отрывкѣ идетъ рѣчь только о *единствѣ* внѣшнемъ, хотя на немъ зиждется затѣмъ все ученіе о верховенствѣ и непогрѣшимости папы. О духовномъ-же единствѣ не говорится ни слова.

---

[1]) Въ спорѣ съ янсенистами практиковался именно этотъ пріемъ.

Въ четвертыхъ: авторъ неправильно трактуетъ о патріаршемъ управленіи; онъ или не знаетъ его отличія отъ управленія папскаго, — въ такомъ случаѣ слѣдовало-бы познакомиться съ этимъ дѣломъ, — или-же представляется незнающимъ — въ такомъ случаѣ намѣренно вводитъ въ обманъ читателя,—чего никакъ нельзя оправдать въ дѣлѣ истины... Но объ этомъ предметѣ у насъ будетъ рѣчь въ слѣдующей статьѣ.

Этому такъ откровенно высказанному пониманію папистовъ противопоставимъ наше пониманіе.

Путь къ удобнѣйшему изложенію нашего ученія о единствѣ Церкви указывается намъ самими-же папистами. Они различаютъ единство совнѣ и внутри, внѣшнее и внутреннее; съ такимъ раздѣленіемъ мы совершенно согласны и потому воспользуемся имъ, — только начнемъ не съ внѣшняго, а съ внутренняго, какъ главнаго и существеннаго.

Въ статьѣ о главенствѣ Христовомъ мы уже сказали объ основѣ внутренняго единства всѣхъ вѣрующихъ. Мы уже видѣли, что единство Церкви покоится на незыблемомъ камени — Христѣ, въ Немъ пребываетъ и въ Немъ осуществляется. Такое ученіе не выводится посредствомъ какихъ-либо соображеній разума, или умозаключеній, какъ это дѣлается обычно у папистовъ, но взято непосредственно изъ словъ Самого-же Господа. Единство въ Немъ вѣрующихъ составляло предметъ Его послѣдней молитвы, извѣстной подъ именемъ первосвященнической. Въ ней мы находимъ, что единство во Христѣ объемлетъ всѣхъ вѣрующихъ въ Него: *не о сихъ молю токмо* (т. е. не объ однихъ только непосредственныхъ ученикахъ), *но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя, да вси едино будутъ* (Іоан. 17, 20); что основаніе этого единства покоится въ личномъ единеніи Бога Отца съ Сыномъ, и Сына со Отцемъ: *яко-же Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21.); что посредникомъ въ этомъ единствѣ пребываетъ Онъ Самъ: *Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино* (17, 23), и что спасительнымъ послѣдствіемъ этого единства во Христѣ будетъ то, что враждебный Христу міръ уразумѣетъ и повѣруетъ, что Сынъ Божій снисходилъ на землю

по волѣ Отца Небеснаго и что Богъ возлюбилъ человѣка тою-же любовію, какою возлюбилъ Сына Своего: *да и міръ вѣру иметъ, и да разумѣетъ міръ, яко Ты Мя послалъ еси и возлюбилъ еси ихъ, яко-же Мене возлюбилъ еси* (17, ст. 21, 23). Подобнымъ образомъ и Апостолы взирали на Христа, какъ на источное начало духа и жизни, какъ на основу единства, какъ на Главу Церкви, *изъ Котораго все тѣло составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ, взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви* (Еф. 4, 16).

Это единство во Христѣ есть самое первое, самое главное, самое существенное въ Церкви. Внѣ этого единства нѣтъ спасенія. Оно есть общеніе вѣрующихъ съ Божественною жизнію, какъ общеніе вѣтви съ жизнію дерева. *Яко-же розга не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете. Азъ есмь лоза, вы же рождіе; и иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ: яко безъ Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мнѣ не пребудетъ, изверженъ вонъ, яко-же розга, и изсѣетъ, и собираютъ ю и во огнь влагаютъ: и сгараетъ* (Іоан. 15, 4. 6.).

Объединяясь во Христѣ, какъ въ своей невидимой Главѣ, всѣ вѣрующіе необходимо объединяются и между собою и составляютъ одинъ союзъ, одно общество, одну Церковь. Чтобы не выпадать изъ этого духовнаго единства, они имѣютъ для этого одинъ символъ и вмѣстѣ съ симъ одно ученіе, одно Богослуженіе и одну молитву, одни церковные каноны — одно и то-же іерархическое устройство. Такимъ образомъ, символъ, богослуженіе и церковныя правила — вотъ та трехсоставная ограда, которою ограждается единая Соборная, или вселенская, святая, Апостольская Церковь. Кто разрушаетъ эту ограду, хоть въ одной части, тотъ выступаетъ изъ церковнаго единства. Такъ, кто нарушаетъ символъ, тотъ еретикъ, а кто нарушаетъ богослуженіе или каноны, тотъ раскольникъ или схизматикъ.

Въ этой оградѣ, сколько-бы она ни расширялась, сколько бы ни образовывалось отдѣльныхъ, независимыхъ помѣст-

ныхъ церквей, — всѣ вѣрующіе чувствуютъ свое единство; ибо всѣ всегда пребываютъ въ общеніи молитвъ и таинствъ. Пріѣдетъ ли въ Россію православный японецъ, или арабъ, или какой-либо африканецъ, каждый изъ нихъ точно также молится въ нашемъ храмѣ, какъ онъ молился-бы у себя на родинѣ въ своемъ православномъ,—каждый принимаетъ таинства, напр. исповѣдь и причащеніе, какъ онъ это дѣлаетъ у себя дома. Равнымъ образомъ и нашъ богомолецъ или странникъ себя чувствуетъ какъ дома, когда ему случается быть въ чужой странѣ въ православномъ храмѣ. Наши паломники, посѣщавшіе Іерусалимъ, Синайскую гору, Александрію, знаютъ это по опыту. Чего же бы еще не доставало православному страннику въ чужой, но православной странѣ, для ощущенія и сознанія своего духовно-благодатнаго единства вселенской Церкви? Что еще нужно для того? Единство въ ученіи, единство въ богослуженіи, единство въ церковномъ законодательствѣ, — что можетъ прибавить къ этому папизмъ? Если кому извѣстна сила духовныхъ связей между православными церквами,—то это именно латинской церкви. Не потому ли латинская пропаганда съ такою силою и ревностію напустилась на беззащитныя славянскія племена Балканскаго полуострова,—чтобы сокрушить единство православной церкви и не дать ожить ей на Востокѣ къ новой жизни? Тотъ великій подъемъ духа, который явленъ былъ русскимъ народомъ въ послѣднюю войну и который показался столь страшнымъ для западной Европы, служитъ блистательнымъ доказательствомъ того единства вѣры, въ которомъ пребываютъ помѣстныя церкви, какъ части единой православной вселенской Церкви.

Единство Церкви должно быть разсматриваемо и понимаемо не только какъ единство Церкви земной, воинствующей, но въ совокупности съ Церковію небесною, торжествующею,—не только за извѣстное время своего существованія, но и въ послѣдовательности временъ, — т. е. какъ *единство историческое*. „Церковь, по ученію православнаго катихизиса, не ограничивается ни мѣстомъ, ни народомъ, ни временемъ“. Церковь едина всегда, за все время своего существованія, отъ временъ своего основанія до нашихъ

дней, — и будетъ едина отъ нашихъ дней до конца міра. Какъ общество, она живетъ по началамъ, положеннымъ въ основу ея; какъ живой организмъ, она развивается и растетъ, нисколько не измѣняя себѣ, но всегда оставаясь тожественною себѣ. Она всегда вѣрна себѣ, подобно тому, какъ вѣренъ бываетъ себѣ человѣкъ убѣжденія, человѣкъ твердаго и непреклоннаго характера; ибо она имѣетъ одну Главу Христа, живетъ Его жизнію и дышетъ духомъ Его любви. Только при этомъ единствѣ мыслимо духовно-благодатное взаимообщеніе Церкви земной съ Церковію небесной. Всѣ отшедшіе праведники суть наши братія во Христѣ, единые по духу и жизни; они были подобострастными намъ людьми, но спаслись тою же вѣрою, какою спасаемся и мы, молились тѣми же молитвами, какими молимся и мы, управлялись тѣми же церковными законами, какіе сохраняютъ силу и у насъ, имѣли предъ собою тѣ же заповѣди любви, какія имѣемъ и мы. Кратко, имѣя одинаковую съ нами грѣховную природу, они спаслись при тѣхъ же богодарованныхъ и спасительныхъ средствахъ, какія имѣются и у насъ, — и въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ спасаемся и мы. Духъ любви Христовой, усвоенный ими здѣсь, по разрѣшеніи отъ узъ плоти, движетъ ими съ большею силою и свободою, чѣмъ во время пребыванія во плоти на землѣ, и такъ какъ предметъ этой любви есть распространеніе Царства Божія на землѣ (да пріидетъ Царствіе Твое) и спасеніе вѣрующихъ,— то движеніе любви праведниковъ является въ неумолкаемомъ ходатайствѣ ихъ передъ Богомъ за меньшихъ братій, подвизающихся въ земной жизни въ борьбѣ со многообразными врагами спасенія. Взаимно и Церковь земная, имѣя въ нихъ такой облакъ свидѣтелей совершенныхъ уже подвиговъ и такой сонмъ предстателей, засвидѣтельствованныхъ многими знаменіями и чудесами, свидѣтельствуетъ и имъ свою любовь, прославляя ихъ за совершенные ими подвиги, величая ихъ добродѣтели и прося ихъ ходатайства предъ Богомъ. Такъ единство Церкви земной съ Церковію небесною проявляется и дѣйствуетъ въ духовно-благодатномъ общеніи ихъ между собою.

Таково ученіе о внутреннемъ духовно-благодатномъ един-

ствѣ Церкви. Какъ само-собою понятно, и какъ явствуетъ изъ раскрытаго нами ученія о Главенствѣ Христовомъ, основаніемъ для храненія этого единства служитъ вѣра во Христа, какъ Главу Церкви. Безъ подвиговъ личной вѣры единство Церкви невозможно. Вѣрующіе только по силѣ вѣры пріобщаются къ единству Церкви и, отожествляясь въ ней, образуютъ, по благодати Божіей, единомудренное и единомышленное общество. Посему церковное единство, какъ плодъ вѣры, можетъ возвышаться и укрѣпляться; можетъ упадать и разстраиваться. Если вѣра во Христа будетъ сильна, пламенна, непоколебима, то и единство членовъ Церкви прочно и незыблемо; напротивъ, если вѣра будетъ слаба, недѣятельна, мертва, или если къ дѣлу вѣры будутъ примѣшиваться земные разсчеты, человѣческія страсти, вообще плотскій образъ мыслей, то, какъ само-собою разумѣется, и всѣ церковныя связи будутъ расшатываться, ослабѣвать и порываться; безъ живой вѣры во Христа, духовнаго, святаго единства нѣтъ и не будетъ.

Святая православная восточная Церковь, по милости Божіей, сохраняя единство историческое, пребываетъ въ духовно-благодатномъ общеніи съ Церковію торжествующею небесною. Что она сохраняетъ это единство, или единство Апостольскаго преданія, въ этомъ не могутъ прекословить и не могутъ оспаривать и противники ея; ибо она сохраняетъ Апостольское преданіе въ ученіи, молитвѣ и управленіи. Такъ она остается вѣрною Апостольскому преданію,—во-первыхъ, въ ученіи; ибо хранитъ неизмѣннымъ святой, безъукоризненный и всесовершенный вселенскій Символъ; остается вѣрною въ молитвенномъ чинѣ; ибо чрезъ неизмѣнно хранимыя литургіи Василія Великаго, Іоанна Златоустаго и Григорія Двоеслова, восходитъ къ чину Апостольской литургіи св. Іакова, брата Божія; остается вѣрною въ управленіи и церковномъ законодательствѣ; ибо правила Соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ суть продолженіе и дальнѣйшее развитіе правилъ св. Апостоловъ, которыми управлялась Церковь Христова отъ временъ Апостольскихъ до временъ вселенскихъ Соборовъ. Это такъ вѣрно, что враги Церкви восточной не упрекаютъ ее въ какихъ-либо новшествахъ

или отступленіяхъ догматическихъ, литургическихъ и каноническихъ,—а если въ чемъ и упрекаютъ, то развѣ въ неподвижности и оцѣпенѣніи,—т. е. въ томъ, въ чемъ мы православные видимъ не порицаніе, а свидѣтельство истинности нашей церкви, особенно, если принять во вниманіе то, о какомъ развитіи говорятъ наши противники.

Твердо держась Апостольскаго преданія, восточная Церковь живетъ неизмѣнно тѣмъ же духомъ Христовымъ, какимъ жила и дышала съ самаго начала своего бытія. Это свидѣтельствуется тѣмъ также неоспоримымъ фактомъ, что Глава Церкви Господь нашъ Іисусъ Христосъ изъ вѣка въ вѣкъ не престаетъ являть въ православной церкви Своихъ угодниковъ, и что особенно важно—съ тѣмъ же характеромъ, въ томъ же духѣ,—какъ праведники первыхъ временъ христіанства. Такъ святой Аѳонъ служитъ питомникомъ, гдѣ при благодати Божіей воспитываются подвижники въ духѣ древнихъ подвижниковъ—египетскихъ, палестинскихъ и сирійскихъ; а жизнь восточныхъ христіанъ подъ магометанскимъ игомъ время отъ времени являетъ мучениковъ, въ духѣ древняго мученичества. Таковыми, напр., были св. священномученикъ Дамаскинъ-Габровскій, умученный за непреклонность въ Христовой вѣрѣ (1771 г.) или св. мученикъ Онуфрій, пострадавшій за имя Христово въ 1818 году января 4 дня. Равно и русская Церковь служитъ спасительною средою, въ которой на началахъ неизмѣннаго православія воспитываются, возрастаютъ и прославляются праведники. Таковы, напр., святители: Димитрій Ростовскій, Митрофанъ Воронежскій и Тихонъ Задонскій, или нынѣшняго вѣка, хотя еще не прославленный оффиціально, но достойный прославленія и многими уже прославляемый, Серафимъ Саровскій († 1833 г. янв. 2 дня[1]).

Продолжая жить однимъ духомъ съ древнею Церковію, Церковь Восточная представляетъ всѣхъ Святыхъ своимъ единымъ священнымъ Соборомъ, единымъ сонмомъ, составившимся изъ Угодниковъ Божіихъ всѣхъ временъ и наро-

[1]) Общецерковное признаніе его святымъ въ церкви Русской послѣдовало 19-го іюля сего года.

Прим. 2 изд.

довъ,—въ полномъ смыслѣ сонмомъ вселенскимъ. Такъ на священныхъ иконахъ мы изображаемъ во главѣ всего сонма Святыхъ Пресвятую Дѣву Марію Богородицу, за Нею св. Іоанна Предтечу Господня съ ликомъ св. Пророковъ, за ними св. первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла и св. Іоанна Богослова, съ прочими Апостолами, за ними ликъ Святителей вселенскихъ: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ, Николая Мурликійскаго, — затѣмъ мѣстныхъ: первоепископа Кіевскаго Михаила, — Московскихъ: Петра, Алексія, Іону и Филиппа, Ростовскаго Димитрія и такъ далѣе,—подобно и въ ликѣ мучениковъ и въ ликѣ преподобныхъ; начинаемъ съ древнихъ и кончаемъ позднѣйшими. Въ такомъ же порядкѣ святые Угодники Божіи призываются и въ молитвахъ. Такимъ образомъ въ православномъ представленіи, Церковь есть святое, неизмѣнное и неразрывное единство духа и жизни. Единыя по духу вѣры и любви, обѣ Церкви постоянно живутъ въ взаимообщеніи. Церковь земная, прославляя Святыхъ, движетъ живущую въ нихъ любовь Христову къ ходатайству предъ Богомъ за грѣшный міръ, а любовь Божія, движимая любовію Христовою праведниковъ, являетъ себя грѣшному міру въ ниспосланіи милости и благодатной помощи.

Такъ понимается и такъ сохраняется въ Церкви восточно-православной по истинѣ вселенское единство, объемлющее небо и землю.

Посмотримъ теперь, какъ понимаютъ это единство латины.

Послѣ того, какъ мысль вѣрующихъ сведена была отъ невидимой главы Церкви Христа на видимую главу, римскаго епископа, и онъ сталъ мѣриломъ истины, единомысліе въ вѣрѣ для латинской церкви утрачено навсегда. Какъ мы видѣли выше, вѣра въ единую невидимую главу Христа перестала быть основной центральной добродѣтелью, а перешла въ другую добродѣтель *послушаніе*. „Всѣ члены церкви слушаются своихъ епископовъ, учитъ катихизисъ, а епископы со всѣми вѣрующими подчинены намѣстнику Христову, папѣ, который, какъ твердое кольцо, соединяетъ всѣхъ. Всѣ члены церкви въ ученіи и богослуженіи *должны*

согласоваться съ папою и въ дѣлахъ вѣры подчиняться непогрѣшимому авторитету учащей церкви, чѣмъ и сохраняется внутреннее и внѣшнее единство". *Послушаніе и подчиненіе*— вотъ основныя условія духовнаго единства латинской церкви. По существу дѣла, какъ мы уже и раскрыли, въ папизмѣ не только не можетъ быть вѣры, какъ дѣла свободы и разума, но и самое послушаніе не можетъ быть сознательнымъ и разумнымъ; оно должно быть безотчетное и слѣпое; ибо принимать условную истину, какъ безусловную, лице человѣка какъ Богочеловѣка—никакой здравый разумъ не можетъ. Одно только слѣпое послушаніе можетъ не замѣчать всей фальши папизма и ревновать о немъ. Отсюда происходятъ и выясняются два весьма важныхъ факта, обличающихъ внутреннія противорѣчія, лежащія въ основѣ папизма. Это: а) разногласіе въ папизмѣ относительно основныхъ *латинскихъ* догматовъ и б) опредѣленіе истины посредствомъ баллотировки голосовъ.

а) Всматриваясь въ исторію папизма, мы находимъ, что раздвоеніе проходитъ по ней отъ начала до нашихъ дней. Въ папизмѣ нѣтъ дѣйствительнаго и твердаго согласія въ тѣхъ именно догматахъ, которыми латинское исповѣданіе отличается отъ православнаго восточнаго. И что всего замѣчательнѣе,—иномыслящими въ латинской церкви являются не свѣтскіе свободные мыслители, не мистики, находящіеся въ самообольщеніи, не самозванные учители, высоко возмечтавшіе о себѣ, но люди преуспѣвающіе въ духовной жизни, люди разумные, высоко просвѣщенные, стоящіе у кормила Церкви, даже признанные *святыми*. Таковъ напр. св. Бернардъ (1153 г.), настоятель клареваллійскаго монастыря, дерзнувшій обличить папу Евгенія III за его притязанія на верховенство во вселенской Церкви и на господство надъ царями, князьями и всѣми народами [1]). Таковы отцы Кон-

[1]) Вотъ напр. что писалъ Бернардъ папѣ: „Надъ прегрѣшеніями, а не надъ имуществами власть ваша. И неужели потому, что ты именуешься верховнымъ первосвященникомъ, въ самомъ дѣлѣ ты верховный? Кто верховный? Тотъ, кому нечего придать. Очень ошибаешься, если считаешь себя верховнымъ?.. Не думай, что тебѣ позволено отсѣкать отъ Церкви члены, превращать порядокъ, прелагать предѣлы, которые поставили отцы твои. Если законъ правды требуетъ

станцскаго Собора, провозгласившіе верховенство Соборовъ надъ папами [1]);—таковы-же отцы Базельскаго Собора, подтвердившіе это положеніе Собора [2]). Таковы-же отцы Галликанской Церкви, составившіе 19 марта 1682 года извѣстную декларацію, которою совершенно ниспровергается догматъ

оберегать собственность каждаго; то отнимать принадлежащее кому-либо какимъ образомъ можно согласить съ правдою? *Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется.* Не говоритъ Апостолъ: предержащей, какъ бы одной, но предержащимъ, какъ многимъ. Слѣдовательно не одна твоя власть отъ Бога"—„Петръ не могъ тебѣ дать того, чего (самъ) не имѣлъ; что имѣлъ, то далъ: попеченіе о церквахъ; но далъ ли и господство? Внемли ему: *ни яко обладающу причту, но образи бывайте стаду*, (говорилъ онъ). А чтобы ты не думалъ, что это сказано по одному смиренію, слыши гласъ Господа въ Евангеліи: *царіе языкъ господствуютъ ими... вы же не тако.* Очевидно Апостолъ запрещаетъ господствованіе. Посему, если ты, господствуя съ жадностію, пользуешься апостольствомъ, или въ качествѣ апостольскаго преемника (пользуешься) господствомъ: то по истинѣ не достигнешь ни того, ни другаго. (Opera S. Bernardi Clarae Vallens. vol. I. Parisiis. Lib. II de considerat. VI, pag. 418, 427, 439). Подобнымъ же образомъ онъ возставалъ противъ нововозникавшаго въ его время ученія о непорочномъ зачатіи, впослѣдствіи возведенномъ въ догматъ. См. мое сочиненіе о семъ предметѣ.

[1]) Вотъ опредѣленіе Собора о подсудности папъ Вселенскимъ Соборамъ: Святѣйшій, вселенскій Констанцскій Соборъ, представляющій во Св. Духѣ вселенскую Церковь, законно собравшійся для искорененія раскола, ересей и заблужденій, также для должнаго преобразованія самой Церкви въ главѣ и членахъ. Сей вселенскій Соборъ имѣетъ непосредственно отъ самого Господа Іисуса Христа (такую) власть, что ему (Собору) долженъ повиноваться всякій, *даже папа*, въ томъ, что касается вѣры, истребленія раскола и преобразованія Церкви въ главѣ и членахъ. Если же папа, или кто другой, откажется слѣдовать постановленіямъ сего, или всякаго другаго вселенскаго собора, то подлежитъ соотвѣтственной эпитиміи, даже, въ случаѣ нужды, подвергается другимъ законнымъ наказаніямъ. Plena collectio Concil. Mansi Tom. XXVII, col. 554—555.

[2]) Базельскій соборъ между прочимъ опредѣлилъ: „если бы Церковь могла погрѣшить (когда достовѣрно извѣстно, что папа можетъ впасть въ заблужденіе); тогда и папа, и цѣлое тѣло (Церкви) состояло бы въ заблужденіи,—вся Церковь погрѣшила бы; чего быть не можетъ. Ибо опытъ доказываетъ, и мы часто испытываемъ и читаемъ, что папа, хотя и глава и главнѣйшая часть (тѣла Церкви), заблуждалъ, но чтобы остальные (члены) тѣла при заблужденіи папы также заблуждали, никогда не читали. По сему остальное цѣлое тѣло осуждало и подвергало запрещенію, или низлагало папу, какъ по отноше-

папскаго главенства [1])! Таковъ Альфонсъ Лигуоріо, основатель ордена редемптористовъ, Григоріемъ XVI сопричисленный къ лику святыхъ, а Піемъ IX возведенный въ званіе учителя (доктора) Церкви [2]). Таковы-же были тѣ 18 епископовъ, которые подали свой голосъ противъ утвержде-

---

нію къ вѣрѣ, такъ и нравамъ". Папа Евгеній IV (о которомъ у насъ была рѣчь выше), опасаясь низложенія, вынужденъ былъ утвердить опредѣленія Собора буллою, которая начиналась сими словами: „опредѣляемъ и объявляемъ реченный вселенскій Соборъ, со времени вышесказаннаго начала своего, законно продолжавшимся и продолжающимся". (Mansi t. XXIX, 78, Hard. tom. XII. col. 682—695).

[1]) Декларація Галликанской церкви составлена подъ редакціей знаменитаго *Боссюэта*; она гласитъ:

1) „Богъ не даровалъ ни св. Петру, ни его преемникамъ ни посредственной, ни непосредственной власти въ дѣлахъ свѣтскихъ.

2) Галликанская Церковь подтверждаетъ постановленія, принятыя въ IV и V сессіяхъ Констанцскаго Собора, по коимъ вселенскіе Соборы признаны выше папы въ дѣлахъ духовныхъ.

3) Правила и обычаи, принятые въ королевствѣ и въ Галликанской Церкви, должны оставаться неприкосновенными.

4) Рѣшенія папы въ дѣлѣ вѣроученія тогда только непреложны, если будутъ прежде того приняты Церковію".

Эта декларація виситъ надъ папствомъ въ видѣ постоянной и всегда готовой угрозы, какъ дамокловъ мечъ. Ею воспользовался король Людовикъ XIV, чтобы заставить папу Иннокентія XI дать согласіе на его требованія относительно назначенія епископовъ отъ короны;—ею же воспользовался и въ тѣхъ же видахъ Наполеонъ I. Въ томъ и другомъ случаѣ папству грозила опасность отдѣленія Галликанской церкви отъ Рима. Впрочемъ, французское духовенство, чуткое къ своимъ интересамъ, не пошло дальше декларацiи: въ лицѣ папы, какъ главы католической Церкви, оно обезпечиваетъ себѣ защиту отъ порабощенія мірской власти,—а своей декларацiей даетъ своему правительству средство къ обузданію папскаго властолюбія. Такимъ образомъ, хотя во взглядахъ церкви Галликанской существуетъ прямое противорѣчіе съ ученіемъ Рима, тѣмъ не менѣе уравновѣшиваніе выгодъ прикрываетъ это противорѣчіе. Это-ли единство, о которомъ молился нашъ Спаситель?

При этомъ еще слѣдуетъ замѣтить, что Галликанская церковь не приняла въ свое каноническое право Тридентскаго Собора;—хорошо же латинское единство?!

[2]) Альфонсъ Лигуоріо писалъ противъ злоупотребленій папства. Іезуиты хотѣли скрыть это его сочиненіе, — но оно издано въ свѣтъ въ Германіи.

нія догмата о непорочномъ зачатіи, отвергнувъ въ принципѣ правоспособность Церкви возводить частныя мнѣнія, не доказанныя ни Священнымъ Писаніемъ, ни Преданіемъ,—въ общеобязательные догматы [1]). Таковы-же и тѣ отцы Ватиканскаго Собора (1870 г.), которые не согласны были съ догматомъ папской непогрѣшимости и изъ которыхъ одни, не желая идти противъ своего убѣжденія, удалились изъ Рима (въ числѣ 163) ранѣе подачи голосовъ,—а другіе, болѣе смѣлые, (въ числѣ 85), оставшись на Соборѣ, подали голосъ противъ непогрѣшимости. Всѣ эти отцы, заявившіе себя противъ новаго догмата, безъ сомнѣнія, остались и остаются несогласными съ догматомъ папской непогрѣшимости, хотя открыто и не возстаютъ противъ него; отъ нихъ и не требовали согласія,—такъ какъ ихъ покрыли большинствомъ голосовъ. Когда въ дѣлѣ истины Христовой требуется не единство нравственное, не безусловное взаимное согласіе,—а только большинство голосовъ (явленіе, немыслимое въ истинной Церкви),—тогда не можетъ быть и разговора о единствѣ вѣры въ латинской Церкви [2]).

б) Опредѣленіе истины баллотировкою голосовъ,—это другой фактъ, обличающій неправду папизма. Истина Христова есть положительная истина, данная намъ во спасеніе, и потому требуетъ всецѣлаго принятія: *иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ* (Мр. 16, 16); *аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго и не піете крове Его, живота не имате въ себѣ.* (Іоан. 6, 53). Глаголы Божіи *духъ суть и животъ* (—63); къ нимъ нельзя

---

[1]) См. мое сочиненіе: „Разности Церквей въ ученіи о Пресвятой Дѣвѣ Маріи Богородицѣ“ стр. 62—72. Въ протестѣ парижскаго архіепископа противъ провозглашенія догмата о непорочномъ зачатіи важно то, что онъ, во-первыхъ, отрицаетъ правоспособность церкви (разумѣй папы) возводить частныя мнѣнія въ общеобязательные догматы, чѣмъ и заявилъ свой протестъ еще и противъ послѣдовавшаго затѣмъ опредѣленія о непогрѣшимости папы, а во-вторыхъ, ссылаясь въ своемъ протестѣ на вліятельнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ богослововъ своей церкви, представляетъ не свое только мнѣніе, а цѣлой корпораціи лицъ.

[2]) См. о томъ же предметѣ „Іезуиты“ Самарина стр. 380—387. Письмо V. Изд. 1870 г.

относиться съ нерѣшительностію. Ап. Павелъ свидѣтельствуетъ, что Іисусъ Христосъ, проповѣданный имъ и его сотрудниками, не *былъ да и нытъ*, но въ немъ было *да*. Ибо всѣ обѣтованія Божіи въ Немъ *да*, и въ Немъ *аминь* (2 Кор. 1, 19, 20). Какимъ же образомъ такую положительную истину можно подвергать баллотировкѣ? Что́ бы сказали Отцы вселенскихъ Соборовъ, еслибъ имъ предложено было составленныя ими вѣроопредѣленія догматовъ отдать на баллотировку? Это новость неслыханная, въ примѣненіи къ христіанскому ученію совершенно невозможная и сама по себѣ нелѣпая.— Если бы баллотировкою опредѣлялись вѣроизложенія вселенскихъ Соборовъ, — православіе было бы подавлено большинствомъ или аріанъ, или несторіанъ, или монофизитовъ, или иконоборцевъ. Баллотировка въ приложеніи къ опредѣленію истины есть чисто внѣшній пріемъ и сама въ себѣ предполагаетъ, съ одной стороны, существующее въ обществѣ несогласіе сужденій о баллотируемой истинѣ, а съ другой— или подчиненіе меньшинства большинству, или по крайней мѣрѣ надежду на невозможность сопротивленія со стороны перваго послѣднему. — Баллотировкою опредѣляется группировка частныхъ мнѣній объ искомой истинѣ, но не самая истина. Поэтому, при баллотировкѣ меньшинство, уступая большинству, какъ внѣшней силѣ, не обязывается измѣнять своихъ взглядовъ и убѣжденій, а при случаѣ можетъ даже, собравшись съ силами, заявить себя и низвергнуть большинство, какъ это нерѣдко и бываетъ въ порядкахъ мірской жизни. Что дѣло истины Христовой въ латинской церкви стоитъ именно такъ, это уже открылось въ опредѣленіи двухъ новыхъ догматовъ, о которыхъ мы сейчасъ сказали. Латины не только не находятъ въ баллотировкѣ ничего противнаго истинѣ, напротивъ, еще и въ будущемъ обѣщаютъ дѣйствовать такимъ-же образомъ. Приглашая насъ на Соборъ для разсмотрѣнія и опредѣленія ихъ основныхъ догматовъ: объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына и о главенствѣ папы, они хотятъ рѣшить оспариваемую нами истину этихъ догматовъ посредствомъ баллотировки и заранѣе трубятъ о своемъ торжествѣ, такъ какъ, по ихъ увѣренію, католиковъ больше, чѣмъ православныхъ. Но такимъ большин-

ствомъ іудейскій Синедріонъ заставилъ молчать Никодима, когда тотъ въ защиту Іисуса Христа хотѣлъ было расположить своихъ сотоварищей къ осмотрительному и на основаніи закона составленному сужденію о Немъ (Іоан. 7, 50—52). Такимъ же большинствомъ Синедріона былъ произнесенъ смертный приговоръ на истиннаго Мессію; ибо несомнѣнно Іосифъ и Никодимъ, составляя меньшинство въ Синедріонѣ, если прямо не противорѣчили превозмогавшему большинству, то внутренно рѣшительно не соглашались съ нимъ. Подъ вліяніемъ того же большинства народъ потребовалъ у Пилата освобожденія разбойника и распятія на крестѣ Спасителя міра.—Вотъ что такое большинство голосовъ! Итакъ, есть ли внутреннее единство въ церкви латинской?..—Нѣтъ, оно уже утрачено ею.

Не имѣя единства въ вѣрѣ, латинская церковь не имѣетъ и единства *историческаго* или *единства преданія*.

Что единство историческое было нарушено, единство преданія прервано,—это положеніе не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; оно слишкомъ очевидно. Съ того самаго времени, какъ началось развитіе папизма, т. е. съ конца IX вѣка, начинается измѣна церкви латинской древнимъ началамъ, во всѣхъ трехъ видахъ. Она не осталась единою въ ученіи, ибо измѣнила вселенскій Символъ, — введши въ него ученіе *и отъ Сына* (Filioque),—создала и продолжаетъ создавать новые догматы, съ обязательствомъ принимать ихъ, какъ Богооткровенныя истины; узаконила на всѣ времена въ образецъ науки и церковнаго ученія схоластическую науку въ лицѣ своего учителя Ѳомы Аквината, тогда какъ эта наука можетъ служить только вѣрнымъ типомъ средневѣковаго мышленія, но никакъ не вселенской науки [1]). Она не осталась вѣрною духу Апостольскаго Богослуженія; ибо отвергла чинъ Апостольской литургіи, — введши *опрѣсноки*, совершенно неизвѣстные православной древности; исключила молитву о призываніи Св. Духа, предъ благословеніемъ Св. Даровъ; пере-

[1]) Кромѣ того парижскій университетъ находилъ у Ѳомы цѣлый рядъ заблужденій, къ числу которыхъ относится и его ученіе о папской непогрѣшимости. Janus, стр. 297.

толковала время ихъ пресуществленія; лишила чаши мірянъ; подобнымъ образомъ измѣнила и спутала чинопослѣдованія другихъ таинствъ, напр. въ крещеніи ввела обливаніе или окропленіе (т. е. древнее исключеніе ввела въ законъ, а древній узаконенный обрядъ вывела изъ употребленія); въ таинствѣ священства кромѣ рукоположенія ввела еще врученіе священныхъ сосудовъ и понимаетъ оное, какъ необходимую принадлежность священнодѣйствія. Не осталась вѣрною древнему законодательству; такъ какъ со времени своего отдѣленія отъ Церкви Восточной совершенно измѣнила весь строй церковной жизни, установивши свое законодательство на основахъ ложныхъ, древности неизвѣстныхъ, и впослѣдствіи ею же самою отринутыхъ (разумѣются лжеисидоровы декреталіи и под. См. ниже). Историческое единство латинской церкви несомнѣнно существуетъ, но оно начинается со времени раздѣленія церквей, съ того историческаго момента, когда появились такъ называемыя *лжеисидоровы декреталіи,* на основаніи которыхъ и совершился чрезвычайный переворотъ въ устройствѣ латинской церкви. Слѣдовательно, за ней, въ такомъ-же смыслѣ можно признать историческое единство, въ какомъ мы признаемъ за церковными обществами лютеранскимъ, реформатскимъ, англиканскимъ и другими подобными.

Это нарушеніе единства историческаго отразилось и въ отношеніяхъ латинской церкви земной къ Церкви небесной.

Утративъ единство во Христѣ, она перестала жить Его духомъ и нарушила единство жизни съ древней Церковію. Вслѣдствіе этого у ней нѣтъ Святыхъ въ духѣ древней Церкви,—въ духѣ Христовомъ,—тѣ же, которыхъ она называетъ святыми, суть праведники въ духѣ папизма. Если это были сами папы, то они были прославлены за то, что воплощали въ себѣ духъ чрезмѣрнаго превозношенія, а отнюдь не духъ Христовъ; таковы были напр. папы: Николай I и Григорій VII; если же это были низшіе пастыри или міряне,—они были прославлены за то, что воплощали съ себѣ духъ слѣпой ревности или латинскаго фанатизма, совершенно чуждаго истинной Церкви и осуждаемаго ею; таковы напр. были: Игнатій Лойола, Петръ Арбуэзъ, Іоасафатъ Кун-

цевичъ и подобные. Такихъ святыхъ можно ли приравнивать къ древнимъ святителямъ, мученикамъ и преподобнымъ, или къ нашимъ святымъ, которыхъ имена мы указали выше?

Въ отношеніи къ прославленію Святыхъ въ латинской церкви случилось нѣчто подобное тому, что бывало у языческихъ народовъ. У сихъ послѣднихъ нерѣдко поколѣніе новыхъ боговъ вытѣсняло поколѣнія старыхъ; подобно и въ церкви латинской по отдѣленіи ея отъ вселенскаго единства, святые собственно въ латинскомъ духѣ, по латинскимъ представленіямъ вытѣснили собою изъ сознанія латинянъ, а вмѣстѣ изъ храма и молитвенниковъ, Святыхъ вселенской Церкви. Гдѣ вы увидите у латинянъ вселенскихъ святителей: Аѳанасія и Василія Великихъ, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Спиридона Тримифунтскаго, или Антонія Великаго, Павла Ѳивейскаго и подобн.? Они удалены изъ церковнаго сознанія, а вмѣсто нихъ поставлены бритые и подстриженные—Доминикъ, основатель Доминиканскаго ордена, Францискъ Ассизскій, Францискъ Ксаверій, Игнатій Лойола, Бригитта, Станиславъ Костка, вымышленный Іоаннъ Непомукъ [1]) и имъ под. Словомъ, и въ представленіи Церкви торжествующей у латинянъ произошло отдѣленіе и обособленіе. Вмѣстѣ съ этимъ совершилось измѣненіе и въ отношеніяхъ церкви земной къ Церкви торжествующей; латиняне не столько молятся Святымъ, сколько эксплоатируютъ ихъ въ свою пользу. Да простятъ мнѣ это выраженіе; оно рѣзко, но оно вѣрно изображаетъ особыя отношенія латинской церкви къ своимъ святымъ; здѣсь я разумѣю индульгенціи

[1]) Іоаннъ Непомукъ вымышленъ іезуитами съ цѣлію, чтобы имъ заслонить Іоанна Гуса, къ которому чехи относятся съ почтеніемъ, какъ мученику за истину. Такъ какъ дѣйствительный Непомукъ, утопленный въ рѣкѣ въ 1393 году не могъ быть выданъ за святаго, потому что жизнь его и причина смерти, хорошо были извѣстны, то оо. іезуиты выдумали другаго Іоанна Непомука, казненнаго будто бы въ 1383. Но строгія историческія изысканія другаго Непомука не обрѣтаютъ въ лѣтописяхъ.—См. объ этомъ сочиненіе Юрія Анненкова: Сказаніе о чешскомъ святомъ Іоаннѣ Непомукѣ, СПБ., 1877. Также сочиненіе на чешскомъ языкѣ: Legenda o sv. Janu Nepomuckém, kriticky objasnená od Dra O. Abela. česky podal Vaclav Bambas. 1864.

и переводъ на грѣшниковъ сверхъ-должныхъ дѣлъ праведности Святыхъ.

И такъ, латинскою церковію утрачено то спасительное единство, которымъ обладаетъ церковь восточная. Перейдемъ же теперь къ разсмотрѣнію того единства, которымъ хвалится и на которомъ основываетъ свое превосходство и свою правоту церковь латинская. Это единство церковнаго устройства.

Дѣйствительно, по своему устройству латинская церковь представляетъ стройное единство, законченное, пирамидальное зданіе, абсолютную монархію, цѣльный организмъ. Повсюду одно управленіе, одинъ богослужебный языкъ и одно воспитаніе духовенства. Изъ Рима исходятъ и къ Риму же стянуты всѣ нити управленія. Превосходно дисциплинированное духовенство пребываетъ въ безусловномъ подчиненіи у главы церкви и приводитъ къ таковому же послушанію свои паствы. Все направлено къ служенію интересамъ римскаго престола и строго выполняетъ свое предназначеніе. Но соотвѣтствуетъ ли это блестящее единство характеру и достоинству Христовой Церкви? ведетъ ли оно къ тѣмъ спасительнымъ цѣлямъ, для которыхъ создана Церковь? Вотъ вопросы, которые неизбѣжно возникаютъ при видѣ блестящей видимости, закрывающей внутреннее раздвоеніе. Мы отвѣчаемъ отрицательно: нѣтъ и нѣтъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно пріоткрыть ту тайну, на которой держится это блестящее единство. Что же это за тайна? Это

а) *целибатъ*, законъ о безбрачіи духовенства. Какъ обязательство, какъ нравственное принужденіе, этотъ законъ ничѣмъ не можетъ быть оправданъ; онъ тяжкимъ бременемъ лежитъ на латинскомъ духовенствѣ, но онъ столь необходимъ для единства латинской церкви, что отмѣненіе его поведетъ къ ея распаденію [1]), и потому папы никогда и ни въ какомъ случаѣ не могутъ поступиться этимъ закономъ. Онъ даетъ папамъ армію преданныхъ слугъ, не знающихъ узъ

[1]) Нѣкто Lempens въ своей брошюркѣ: „die Besiegung des Papstthums“—какъ единственное средство разрушить папизмъ предлагаетъ поженить всѣхъ католическихъ священниковъ.

родства и народности, не признающихъ надъ собою законовъ общества и государства, но всецѣло преданныхъ одному лицу, болѣе или менѣе искренно и слѣпо. Но такъ ли преданы они Христу, невидимой главѣ Церкви, такъ ли служатъ Ему? Объ этомъ не можетъ быть вопроса, такъ какъ Христосъ для нихъ замѣненъ папой. Такое условіе единства говоритъ само за себя!

б) *монашескіе ордена.* Ордена составляютъ тѣ органы латинской монархіи, чрезъ которые соблюдается единство и нормальность ея отправленій, проводятся въ жизнь начала, внушаемыя свыше, провѣряется ихъ принятіе и выполненіе, поддерживается борьба съ враждебными силами, наблюдается пульсъ общественной жизни и сохраняется живая непосредственная связь периферій съ своимъ центромъ. Въ настоящее время дѣло служенія папизму почти исключительно находится въ рукахъ іезуитовъ. „Товарищество Іисусово"—вотъ одна изъ важнѣйшихъ опоръ единства латинской монархіи. Члены этого товарищества и составляютъ ту черную армію, которая по всѣмъ линіямъ ведетъ и тайную, и явную борьбу со всѣми врагами папской идеи. Въ Германіи они ведутъ культурную борьбу изъ-за школъ, во Франціи и Бельгіи—за свое существованіе и вліяніе на народъ, въ Италіи—изъ-за Ватиканскаго узника, въ Австріи и Галиціи — съ русской народностью, которую хотятъ изгладить изъ исторіи и географіи,—на Балканскомъ полуостровѣ—съ православіемъ, чтобы отнять отъ него славянскія племена или по крайней мѣрѣ посѣять въ нихъ раздоръ,—подобнымъ образомъ въ Палестинѣ и Сиріи, чтобы стать тамъ твердою ногою. Въ то же время къ возвеличенію католической церкви эти самые дѣятели проводятъ новые догматы, для поднятія въ народѣ упавшаго религіознаго чувства изобрѣтаютъ новыя служенія (культъ сердца Іисусова), для сбора денегъ выдумываютъ новыя средства и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, ни одинъ изъ бывшихъ орденовъ не обнаруживалъ такой многосторонней дѣятельности въ пользу папства, не дѣйствовалъ съ такой энергіей и съ такимъ упорствомъ, какъ орденъ іезуитовъ. Хвала и честь ордену, но не хвала и честь латинской церкви, которая считаетъ себя христіанской! Чтобы дать по-

нятіе о томъ могущественномъ значеніи, какое имѣетъ этотъ орденъ для латинской церкви, довольно напомнить, что генералъ ордена іезуитовъ величается *чернымъ папою*. Конечно, это говорится иронически, но въ этой иронiи слышится самое существо дѣла, т. е. великое значеніе главы іезуитовъ въ Римѣ [1]).

в) *папскій дворъ* или *курія*, которая составляетъ третью опору единства латинской церкви. Курія — это есть плотно сложившаяся около папы корпорація лицъ, которыя заинтересованы въ его положеніи, чрезъ него живутъ и имъ пользуются. Надъ куріей нѣтъ никакой власти; папа выходитъ изъ нея и есть не больше, какъ представитель и покорный слуга ея интересовъ. Въ своемъ одиночествѣ и обособленіи отъ всѣхъ и всего онъ безсиленъ предъ нею и не можетъ вступить въ какую-либо борьбу съ нею. Еслибы существовало учрежденіе вселенскихъ Соборовъ въ древнемъ духѣ и значеніи, онъ могъ бы опереться на него; но теперь онъ лишенъ этого средства; курія никогда не допуститъ папу до Собора въ древнемъ смыслѣ. Да теперь и поздно; съ опредѣленіемъ догмата о непогрѣшимости папы значеніе Соборовъ устранено навсегда. Поэтому, повторяемъ, борьба папы съ куріей невозможна. Положеніе папы (въ лучшемъ смыслѣ) похоже на положеніе матки у пчелъ въ ульѣ; она даетъ жизнь пчеламъ и единство всей жизни улья, но за то она окружена бдительнымъ надзоромъ рабочихъ пчелъ и безъ нихъ никуда не можетъ двигаться. Подобно — и папа: онъ постоянно подъ надзоромъ своей куріи, и потому его положеніе, блестящее по виду, въ оффиціальной обстановкѣ, печально по существу, печально въ частной жизни. Онъ слуга и рабъ куріи. Особенно страшны для него іезуитскій орденъ и тайная инквизиція. Тайная отрава, такъ практиковавшаяся

---

[1]) Объ іезуитахъ и ихъ морали мы имѣемъ весьма основательно, по сочиненіямъ же самихъ іезуитовъ, составленное, сочиненіе Юрія Самарина: „Іезуиты и ихъ отношенія къ Россіи“. Сочиненіе это осталось безъ отвѣта со стороны обличаемыхъ. Можно также рекомендовать сочиненіе священника М. Морошкина: „Іезуиты въ Россіи“ 2 ч.— сочиненіе, составленное весьма обстоятельно по архивнымъ документамъ.

въ языческомъ Римѣ,—не съ меньшимъ искусствомъ практикуется и въ христіанскомъ Римѣ,—ради вящшей славы Божіей, pro majore Dei gloria. Извѣстно, что кардинала Альбани и секретаря Альфонса Франкетти постигла рановременная смерть за сочувствіе къ преобразовательнымъ планамъ Льва XIII-го. Такая же участь грозила и самому папѣ. Въ 1883 г. декабря 20-го оо. іезуиты готовились отравить и его, какъ о томъ свидѣтельствуютъ письма графа Людольфа, посланника австрійскаго въ Римѣ, къ императору Францу-Іосифу, и письма кардинала Лаурентини, врага іезуитовъ, къ президенту французской республики Греви, котораго онъ предупреждалъ о намѣреніяхъ іезуитовъ, чрезъ французскаго епископа Фреппеля. Планы іезуитовъ не удались, но такъ напугали бѣднаго папу, что онъ не могъ принимать пищу изъ своей кухни и вынужденъ былъ воспользоваться услугами своего брата, кардинала Печчи, который долгое время носилъ для него обѣдъ изъ города. Положеніе нельзя назвать пріятнымъ и соотвѣтствующимъ высокому достоинству намѣстника Христова, земнаго спасителя. Отсюда объясняется, почему папы, восходившіе на престолъ нерѣдко съ самыми благими намѣреніями, никогда не выполняли ихъ послѣ своего воцаренія, т. е. именно потому, что имъ не позволяла того курія, объ нее разбивались всѣ ихъ намѣренія и желанія.

Построенная на этихъ основахъ, церковь представляетъ, дѣйствительно, доведенное до совершенства, дисциплинированное единство. Папа представляетъ собою лице, на которомъ держится и которымъ замыкается это единство; въ немъ объединяются милліоны людей, которые привязаны къ нему безусловнымъ послушаніемъ и фанатическою преданностію. Такое общество представляетъ внушительную силу, но эта сила—внѣшняя по отношенію ко Христу и внѣшняя по отношенію къ дѣлу спасенія. Это не сила спасительной вѣры во Христа, а сила безусловной преданности Его замѣстителю на землѣ, отъ котораго, будто-бы, зависитъ рай и адъ, жизнь и смерть, и у котораго легко можно купить спасеніе. Она, эта сила не въ уподобленіи Христу, а въ служеніи внѣшнимъ интересамъ своего земнаго спасителя. Оттого ха-

рактеръ служенія его клевретовъ никакъ нельзя назвать христіанскимъ, въ прямомъ и простомъ смыслѣ этого слова, а напротивъ слѣдуетъ назвать мірскимъ и свѣтскимъ: вмѣшиваться въ политическія дѣла государствъ, разжигать политическія страсти, возбуждать революціи, гдѣ это оказывается полезнымъ для цѣлей папизма, поддерживать распри и нестроенія въ государствахъ, натравливать народы на народы, дѣйствовать на женщинъ, пугая ихъ воображеніе проклятіями папы, земными несчастіями и ужасами ада,—чрезъ женщинъ вліять на ихъ мужей—государственныхъ дѣятелей,—все это и подобное тому обыкновенно практиковалось и практикуется въ жизни папизма, будто бы для вящшей славы Божіей. Забота о внѣшнемъ дисциплинарномъ единствѣ сдѣлала изъ латинской церкви царство міра сего, въ которомъ слуги подвизаются также (если не хуже), какъ подвизаются слуги земныхъ царствъ. Церковь папистическая есть церковь, обратившаяся въ мірское государство съ характеромъ абсолютной монархіи. Имя Христа Спасителя здѣсь служитъ только прикрытіемъ земныхъ средствъ и цѣлей. Оттого папизмъ состоитъ во враждѣ съ политическими учрежденіями, такъ какъ соперничаетъ и совмѣстничаетъ съ ними, вмѣсто того чтобы своими благодатными силами одухотворять, оживотворять и освящать государство. Къ прискорбію всего христіанскаго міра, вражда эта кончается тѣмъ, что папизмъ отрицается государствами (напр. во Франціи и Бельгіи) не только, какъ политическое учрежденіе, но и какъ Церковь, и какъ религія. Власть папы не спасаетъ Церковь отъ оскорбительнаго отношенія правительствъ къ святынямъ христіанскимъ. Въ прошломъ столѣтіи австрійскій императоръ Іосифъ II закрылъ въ Австріи свыше тысячи церквей и монастырей, которые затѣмъ поступили въ частныя руки и были обращены на низкое употребленіе,—церкви напр. въ амбары и въ прачешныя, а монастыри въ скотные дворы. Сила папскаго могущества дѣйствуетъ только тогда, когда основывается на политическихъ разсчетахъ и пользуется государственными усложненіями. Таковы напр. причины уступокъ желѣзнаго канцлера въ культурной борьбѣ съ папизмомъ. Но тамъ, гдѣ этого усложненія нѣтъ, напр. въ настоящее время во

Франціи, тамъ церковь терпитъ крайнія стѣсненія и тяжкія оскорбленія, отъ которыхъ не спасаютъ ее и громы ватиканскихъ проклятій.

Такого-ли единства нужно желать и домогаться православнымъ церквамъ Востока?

Говоря такимъ образомъ о единствѣ латинской церкви, мы не закрываемъ своихъ взоровъ отъ того ненормально-разрозненнаго положенія помѣстныхъ церквей Востока, въ которомъ онѣ пребываютъ въ настоящее время. Хотя онѣ сохранили и продолжаютъ сохранять между собою спасительное единство духовно-благодатное и постоянно пребывали и пребываютъ въ духовномъ общеніи, но тѣмъ не менѣе имъ недостаетъ внѣшнихъ связей и сосредоточенности дѣйствій, и потому онѣ обуреваются неблагопріятными вліяніями разныхъ политическихъ теченій. Кто изъ православныхъ христіанъ, понимающихъ дѣла Востока, не скорбитъ объ разрозненности церквей и ихъ безсиліи противъ иновѣрныхъ пропагандъ? Каждая изъ помѣстныхъ церквей Востока окружена опасностями и терпитъ какія либо скорби и бѣды. Такъ Румынская православная церковь находится подъ постояннымъ внѣшнимъ давленіемъ, которое влечетъ ее къ измѣнѣ православію и къ принятію уніи съ Римомъ. Православные церкви въ Австріи такъ ревниво охраняются отъ сношенія съ русской церковію, что запрещается имъ даже принимать русскія сочиненія богословскаго содержанія, а русскимъ священникамъ входить съ ними въ церковное общеніе [1]). Глава Сербской церкви, митрополитъ Михаилъ, лишенъ престола, помимо всѣхъ церковныхъ правилъ, и почти изгнанъ изъ отечества [2]). Предстоятелю православной церкви въ Босніи

---

[1]) Разъ покойный отецъ протоіерей Раевскій ѣздилъ въ Карловцы къ патріарху, чтобы принять отъ него санъ протоіерейства. Австрійское правительство посмотрѣло на это неблагосклонно, и о. протоіерею дано было знать, чтобы впредь ничего подобнаго не было. Кстати; православнымъ славянамъ, обучающимся въ Вѣнскомъ университетѣ, запрещено посѣщать русскій посольскій храмъ, подъ угрозою исключенія изъ университета.

[2]) Въ 1889 г. послѣ отреченія короля Милана и вступленія на престолъ молодого короля Александра, митроп. Михаилъ былъ снова при-

не позволили защищать православіе и ограждать свою паству отъ непрошенныхъ латинскихъ миссіонеровъ, и онъ долженъ былъ оставить свою каѳедру. Патріархатство Константинопольское раздирается расколомъ по вліянію на церковныя дѣла политическихъ страстей. Патріархатства Іерусалимское и Антіохійское расхищаются иновѣрными проповѣдниками и нѣтъ отъ нихъ ни откуда защиты. По истинѣ, положеніе печальное! Поэтому весьма желательно, чтобы между церквами было гораздо больше взаимнаго общенія, единства въ борьбѣ съ врагами православія и взаимной поддержки. Но что для этого нужно? Прежде всего, безъ сомнѣнія, нуженъ высокій подъемъ вѣры, свободной отъ всякой примѣси политическихъ страстей и разсчетовъ: *аще имате вѣру яко зерно горушно, речете горѣ сей: преди отсюда тамо, и прейдетъ: и ничтоже невозможно будетъ вамъ* (Мѳ. 17, 20). Когда будетъ это источное начало церковной жизни, тогда и остальное приложится, т. е. можно будетъ создать какое-либо формальное или дисциплинарное единство, разумѣется, не папистическое, но такое, которое будетъ соотвѣтствовать началамъ православія. *Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Мѳ. 6, 33).

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о латинской пропагандѣ, которою, какъ мы видѣли выше, паписты хвалятся, какъ доказательствомъ жизненности папизма и истинности латинской церкви. Не споримъ, что въ этомъ отношеніи паписты имѣютъ великія преимущества предъ нами православными; они владѣютъ громадными средствами, энергіей силъ и сохраняютъ единство дѣйствій. Но, во первыхъ, такія качества принадлежатъ не имъ однимъ, но равно и протестантскимъ миссіонерамъ,—а, во вторыхъ, характеръ этой пропаганды—невысокаго достоинства и никакъ не можетъ быть одобренъ христіанскими понятіями и правилами: происки, подкупы, посулы, угрозы, интриги, потворство страстямъ, грѣховнымъ языческимъ обычаямъ, — все это и по-

---

глашенъ изъ Россіи (гдѣ проживалъ) занять свою каѳедру, на которой и продолжалъ свои архипастырскіе подвиги до кончины своей въ 1898 г. Прим. 2 изд.

добное употребляется какъ средство для успѣха проповѣди. Такъ Апостолы не проповѣдывали и такъ не учили проповѣдывать [1]).

Для православнаго христіанства особенно обидна и огорчительна пропаганда лятинянъ въ православныхъ земляхъ Востока. Если бы дѣло своей пропаганды они вели честно, если бы предлагали свою проповѣдь на свободное произволеніе своихъ слушателей, тогда ихъ проповѣдь и обращеніе имѣли бы нѣкоторый смыслъ; въ такомъ случаѣ они являлись бы въ нѣкоторомъ смыслѣ просвѣтителями народовъ, огрубѣвшихъ въ невѣжествѣ отъ ига невѣрныхъ. — Но они дѣйствуютъ совсѣмъ не такъ: какъ пауки разставляютъ свои сѣти для мухъ, такъ они свои школы для дѣтей, куда заманиваютъ ихъ подарками или матеріальною помощью родителямъ;—дѣйствуя на дѣтей то насмѣшкою надъ всѣмъ православнымъ, то клеветою и всевозможными выдумками, они внушаютъ дѣтямъ ненависть къ ихъ родной вѣрѣ, и такимъ образомъ вносятъ рознь въ семьи, вражду въ населеніе, нестроенія въ общества. Это тѣмъ прискорбнѣе, что политика западныхъ государствъ, по зависти ихъ къ православной Россіи, всячески содѣйствуетъ латинской пропагандѣ въ тѣхъ видахъ, чтобы разорвать духовныя связи православнаго Востока съ православной Россіей, которая положеніемъ своимъ

---

1) Желающимъ подробнѣе познакомиться съ характеромъ латинской пропаганды рекомендуемъ обратиться:

а) Къ книгѣ Ю. Самарина: „Іезуиты и ихъ отношенія къ Россіи". Здѣсь довольно прочитать страницы съ 70 по 75. Въ одномъ изъ примѣчаній на этихъ страницахъ передается разсказъ о томъ, какъ іезуиты, примѣняясь къ языческимъ обычаямъ индійцевъ, позволяли брачущимся при вѣнчаніи надѣвать символъ индійскаго божества Пріапа, а когда имъ было это запрещено, они стали къ этому неблагопристойному символу придѣлывать маленькій крестикъ. Въ такомъ видѣ это изображеніе могло бы быть принято за самый вѣрный символъ всей апостольской дѣятельности послѣдователей Лойолы. Фактъ этотъ засвидѣтельствованъ, между прочимъ, папскимъ викаріемъ, епископомъ Розалійскимъ.

б) Къ книгѣ А. Востокова: „Объ отношеніяхъ Римской Церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ" и проч., рекомендуемъ прочитать главы: XVI, XVII, XXIII и XXIV.

призвана быть представительницей и покровительницей православныхъ;—ибо олатинившіеся жители Востока всѣми своими чувствами начинаютъ тяготѣть къ Риму, какъ общему центру всѣхъ латинянъ. Такимъ образомъ, латинская церковь въ своей пропагандѣ движется не духомъ любви Христовой, а духомъ властолюбія и лжи. Восточные патріархи такъ выражаютъ противоположность направленій церкви восточной и церкви латинской: Молитва Спасителя нашего къ Богу и Отцу Своему объ общей любви христіанъ и совокупленіи во едину, святую, соборную и Апостольскую Церковь... дѣйствуетъ въ насъ какъ и въ его блаженствѣ (т.-е. папѣ),—и здѣсь то наше братское стремленіе и ревность срѣтается съ стремленіемъ и ревностію его блаженства, съ тѣмъ только различіемъ, что въ насъ эта ревность направлена къ тому, чтобы соблюсти чистымъ и неприкосновеннымъ всесовершенный Символъ Христовой вѣры... а въ его блаженствѣ—къ тому, чтобы укрѣпить и утвердить надъ всѣми власть и господство возсѣдающихъ на Апостольскомъ престолѣ и ихъ новаго ученія [1]).

Поэтому, какъ ни велики и ни блестящи, повидимому, успѣхи латинской пропаганды, но она не заслуживаетъ того, чтобы ей подражать,—сохрани насъ Богъ отъ такихъ успѣховъ. За коварный образъ дѣйствій не лежитъ-ли и на латинскихъ проповѣдникахъ то осужденіе Господа, какое Онъ изрекъ на книжниковъ и фарисеевъ, тоже ревновавшихъ о пропагандѣ: *горе вамъ книжницы и фарисее лицемѣри, яко преходите море и сушу, сотворити единаго пришельца: и егда будетъ, творите его сына геенны сугубѣйша васъ* (Мѳ. 23, 15)? Несомнѣнно, и фарисеи воображали, также какъ и іезуиты, что они служили славѣ Божіей и дѣйствовали pro majore Dei gloria!

Все наше изслѣдованіе о единствѣ Церкви мы можемъ свести къ слѣдующему заключенію: въ церкви восточной православной, сохраняется истинное, спасительное, духовно-

[1]) Стр. 21.—Нерѣдко въ нашемъ обществѣ слышится удивленіе къ миссіонерской ревности католиковъ. Но тутъ удивительнаго ничего нѣтъ; ибо дѣла человѣческія дѣлаются съ большею охотой, чѣмъ дѣла Божіи.

благодатное единство, но частямъ ея, помѣстнымъ церквамъ, не достаетъ единства внѣшняго; наоборотъ, въ церкви латинской единство внѣшнее, дисциплинарное, доведено до совершенства, но за то за нимъ нѣтъ единства внутренняго, спасительнаго, и само это единство стоитъ не на христіанскихъ основахъ. И такъ, церкви восточной желательно бы придать единство внѣшнее,—а западной—вложить единство внутреннее, съ исправленіемъ внѣшняго. Что нужно для этого, объ этомъ поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

IV.

О смѣшеніи догматическихъ опредѣленій съ каноническими въ теоріи папизма.

Наконецъ, мы переходимъ къ разсмотрѣнію послѣдней, указанной нами разности, которая состоитъ въ томъ, что строго соблюдаемое восточною церковію различеніе догматическихъ опредѣленій священства отъ каноническихъ въ церкви латинской спутано и смѣшано, если не сказать—уничтожено.

Раскрытіе этой разности даетъ намъ случай выяснить самую сущность вопроса; мы укажемъ ту черту, переступивъ за которую, папа изъ православнаго сдѣлался неправославнымъ; обличимъ и тотъ фальшивый образъ дѣйствованія, какимъ папизмъ преобразился въ догматическую доктрину.

Мы утверждаемъ,—въ чемъ не могутъ не согласиться съ нами и паписты, что между догматическими и каноническими опредѣленіями степеней священства существуетъ строгое различіе, котораго нарушать никакъ нельзя. Въ чемъ же состоитъ это различіе?

Въ слѣдующемъ: 1) Въ догматическомъ опредѣленіи священство разсматривается какъ таинство, какъ органъ Христовой благодати, освящающей Церковь. Въ каноническомъ же опредѣленіи священство берется какъ церковно-юридическое учрежденіе, какъ органъ управленія и устроенія

внѣшняго порядка церковной жизни. Вслѣдствіе такихъ особенностей того и другаго опредѣленія, первое входитъ въ составъ догматическаго Богословія, а второе—въ составъ каноники или церковнаго законовѣдѣнія.

2) Священство ведетъ свое начало отъ самого Основателя Церкви, Господа нашего Іисуса Христа и чрезъ св. апостоловъ положено въ основу Церкви, какъ неизмѣнный законъ ея существованія; ибо безъ благодати священства, частнѣе безъ благодати епископскаго чина, какъ кореннаго и источнаго, Церковь существовать не можетъ. Каноническимъ же опредѣленіямъ Апостолы положили только общее начало, а развитіе ихъ предоставили исторіи.

3) Священство, по догматическому опредѣленію, имѣетъ только три степени или чина: *епископа*, *пресвитера* и *діакона*. Благодать священства каждой степени дается въ одинаковой мѣрѣ; т. е. епископы, какъ епископы, по благодати священства совершенно равны между собою; нельзя сказать, чтобы одному епископу давалось благодати больше, другому меньше; то же должно сказать о пресвитерахъ и діаконахъ; тѣ и другіе каждый въ своемъ чинѣ — равны по благодати священства, и если разнятся, то развѣ естественными дарованіями, силою вѣры, ревностію и преуспѣяніемъ. По опредѣленію же каноническому, степеней священства много и каждой изъ нихъ усвоены извѣстныя права и преимущества съ извѣстными обязанностями; такъ, въ настоящее время,— въ званіи епископа суть слѣдующія степени: просто *епископа*, затѣмъ *митрополита*, *экзарха* и *патріарха* (есть еще титулярное названіе *архіепископа*); въ званіи пресвитера, просто *іерея*, затѣмъ *протоіерея* и *протопресвитера*,—а въ монашествѣ: *іеромонаха, игумена* и *архимандрита*;—въ діаконскомъ званіи—*діакона*, *протодіакона* и *архидіакона*. Согласно съ правами и преимуществами сихъ степеней — *митрополитъ* предсѣдательствуетъ въ собраніи епископовъ,—*патріархъ*— въ собраніи *митрополитовъ* и *епископовъ*; *протоіерей* — въ собраніи іереевъ, *протопресвитеръ* — въ собраніи *іереевъ* и *протоіереевъ*;—то же должно сказать и о правахъ *протодіакона* и *архидіакона*. Такимъ образомъ по догматическому опредѣленію—степенямъ священства принадлежитъ благо-

датное равенство; а по каноническому — церковныя права и преимущества.

4) Догматическія опредѣленія степеней священства, какъ Богоучрежденнаго установленія, даннаго однажды навсегда, не могутъ подлежать никакому измѣненію или превращенію: епископъ долженъ оставаться епископомъ и не можетъ быть низведенъ на степень пресвитера [1]) или діакона, равно и пресвитеръ на степень діакона, и наоборотъ, діаконъ не можетъ присвоить себѣ правъ пресвитера, а пресвитеръ—епископа: — но каждый долженъ пребывать въ благодатныхъ правахъ и достоинствѣ своего чина. Отсюда ясно, что для догматическихъ опредѣленій нѣтъ и не можетъ быть исторіи; ибо они неизмѣнны, одни и тѣ же на всѣ времена. Каноническія опредѣленія, хотя своимъ источнымъ началомъ имѣютъ одного и того же Духа Божія, какъ и тѣ, и въ этомъ смыслѣ именуются тоже Божественными [2]), какъ и выражаются объ нихъ св. Отцы вселенскихъ Соборовъ,— тѣмъ не менѣе не имѣютъ характера безусловной необходимости и неизмѣнности: церковныя званія и служенія, опредѣляемыя канонами Церкви, возникали по нуждамъ времени (напр., екдика и періодевта), на почвѣ церковныхъ обычаевъ, въ связи съ государственною жизнію, и потому имѣютъ *свою исторію* и могутъ *быть* и *не быть*. Такъ въ русской церкви во главѣ управленія стоялъ сначала митрополитъ, потомъ патріархъ, а затѣмъ патріаршее управленіе замѣнено синодальнымъ; но и это послѣднее не есть рѣшительное и неизмѣнное: оно также можетъ измѣниться и принять иной видъ, смотря по нуждамъ и обстоятельствамъ русской церкви.

---

[1]) Епископа низводити на пресвитерскій степень есть святотатство (IV вселенск. собора правило 23).

[2]) Божественныя правила со услажденіемъ пріемлемъ, и всецѣло и непоколебимо содержимъ постановленіе сихъ правилъ, изложенныхъ отъ всехвальныхъ Апостоловъ, святыхъ трубъ Духа, и отъ шести св. вселенскихъ соборовъ и помѣстно собиравшихся для изданія таковыхъ заповѣдей и отъ св. Отецъ нашихъ; ибо всѣ они отъ единаго и того же Духа бывъ просвѣщены, полезное узаконили (Правило VII всел. соб.).

Вселенская Церковь, отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней, всегда наблюдала и наблюдаетъ это различеніе между догматическими и каноническими опредѣленіями. Апостольскія правила знаютъ только три степени священства: епископа, пресвитера и діакона, а остальныя, какъ-то: иподіакона, чтеца и пр. относятъ къ церковнымъ служеніямъ, но не къ духовно-благодатнымъ степенямъ; почему Церковь всегда различала *хиротонію* (χειροτονια), т. е. таинственное возложеніе рукъ на ставленника, возводимаго на какую-либо священническую степень, отъ *хировесіи* (χειροθεσια), отъ возложенія рукъ при посвященіи въ какую-либо церковную должность (а равно и отъ возложенія рукъ на кающихся, присоединяемыхъ къ церкви отъ иновѣрія и проч. [1]), на что право имѣютъ и пресвитеры).

Согласно съ правилами св. Апостолъ, и вселенскіе Соборы знаютъ только три степени священства: епископа, пресвитера и діакона. (См. правила: I-го собора 3, 4, 15, 18. II-го соб. 2, 3. IV-го соб. 2. VI-го соб. 3, 10, 23, 80. VII-го соб. 3. Помѣстныхъ: Антіох. 4; Карѳ. 3, 4, 19 и др.). Эти степени Соборы именуютъ *духовными* въ отличіе отъ *церковныхъ, относящихся къ міру* (I-го соб. правило 18), и представляютъ соотвѣтствующими тремъ степенямъ ветхозавѣтнаго священства: епископскую — степени первосвященника, пресвитерскую — степени жрецовъ-священниковъ, діаконскую—степени левитовъ. (Карѳ. соб. прав. 19).

Въ исторіи вселенской Церкви, какъ всегда и вездѣ, бывали разные случаи нарушенія духовныхъ степеней священства. Но св. Отцы старались исправить эти нарушенія, издавая противъ нихъ правила, въ которыхъ ограждали степени священства отъ превращенія, измѣненія, уничтоженія или смѣшенія съ каноническими служеніями. Такъ, на I-мъ вселенскомъ Соборѣ 18-мъ правиломъ, діаконамъ, которые, какъ видно, надмеваясь церковными должностями, присвояли себѣ духовно-благодатныя права, принадлежащія высшимъ степенямъ, — запрещено преподавать пресвитерамъ евхари-

---

[1]) См. „Опытъ церковнаго законовѣдѣнія“ архим. Іоанна; т. I, стр. 136—138.

стію и прикасаться ея раньше епископовъ; тѣмъ же правиломъ имъ не позволено даже и сидѣть посреди пресвитеровъ въ храмѣ во время богослуженія. 20-мъ правиломъ Лаодикійскаго собора діаконамъ дозволяется сидѣть въ присутствіи пресвитера только съ его позволенія. 7-мъ правиломъ Трулльскаго собора діаконамъ, имѣющимъ церковныя должности (напр. экдика, эконома и др.), не дозволяется предсѣдательствовать на соборѣ пресвитеровъ, а пресвитерамъ—на соборѣ епископовъ: „ибо мы вѣдаемъ, говорятъ Отцы Собора, что достоинства или *должности духовныя превосходнѣе должностей, относящихся къ міру* [1]), или ко внѣшнимъ дѣламъ церковнаго управленія (напр., экдика, т. е. защитника отъ церкви предъ судомъ бѣдныхъ и слабыхъ, — или эконома, т. е. завѣдующаго церковнымъ имуществомъ. См. книгу правилъ. Примѣч. къ 7-му правилу Трулльск. собора).

Бывали случаи нарушенія духовно-благодатныхъ правъ епископовъ со стороны канонически опредѣляемыхъ властей митрополитовъ и патріарховъ. Такъ, въ началѣ IV вѣка епископъ римскій вторгался въ дѣла Карѳагенской церкви, въ видахъ подчиненія ея римскому престолу; подобно и епископъ антіохійскій обнаруживалъ стремленіе къ подчиненію себѣ независимой церкви острова Кипра. Но всѣ такіе случаи, какъ уклоненіе отъ правила, сохраняемаго Церковію, легко были исправимы. Въ подобныхъ случаяхъ епископы обращались къ Соборамъ — помѣстнымъ или вселенскимъ и, опираясь на нихъ, ихъ опредѣленіями ограждали свои духовно-благодатныя права и свою независимость. Такъ, епископы Карѳагенской церкви, въ Сѣверной Африкѣ, собравшись въ Карѳагенѣ на соборѣ (319 — 326 г.), сами

[1]) Не смотря, однакожъ, на это правило, впослѣдствіи времени были узаконяемы случаи возвышенія діаконовъ (или точнѣе архидіаконовъ). Діаконы въ должности хартофилакса или правителя патріаршей дикастеріи (у насъ этой должности соотвѣтствуетъ должность директора канцеляріи святѣйшаго Синода) засѣдали въ совѣтахъ патріаршихъ, выше даже епископовъ, что дѣлалось на основаніи Императорскихъ указовъ. (См. „Опытъ Законовѣд.“; архим. Іоанна, ч. 2, стр. 355, а также книгу правилъ въ русскомъ переводѣ, т. I. Правило I вселенск. собора, стр. 65—68).

дали твердый и рѣшительный отпоръ властолюбивымъ притязаніямъ римскаго епископа, постановивъ слѣдующія правила: 1) „епископы отправляются за море (въ Римъ) не иначе, какъ съ разрѣшенія первенствующаго епископа и съ его отпустительной грамотой“ (прав. 32); 2) „клирики, недовольные судомъ своего епископа, должны обращаться съ жалобами къ первенствующимъ епископамъ своихъ областей, а переносящіе дѣло къ судамъ за море (т. е. въ Римъ), никѣмъ въ Африкѣ да не пріемлются въ общеніе“ (прав. 37, подобное же и 139); 3) „кто бывъ отлученъ отъ общенія церковнаго въ Африкѣ, прокрадется въ заморскія страны, дабы приняту быть въ общеніе (въ Римѣ), тотъ подвергнется извержению изъ клира“ (прав. 118). Въ основу своей независимости и самостоятельности соборъ Карѳагенскій указывалъ на тѣ благодатныя права священства, которыя общи всѣмъ епископамъ. Въ соборномъ посланіи къ папѣ Целестину, Отцы собора писали: „Разумно и праведно призналъ соборъ Никейскій, что какія бы ни возникли дѣла, они должны оканчиваемы быти въ своихъ мѣстахъ. Ибо Отцы судили, что *ни для единыя области не оскудѣваетъ благодать Святаго Духа*, чрезъ которую правда іереями Христовыми и зрится разумно, и содержится твердо, и наипаче, когда каждому, аще настоитъ сомнѣніе о справедливости рѣшенія ближайшихъ судей, позволено приступати къ соборамъ своея области и даже ко Вселенскому Собору. *Развѣ есть кто-либо, который бы повѣрилъ, что Богъ нашъ можетъ единому токмо нѣкоему вдохнути правду суда, а безчисленнымъ іереямъ, сошедшимся на Соборъ, откажетъ въ ономъ*... О томъ, чтобы нѣкіе, аки бы отъ ребра твоея святыни, были посылаемы, мы не обрѣтаемъ опредѣленія ни единаго Собора отцевъ... И такъ, не соизволяйте по просьбѣ нѣкоторыхъ посылати сюда вашихъ клириковъ изслѣдователями, и не попускайте, да не явимся мы вносящими дымное надменіе міра въ церковь Христову, которая желающимъ зрѣти Бога приноситъ свѣтъ простоты и день смиренномудрія“ [1]) Чтобы оградить себя отъ этого мірскаго, дымнаго надменія,

[1]) Книга правилъ, стр. 407—409.

Отцы собора положили: „Епископъ перваго престола да не именуется *экзархомъ іереевъ, верховнымъ священникомъ* (ἄκρον ἱερέα) или чѣмъ-либо подобнымъ, но токмо перваго престола“ [1]). Всѣ эти правила Карѳагенскаго собора приняты въ составъ церковнаго законодательства вселенской Церкви вселенскимъ пятошестымъ Соборомъ, иначе именуемымъ Трулльскимъ.

Подобныя же правила противъ посягательства первенствующихъ епископовъ на самостоятельность независимыхъ церквей издавали и вселенскіе Соборы. Такъ на II-мъ вселенскомъ Соборѣ опредѣлено: „Областные епископы да не простираютъ своея власти на церкви за предѣлами своея области, и да не смѣшиваютъ церквей, но по правиламъ александрійскій епископъ да управляетъ церквами токмо египетскими; епископы восточные да начальствуютъ токмо на Востокѣ, съ сохраненіемъ преимуществъ антіохійской церкви, правилами никейскими признанныхъ; также епископы области Асійскія да начальствуютъ токмо въ Асіи; епископы понтійскіе да имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи дѣла токмо Понтійскія области, ѳракійскіе токмо Ѳракіи. Не бывъ приглашены, епископы да не преходятъ за предѣлы своея области для рукоположенія или какого-либо другаго церковнаго распоряженія. При сохраненіи же вышеписаннаго правила о церковныхъ областяхъ, явно есть, яко дѣла каждыя области благоучреждати будетъ соборъ тоя же области, какъ опредѣлено въ Никеи. Церкви же Божіи у иноплеменныхъ народовъ долженствуютъ быть правимы по соблюдавшемуся до нынѣ обыкновенію Отцевъ“ [2]).

8-е правило III-го вселенскаго Собора, по тому же поводу, еще яснѣе выражаетъ взглядъ вселенской Церкви на взаимныя отношенія помѣстныхъ церквей и ихъ независимость: „*Дѣло вопреки постановленіямъ церковнымъ и правиламъ святыхъ Апостолъ нововводимое и посягающее на свободу всѣхъ* возвѣстилъ боголюбезнѣйшій соепископъ Ригинъ и сущіе съ нимъ благоговѣйнѣйшіе епископы Кипрскія

---

[1]) Тамъ же—правило 48.

[2]) Ibid., прав. 2.

области, Зинонъ и Евагрій. Чего ради, понеже *общественныя болѣзни требуютъ сильнѣйшаго врачества*, яко большій вредъ приносящія, и наипаче, аще и древняго обыкновенія не было, чтобы епископъ града Антіохіи совершалъ поставленія въ Кипрѣ, какъ письменно и словесно возвѣстили намъ благоговѣйнѣйшіе мужи, къ святому Собору пришедшіе: то начальствующіе во святыхъ Кипрскихъ церквахъ да имѣютъ свободу, безъ притязанія къ нимъ и безъ стѣсненія ихъ, по правиламъ святыхъ Отецъ, и по древнему обыкновенію, сами собою совершати поставленіе благоговѣйнѣйшихъ епископовъ. Тожде да соблюдается и въ иныхъ областяхъ, и повсюду въ епархіяхъ: дабы никто изъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ *не простиралъ власти на иную епархію*, которая прежде и сначала не была подъ рукою его, или его предшественниковъ: но аще кто простеръ, и насильственно какую епархію себѣ подчинилъ,—да отдастъ оную: да не преступаются правила Отецъ: да не вкрадывается подъ видомъ священнодѣйствія надменность власти мірскія: и да не утратимъ помалу, непримѣтно, тоя свободы, которую даровалъ намъ кровію Своею Господь нашъ Іисусъ Христосъ, освободитель всѣхъ человѣковъ. И такъ святому и вселенскому Собору угодно, чтобы всякая епархія сохраняла въ чистотѣ, и безъ стѣсненія, сначала принадлежащія ей права, по обычаю издревле утвердившемуся. Каждый митрополитъ, для своего удостовѣренія, можетъ невозбранно взяти списокъ съ сего постановленія. Аще же кто предложитъ постановленіе противное тому, что нынѣ опредѣлено: угодно всему святому и вселенскому Собору, да будетъ оно недѣйствительно".

Русскій канонистъ, архим. Іоаннъ на это правило дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Нельзя не остановить особеннаго вниманія на словахъ святыхъ Отцевъ Ефесскаго Собора: *да не вкрадывается подъ видомъ священнодѣйствія надменность власти мірскія*. Въ этихъ словахъ выражаются двѣ особенныя мысли: 1) что въ церковномъ управленіи не должно быть преобладанія власти такъ, чтобы одна какая-либо мѣстная власть превозносилась надъ всѣми другими, равными ей по священной важности своихъ правъ

властями, а тѣмъ менѣе, слѣдовательно, надъ всѣми помѣстными церквами, которыхъ права, по опредѣленію Отцевъ, должны быть самостоятельны въ своихъ предѣлахъ и неприкосновенны; 2) что къ духовному сану церковной власти и ея священнымъ правамъ не должно быть примѣшано ничто мірское, чуждое ей по духу, по своимъ видамъ и дѣйствіямъ, какъ-то: власть свѣтская, почести мірскія, употребленіе мірскихъ средствъ для своихъ цѣлей и т. д. Такъ строго древнія правила Отцевъ ограничивали власть духовную, и такъ далеки были отъ всякой мысли о вселенскомъ главенствѣ одной какой-либо каѳедры надъ всею Церковью“ [1]).

Въ латинской церкви это различіе между догматическими и каноническими опредѣленіями, узаконенное вселенскими Соборами и строго наблюдаемое восточною Церковію, давно утрачено и забыто. Латинскій богословъ, Ѳома Аквинатъ, сопричисленный папами къ лику святыхъ и возведенный на степень доктора богословія, т. е. учителя Церкви, исчисляетъ семь степеней священства, каковы слѣдующія: *придверники* (ostiarii), *чтецы* (lectores), *заклинатели* (exorcistae), *свѣщеносцы* (acolytes), *иподіаконы* (sub-diaconi), *діаконы* (diaconi), *пресвитеры* (presbyteri). Первыя пять степеней, по ученію его, относятся къ низшимъ служеніямъ, а послѣднія двѣ—къ высшимъ. Изъ сихъ послѣднихъ *степень пресвитеровъ* подраздѣляется на двѣ степени: *собственно священниковъ* (minores sacerdotes) и *епископовъ* (minores pontifices); въ средѣ, или въ центрѣ сихъ послѣднихъ поставленъ высшій первосвященникъ, викарій и преемникъ ап. Петра, папа, отецъ отцевъ. Степень епископовъ въ свою очередь подраздѣляется еще на четыре степени: епископа, митрополита, архіепископа и патріарха [2]).—Это седмеричное число принято и Тридентскимъ Соборомъ, съ тѣми же подраздѣле-

---

[1]) „Опытъ законовѣд.“ архим. Іоанна. Кн. 2, стр. 254.

[2]) Ordo autem episcoporum quadripartitus est, scilicet, in patriarchis, archiepiscopis, metropolitanis et episcopis. (Summa. t. I. De sacramentis L. IV. Distinctio XXIV. 12)—Онъ же: Patriarcha Graecè summus patrum interpretatur, quia primum, id est, apostolicum tenet locum. ut Romanus, Antiochenus, Alexandrinus, sed omnium summus est Romanus. Ibid.

ніями. Въ Римскомъ катихизисѣ то же самое, съ тѣмъ различіемъ, что двѣ епископскія степени соединены въ одну союзомъ *или* (архіепископъ или митрополитъ) и на освободившуюся такимъ образомъ четвертую степень поставленъ папа, посему оказываются слѣдующія четыре степени: епископа, архіепископа *или* митрополита, патріарха и папы. Новѣйшіе катихизисы совсѣмъ не упоминаютъ о числѣ священныхъ степеней (напр. катихизисъ Вапплера); и хорошо дѣлаютъ, потому что молчаніемъ покрываютъ вопросъ о томъ—какую степень священства составляетъ папа? Если онъ по священству не болѣе какъ только епископъ,—то онъ по благодати священства равенъ со всѣми прочими епископами, и его папское служеніе есть каноническое установленіе. Если же по благодати своего служенія онъ выше епископовъ,—то требуется доказать установленіе таинства для папской степени священства,—чего, конечно, доказать никакъ нельзя.

Главная причина такого смѣшенія или поводъ къ тому заключается въ идеѣ о главенствѣ папы. Надо было папу выдѣлить изъ ряда его собратій-епископовъ, возвысить и превознести предъ ними. Для сего: 1) паписты верховенство или главенство папы разсматриваютъ не какъ церковно-юридическое учрежденіе, но какъ таинство, какъ духовно-благодатную степень священства, какъ единственный и исключительный органъ благодати для всего тѣла Церкви; 2) стараются доказать, что главенство папы установлено было не путемъ каноническихъ опредѣленій на вселенскихъ Соборахъ въ видѣ первенства или старѣйшинства, но прямо и непосредственно самимъ Основателемъ Церкви Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ въ томъ видѣ, какъ понимаютъ паписты; 3) учатъ, что главенство папы исключаетъ всякое понятіе о благодатномъ равенствѣ его съ епископами; папа относится къ епископамъ, не какъ первый и старшій между ними епископъ, но такъ, какъ епископъ относится къ своему причту, къ пресвитерамъ и діаконамъ, т. е. какъ вселенскій глава, какъ единственный верховный первосвященникъ. По этому духовныхъ степеней священства не три, а по крайней мѣрѣ четыре, если отдѣлить отъ нихъ степени

каноническія; 4) вслѣдствіе такого пониманія главенство папы мыслится ими какъ неизмѣнное установленіе; папа *судитъ всѣхъ, а самъ судимъ быть никѣмъ не можетъ*. Этимъ пониманіемъ устранено и уничтожено соборное начало, на которомъ зиждется порядокъ Церкви и епископскій чинъ сохраняется отъ превращенія и поглощенія. Такимъ образомъ, въ теоріи о главенствѣ папы мы видимъ обезображеніе догматическихъ и каноническихъ опредѣленій, ихъ совершенное извращеніе и смѣшеніе. Вотъ почему это смѣшеніе отразилось въ исчисленіи седмерическаго числа степеней священства вообще и въ частности четверичнаго числа степеней епископскихъ. Включеніе каноническихъ степеней въ число духовныхъ потребовалось папистамъ для того, чтобы выше поднять значеніе папы, и указать великое разстояніе между епископомъ и папой.

О дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ этого смѣшенія справедливо разсуждаетъ Янусъ, въ своей книгѣ: „Папа и Соборъ". Онъ пишетъ: „Какъ только совершился частію сознательный, частію безсознательный разрывъ папства съ древлецерковнымъ порядкомъ и законодательствомъ,—образовалась коллегія или сенатъ кардиналовъ, которому съ 1059 года предоставлено было право выбирать папу. Чрезъ легаціи и участіе въ папской власти, сдѣлавшейся безграничною, кардиналы скоро возвысились до того, что стали свысока смотрѣть на епископовъ, которые въ XI столѣтіи еще первенствовали предъ ними на Соборахъ. При самомъ началѣ, когда новая система папизма еще находилась въ потугахъ рожденія (in den Geburtswehen), въ 1054 году кардиналы-епископы потребовали было себѣ преимущества предъ архіепископами, но однако въ 1196 г. эти послѣдніе еще считались выше тѣхъ. Только на Соборѣ Ліонскомъ, въ 1245 г., преимущество кардиналовъ, даже кардиналовъ пресвитеровъ и діаконовъ, предъ всѣми епископами христіанскаго міра было рѣшено и ни съ чьей стороны болѣе не подвергалось оспариванію. Мало-по-малу дошло до того, что епископы не иначе могли говорить съ кардиналами, какъ стоя на колѣняхъ, и кардиналы обращались съ ними какъ со

слугами [1]). Не безъ намѣренія грегоріанцы Анзельмъ и Григорій Павійскій, а потомъ слѣдующій за ними Граціанъ, приняли въ свои уложенія (Gesetzbücher) извѣстныя мѣста Іеронима, въ которыхъ утверждается первоначальное равенство епископовъ и пресвитеровъ, и преимущество епископовъ низводится къ простому праву обычая. Близорукіе строители папской системы не замѣтили, что этимъ они положили сѣкиру и у корня папскаго примата; они заботились только о томъ, чтобы доставить преимущество кардиналамъ, проложить этимъ путь господству куріи и на развалинахъ древней епископальной системы воздвигнуть систему папства. Такъ какъ уложеніе Граціана считалось единственнымъ источникомъ, изъ котораго почерпали представленіе о Церкви и іерархіи, то въ концѣ XIII столѣтія епископы доведены были до того, что домогались сдѣлаться кардиналъ-пресвитерами, и на такое разжалованіе (Degradirung) изъ епископовъ въ пресвитеры, которое въ древней Церкви считалось-бы чудовищнымъ [2]), смотрѣли какъ на повышеніе. Въ цвѣтущее время изъятій, ниспроверженія всѣхъ древнихъ законовъ Церкви, разложенія связей, связующихъ приходы,—когда приходское управленіе было потрясено странствующими и нищенствующими монахами,—это разжалованіе тоже входило въ систему [3])".

Но когда и какъ совершилось это несчастное для всей вселенской Церкви смѣшеніе въ ученіи о папѣ догматическихъ и каноническихъ опредѣленій? Разрѣшеніе этого вопроса должно дать намъ отвѣтъ на всѣ наши вѣковыя недоразумѣнія и споры.

Начнемъ съ самаго зерна дѣла и прослѣдимъ его ростъ и развитіе. Какъ и прежде, такъ и теперь будемъ выслѣживать самые законы церковной жизни и по нимъ искать разрѣшенія спорныхъ вопросовъ, а не заниматься полемикой.

---

[1]) См. сочиненіе одного неназваннаго по имени француза въ концѣ XIV ст. in Paulin Paris, Manuscrit français VI, 265.

[2]) Такое разжалованіе даже въ наказаніе считалось святотатствомъ см. выше. IV вселенск. Соб. прав. 23.

[3]) Janus p. 223—225.

1.

Царство Христово, какъ царство Божіе, есть по существу своему царство духовное, царство свободы, вѣры и любви, потому и говорить о немъ мы можемъ только языкомъ священнымъ, согласнымъ съ его высокимъ достоинствомъ и съ его высокими свойствами.

Какъ мы уже раскрыли выше, царство Христово есть прежде всего духовное, святое *братство*. Слово это надо понимать въ самомъ высокомъ, чистомъ и въ то-же время прямомъ смыслѣ. Христосъ, нашъ Спаситель, есть основаніе и Глава нашего братства. Во Христѣ всѣ мы братія, — во Христѣ—всѣ мы чада Отца Небеснаго,—во Христѣ всѣ мы участники въ благодатныхъ дарахъ Духа Святаго. По праву участія въ благодатныхъ дарахъ Божіихъ всѣ мы равны между собою; сокровищница любви Отца Небеснаго доступна всѣмъ и неисчерпаема; приходи всякій и черпай, сколько хочешь и сколько можешь вмѣстить. Нѣтъ различія ни для пастыря, ни для пасомыхъ, ни для возраста, ни для пола. Во Христѣ Іисусѣ, говоритъ Апостолъ, *нѣсть еллинъ, ни іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варваръ и скивъ, рабъ и свободь, но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Кол. 3, 11). Объясняя преславную тайну Пятидесятницы собравшемуся народу, ап. Петръ говорилъ: *сіе есть реченное пророкомъ Іоилемъ: и будетъ въ послѣднія дни, глаголетъ Господь, излію отъ Духа Моего на всяку плоть, и прорекутъ сынове ваши, и дщери ваша, и юноши ваши видѣнія узрятъ, и старцы ваши сонія видятъ; ибо на рабы Моя и на рабыни Моя, во дни оны излію отъ Духа Моего и прорекутъ* (Дѣян. 2, 16—18). Несмотря однакожъ на равенство всѣхъ, не всѣ одинаково участвуютъ въ благодатныхъ дарахъ, но смотря по силѣ вѣры, по ревности къ подвигамъ, по горячности любви, а также по естественнымъ дарованіямъ, по условіямъ жизни и поприщу дѣятельности, и такъ какъ преуспѣянію въ вѣрѣ и любви нѣтъ мѣры, нѣтъ предѣловъ, то не можетъ быть границъ и для участія въ благодатныхъ дарахъ. Посему и

пасомый можетъ преимуществовать благодатными дарами предъ своими пастырями. Святые Апостолы устроители Церкви Христовой, были одарены высокими благодатными дарованіями и снабжены чрезвычайными полномочіями, но среди нихъ жила Святая Дѣва, которая хотя не имѣла никакихъ пастырскихъ полномочій, однакожъ благодатными дарами превосходила и Апостоловъ. Церковь ублажаетъ — св. Аѳанасія Великаго, св. Василія Великаго, Григорія Богослова, св. Льва, папу римскаго и под., какъ великихъ подвижниковъ вѣры, какъ столповъ православія, ревнителей истины, — но въ то-же время жили и другіе подвижники вѣры, которые хотя не были облечены въ пастырскія права и полномочія, — однакожъ были обладателями великихъ благодатныхъ дарованій и столпами вселенской истины. Таковы были св. Антоній Великій, Макарій Египетскій, Макарій Александрійскій, Евѳимій Великій, Савва Освященный и под. Въ святомъ братствѣ Христовомъ существуютъ благодатныя и нравственныя преимущества, смотря по силѣ вѣры и любви,— но они безъ превозношенія сознаются обладателями ихъ и безъ спора и зависти признаются собратіями сихъ обладателей. Безъ сомнѣнія, въ виду этого братства вѣрующихъ и такого участія ихъ въ благодатныхъ дарованіяхъ, Господь далъ слѣдующую заповѣдь: *вы-же не нарицайтесь учители: единъ бо есть вашъ учитель, Христосъ: вси же вы братія есте. И отца не зовите себѣ на земли: единъ бо есть Отецъ вашъ, иже на небесѣхъ. Ниже нарицайтеся наставницы: единъ бо есть наставникъ вашъ Христосъ. Болій же въ васъ да будетъ вамъ слуга* (Мѳ. 23, 8—11). Вотъ законы и права благодатной жизни въ царствѣ Божіемъ!

Но царство Божіе есть въ то-же время Церковь Божія, т. е. не только духовное братство,—но видимое, благоустроенное святое общество, имѣющее свое чиноначаліе, которымъ управляется, — свои законы, по которымъ живетъ и дѣйствуетъ, и свои отношенія, въ которыхъ выражается жизнь его членовъ.

Святые Апостолы были первыми устроителями Церкви вселенской. По полномочіямъ Апостольства, по благодатнымъ дарамъ Святаго Духа, всѣ они были равны между собою; но

самая благодать не одинаково проявлялась въ нихъ. По силѣ вѣры, по мужеству, твердости и стремительности характера *первымъ* считается св. ап. Петръ; но по трудамъ и подвигамъ проповѣдничества — первымъ нужно считать св. ап. Павла; (ибо онъ самъ говоритъ: *паче всѣхъ ихъ потрудихся; но не азъ, а благодать, яже во мнѣ.* I Кор. 15, 10); по высотѣ Богословія—св. ап. Іоанна, возлюбленнаго ученика Господа,—по праведности—Іакова, брата Божія, по призванію — Андрея, брата Петрова. Древнѣйшая исторія говоритъ, что первѣйшіе Апостолы, столпы Церкви: Іаковъ, Петръ и Іоаннъ (Гал. 2, 9), хотя отъ самого Господа предпочтены были другимъ Апостоламъ, однако, по вознесеніи Его, не стали состязаться о славѣ, но сдѣлали епископомъ Іакова, за превосходство добродѣтелей названнаго *праведнымъ*, и ему поручили управлять церковь іерусалимскую, а вмѣстѣ съ прочими Апостолами и всю Церковь Христову [1]).

Святые Апостолы первые въ своемъ обществѣ осуществили духовно-благодатное братство. Мы видѣли, что каждый, какъ всѣ, всѣ какъ каждый въ отдѣльности, выполняютъ заповѣдь Христову,—ходятъ по городамъ и селеніямъ, проповѣдуютъ евангеліе, учатъ народы, крестятъ ихъ во имя Отца, и Сына, и Св. Духа и заповѣдуютъ имъ соблюдать все, что повелѣлъ имъ Господь (Мѳ. 28, 20);—каждый дѣйствуетъ самостоятельно и независимо, но всѣ вмѣстѣ устрояютъ и созидаютъ одну Христову Церковь, такъ что когда они прешли изъ сей жизни, основанныя ими частныя Церкви были между собою во всемъ согласны и составили единую вселенскую Церковь.

Въ сонмѣ Апостоловъ мы не видимъ никакого правительственнаго центра или средоточія. По ученію Христову, тотъ долженъ быть первымъ въ Его Святой Церкви, кто наиболѣе будетъ подвизаться въ служеніи братіи. Въ первое время, пока христіанство распространялось въ средѣ іудеевъ, перводѣйствующимъ является ап. Петръ. Такъ, Петръ предлагаетъ вмѣсто отпавшаго Іуды избрать новаго Апостола для пополненія числа 12; по сошествіи Св. Духа первый отъ лица своихъ

[1]) (Евс. Церк. Ист. кн. 2, гл. I и 23, стр. 59, 101, 102).

собратій держитъ рѣчь къ народу, и обращаетъ ко Христу около 3-хъ тысячей; онъ же держитъ подобную рѣчь къ народу по исцѣленіи хромоногаго въ храмѣ и обращаетъ къ вѣрѣ во Христа еще до 5-ти тысячей. Онъ же обличаетъ Ананію и Сапфиру. Чрезъ него перваго открывается Церкви тайна Божія о призваніи язычниковъ и о спасеніи ихъ во Христѣ наравнѣ съ іудеями, сынами древнихъ обѣтованій. Онъ же участвуетъ на Соборѣ Апостольскомъ, но не въ качествѣ предсѣдателя, какъ думаютъ паписты, ибо таковымъ былъ Іаковъ-братъ Божій, и его резолюція принята была Соборомъ, но въ качествѣ свидѣтеля воли Божіей о призваніи язычниковъ въ Церковь Христову наравнѣ съ іудеями. Этимъ оканчивается видная дѣятельность св. ап. Петра;—дальнѣйшіе его подвиги въ дѣлѣ евангельской проповѣди почти не упоминаются въ Дѣяніяхъ Апостоловъ и принадлежатъ къ области преданія. Вмѣсто него, выступаетъ другой Апостолъ, столь же великій и славный, какъ и Петръ, св. Павелъ, проповѣдническіе труды котораго составляютъ главный предметъ Дѣяній Апостольскихъ, начиная съ 13-й главы до конца книги. По суду самихъ же Апостоловъ во Іерусалимѣ, Павлу было ввѣрено благовѣстіе для необрѣзанныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ. (Гал. 2, 7). Апостолъ Павелъ, дѣйствительно, *паче всѣхъ Апостоловъ потрудился во благовѣстіи* (1 Кор. 15, 10); онъ основалъ церкви въ Малой Азіи, на островѣ Кипрѣ, въ Македоніи и въ Греціи, и пронесъ свою проповѣдь даже до Иллирика; онъ же первый перенесъ свою проповѣдь на берега Тибра въ Римъ, куда предварительно писалъ посланіе и гдѣ у него были знакомые, какъ видно, изъ его учениковъ.

Признавая въ Апостолахъ равенство благодатныхъ правъ и полномочій, святая Церковь въ то же время отличаетъ ихъ дарованія и ихъ дѣятельность. Такъ, св. Апостоловъ Петра и Павла она величаетъ *первоверховными* и *первопрестольными*,—св. Іоанна—*возлюбленнымъ ученикомъ Господа* и *Богословомъ* по преимуществу,—св. Андрея, какъ перваго отозвавшагося на зовъ Христовъ—*первозваннымъ*,—св. Іакова брата Божія—*праведнымъ*. „Всѣ блаженные Апостолы, пишутъ св. Отцы,—получили отъ Господа равную благодать святости: но Петръ и Павелъ, не знаю почему, превышаютъ, повидимому,

прочихъ нѣкоторымъ частнымъ преимуществомъ довѣрія у Спасителя. Это можемъ подтвердить судомъ самого Господа. Петру Онъ далъ ключи царства небеснаго, какъ доброму строителю; а Павлу, какъ способному учителю, вручилъ ученіе Церкви, чтобы т. е., кого сей наставитъ во спасеніе, того пріялъ тотъ въ покой,—чьи сердца Павелъ отверзетъ ученіемъ, тѣхъ душамъ отверзъ Петръ царствіе небесное... Оба они получили отъ Господа ключи: Павелъ—вѣдѣнія, а Петръ—могущества: сей раздаетъ богатства безсмертія, а тотъ сокровища вѣдѣнія... Посему блаж. Петръ и Павелъ превышаютъ всѣхъ Апостоловъ и превосходятъ ихъ нѣкоторымъ частнымъ преимуществомъ; но между ними самими кого кому предпочесть,—неизвѣстно: ибо думаю, они по заслугамъ равны, потому что равны по страданію, жили съ равною преданностію вѣрѣ и вмѣстѣ достигли славы мученичества. А гдѣ скончались они мученически? Въ Римѣ—городѣ, который держитъ первенство и главу (principatum et caput) въ народахъ. Т. е., гдѣ была глава суевѣрія, тамъ упокоилась глава (caput) святости; гдѣ жили начальники (principes) язычниковъ, тамъ скончались начальники (principes) Церквей“ [1]). „Что такое Петръ, — первый изъ Апостоловъ, *членъ святой и вселенской Церкви*; Павелъ, Андрей и Іоаннъ,— что они, какъ не главы народовъ? Однако, всѣ они суть члены подъ единою главою, кратко сказать — святые до закона, святые подъ закономъ, святые подъ благодатію, принадлежащіе купно къ тѣлу Господню, состоящіе въ числѣ членовъ Церкви, и никто изъ нихъ никогда не хотѣлъ именоваться вселенскимъ“ [2]).

---

[1]) Изъ слова на преставленіе св. ап. Петра и Павла. Слово это прежде усвоялось св. Амвросію Медіол. и потому помѣщено было въ изданіи его твореній 1516 г.;—другими приписывалось блаж. Августину (см. изд. 1700. Антв. Т. V, ч. 2, стр. 238),—а иными Максиму Тавринскому († ок. 465), подъ именемъ котораго и читается оно въ римскомъ часословѣ на богослуженіи 5 іюля. Во всякомъ случаѣ, древность его несомнѣнна.—См. Облич. Богосл. архим. Иннокентія. 1859. Ч. I, стр. 331—2, въ прим.—Мои попытки къ провѣркѣ этой цитаты въ библіотекахъ, СПБ. Дух. Академіи и въ Публичной, не увѣнчались успѣхомъ: ни въ той, ни въ другой я не нашелъ изданія Амвросія 1516 г.

[2]) Св. Григорія Двоеслова письмо къ Іоанну константинопольскому. (Opera, t. 2, epist. 18. p. 743. Paris 1705 a).

Что же мы должны сказать о первенствѣ Петровомъ, которое въ Евангеліи, дѣйствительно, обозначено ясно и на которое справедливо указываютъ паписты? Такъ, св. Матѳей называетъ сего Апостола *первымъ*: *первый Симонъ, называемый Петромъ* (Мѳ. X, 2). Евангелисты Маркъ и Лука, исчисляя имена 12-ти Апостоловъ, съ Петра начинаютъ исчисленіе, хотя прямо и не называютъ его первымъ; а св. Іоаннъ, говоря о призваніи Симона, прибавляетъ, что Христосъ при первомъ взглядѣ на него даетъ ему новое имя, по еврейски *Кифа*, а по гречески *Петръ* (безъ сомнѣнія, въ знаменованіе его душевныхъ качествъ, и именно *твердости вѣры*). Но первенство само по себѣ не есть власть и не есть преимущество, соединенное съ какимъ-либо особымъ правомъ,— какъ первенство въ семьѣ сына не даетъ ему какихъ либо особыхъ преимуществъ предъ слѣдующими за нимъ братьями. Въ глазахъ папистовъ, первенство Петрово получаетъ великое значеніе въ связи съ тѣми высокими обѣтованіями, какія были изречены ему впослѣдствіи самимъ Господомъ. Остановимся на сихъ обѣтованіяхъ и разъяснимъ ихъ.

Въ третью Пасху, въ предпослѣднее (по числу 8-е) свое путешествіе по Галилеѣ, Господь отводитъ своихъ учениковъ къ крайнимъ предѣламъ этой страны, по пути къ Кесаріи Филипповой, очевидно, съ намѣреніемъ сообщить имъ здѣсь чрезвычайное откровеніе объ основаніи Церкви и о приближающихся страданіяхъ Его и крестной смерти, чрезъ которыя должно было совершиться спасеніе людей: *да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 14—16). Моментъ въ высшей степени важный въ исторіи спасенія человѣчества! Ибо, обѣщавъ ученикамъ создать Церковь, Христосъ съ того времени началъ открывать имъ, что Ему должно идти во Іерусалимъ, и много пострадать отъ старѣйшинъ, и первосвященниковъ, и книжниковъ, и быть убиту, и въ третій день воскреснути". (Мѳ. 16, 21). Свое чрезвычайное откровеніе Іисусъ начинаетъ съ вопроса: *кого Мя глаголютъ человѣцы быти, Сына человѣческаго?* Апостолы отвѣчали: *ови убо Іоанна Крестителя: иніи же Илію: друзіи же Іеремію, или единаго отъ пророкъ*. Такая вѣра была несовершенная; въ ней недоставало самаго су-

щественнаго, основнаго, — исповѣданія Божества Христова. На такой вѣрѣ Церковь не могла быть основана; — ибо не просто на человѣкѣ основывается незыблемая Церковь, а на Богочеловѣкѣ. *Вы же кого Мя глаголете быти?* снова вопрошаетъ Господь. Вопросъ относится ко всѣмъ и за всѣхъ отвѣчаетъ Симонъ-Петръ, говоря: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго.* Господь нашелъ отвѣтъ вполнѣ совершеннымъ; такой отвѣтъ могъ быть данъ не по человѣческимъ соображеніямъ, а единственно по откровенію свыше. Посему Господь ублажаетъ Петра: *блаженъ еси Симоне, варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, иже на небесѣхъ. И Азъ же тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей. И дамъ ти ключи царства небеснаго: и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ* (Мѳ. 16, 13—19). Апостолы уже не разъ и прежде исповѣдали божество Іисуса, такъ какъ первоначальное свидѣтельство о семъ они слышали еще отъ Іоанна Крестителя. Этотъ великій Пророкъ, указывая на Іисуса, говорилъ объ Немъ, какъ объ Агнцѣ Божіемъ, вземлющемъ грѣхи міра, т. е. какъ о Мессіи-Искупителѣ,—какъ о Лицѣ, имѣющемъ крестить людей Духомъ Святымъ, т. е. какъ о Мессіи-Освятителѣ,—и наконецъ, какъ о Сынѣ Божіемъ, слѣдовательно какъ о Богочеловѣкѣ (Іоан. 1, 29, 33, 34). Это свидѣтельство объ Іисусѣ привлекло къ Нему первыхъ учениковъ, которые, сообщая другимъ объ обрѣтеніи Мессіи, вмѣстѣ съ тѣмъ передавали и свидѣтельство Іоанново о Немъ, какъ о Сынѣ Божіемъ. По крайней мѣрѣ, Наѳанаилъ, при первой встрѣчѣ съ Нимъ, исповѣдуетъ Его Сыномъ Божіимъ и Мессіей: „Равви! Ты еси Сынъ Божій, Ты еси Царь Израилевъ“. Господь принялъ исповѣданіе Наѳанаила, утвердилъ эту вѣру, но не изрекъ никакого ублаженія. Въ концѣ второй Пасхи Апостолы въ лицѣ Петра снова исповѣдуютъ Его Христомъ, т. е. Мессіей, и Сыномъ Бога живаго: *и мы вѣровахомъ, и познахомъ, яко Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго* (Іоан. 6, 69), но и на этотъ разъ не получаютъ никакого одобренія. Почему же Господу благо-

угодно было восхвалить Петра при третьемъ исповѣданіи? Безъ сомнѣнія, потому, чтобы явить высокое достоинство исповѣданія Петрова, которое теперь стало совершеннѣе, чѣмъ при началѣ проповѣди, чтобы показать его спасительное [1]) значеніе для Церкви и вмѣстѣ съ симъ утвердить оное въ Апостолахъ противъ приближающагося къ нимъ искушенія и соблазна отъ имѣющей послѣдовать вскорѣ затѣмъ крестной смерти Христовой. Съ этою же цѣлію Господь являетъ Свою Божественную славу и въ Своемъ преображеніи; какъ и объясняетъ это св. Церковь въ Своемъ пѣснопѣніи на день Преображенія: *да егда Тя узрятъ распинаема, страданіе убо уразумѣютъ вольное, мірови же проповѣдятъ: яко Ты еси во истину Отчее сіяніе* (т. е. *Сынъ Бога живаго* [2]).

Но почему Христосъ ублажаетъ одного Петра, а не всѣхъ, тогда какъ Петръ говорилъ, несомнѣнно, за всѣхъ, а не отъ одного своего лица? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно принять толкованіе св. Кипріана, какъ наиболѣе близкое къ предмету нашего изслѣдованія. Вотъ оно: „Такимъ образомъ Господь сказалъ Петру: *Азъ тебѣ глаголю* и проч... и по воскресеніи: *паси овцы Моя*... основываетъ Церковь Свою на одномъ. И хотя по воскресеніи Своемъ, Онъ усвояетъ равную власть всѣмъ Апостоламъ, говоря: *яко же посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы... пріимите Духъ Святъ: имъ-же отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имъ-же держите, держатся* (Іоан. 20, 21—23); однако, чтобы показать единство (церкви), Ему угодно было съ одного-же и предначать это единство. Конечно, и прочіе Апостолы были то же, что и Петръ,—имѣли равное съ нимъ достоинство и власть; но въ началѣ указывается одинъ, для обозначенія единой Церкви... Сіе то единство надлежитъ крѣпко поддерживать и отстаивать намъ, особенно епископамъ, которые предсѣдательствуемъ въ Церкви, дабы показать, что и самое епископство одно и нераздѣльно... Епископство одно и каждый изъ епископовъ цѣлостно въ немъ участвуетъ. Такъ же и Церковь одна, хотя

---

[1]) Объ этомъ рѣчь еще будетъ впереди въ Приложеніяхъ.

[2]) Кондакъ на 6-е августа.

съ приращеніемъ плодородія расширяясь дробится на множество [1])".

И такъ, въ обѣтованіяхъ Господа Петру мы усматриваемъ, во первыхъ, высокое достоинство и основное значеніе исповѣданія, выраженнаго Петромъ отъ лица всѣхъ Апостоловъ, а во вторыхъ, прознаменованіе единства вселенской Церкви, которое начинается съ Петра.

Въ Церкви Апостольской осуществилось Христово единство въ совершеннѣйшей степени, но это было не ради апостола Петра:—это было единство чрезвычайное и въ полномъ смыслѣ благодатное. Если можно его обозначить философскимъ терминомъ,—то мы бы назвали его единствомъ *непосредственнымъ*. Оно разъ было и никогда больше не повторится въ такомъ видѣ. Виновники этого единства, св. Апостолы проповѣдывали ученіе Христово какъ непосредственные Его слушатели и свидѣтели, какъ самовидцы Слова, по собственному ихъ выраженію, — и въ то же время подъ непосредственнымъ благодатнымъ просвѣщеніемъ и руководствомъ отъ Духа Божія. Понятно, имъ не нужно было никакого внѣшняго правительственнаго, такъ сказать, оффиціальнаго центра. Они всѣ силою Святаго Духа сосредоточивались во Христѣ и вводили въ общеніе съ Нимъ всѣхъ принявшихъ отъ нихъ ученіе о спасеніи во Христѣ. Посему-то такъ и пишетъ Еванг. Іоаннъ отъ лица всѣхъ Апостоловъ: *о томъ, что мы видѣли и слышали* (о Словѣ жизни) *возвѣщаемъ вамъ, чтобы и вы имѣли общеніе съ нами: а наше общеніе со Отцемъ и Сыномъ Его Іисусомъ Христомъ* (1 Іоан. 1, 3). Такое единство говоримъ, было безпримѣрное въ исторіи Церкви.

Развитіе единства внѣшняго, дисциплинарнаго, или если хотите, оффиціальнаго начинается съ вѣка мужей Апостольскихъ.

Для вѣрнаго и истиннаго представленія и сужденія о

---

[1]) Твор. св. Кипріана въ р. пер. Т. 2, стр. 173—174. Подробный разборъ о подлогахъ, сдѣланныхъ папистами въ сочиненіяхъ Кипріана, и о мнимыхъ свидѣтельствахъ сего отца въ пользу главенства папы—смотри въ сочиненіи архим. Никанора „Разборъ римскаго ученія о видимомъ главенствѣ въ Церкви". Казань. 1871 г. стр. 206–236.

временахъ послѣ-апостольскихъ мы должны взять въ руководство не какія-нибудь случайныя и спорныя явленія церковной исторіи, какъ дѣлаютъ паписты, указывая напр. на посланіе Климента римскаго къ Коринѳянамъ, и на поступокъ Виктора съ малоазійскими церквами, какъ на свидѣтельство римскаго главенства, — но фундаментальные, такъ сказать, оффиціальные документы, не подлежащіе спору, одинаково обязательные для обѣихъ спорящихъ сторонъ. Таковые документы суть церковныя правила.

Церковныя правила имѣютъ для насъ величайшую важность неложныхъ свидѣтельствъ; въ нихъ выразились и получили твердость и устойчивость правовыя отношенія іерарховъ. Въ области церковной дисциплины они то же, что символы въ области вѣроученія. И какъ по символамъ и соборнымъ вѣроизложеніямъ мы разумѣемъ и объясняемъ церковныя пѣснопѣнія и ихъ догматическое содержаніе; такъ по канонамъ Церкви разсматриваемъ и судимъ свидѣтельства о личныхъ между собою отношеніяхъ іерархическихъ лицъ,—а не наоборотъ, (по личнымъ отношеніямъ толкуемъ соборныя правила). Такъ напр. Іоаннъ константинопольскій, Златоустый, въ письмѣ своемъ къ Иннокентію, епископу римскому, жалуется на незаконныя дѣйствія Ѳеофила александрійскаго, излагаетъ ходъ дѣла и проситъ защиты и помощи противъ нарушителя церковныхъ правилъ, причемъ смиренно именуетъ Иннокентія почтеннѣйшимъ и преподобнѣйшимъ владыкой [1]). Можно ли изъ этого обращенія Іоанна къ Иннокентію заключать, что первый признавалъ послѣдняго своимъ главой и находился у него въ подчиненіи, какъ толкуютъ паписты? Безъ сомнѣнія, для этого надо обратиться къ канонамъ Церкви и тамъ искать твердаго и безспорнаго рѣшенія этого вопроса. Еще примѣръ. Въ пѣснопѣніяхъ церковныхъ, православные епископы Рима, какъ напр. св. Климентъ, св. Сильвестръ, св. Левъ, св. Мартинъ и др. величаются преемниками ап. Петра, верховниками Соборовъ, главами православной Христовой Церкви и т. п.;

---

[1]) См. „Письма Іоанна Златоустаго къ разнымъ лицамъ“. Отдѣльное изданіе. Спб. 1866 г., стр. 1—18.

спрашивается: какъ нужно понимать эти выраженія, въ буквальномъ ли смыслѣ, или какъ фигуральныя выраженія того высокаго почтенія, какое питаетъ къ симъ святителямъ православная Церковь? Паписты требуютъ буквальнаго пониманія, — а мы отрицаемъ такое толкованіе. Гдѣ же истинное мѣрило для разрѣшенія этого спора? Единственно только церковныя правила: по нимъ только можно опредѣлить, какъ должно понимать церковныя пѣснопѣнія, въ которыхъ прославляются великіе святители римской церкви. — И такъ обратимся къ канонамъ Церкви и ихъ возьмемъ въ руководство при разрѣшеніи нашихъ спорныхъ вопросовъ.

Какъ извѣстно, основными и коренными законами вселенской Церкви служатъ „правила святыхъ Апостолъ“. По нимъ Церковь управлялась впродолженіе первыхъ трехъ вѣковъ, а все дальнѣйшее церковное законодательство есть не больше, какъ развитіе и дополненіе сихъ правилъ. Почему, ими обыкновенно начинаются сборники каноновъ какъ церкви восточной, такъ и церкви латинской, съ тѣмъ только различіемъ, что въ первой считается 85 правилъ, а въ послѣдней пріемлется только 50, но эта разность въ нашемъ спорѣ не имѣетъ никакого значенія,—такъ какъ правила, подлежащія нашему разсмотрѣнію, одинаково и безспорно пріемлются обѣими церквами.

Обращаясь къ Апостольскимъ правиламъ и ища въ нихъ указаній къ разрѣшенію нашихъ спорныхъ пунктовъ, мы, прежде всего, не находимъ въ нихъ ни малѣйшаго намека на существованіе какой-либо единоличной власти въ древней Церкви, между тѣмъ какъ вопросъ объ основной и источной степени священства, въ особенности для того времени, былъ вопросомъ первѣйшей важности, вопросомъ, какъ говорится, *быть* или *не быть*. Въ самомъ дѣлѣ, когда Апостолы прешли изъ сей жизни,—естественно предъ пастырями Церкви стоялъ вопросъ: чрезъ кого должно продолжаться преемство Апостольскаго рукоположенія? кто долженъ поставлять епископовъ, преемниковъ Апостольскихъ, и кто будетъ наблюдать за выполненіемъ возлагаемыхъ на нихъ обязанностей? Если бы верховнѣйшимъ первосвященникомъ, какъ источнымъ началомъ освященія всей Церкви, отъ Гос-

пода былъ поставленъ римскій епископъ, то, безъ сомнѣнія, правила, положенныя въ основу церковнаго законодательства на всѣ времена, указали бы на такое единственное и исключительное лицо, но этого рѣшительно нѣтъ. И такъ, кто же послѣ Апостоловъ установленъ быть высшею властію въ Церкви? кто будетъ поставлять епископовъ, наблюдать за ними и судить ихъ? Правила святыхъ Апостоловъ даютъ отвѣтъ самый рѣшительный и опредѣленный: *Соборъ епископовъ.* Соборъ поставляетъ епископовъ, Соборъ судитъ ихъ, и Соборъ вѣдаетъ общія дѣла Церкви. Чтобы убѣдиться въ этомъ, мы должны разобрать правила 1, 34 и 37.

Первое правило, которымъ начинается все церковное законодательство, гласитъ: *Епископа да поставляютъ два или три епископа.* И такъ Соборъ епископовъ — вотъ то посредство, тотъ органъ, чрезъ котораго сохраняется и будетъ сохраняться преемство Апостольскаго рукоположенія. Замѣчательно, что ни въ одномъ изъ правилъ не говорится о какомъ-нибудь мѣстномъ преемствѣ или частномъ рукоположеніи—Петровомъ, Павловомъ, Іоанновомъ и под.,—но говорится вообще о *поставленіи.* Это значитъ, что напр. римскаго епископа, въ случаѣ нужды, можетъ рукополагать Соборъ епископовъ въ Іерусалимѣ, въ Константинополѣ или въ Петербургѣ. Рукоположенный въ сихъ мѣстахъ для римской Церкви воспріиметъ благодать *апостольскаго* служенія и будетъ такимъ же законнымъ преемникомъ ап. Петра, какъ и рукоположенный въ самомъ Римѣ. Соборъ епископовъ передаетъ преемство рукоположенія вообще апостольскаго, а не въ частности какого-либо Апостола.

Одно это правило безъ всякихъ дальнѣйшихъ комментаріевъ совершенно достаточно для того, чтобы ниспровергнуть всю теорію папизма.

Но мы имѣемъ изъ послѣдующихъ временъ свидѣтельство дальнѣйшаго его развитія и опредѣленія. Такъ на помѣстномъ Карѳагенскомъ Соборѣ (419—426 г.) оно было повторено (прав. 13 и 60); на I и VII вселенскихъ Соборахъ (I Соб. прав. 4; VII Соб. прав. 3) постановлено, что наиболѣе прилично всѣмъ той области епископамъ и при томъ въ присутствіи митрополита поставляти (т. е. избирать и руко-

полагать) епископа на новооткрывшуюся каѳедру. Поставленіе, сдѣланное вопреки сему постановленію, не имѣетъ силы (Антіох. пр. 19), и поставленный безъ митрополита не долженъ быть епископомъ (I Соб. пр. 6). Впослѣдствіи, когда въ лицѣ патріарховъ установилась высшая, административная власть въ Церкви, соборное поставленіе епископовъ нисколько не измѣнилось;—въ церкви восточной и доселѣ сохраняется порядокъ соборнаго рукоположенія, хотя бы рукополагалъ и патріархъ: — тогда какъ въ церкви латинской папа присвоилъ себѣ право единолично рукополагать епископовъ и тѣмъ отмѣнилъ основное Апостольское правило.

34-мъ и 37-мъ правилами Апостоловъ утверждается для вселенской Церкви *соборное начало*, какъ верховное, правительственное. Въ частности 34-мъ правиломъ опредѣляется соборный округъ, лицо предсѣдателя и его власть. Оно гласитъ: „епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго въ нихъ, и признавати его яко главу, и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія: творити же каждому только то, что касается до его епархіи и до мѣстъ, къ ней принадлежащихъ. Но и первый ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ, да тако будетъ единомысліе“. Изъ этого правила усматривается, что, во первыхъ, предѣлы помѣстныхъ церквей совпадаютъ съ предѣлами разселенія того или другого народа и ими опредѣляются (ἐκάϛϑ ἔϑνϑϛ) и что каждая помѣстная церковь представляетъ собою совокупность нѣсколькихъ епископій или епархій; во вторыхъ, что единство этихъ епископій должно держаться на признаніи за однимъ изъ епископовъ первенства, старѣйшинства и главенства, (яко главу), и въ третьихъ, что вѣдѣнію и власти каждаго епископа подлежатъ дѣла только епархіальныя: дѣла общія, превышающія власть одного епископа, касающіяся всѣхъ и потому требующія общаго голоса и сужденія, каковы напр. возникающія лжеученія, вѣроопредѣленія, составленіе общихъ правилъ и узаконеній и под.— подлежатъ соборному обсужденію: и наконецъ, въ четвертыхъ, что устанавливаются взаимныя отношенія между епископами и старѣйшимъ изъ нихъ: относительно общихъ дѣлъ епископы ничего не дѣлаютъ безъ старѣйшаго, а старѣй-

шій—въ свою очередь ничего не дѣлаетъ безъ разсужденія съ подвѣдомыми ему епископами.

Это правило положено въ основу развитія церковныхъ іерархическихъ степеней священства и требуетъ, потому, тщательнаго разсмотрѣнія. Но прежде чѣмъ приступимъ къ исторіи этого правила, скажемъ о 37-мъ.

37-мъ правиломъ Апостоловъ опредѣляется число Соборовъ въ году, время ихъ составленія и предметъ ихъ занятій; оно гласитъ: „дважды въ году да бываетъ Соборъ епископовъ, и да разсуждаютъ они о догматахъ благочестія и да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія: въ первый разъ въ четвертую недѣлю пятидесятницы, а второй—октября во второйнадесятъ день“.

И это правило имѣетъ свою исторію. Съ развитіемъ іерархической власти, какъ мы увидимъ ниже, оно не только не отмѣнялось, но еще настойчивѣе узаконялось, утверждалось, напоминалось. Вселенскіе Соборы, вмѣстѣ съ помѣстными, опредѣляя власть первенствующихъ епископовъ, въ то же время постоянно напоминали Церквамъ о необходимости помѣстныхъ Соборовъ (см. I-го всел. Соб. 5 пр.; IV-го всел. Соб. 19 пр.; VI-го всел. Соб. 8 пр.; VII-го всел. Соб. 6 пр. Антіох. 20 пр.; Карѳ. 27 пр.) и обязывали епископовъ подъ страхомъ наказанія являться на оные (IV-го всел. Соб. 19 пр.; VI-го всел. Соб. 8 пр.; Лаодик. 40 пр.; Карѳ. 87, 88 пр.); Соборы созываются ежегодно областнымъ епископомъ и если онъ не радитъ о семъ,—подлежитъ эпитиміи (Антіох. Соб. 19, 20 пр.; VII всел. Соб. 6 пр.). Соборы всегда считались и были высшей инстанціей для разрѣшенія разныхъ тяжебныхъ дѣлъ, неудовольствій и жалобъ. Клирики могли жаловаться Собору на своего епископа, если онъ въ отношеніи къ нимъ оказывался несправедливымъ, — а епископъ — на своего митрополита; и въ случаѣ, если помѣстный Соборъ происходилъ подъ предсѣдательствомъ обвиняемаго епископомъ митрополита и не удовлетворялъ истца,—онъ могъ переносить дѣло къ большему Собору или къ экзарху всей страны и такимъ образомъ могъ добиваться правосудія. Въ случаѣ ереси митрополита епископы, прекращая съ нимъ церковное общеніе, имѣютъ право соборне его судить съ

участіемъ сосѣднихъ митрополитовъ (III-го всел. Соб. 1 пр.). Впослѣдствіи это правило примѣнено было къ патріархамъ (Двукратн. Соб. 15 пр.).

Но обратимся къ развитію 34-го Апостольскаго правила. Правило это, говоря, что епископы помѣстной церкви должны признавать *перваго* изъ нихъ яко главу,—ничего не говоритъ о томъ, кого же должно считать первымъ? и какіе должны быть признаки первенства? Для рѣшенія этого вопроса нѣтъ надобности входить въ подробнѣйшія и ученѣйшія какія-либо изслѣдованія исторіи. *Первенство*, прежде всего, надо понимать въ прямомъ и буквальномъ смыслѣ. Первымъ епископомъ, безъ сомнѣнія, считался тотъ, кто былъ въ области дѣйствительно первымъ епископомъ, и отъ кого пошло дальнѣйшее распространеніе и утвержденіе христіанства, а слѣдовательно и священства. Съ утвержденіемъ христіанства по меньшимъ городамъ и селеніямъ, устроялись церковныя общины и ставились епископы. Эти послѣдніе, получившіе рукоположеніе отъ перваго, относились къ нему съ почтеніемъ какъ къ отцу, и такимъ образомъ въ помѣстныхъ церквахъ установлялось нравственное первенство, которое впослѣдствіи обращалось въ обычай, въ право. И такъ какъ христіанство начинало распространяться съ главныхъ центральныхъ городовъ,—то понятно, что и первенство и старѣйшинство безспорно принадлежало имъ. Іерусалимъ—въ Палестинѣ, Антіохія—въ Сиріи, Ефесъ—въ Асіи, Коринѳъ и Аѳины—въ Ахаіи, Римъ—въ Италіи, Ліонъ—въ южной Галліи, Карѳагенъ—въ сѣверной Африкѣ, Александрія—въ Египтѣ и т. п., были такими центральными городами, откуда распространялось христіанство и гдѣ епископы пользовались первенствомъ и старѣйшинствомъ предъ окружными епископами.

Простое право первенства возвышалось еще двумя слѣдующими обстоятельствами: 1) съ центральныхъ городовъ начинали свою проповѣдь святые Апостолы и здѣсь основывали первыя церкви съ епископами во главѣ. Происхожденіе церквей непосредственно отъ Апостоловъ возвышало ихъ значеніе; потому что такія церкви являлись хранительницами Апостольскаго преданія; равнымъ образомъ рукопо-

ложеніе Апостольское возвышало значеніе ихъ непосредственныхъ преемниковъ. То благоговѣйное почтеніе, какое питали къ Апостоламъ вѣрующіе, эти послѣдніе переводили на ихъ непосредственныхъ преемниковъ, такъ называемыхъ мужей Апостольскихъ. Епископскій престолъ, ведущій начало отъ самихъ Апостоловъ, обыкновенно назывался Апостольскимъ престоломъ. Такое начало, опредѣляющее первенство того или другого престола,—мы назовемъ *церковно-историческимъ*.—Такіе отцы Церкви, какъ св. Ириней, или писатели, какъ Тертулліанъ, въ борьбѣ съ еретиками ссылались на Апостольскія церкви именно какъ на хранительницы истиннаго преданія. Но съ постепеннымъ удаленіемъ отъ временъ Апостольскихъ, и съ обобщеніемъ частныхъ преданій въ одно вселенское—въ видѣ символовъ и вѣроопредѣленій и под. важность этого начала, если не совсѣмъ и не вездѣ утрачивалась, то значительно ослабѣвала,—уступая мѣсто другому, чисто гражданскому началу. Въ настоящее время Апостольскія каѳедры пользуются уваженіемъ вслѣдствіе утвердившагося обычая и уваженія къ древности, какъ напр. Римская, Александрійская и Антіохійская.

Вмѣстѣ съ церковно-историческимъ началомъ дѣйствовало начало гражданское. Важность епископскихъ престоловъ опредѣлялась важностію центральныхъ городовъ той или другой области. Если въ новой исторіи столичные города имѣютъ великое значеніе въ государственной жизни, то тѣмъ болѣе это нужно сказать по отношенію къ древнему міру, гдѣ центральные города имѣли несравненно бо́льшее значеніе въ жизни народовъ, чѣмъ въ наше время. Римъ—городъ, но онъ разросся и превратился во всемірную монархію; Карѳагенъ—финикійская колонія,—но стоялъ во главѣ всей сѣверной Африки; Александрія—тоже греческая колонія, но была столицей Египта и управляла всей этой областію; то же должно сказать и объ Антіохіи, столицѣ Сиріи. Епископы этихъ городовъ, безъ сомнѣнія, участвовали въ томъ вліяніи, какое имѣлъ городъ на свою область. Христіанство областныхъ городовъ и селеній, безъ сомнѣнія,—распространяясь изъ центральныхъ городовъ, отъ нихъ же получало нравственную и матеріальную под-

держку. Поэтому, естественно было епископамъ столичныхъ городовъ стоять во главѣ всего областнаго епископства. Этому содѣйствовали и самыя условія столичной жизни— нерѣдко знатное происхожденіе, высокое образованіе и общественныя связи епископовъ. Таково начало гражданское.

Это начало имѣло значеніе въ возвышеніи епископской каѳедры Константинополя, столичнаго города восточной половины Римской имперіи и резиденціи Восточныхъ императоровъ.

На мѣстѣ Константинополя стоялъ прежде небольшой городокъ---Византія, въ которомъ, по преданію, утвердилъ христіанство первозванный апостолъ, св. Андрей, и здѣсь основалъ Церковь, поставивъ для нея перваго епископа Стахія. Но значеніе Апостольской каѳедры не удержалось за Византіей, какъ за городомъ маловліятельнымъ и малозначительнымъ. Когда она подъ именемъ Константинополя сдѣлалась столицей, — тогда уже было поздно возстановлять упавшее преданіе; городъ сталъ возвышаться въ силу своего чрезвычайнаго положенія. Какъ столичный городъ, какъ резиденція императоровъ—Константинополь постепенно возросталъ и укрѣплялся въ своей силѣ и своемъ вліяніи на всю имперію. Соотвѣтственно тому возрастало и вліяніе его епископа на дѣла всей Церкви и возвышало его значеніе между другими. Въ Константинополѣ всѣ патріархи, не исключая и римскаго, держали своихъ апокрисіаріевъ, которые въ своихъ домогательствахъ у императоровъ нуждались нерѣдко въ помощи епископовъ этого города. Поэтому, естественно было константинопольскому епископу возвеличиваться въ своемъ вліяніи на церковныя дѣла предъ своими собратіями.

Это начало, какъ само собою понятно, получило полнѣйшее приложеніе ко всѣмъ странамъ, гдѣ христіанство утверждалось послѣ временъ Апостольскихъ.

Такимъ образомъ, въ исторіи развитія церковной іерархіи дѣйствовали два начала—первое—*церковно - историческое*, и второе—*гражданское;* но ни того, ни другого нельзя назвать безусловнымъ. Какъ видно изъ опредѣленій Соборовъ, св. Отцы гдѣ держались начала церковно-историческаго, напр.

въ опредѣленіи правъ и преимуществъ епископа іерусалимскаго, а гдѣ исключительно втораго, напр. въ опредѣленіи правъ и преимуществъ епископа константинопольскаго и новоустрояемыхъ митрополій.

По этимъ-то двумъ началамъ и опредѣлилось первенство областныхъ епископовъ.

Сначала ихъ было очень много. Судя по мѣстнымъ Соборамъ III-го и IV вѣковъ, церковные округа съ первенствующими епископами были многочисленны, но малозначительны. Въ силу нравственнаго единства, церкви стремились къ каноническому, дисциплинарному единству;—а 34-е Апостольское правило указывало тотъ нормальный путь, по которому должно было идти это развитіе.

Согласно съ этимъ правиломъ сперва признано было преимущество старѣйшаго областнаго епископа. Такъ въ III вѣкѣ мы видимъ дѣйствующими въ качествѣ первенствующихъ, Кипріана карѳагенскаго въ Африкѣ и Фирмиліана кесарійскаго въ Понтійской области и под. Такъ, съ полною увѣренностію можно сказать, опредѣлялись права и преимущества епископовъ митрополій. Это была первая ступень.

Но и между епископами митрополій надо было избрать первенствующаго. Если 34-е правило имѣло приложеніе къ епископамъ; то оно имѣло столько же приложенія и къ самимъ первенствующимъ епископамъ; первенствующіе епископы или митрополиты должны знать перваго изъ нихъ, и безъ его воли ничего не творить, равно и первый между ними ничего не творитъ безъ разсужденія со всѣми. Такъ стали развиваться права и преимущества патріарховъ, т. е. первыхъ между митрополитами.

Опредѣленіе власти и круга обязанностей первенствующихъ митрополитовъ или патріарховъ—совершается въ періодъ вселенскихъ Соборовъ. Сначала опредѣляются и утверждаются ихъ преимущества, а затѣмъ, ихъ число и порядокъ.

Кто долженъ былъ выдвинуться изъ митрополитовъ и получить первенство—это уже ясно изъ раскрытаго нами выше опредѣленія дѣйствующихъ началъ. Главнымъ обра-

зомъ дѣйствовало начало гражданское,—но не было оставлено безъ вниманія и начало церковно-историческое. Главнымъ правительственнымъ центромъ, главою имперіи былъ Римъ; церковь, здѣсь основанная первоверховными апостолами Петромъ и Павломъ, или точнѣе сперва Павломъ, а потомъ Петромъ,—пользовалась особенною славою и преимущественною важностію,—какъ по достоинству своихъ основателей, такъ и по своему центральному и вліятельному положенію. Понятно, что и епископъ этого города долженъ былъ пользоваться особымъ уваженіемъ въ кругу христіанъ и особыми преимуществами предъ своими сосѣдними собратіями. Въ правилахъ 1-го вселенскаго Собора (325 г.) мы усматриваемъ, что прежде, чѣмъ состоялось опредѣленіе о власти патріарховъ,—обычай уже утвердилъ за римскимъ епископомъ право первенства (впрочемъ еще пока только надъ среднеиталіанскими епископами;—ибо церкви Сициліи и Южной Италіи, равно церкви Сѣверной Италіи—напр. медіоланская и равеннская—до IX вѣка не знали надъ собой никакой власти), а на Сардикійскомъ Соборѣ западныхъ епископовъ положено было на судъ помѣстныхъ епископовъ аппелировать къ Юлію, епископу римскому. Это правило было выражено слѣдующимъ образомъ: „аще кто изъ епископовъ въ нѣкоемъ дѣлѣ окажется осужденнымъ, но возмнитъ себе не неправое имѣти дѣло, а праведное, да и паки возобновитъ судъ: то, *аще угодно вамъ, любовію почтимъ память Петра Апостола* и да напишется отъ сихъ судившихъ къ Іулію, епископу Римскому и т. д. пр. 3).

Другимъ центромъ имперіи была Александрія, столица Птоломеевъ, славная своимъ просвѣщеніемъ и изяществомъ манеръ. Посему и церковь, основанная здѣсь евангелистомъ Маркомъ и прославленная великими учеными христіанскими мужами, была второю знаменитою церковію—а равно и епископъ ея пользовался преимуществомъ своей церкви. До конца IV вѣка онъ считался вторымъ по епископѣ римскомъ, и права его надъ окружными мѣстными церквами признаны по примѣру церкви римской.

Третьимъ центромъ—власти и просвѣщенія была столица Антіоховъ—Антіохія Сирійская,—и церковь, здѣсь основан-

ная трудами св. апостоловъ Павла и Петра, заняла третье мѣсто въ ряду знаменитыхъ церквей;—и за епископомъ этой церкви также признаны были права и преимущества предъ окружными епископами. Прочія же церкви, основанныя Апостолами въ центральныхъ городахъ, напр.: въ Ефесѣ, Аѳинахъ и Коринѳѣ, — которыя не имѣли никакого политическаго значенія, не сохранили за собою и важности Апостольскихъ каѳедръ и даже самостоятельности, или автокефальности.

Права и преимущества знаменитыхъ церквей: Рима, Александріи и Антіохіи—опредѣлены были слѣдующимъ правиломъ I-го вселенскаго Собора: „Да хранятся древніе обычаи, принятые въ Египтѣ, и въ Ливіи, и въ Пентаполѣ, дабы Александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всѣми сими. Понеже и Римскому епископу сіе обычно. Подобно и въ Антіохіи, и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества церквей". Одно изъ великихъ преимуществъ сихъ епископовъ состояло въ наблюденіи за правильнымъ избраніемъ окружныхъ епископовъ и ихъ поставленій; такъ что если бы кто былъ поставленъ въ епископа безъ соизволенія митрополита,—тотъ по опредѣленію вселенскаго Собора не долженъ быть епископомъ (пр. 6).

На томъ же вселенскомъ Соборѣ къ числу сихъ трехъ епископовъ причисленъ былъ титулярно и епископъ Іерусалимскій. Хотя церковь Іерусалимская есть мать всѣхъ Божіихъ церквей,—какъ восточная Церковь и поетъ доселѣ [1]),—но такъ какъ Іерусалимъ, при императорѣ Адріанѣ, былъ окончательно разрушенъ, самое имя его было замѣнено новымъ именемъ *Еліи*, — то и епископъ его не могъ сохранить прежнихъ преимуществъ [2]), которыя принадлежали ему какъ первому христіанскому епископу, и какъ архипастырю той Церкви, которая основана Самимъ Господомъ и которая своихъ предстоятелей начинаетъ съ Его братій по плоти — Іакова праведнаго и Симеона. Съ IV-го же

---

[1]) 3-я стихира на Господи воззвахъ 8 гласа.

[2]) Такой случай можетъ имѣть приложеніе и ко всякой другой знаменитой каѳедрѣ, не исключая и римской.

вѣка, когда христіанскія святыни были открыты заботами благочестивой матери императора Константина, св. Елены, преимущества Іерусалимской церкви начинаютъ приходить на память и возстановляться: епископъ ея украшается достоинствомъ и честію старѣйшаго въ своемъ округѣ. Седьмымъ правиломъ того же Собора было опредѣлено: „Понеже утвердися обыкновеніе и древнее преданіе, чтобы чтити епископа, пребывающаго въ Еліи: то да имѣетъ онъ послѣдованіе чести, съ сохраненіемъ достоинства, присвоеннаго митрополіи (т. е. Кесаріи Палестинской).

Такъ опредѣлилось четверичное число старѣйшихъ престоловъ.

Но вскорѣ потомъ въ это число включенъ былъ престолъ новообразовавшейся столицы Восточной имперіи, Константинополя, и поставленъ на второе мѣсто, между римскимъ и александрійскимъ. На II-мъ вселенскомъ Соборѣ (381 г.) было опредѣлено: „Константинопольскій епископъ да имѣетъ преимущество чести по Римскомъ епископѣ, потому что градъ оный есть новый Римъ“ (II-го всел. Соб. 3 прав.). Этимъ правиломъ, имѣющимъ великое историческое значеніе, вносилось въ церковное законодательство новое начало, начало государственное и народное. Если бы оно не было внесено, съ устройствомъ народныхъ церквей могла бы случиться та же исторія [1]), какъ и съ богослужебнымъ языкомъ. Какъ относительно языка возникла *трехъязычная ересь*, которой доселѣ держится Римъ (такъ какъ доселѣ не дозволяетъ никакимъ народамъ совершать общественное богослуженіе на родномъ ихъ языкѣ, а только на одномъ латинскомъ,—такъ и относительно достоинства патріарховъ, только епископы четырехъ древнѣйшихъ городовъ могли имѣть права и преимущества патріарховъ и никто больше. Включеніе въ это число Константинопольскаго епископа и притомъ съ занятіемъ втораго мѣста, открыло возможность включать въ это число столько новыхъ епископовъ, сколько будетъ народныхъ независимыхъ церквей съ экзархами или

---

[1]) Оно такъ и случилось въ латинской церкви.

патріархами во главѣ. Такъ, повторяемъ, внесено было новое живое начало въ церковное право.

Но введеніе въ жизнь этого новаго начала не обошлось безъ противодѣйствія болѣе или менѣе сильнаго.

Первой соперницей Константинополю была Александрія, такъ какъ у нея отнято было второе мѣсто, какое она занимала доселѣ. Въ тотъ періодъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь (съ конца IV по VII вѣкъ включительно) столица Птоломеевъ мало-по-малу теряла свое всемірное значеніе и замѣтно близилась къ упадку; вмѣсто центра просвѣщенія, какимъ была доселѣ, она за это время пріобрѣла значеніе житницы для Восточной имперіи и особенно для ея столицы и въ этомъ значеніи была особенно дорога для сей послѣдней. Тѣмъ не менѣе александрійцы продолжали жить прежней славой, и тѣ епископы, которые были наименѣе проникнуты христіанскими началами смиренія, кротости и любви, тѣ наиболѣе ревновали о своихъ преимуществахъ и стремились къ униженію епископской каѳедры Новаго Рима. Извѣстенъ беззаконный судъ александрійскаго епископа Ѳеофила надъ Іоанномъ Златоустымъ. Ѳеофилъ воспользовался неразположеніемъ византійскаго Двора къ Іоанну и вмѣсто того, чтобы самому предстать на судъ предъ Іоанномъ, осудилъ сего послѣдняго на соборѣ въ Дубѣ, возведши на него измышленныя преступленія. Такимъ образомъ, каѳедра Константинопольская была унижена, и ея епископъ, подвергнутый суду епископа александрійскаго,—имъ осужденъ и сосланъ въ ссылку. Но этотъ случай не оправдалъ разсчетовъ Ѳеофила; неправедное осужденіе Іоанна скорѣе послужило къ возвеличенію каѳедры новой столицы, чѣмъ къ ея униженію; ибо Іоаннъ былъ не только оправданъ, но и сопричисленъ къ лику святыхъ, а за ученіе и краснорѣчіе поставленъ на ряду со вселенскими учителями Василіемъ Великимъ и Григоріемъ Богословомъ и сопричтенъ къ нимъ. Скорѣе могла бы имѣть для Константинополя роковыя послѣдствія борьба съ Несторіемъ преемника Ѳеофила, св. Кирилла. Кириллъ былъ главнымъ дѣятелемъ въ обличеніи Несторіевой ереси, въ созваніи вселенскаго Собора и въ осужденіи ересеначальника. Но въ этомъ дѣлѣ трудно рѣшить, насколько дѣй-

ствовали и дѣйствовали-ли мотивы, не совсѣмъ чистые, вытекающіе изъ соперничества. Кириллъ спасъ основную истину христіанства—дѣйствительное воплощеніе Сына Божія,—отъ несторіанскаго извращенія, и святая вселенская Церковь, высоко цѣня его заслуги, его труды и страданія, которыя ему пришлось понести въ этомъ дѣлѣ, сопричислила его къ лику святыхъ. И этотъ случай не привелъ ни къ какимъ послѣдствіямъ, невыгоднымъ для новой каѳедры.— Послѣднимъ и рѣшительнымъ соперникомъ выступилъ преемникъ Кирилла Діоскоръ. Взявши подъ свою защиту еретика Евтихія, онъ созвалъ соборъ въ Ефесѣ (извѣстный въ церковной исторіи подъ именемъ разбойничьяго), и на немъ не только беззаконно осудилъ Флавіана константинопольскаго, но и предалъ его такимъ истязаніямъ, что тотъ несчастный вскорѣ померъ отъ нихъ. — Подвигами Діоскора кончилось соперничество Александріи. Дѣло было пересмотрѣно на Халкидонскомъ соборѣ, и Діоскоръ былъ низложенъ. Вскорѣ за тѣмъ бѣдствія, постигшія южныя области Восточной Имперіи: Египетъ, Палестину, Сирію и всю вообще малую Азію, то отъ пріумноженія ересей—(несторіанства въ Арменіи, монофизитства въ Египтѣ, моноѳелитства въ Сиріи),—то отъ нашествія враждебныхъ сосѣдей сперва персовъ, а потомъ сарацынъ, — довели три восточныя патріархатства александрійское, антіохійское и іерусалимское до такого состоянія, что имъ было не до соперничества со столицей Востока, напротивъ они стали теперь чаще и чаще обращать къ ней свои взоры и всѣ чаянія, и отъ нея ожидать себѣ поддержки и помощи, если не матеріальной, то хотя нравственной. Архіепископъ новаго Рима фактически сталъ во главу восточнаго христіанства.

Когда, такимъ образомъ, кончилось соперничество александрійскаго епископа, началось дѣятельное соперничество епископа римскаго.

Третье правило II-го вселенскаго Собора сначала не возбуждало въ Римѣ протеста; можно даже сказать, что оно было принято въ Римѣ. Такъ на IV вселенскомъ Соборѣ, епископъ дорилейскій Евсевій засвидѣтельствовалъ предъ всѣмъ Соборомъ, что, будучи въ Римѣ, онъ самъ читалъ

это правило папѣ, и папа принялъ оное [1]). Да и сами легаты этого Собора признавали третье правило, такъ какъ ставили въ вину Діоскору, что онъ на Соборѣ въ Ефесѣ посадилъ Флавіана на пятомъ мѣстѣ, а не на второмъ. Но когда сдѣланъ былъ новый шагъ къ возвеличенію константинопольскаго архіепископа, когда на Халкидонскомъ, IV вселенскомъ Соборѣ, ему усвоено было не только преимущество чести, но въ силу его положенія, и право принимать аппеляціи и поставлять митрополитовъ въ области, доселѣ бывшія независимыми, тогда ревность въ Римѣ заговорила съ особенною силою. Халкидонскія правила были слѣдующія три: 9, 17 и 28. Девятымъ постановлялось: „аще на митрополита области епископъ или клирикъ имѣетъ неудовольствіе: да обращаются, или къ экзарху великія области, или къ престолу царствующаго Константинополя, и предъ нимъ да судятся“. То же самое повторяется въ 17-мъ правилѣ того же Собора. А 28-е правило гласитъ: „Во всемъ послѣдуя опредѣленіямъ св. Отецъ, и признавая читанное нынѣ правило (3-е вышеприведенное) ста пятидесяти боголюбезнѣйшихъ епископовъ, бывшихъ въ Соборѣ во дни благочестивыя памяти Θеодосія, въ царствующемъ градѣ Константинополѣ, новомъ Римѣ, тожде самое и мы опредѣляемъ и постановляемъ о преимуществахъ святѣйшія церкви тогожде Константинополя, новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима Отцы прилично дали преимущество: поелику то былъ царствующій градъ. Слѣдуя тому же побужденію и сто пятьдесятъ боголюбезнѣйшіе епископы предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ Царя и Синклита, и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому и будетъ второй по немъ. По сему токмо митрополиты областей: Понтійскія, Асійскія и Θракійскія, и такожде епископы у иноплеменниковъ вышереченныхъ областей, да поставляются отъ вышереченнаго святѣйшаго престола святѣйшія константинопольскія церкви:

[1]) Coll. Concil. Harduini T. II, col. 641.

сирѣчь, каждый митрополитъ вышеупомянутыхъ областей, съ епископами области, должны поставляти епархіальныхъ епископовъ, какъ предписано божественными правилами. А самые митрополиты вышеупомянутыхъ областей должны поставляемы быти, какъ речено, константинопольскимъ архіепископомъ, по учиненіи согласнаго, по обычаю, избранія и по представленіи ему онаго".

Римскіе представители, не бывшіе на томъ засѣданіи Собора (16 засѣданіе), на которомъ было составлено это послѣднее правило,—хотя первыя два: 9 и 17 равносильныя сему прошли въ ихъ присутствіи,—возражали противъ него, обвиняя руководителей въ этомъ дѣлѣ (патр. Анатолія) въ обманѣ и принужденіи. Но опросъ епископовъ, подписавшихся подъ этимъ опредѣленіемъ, произведенный сановниками, показалъ, что никакого обмана и принужденія не было, и когда сановники въ своемъ мнѣніи о правахъ константинопольскаго епископа повторили въ перифразѣ 28-е правило, Отцы Собора стали возглашать: это справедливое рѣшеніе; всѣ мы говоримъ это; это всѣмъ угодно... что постановлено, пусть имѣетъ силу... все постановлено, какъ слѣдуетъ". На новыя возраженія легатовъ, сановники отвѣтили: „все, что мы высказали, Соборъ утвердилъ" [1]).

Не смотря на то, папа Левъ не только не принялъ сего правила (28-го), но возсталъ противъ него, представляя свои возраженія императору Маркіану, императрицѣ Пульхеріи, восточнымъ патріархамъ и самому константинопольскому архіепископу Анатолію. Сущность возраженій заключалась въ двухъ пунктахъ: 1) возвышеніе константинопольской каѳедры нарушаетъ никейское правило (6 прав.) о патріаршихъ округахъ, которое должно оставаться *неизмѣнѣнымъ* и 2) лишаетъ епископовъ Александріи и Антіохіи древнихъ правъ, которыя дарованы имъ апостоломъ Петромъ. Послѣ первопрестольнаго Рима, престолъ александрійскій долженъ удерживать достоинство (dignitas), которое ему усвоено ради Пет-

---

[1]) Дѣян. вселенск. соб. Т. IV, стр. 356—383 въ русск. пер. Каз. Академіи.

рова ученика Марка, а за нимъ престолъ антіохійскій, гдѣ Петръ проповѣдывалъ и впервые возникло имя христіанъ.— Возраженія эти не выдерживаютъ критики, и потому не были приняты во вниманіе. Первымъ изъ нихъ въ каноническія опредѣленія вносилось догматическое пониманіе; каноническому опредѣленію придавался характеръ неизмѣнности и безусловности, тогда какъ оно возникаетъ по нуждамъ времени и для удовлетворенія временныхъ потребностей Церкви, съ минованіемъ которыхъ теряетъ силу и самое законодательство. Такое пониманіе, какое давалъ папа, вносило бы въ исторію Церкви начало формальное и мертвящее. Кромѣ того, какъ бы сохранилась неизмѣнность каноническихъ никейскихъ опредѣленій, если бы какой-нибудь изъ означенныхъ городовъ постигла участь, одинаковая съ Іерусалимомъ? Если Основатель Церкви не придалъ Своему городу безусловнаго и неизмѣннаго значенія,—то почему бы Онъ захотѣлъ придать такое значеніе тѣмъ городамъ, которые освящены пребываніемъ Его учениковъ?—Не имѣетъ въ себѣ внутренней правды и другое возраженіе. На какомъ основаніи слѣдуетъ считать Антіохію послѣ Александріи, тогда какъ Антіохія въ исторіи христіанства имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ Александрія. Антіохія была вторымъ послѣ Іерусалима центромъ, гдѣ трудились оба первоверховные апостолы Петръ и Павелъ, откуда, какъ изъ центральнаго для проповѣди къ язычникамъ города, св. Павелъ разносилъ благовѣстіе Божіе по всему языческому міру, и гдѣ вѣрующіе впервые стали именоваться христіанами. Почему же такой святой и славный престолъ ниже престола, на которомъ возсѣлъ ученикъ и сопутникъ Петра? Нѣтъ; мы повторяемъ, что значеніе и порядокъ каѳедръ опредѣлялся историческимъ и государственнымъ значеніемъ городовъ въ Римской имперіи.

Впрочемъ, вслѣдствіе смутъ, бывшихъ въ Константинополѣ по случаю монофизитской ереси и тридцатипятилѣтняго разобщенія съ Римомъ (расколъ Акакія), а также частой смѣны императоровъ, 28-е правило подвергалось колебаніямъ и нѣкоторое время какъ будто было исключено изъ числа

халкидонскихъ опредѣленій, на что съ торжествомъ указываютъ наши противники [1]).

Еще сильнѣе былъ протестъ со стороны Рима противъ присвоенія константинопольскимъ архіепископомъ титула—*вселенскій*. Какое было побужденіе у восточныхъ епископовъ величать этимъ титуломъ константинопольскихъ архіепископовъ, а архіепископамъ внести въ свой титулъ это наименованіе—трудно рѣшить съ точностію. Очень вѣроятно, что это было желаніе у восточныхъ сравнять своего первенствующаго епископа съ первенствующимъ епископомъ Запада, который къ тому времени сталъ значительно возвышать свой голосъ и свои притязанія (какъ это увидимъ ниже). Обстоятельства политическія благопріятствовали такимъ видамъ восточныхъ; ибо въ это время Италія была возвращена подъ власть византійскихъ императоровъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, только первый, кто сталъ именовать себя этимъ тнтуломъ,—былъ Іоаннъ *постникъ*, такой человѣкъ, отъ котораго менѣе всего можно было ожидать тщеславія и расположенія къ пустымъ титуламъ. Видно, отношенія римскаго епископа къ своему собрату въ Константинополѣ вызывали на присвоеніе титула *вселенскій*, не смотря на личныя расположенія *Іоанна* къ кротости и смиренію.

Въ Римѣ чрезвычайно встревожились присвоеніемъ этого титула. Первый возсталъ папа Пелагій II-й (578—590 г.); онъ называлъ этотъ титулъ гордымъ, безбожнымъ и діавольскимъ титуломъ, антихристовымъ именемъ,—и потому приказалъ своему апокрисіарію въ Константинополѣ прекратить общеніе съ патріархомъ, если онъ не отречется отъ этого безбожнаго имени. Но еще съ большею ревностію противъ титула *вселенскій* возсталъ преемникъ Пелагія Григорій Вел. (590—604 г.). Вопросъ объ этомъ титулѣ онъ сдѣлалъ вселенскимъ и писалъ свои возраженія всѣмъ, кому можно было писать, — самому Іоанну, императору, восточнымъ па-

---

[1]) См. Studie o c. r. IV. Bartak. стр. 16. Бартакъ пишетъ, что этого правила не было ни въ одномъ собраніи до временъ Фотія. Но это преувеличеніе, натяжка, когда Трулльскій соборъ повторяетъ его.

тріархамъ и многимъ епископамъ, но никого не могъ тронуть своими представленіями; восточные епископы и архіепископы давно уже оставили свое соперничество,—и не только не завидовали епископу новаго Рима, а напротивъ даже содѣйствовали возвеличенію его; императоры тоже сочувствовали возвеличенію константинопольской каѳедры и желали ее сравнять съ римской; что же касается до самого Іоанна, то онъ не думалъ отказываться отъ этого титула по тѣмъ причинамъ, по которымъ онъ присвоилъ его себѣ, т. е. по желанію имѣть въ этомъ именованіи противовѣсъ римскимъ притязаніямъ.

Въ протестѣ Григорія Великаго замѣчательны двѣ мысли—первая „что съ присвоеніемъ титула вселенскій одному лицу—погибнетъ честь всѣхъ патріарховъ“, и вторая та, „что если паче чаянія впадетъ въ заблужденіе именующій себя *вселенскимъ*,—никакой епископъ не устоитъ въ истинѣ“. Съ латинской точки зрѣнія — эти мысли совершенно справедливы. Въ самомъ дѣлѣ, если разсматривать титулъ *вселенскій* въ смыслѣ всеобщаго главенства, въ смыслѣ исключительномъ,—то, дѣйствительно, погибла честь всѣхъ патріарховъ, и если *вселенскій* впадетъ въ заблужденіе, то за нимъ впадетъ въ заблужденіе вся Церковь и погибнетъ вѣра. Но какая злая иронія звучитъ въ этихъ словахъ! Какой жестокій приговоръ произнесенъ въ нихъ надъ латинскою церковію! [1]). Не въ византійской церкви такъ глубоко, такъ

---

[1]) Англійскій писатель Арчибальдъ Боуэръ въ своей „безпристрастной“ исторіи, по поводу этого титула, замѣчаетъ:

„Бароній, Беллярминъ и другіе писатели-паписты не пожалѣли труда, не забыли ни одного искусственнаго опредѣленія, чтобы доказать, что титулъ вселенскаго епископа былъ отвергнутъ Григоріемъ совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ принялъ его Бонифацій и носили всѣ его преемники до нынѣшняго дня. Напменованіе вселенскимъ епископомъ, говорятъ они, можетъ быть такъ понимаемо, что оно ничего иного въ себѣ не заключаетъ, кромѣ всеобщаго попеченія о вселенской церкви со стороны епископа, отличеннаго этимъ титуломъ. А въ этомъ смыслѣ онъ и былъ принятъ Бонифаціемъ и никогда не былъ осужденъ Григоріемъ. Но кромѣ этого титулъ этотъ допускаетъ иное толкованіе и можетъ быть такъ понятъ, что епископъ, носящій его, есть единственный епископъ во всѣхъ христіанскихъ городахъ, другіе

идеально и такъ исключительно понято и принято это слово,— а именно въ церкви латинской. Вскорѣ послѣ Григорія, почти его преемникъ Бонифацій III (605 — 607 г.), зная о неудовольствіяхъ, какія существуютъ между узурпаторомъ Фокою, и константинопольскимъ патріархомъ Кириакомъ, рѣшился воспользоваться ими для возвышенія своего престола и, по свидѣтельству жизнеописателя папы, исходатайствовалъ у него постановленіе, „чтобы каѳедра римской апостольской церкви была главой всѣхъ церквей, поелику константинополь-

---

же епископы болѣе не епископы въ истинномъ смыслѣ слова, а только намѣстники его святѣйшества *вселенскаго епископа*. Въ этомъ смыслѣ, говорятъ они, Григорій осудилъ этотъ титулъ, и въ этомъ смыслѣ его никогда не принимали Бонифацій и его преемники.

„Конечно, это жалкая увертка, которая, кажется, изобрѣтена скорѣе къ безчестію, чѣмъ въ защиту этого дѣла. Ибо: 1) Кто можетъ быть такъ глупъ, что вообразитъ, будто императору приходило когда-либо на мысль дать титулъ *вселенскаго епископа*, а какому-нибудь епископу принять его въ этомъ смыслѣ? Дать или принять этотъ титулъ въ этомъ смыслѣ было бы не ересью, а просто безсмыслицей. 2) Константинопольскій епископъ донынѣ называется *вселенскимъ епископомъ*, и все-таки онъ смотритъ на другихъ епископовъ, не какъ на своихъ намѣстниковъ, а уважаетъ въ нихъ своихъ сотоварищей и соепископовъ. 3) Ни одинъ разумный чедовѣкъ не повѣритъ, что Евлогій Александрійскій, давая Григорію титулъ вселенскаго епископа, имѣлъ при этомъ намѣреніе унизить себя самого, отказаться отъ второго почетнаго мѣста въ церкви и сдѣлаться папскимъ викаріемъ. Тѣмъ не менѣе папа съ величайшимъ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, какъ было выше указано. 4) Григорій осудилъ этотъ титулъ потому, что этотъ послѣдній того, кто его принималъ, будь это епископъ римскій или константинопольскій, возвышалъ надъ его братьями, подчинялъ ему всѣхъ другихъ епископовъ, самого же его дѣлалъ ни отъ кого независимымъ, потому, что этотъ титулъ дѣлалъ его изъ члена церкви главою, сообщалъ власть надъ членами церкви, которая принадлежитъ одному Христу и которой никогда не принималъ на себя и не пользовался ни одинъ изъ апостоловъ, даже самъ Петръ. Вотъ истинныя причины, почему Григорій имѣлъ такое непримиримое отвращеніе отъ титула *„вселенскій епископъ“*. А изъ этого ясно, что онъ осудилъ этотъ титулъ потому, что онъ включалъ въ себя вселенскую власть и юрисдикцію надъ церковію; а слѣдовательно осудилъ его въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ его принялъ Бонифацій, въ какомъ его носили и имъ владѣли преемники Бонифація, какъ это достаточно хорошо знаетъ весь свѣтъ“. Archibald Bower Unparteiische Historie, въ нѣм. переводѣ Rambach'a Theil III p. 638—40.

ская церковь писала себя первою изъ всѣхъ церквей“ [1]). Какъ бы мы ни стали толковать это постановленіе, — несомнѣнно одно, что здѣсь устанавливается главенство римскаго архіепископа надъ всѣми церквами въ смыслѣ преимущественномъ, если не единственномъ, исключительномъ. Такимъ образомъ, римскіе епископы, осуждая другихъ, —сами на себя изрекли приговоръ осужденія.

Впрочемъ, ни этотъ указъ Фоки, ни протестъ предшествующихъ папъ не измѣнили дѣла. Титулъ вселенскій остался за константинопольскимъ архіепископомъ. Императоры и восточные іерархи въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ, продолжали именовать его „святѣйшимъ и блаженнѣйшимъ архіепископомъ и вселенскимъ патріархомъ“. Такъ императоръ Ираклій называлъ вселенскимъ патріарха Сергія (610—638 г.), Константинъ Погонатъ — патріарха Георгія (678 — 683 г.). На VI вселенскомъ Соборѣ (681 г.) подобнымъ же образомъ Макарій антіохійскій называетъ патріарха Петра. Такимъ образомъ, мы можемъ смѣло утверждать, что главенствующее положеніе константинопольскаго архіепископа на Востокѣ вошло въ обычай. Поэтому на пято-шестомъ вселенскомъ Соборѣ было возстановлено 28-е халкидонское правило; отцы Собора писали: „возобновляя законоположенное ста пятидесятью св. Отцами, собравшимися въ семъ Богохранимомъ и царствующемъ градѣ, и шестьсотъ тридесятью, собравшимися въ Халкидонѣ, опредѣляемъ: да имѣетъ престолъ константинопольскій равныя преимущества съ престоломъ древняго Рима, и якоже сей, возвеличивается въ дѣлахъ церковныхъ, будучи вторымъ по немъ; послѣ же онаго да числится престолъ великаго града Александріи, потомъ престолъ антіохійскій, а за симъ престолъ града Іерусалима“ (пято-шест. всел. соб. 36 прав.).

Этимъ опредѣленіемъ закончился второй моментъ въ развитіи 34-го апостольскаго правила; изъ числа наличныхъ епископовъ бывшей Римской имперіи выдѣлилось пятеричное число старѣйшихъ епископовъ, указанъ порядокъ ихъ исчи-

---

[1]) Paulus Diac. de Gestis Long. l. IV c. 37.

сленія, опредѣленъ объемъ ихъ власти, ихъ верховныхъ правъ и преимуществъ.

Подводя общій итогъ подъ представленное изслѣдованіе каноническихъ опредѣленій за данный періодъ, мы получаемъ слѣдующіе несомнѣнные выводы.

1) Церковь къ концу VII-го вѣка состояла изъ нѣсколькихъ независимыхъ автокефальныхъ церквей. Важнѣйшія изъ нихъ были: римская, константинопольская, александрійская, антіохійская и іерусалимская. Рядомъ съ ними стояли независимыя, малыя церкви: на Востокѣ—Кипрская, сохранившая свою независимость доселѣ, за тѣмъ Ѳракійская, Асійская и Понтійская, независимыя до включенія ихъ въ округъ архіепископа константинопольскаго, съ сохраненіемъ однако-жъ внутренней самостоятельности; на Западѣ-же,—въ соборныхъ правилахъ упоминается церковь Карѳагенская, какъ независимая и энергически отбивавшаяся отъ посягательствъ римскаго епископа на ея независимость и свободу; но были и другія, именно: Равеннская,—сохранившая свою независимость до Льва II-го († 685 г.), Галльская до нашествія франковъ, Британская до нашествія англо-саксовъ и Испанская до IX-го в. Главы важнѣйшихъ Церквей именуются въ правилахъ *экзархами* и *архіепископами*, но въ другихъ документахъ того времени, какъ-то: въ посланіяхъ и гражданскомъ законодательствѣ,—стали именоваться *патріархами*, каковое именованіе и усвоилось за ними какъ обозначающее высшее іерархическое служеніе, а округа, подлежащіе ихъ вѣдѣнію,—стали именоваться *патріархатствами*. Впрочемъ, за римскимъ патріархомъ обычай усвоилъ имя *папы*, хотя это имя внесено въ титулъ и александрійскаго патріарха. Область архіепископа или патріарха состояла изъ нѣсколькихъ митрополій, митрополія изъ нѣсколькихъ епископій, — епископія изъ нѣсколькихъ приходовъ. Патріархъ утверждалъ соборное избраніе митрополитовъ и рукополагалъ ихъ; митрополиты въ свою очередь утверждали соборное избраніе епископовъ и рукополагали ихъ, а епископы поставляли приходское духовенство. Поставляя областныхъ митрополитовъ, патріархи имѣли право наблюденія за церковной дисциплиной во всемъ своемъ округѣ, за чистотой

ученія и нравственностію предстоятелей Церкви и имѣли право принимать на нихъ жалобы и аппеляціи на помѣстные Соборы и ихъ рѣшенія, въ случаѣ недовольства ими истцовъ.

2) Съ возвышеніемъ областныхъ епископовъ соборное начало ни мало не устранялось изъ Церкви. Оно остается въ силѣ при рукоположеніи епископовъ,—и при разрѣшеніи жалобъ, неудовольствій или разныхъ прекословій. Соборы созывались ежегодно митрополитами въ ихъ округахъ и экзархами въ ихъ областяхъ; они же были на нихъ и предсѣдателями. Опредѣленія Соборовъ имѣли значеніе для тѣхъ областей или округовъ, епископы которыхъ собирались на совѣщанія. Высшую и верховную власть имѣлъ вселенскій Соборъ; какъ мы видимъ изъ всѣхъ правилъ, вселенскій Соборъ ограждаетъ права независимыхъ церквей, опредѣляетъ права и преимущества престоловъ автокефальныхъ церквей, судитъ и низлагаетъ старѣйшихъ архіепископовъ, въ случаѣ ихъ ереси,—и своимъ опредѣленіямъ придаетъ вселенское значеніе: *мы опредѣляемъ и постановляемъ*—вотъ выраженія верховной власти Соборовъ. При этомъ въ опредѣленіяхъ соборныхъ римская церковь съ своимъ архіепископомъ во главѣ мыслится только какъ часть вселенской Церкви,—такая же, какъ церкви: константинопольская, александрійская, антіохійская и іерусалимская,—и потому наравнѣ съ ними подлежитъ опредѣленіямъ Собора: *престолу ветхаго Рима Отцы прилично дали преимущество*, такъ можетъ выражаться только верховная власть,—а не равносильная — въ родѣ парламента, какъ учатъ о Соборахъ паписты. По правиламъ вселенскихъ Соборовъ, всякій архіепископъ, слѣдовательно и римскій, въ случаѣ ереси или антиканоническихъ дѣйствій, подлежитъ суду вселенскаго Собора. Поэтому, аппеляція къ вселенскимъ Соборамъ, практиковавшаяся на Западѣ въ средніе вѣка,—была явленіемъ совершенно нормальнымъ и канонически вѣрнымъ,—и устраненіе этого порядка въ папизмѣ есть извращеніе древнихъ установленій.

3) Опредѣленія вселенскихъ Соборовъ представляютъ неоспоримую историческую связь и послѣдовательность въ

своемъ развитіи. На опредѣленія II-го вселенскаго Собора ссылаются Отцы IV-го, а на опредѣленія II-го и IV-го Отцы VI-го вселенскаго Собора. Поэтому, хотя правила сихъ Соборовъ о возвышеніи константинопольскаго епископа были оспариваемы въ Римѣ и не были приняты тамъ, тѣмъ не менѣе они вошли въ составъ вселенскаго законодательства. Слѣдовательно церковное законодательство на Востокѣ шло независимо отъ того, признаетъ или не признаетъ развитіе его римскій архіепископъ.

4) Въ этомъ несогласіи римскаго папы съ опредѣленіями вселенскихъ Соборовъ начинаетъ обнаруживаться разность между Западомъ и Востокомъ во взглядахъ на устройство Церкви, которая и повела къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Ссылаясь на опредѣленіе Никейское какъ на неизмѣнное, Римъ внесъ въ пониманіе каноновъ Церкви догматическое пониманіе и тѣмъ положилъ начало смѣшенію догматическихъ опредѣленій священства съ каноническими.

2.

Но опредѣленіемъ правъ и порядка пяти патріарховъ развитіе каноническихъ опредѣленій еще не было завершено и закончено. Апостольское 34-е правило должно было воздѣйствовать и въ приложеніи къ патріархамъ и къ главамъ автокефальныхъ церквей. Что было закономъ сначала для епископовъ, а потомъ для митрополитовъ, то же должно было стать закономъ и для патріарховъ: „патріархи и главы независимыхъ церквей должны знать перваго въ нихъ и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія, творити-же каждому только то, что касается до его области и до мѣстъ къ ней принадлежащихъ. Но и первый изъ патріарховъ ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ, да тако будетъ единомысліе“. Вотъ идеалъ церковнаго устройства, къ которому стремится вселенская Церковь, но котораго еще не осуществила въ своей жизни: „единство и множественность, первенство и равенство, главенство и независимость, дисциплина и свобода“.

Паписты правы, когда говорятъ, что Церковь стремилась къ іерархическому единству, но рѣшительно не правы, когда утверждаютъ, что это единство осуществилось въ папизмѣ. Римскій епископъ признавался первымъ между патріархами, но права его первенства далеко не были еще опредѣлены и установлены. За время вселенскихъ Соборовъ, за нимъ не было утверждено ни права вчинанія (иниціативы), ни права предсѣдательства на Соборахъ, ни права веденія дѣлъ. Изъ исторіи мы видимъ, что Соборы созывались византійскими императорами и большею частію по совѣту и требованію восточныхъ патріарховъ и иногда противъ воли папъ, а предсѣдательство не было принадлежностію одной какой-либо каѳедры. Такъ, на 1-мъ вселенскомъ Соборѣ предсѣдательствовалъ знаменитый епископъ кордубскій (въ Испаніи) Осія [1]), на II-мъ епископы, къ которымъ Римъ питалъ нерасположеніе [2]): *Мелетій* антіохійскій (не находившійся въ общеніи съ Римомъ), *Григорій* епископъ сасимскій и Нектарій константинопольскій; на III-мъ—предсѣдательствовалъ и вынесъ на себѣ всю тягость борьбы съ Несторіемъ константинопольскимъ св. Кириллъ александрійскій [3]), на IV-мъ—предсѣдательство имѣли или самъ императоръ (на VI-мъ засѣд.) или сенаторы, заступавшіе

---

[1]) Паписты говорятъ, что Осія представлялъ собою лице папы, но такое мнѣніе можно бы было принять только въ томъ случаѣ, если бы не было на Соборѣ другихъ представителей отъ Рима; а извѣстно, что представителями отъ римской церкви были два пресвитера Витонъ и Викентій. Признавать Осію представителемъ папы — это значитъ мыслить исторію заднимъ числомъ.

[2]) На второмъ Соборѣ не было представителей отъ Рима,—а предсѣдатели не были въ общеніи съ папой: Мелетій былъ напрасно заподозрѣнъ въ аріанствѣ, Григоріемъ были недовольны за его переходъ изъ Сасимъ въ Константинополь,—противъ Нектарія протестовали за возведеніе его изъ мірянъ прямо въ епископы. Не смотря на эти протесты—Соборъ 381 г. признается вселенскимъ и латинскою церковію.

[3]) Объ св. Кириллѣ то же толкуютъ, что и объ Осіи, т. е., что онъ будто бы былъ уполномоченнымъ отъ папы. Но это толкованіе столько же имѣетъ силы, какъ и то. Кириллъ, какъ и Осія, былъ знаменитъ самъ по себѣ и предсѣдательствовалъ въ силу своихъ личныхъ достоинствъ. Лице же папы представляли особые легаты, какъ и на I-мъ Соборѣ.

его мѣсто; на V-мъ—патріархъ константинопольскій Евтихій [1]), на VI—императоръ Константинъ Погонатъ, а за нимъ по правую его сторону занималъ константинопольскій патріархъ Георгій, а по лѣвую—римскіе легаты; на VII—предводительствовалъ константинопольскій патріархъ Тарасій.

Пока Церковь вселенская находилась въ нѣдрахъ грекоримской имперіи, пока жизнь церковная, главнымъ образомъ, текла на Востокѣ, и разработка догматическихъ и нравственныхъ вопросовъ совершалась въ этой половинѣ имперіи,—(разработка первыхъ въ борьбѣ съ ересями, а вторыхъ—аскетами въ пустыняхъ), Церковь обходилась безъ опредѣленій правъ первенствующаго патріарха, но наступало время окончательнаго распаденія Римской имперіи и образованія на ея развалинахъ новыхъ царствъ, которыя, сдѣлавшись христіанскими, войдутъ въ составъ Церкви вселенской,—и потому дѣлалось необходимымъ не только опредѣлить церковныя права папы, но и создать для него церковное международное право,—или дать ему такое положеніе, чтобы его признавали народы и ихъ правители.

Но въ то самое время, какъ наступилъ моментъ къ опредѣленію его правъ, какъ перваго между патріархами, папы предупредили исторію и сами для себя создали права и отношенія ко всѣмъ остальнымъ церквамъ и ко всѣмъ правительствамъ. Выступивъ изъ предѣловъ, указанныхъ 34-мъ правиломъ и вмѣстѣ съ симъ изъ границъ христіанскаго смиренномудрія и братской любви, заповѣданной Христомъ, они предвосхитили себѣ власть бо́льшую, чѣмъ та, какая имъ отмѣривалась, т. е. совершили *узурпацію*, вслѣдствіе чего нарушилось нормальное теченіе общецерковной жизни и послѣдовало раздѣленіе церквей.

Узурпація власти вышла изъ началъ римскихъ языческихъ,—хотя ее старались прикрыть именемъ христіанскимъ. Римъ какъ глава царствъ, какъ владыка вселенной, городъ, съ судьбами котораго была связана жизнь и судьба всего

---

[1]) V-й вселенскій Соборъ былъ собранъ даже вопреки желаніямъ папы.

міра [1]),—Римъ надмевалъ своихъ гражданъ; имъ естественно было смотрѣть на весь міръ съ высоты своего величія. Они суть граждане того города, который возвысился до всемірнаго господства,—члены того политическаго общества, которое, разростаясь, все покоряя и все поглощая, сдѣлалось всемірнымъ гражданствомъ. Сила и принужденіе—вотъ его право и законъ; подчиненіе и покорность—вотъ обязанности и долгъ покоренныхъ народовъ [2]).

Какъ само собою понятно, не всѣ вѣрующіе римляне всецѣло отдавались воздѣйствію вѣры Христовой, не всѣхъ она преобразовывала и передѣлывала по началамъ смиренія, братства и любви. Особенно это должно сказать о тѣхъ временахъ, когда воздѣйствіе вѣры на души вѣрующихъ стало принимать ровное и спокойное теченіе, когда страхи гоненій кончились и во всѣ права вступила обыденная мірская жизнь съ ея житейскими тревогами и заботами, съ ея земными удовольствіями и увлеченіями. Епископы римскіе не были исключеніемъ изъ общаго правила; они выходили изъ римской же среды, и большею частію знатной, гдѣ особенную силу имѣютъ сословные предразсудки, тщеславіе и суетность; они жили тѣмъ же духомъ, какъ и всѣ другіе, и насколько еще не проникліись духомъ Христовымъ, настолько оставляли въ душѣ мѣсто началамъ древнимъ, плотскимъ, языческимъ. Такъ, во II-мъ вѣкѣ епископъ римскій Викторъ I-й въ своихъ отношеніяхъ къ провинціальнымъ епископамъ обнаружилъ духъ принужденія и насилія, когда грозилъ отлученіемъ малоазійскимъ церквамъ за то, что онѣ не соглашались праздновать Пасху по обычаю церкви римской, въ одно время съ нею. Такъ, въ III-мъ вѣкѣ Стефанъ III-й

---

[1]) Таково было представленіе даже христіанскихъ писателей. Тертулліанъ говорилъ: христіане убѣждены, что конецъ Римской имперіи будетъ концемъ міра. Apol. c. 32. Лактанцій пишетъ: „можно ли сомнѣваться, чтобы устоялъ міръ, когда будетъ поражена глава міра?“ Lact. Div. inst. VII, 25. Іеронимъ во взятіи Рима готами видѣлъ начало гибели цѣлаго міра: Quid salvum est, si Roma periit? Epist. 60, 123. In una urbe orbis interiit. Prol. in Ezech.

[2]) Какъ это близко къ выраженію о. Шмитца: сверху внизъ одни права, снизу вверхъ однѣ обязанности. (См. выше стр. 53).

обнаружилъ такой-же духъ принужденія и горделиваго языческаго самомнѣнія, когда дерзнулъ отлучить тоже малоазійскія церкви, несогласныя съ нимъ въ вопросѣ о крещеніи еретиковъ. Паписты ставятъ эти проявленія римскаго властолюбія въ похвалу римскимъ епископамъ и видятъ въ нихъ самыя первыя свидѣтельства папскаго главенства; мы же, напротивъ, видимъ въ нихъ только обнаруженія языческихъ воззрѣній, первыя попытки къ пріобрѣтенію римскаго господства надъ Церковію. Такъ смотрѣли и современники. Первому напоминалъ о христіанскомъ братолюбіи св. Ириней ліонскій, а втораго упрекали во властолюбіи Фирмиліанъ каппадокійскій и св. Кипріанъ карѳагенскій.—Нужно-ли еще распространяться, какое изъ этихъ объясненій естественнѣе и правѣе? Дѣло говоритъ само за себя.

Съ конца IV-го вѣка всѣ условія жизни общественной, государственной и церковной благопріятствуютъ обнаруженію и развитію языческихъ началъ властолюбія въ римскихъ епископахъ. Упадокъ общественной нравственности сильно отзывался и на римскомъ духовенствѣ. Римское духовенство въ своемъ огромномъ большинствѣ отличалось замѣчательною безпечностію и непониманіемъ не только духа, но даже и буквы христіанства [1]). Въ связи съ этой безпечностію находился упадокъ религіознаго чувства въ массѣ христіанъ. По свидѣтельству Амвросія и Августина,—христіане предавались всѣмъ формамъ и видамъ языческаго суевѣрія, которое стали оставлять уже и сами язычники. Такъ христіане клялись языческими богами, праздновали день Юпитера (четвергъ), принимали участіе въ языческихъ играхъ и празднествахъ, нерѣдко пѣли языческіе гимны въ христіанскіе праздники и по примѣру язычниковъ дозволяли себѣ пляски предъ базиликами; въ храмахъ вели себя неблагочинно; нерѣдко шумъ въ храмѣ переходилъ въ крикъ и оканчивался дракой, причемъ иногда раз-

[1]) Къ Августину духовные иногда обращались съ слѣдующими вопросами: имѣетъ-ли душа послѣ смерти тѣло? (Ер. 158). Какого рода былъ голубь, подъ видомъ котораго Духъ Святый сошелъ на Христа? (Ер. 169). Утробныя дѣти имѣютъ-ли какое-нибудь понятіе о Богѣ? (Ер. 187).

давались взрывы общаго хохота и останавливали богослуженіе и т. п. Погружаясь болѣе и болѣе во тьму невѣжества, духовенство въ то же время устремилось къ пріобрѣтенію власти и стяжанію богатства, предаваясь роскоши и удовольствіямъ. Пресвитеры, напр., одѣвались въ великолѣпныя одежды, отличались щегольскою обувью и благоухали драгоцѣнными ароматами, невѣжество ихъ обратилось въ пословицу, а фарисейское лицемѣріе и развратъ худо согласовались съ ихъ претензіями на безбрачіе; замѣчательно, что въ церкви самой развращенной громче говорили о безбрачіи, чѣмъ гдѣ-либо [1]). Такое поведеніе подавало справедливый поводъ язычникамъ укорять христіанъ и хулить имя Христово. Епископское званіе, столь высокое и столь досточтимое, сдѣлалось предметомъ искательства честолюбцевъ и причиною кровавыхъ схватокъ между партіями. Извѣстна ожесточенная борьба изъ-за епископства двухъ претендентовъ Дамаса и Урсина, стоившая многихъ денегъ претендентамъ и многихъ жертвъ римской церкви. Вотъ какъ отзывается объ этой борьбѣ языческій писатель этого времени, Амміанъ Марцеллинъ: „горячность, съ которою они оспаривали другъ у друга епископство, превосходитъ мѣру человѣческаго честолюбія. Эта борьба стоила партіи Урсина ста тридцати семи человѣкъ убитыхъ, найденныхъ на другой день въ базиликѣ Сицинія, гдѣ происходило собраніе христіанъ. Такая, впрочемъ, ожесточенность борьбы за столичное епископство нисколько не удивительна, если обратить вниманіе на внѣшній блескъ этого достоинства. Получающій его обогащается насчетъ щедрыхъ приношеній матронъ, разъѣзжаетъ по городу въ колесницѣ, блещетъ роскошью одежды, а обиліемъ стола затмеваетъ царей“. Это свидѣтельство можно бы было считать преувеличеніемъ, если бы того-же не подтверждали Іеронимъ, Августинъ и Сальвіанъ, писатели того времени [2]).

---

[1]) Такъ замѣчаетъ о. Владиміръ Геттэ, въ своей Церк. Исторіи. Т. III, стр. 435, въ р. пер.

[2]) Amm. Marc. L. XXVII. 3. Другой язычникъ Претекстатъ, намекая на роскошь римскаго епископа, нерѣдко говаривалъ въ шутку

Имѣемъ-ли мы право думать, что такое духовенство и такіе епископы будутъ дѣйствовать по началамъ Христовымъ? Современные намъ латинскіе богословы, описывая эти и подобныя имъ картины церковной жизни въ Римѣ за это и за всякое другое время послѣ, не только не стѣсняются и не краснѣютъ за себя и за свою исторію, а напротивъ, приходятъ въ умиленіе, говоря, что это-то и доказываетъ божественное установленіе папизма, что, не смотря на такой упадокъ нравственности въ Римѣ, папизмъ не только не упадалъ, а напротивъ, все больше и больше росъ, развивался и укрѣплялся. По ихъ представленію, какъ видно, законъ папской непогрѣшимости дѣйствовалъ въ полной силѣ и въ тѣ печальныя времена, т. е., что Духъ Христовъ дѣйствовалъ чрезъ папъ помимо ихъ сознанія и воли, чисто внѣшнимъ образомъ. Но по законамъ нравственной жизни Духъ Христовъ не могъ дѣйствовать и проявляться въ развращенной средѣ, — и потому въ стремленіяхъ папъ къ вселенскому главенству и господству проявлялся духъ гордаго, языческаго Рима. Что мы сказали выше о ревности александрійскихъ епископовъ къ Константинополю, то мы должны сказать и объ епископахъ римскихъ. Папы, наиболѣе проникнутые чувствомъ христіанскаго смиренія, наименѣе увлекались духомъ властолюбія, тогда какъ пастыри, подобные Дамасу или Бонифацію III, наиболѣе жили подъ его вліяніемъ. Св. Василій Великій, обуреваемый бѣдствіями отъ ересей, попытался было войти въ сношеніе съ папою

Дамасу: „сдѣлайте меня епископомъ Рима, и я тотчасъ приму христіанство“. Hier. T. II L. contra Joh. Hierosol. Ср. Amm. Marc. XXVII, 9.

Искусствомъ вліять на женщинъ и выманивать у нихъ завѣщанія на крупныя суммы римское духовенство обладало въ такой же степени, какъ впослѣдствіи знаменитые въ этомъ отношеніи оо. іезуиты; такъ что императоръ Валентиніанъ вынужденъ былъ издать строгій законъ (370 г.), которымъ запрещалось духовнымъ лицамъ посѣщать домы вдовъ и дѣвицъ, а духовникамъ послѣднихъ брать отъ нихъ дары по завѣщаніямъ (Cod. Theod. l. XVI, t. 2, 1, 20). Наблюденіе за исполненіемъ сего закона, адресованнаго на имя папы Дамаса, поручено было свѣтскимъ чиновникамъ. Іеронимъ, скрѣпя сердце, сознавался, что духовенство заслужило этотъ законъ.

Дамасомъ, но его постигло горькое разочарованіе [1]). Оскорбленный гордостію западныхъ, св. Василій Великій въ слѣдующихъ выраженіяхъ излилъ свое огорченіе: „мнѣ приходитъ на мысль сказать словами Діомида: „лучше тебѣ не просить; потому что, говорятъ, онъ человѣкъ надменный". Ибо дѣйствительно люди надменнаго нрава, когда имъ угождаютъ, дѣлаются еще бо̀льшими презрителями. Если умилосердится надъ нами Господь, то чего еще намъ желать сверхъ этого? А если пребудетъ на насъ гнѣвъ Божій, какая намъ будетъ помощь отъ западной гордости? Они и не знаютъ дѣла, какъ оно есть, и не хотятъ его узнать: но предубѣжденные ложными подозрѣніями то же теперь дѣлаютъ, что прежде дѣлали касательно Маркелла, вступивъ съ объявляющими имъ истину въ споры, а ересь подтвердивъ своимъ согласіемъ. Самъ я желалъ бы въ видѣ общаго посланія написать *къ ихъ верховному* (разумѣется папа Дамасъ) и не о дѣлахъ церковныхъ, кромѣ развѣ одного намека, что не знаютъ они, какъ по правдѣ идутъ у насъ дѣла, и не берутся за тотъ путь, которымъ можно это

[1]) „Прежде, нежели постигло Церкви совершенное крушеніе, писалъ онъ западнымъ,—поспѣшите къ намъ, поспѣшите уже, ей! просимъ васъ, искреннѣйшіе братія, подайте руку падшимъ на колѣна. Да подвигнется къ намъ братское ваше сердоболіе, да прольются слезы сострадательности! Не пренебрегите тѣмъ, что половина вселенной погружена въ заблужденіе. Не потерпите, чтобы погасла вѣра у тѣхъ, у кого возсіяла первоначально" (Твор. Св. Отецъ въ русск. перев. ч. 6, стр. 217—218. Письмо къ Италійскимъ и Галльскимъ епископамъ 88). Въ такихъ выраженіяхъ онъ умолялъ западныхъ о сочувствіи въ общемъ дѣлѣ вселенской Церкви, о нравственной поддержкѣ, какую они могли оказать православнымъ Востока или своими посланіями, или присылкой своихъ представителей. Но ни того, ни другаго западные не сдѣлали; напротивъ, своею надменностію и гордостію они скорѣе оскорбили восточныхъ, чѣмъ оказали имъ какое-либо сочувствіе. Сомнѣваясь въ пользѣ поѣздки своего брата Григорія въ Римъ, такъ какъ онъ былъ человѣкъ прямой и чуждый ласкательства,—Василій пишетъ: „для человѣка благомыслящаго свиданіе съ нимъ (т. е. съ Григоріемъ) весьма дорого,—но если кто гордъ, заносчивъ, посаженъ высоко и потому не способенъ слушать, когда говорятъ ему правду люди низкіе; то какая будетъ польза для общественныхъ дѣлъ отъ совѣщанія его съ мужемъ, у котораго нравъ далекъ отъ подлаго ласкательства? (Ib. ч. 7, стр. 100. Письмо 207).

узнать,—но вообще о томъ, что не должно *нападать на людей, угнетенныхъ искушеніями и признавать достоинствомъ гордость,—этотъ грѣхъ, который и одинъ можетъ сдѣлать насъ врагами Богу*“ [1]).

Вотъ тѣ нравственныя условія, при которыхъ зрѣли, развивались и при всякомъ удобномъ случаѣ открыто заявлялись притязанія римскихъ епископовъ на верховенство во вселенской Церкви.

Основнымъ и исходнымъ началомъ для этихъ притязаній послужило первенство основателя римской каѳедры св. ап. Петра и отожествленіе съ нимъ римскаго епископа.

Въ первые три вѣка христіанства, какъ извѣстно, церковная каѳедра римская считалась основанною и устроенною трудами св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла. Христіанскіе писатели, какъ напр., св. Иринеи, или Тертулліанъ, говоря о преемствѣ апостольскомъ въ Римѣ, не раздѣляютъ сихъ апостоловъ, не отличаютъ преимуществъ Петра отъ Павла и не обнаруживаютъ ни малѣйшей наклонности выдавать преемство римскихъ епископовъ исключительно за Петрово или Павлово; они называютъ его просто *апостольскимъ*, какъ это и слѣдуетъ. Церковный историкъ Евсевій, говоря о первыхъ преемникахъ апостольскихъ въ Римѣ, пишетъ: „послѣ мученической смерти *Павла* и *Петра*, первый, получившій жребій епископства римской церкви былъ Линъ. О немъ упоминаетъ Павелъ въ писанномъ изъ Рима посланіи“ и т. д. [2]). Великое значеніе проповѣди въ Римѣ св. ап. Павла, какъ апостола языковъ по преимуществу, и паче иныхъ потрудившагося въ просвѣщеніи ихъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.—Между тѣмъ съ конца IV вѣка лице Павла, какъ основателя и устроителя римской церкви, въ Римѣ отодвигается на второй планъ, устраняется изъ сознанія западныхъ христіанъ, и забывается совсѣмъ; тогда какъ лице св. ап. Петра выдвигается впередъ; устройство церкви усвояется исключительно его трудамъ; римская каѳедра начинаетъ считаться каѳедрой исклю-

---

[1]) Твор. св. Василія Великаго, ч. 7, письмо 231, стр. 181.

[2]) Церковн. Ист. Евсевія въ русск. перев. Кн. 3 гл. II.

чительно Петровой,—а возсѣдающіе на ней римскіе епископы исключительно преемниками Петра. Въ такъ понятомъ преемствѣ полагается преимущество римской каѳедры. Римская каѳедра отожествляетъ возсѣдающихъ на ней епископовъ съ апостоломъ Петромъ, — Петръ и папа — одно лицо. Объ этомъ преимуществѣ всѣмъ и при всякомъ случаѣ постоянно заявляютъ какъ сами папы, такъ и ихъ представители легаты. Такъ, папа Иннокентій I-й (402—17) объявилъ, что „ничего нельзя рѣшать безъ сношеній съ римской каѳедрой и что особенно въ дѣлахъ вѣры всѣ епископы *должны обращаться къ апостолу Петру*“ (разумѣй къ папѣ Иннокентію или его преемникамъ) [1]). Легатъ папы Льва Велик. (440—61), Пасхазинъ на халкидонскомъ Соборѣ заявилъ, что римская церковь есть глава всѣхъ церквей, и что Діоскоръ, александрійскій архіепископъ, долженъ подлежать суду за то, что держалъ Соборъ безъ позволенія святой каѳедры, чего никогда не было и не должно быть“ [2]). Папа Левъ Великій, производя основаніе церквей Александріи и Антіохіи отъ апостола Петра, кассировалъ 28-е халкидонское правило, опираясь на *авторитетъ св. ап. Петра*. Его мысли повторяетъ папа Геласій (492—6), съ нѣкоторымъ ихъ развитіемъ. „Хотя всѣ каѳолическія, разсѣянныя по лицу земли, церкви составляютъ одно жилище Христа, — писалъ онъ, — однако святая римская церковь преимуществуетъ предъ прочими, не въ силу какихъ-либо соборныхъ постановленій, но по евангельскому слову Господа нашего удерживаетъ первенство: „ты еси Петръ и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей“... Эта церковь приняла въ свое общество (?!) блаженнѣйшаго Павла, который не въ другое, какъ пустословятъ еретики, а въ одно время и въ одинъ и тотъ же день съ Петромъ вѣнчался славною смертію мученичества въ городѣ Римѣ при Кесарѣ Неронѣ. Они вмѣстѣ посвятили вышеназванную св. римскую церковь Христову Господу и превознесли ее предъ всѣми прочими го-

---

[1]) Mansi. t. III p. 1047. ep. ad Conc. Karth.

[2]) Mansi VI, p. 563. Акты Всел. Соб. въ р. пер. Т. III, ст. 66, изд. 1880 г.

родами всего міра своимъ пребываніемъ и мученическою смертію. И такъ, *первая каѳедра апостола Петра* есть римская церковь, *не имѣющая ни пятна, ни порока, ничего-либо подобнаго*. Вторая каѳедра въ Александріи, основанная *во имя* блаженнаго Петра его ученикомъ и евангелистомъ Маркомъ, который, будучи посланъ апостоломъ Петромъ въ Египетъ проповѣдывать слово истины, скончался славнымъ мученичествомъ. Третья же каѳедра въ Антіохіи, того же блаженнѣйшаго Петра, почитается знаменитѣйшею потому, что сюда онъ пришелъ и жилъ прежде, нежели въ Римѣ, и здѣсь въ первый разъ явилось имя христіанъ" [1]). Преемникъ Геласія Анастасій II-й (496—7), внушая византійскому императору уважать *права каѳедры Петровой*, представляетъ ихъ дарованными самимъ Христомъ [2]). Папа Григорій Великій (590—604), который такъ горячо возставалъ противъ титула *вселенскій*, присвоеннаго себѣ константинопольскими епископами,—точно также толкуетъ права каѳедры Петровой, когда пишетъ: „кто не знаетъ, что св. Церковь основана Господомъ „на камнѣ Петрѣ", которому вручены ключи царства небеснаго, который былъ назначенъ утвердить своихъ братьевъ и наблюдать за всѣмъ стадомъ. Такимъ образомъ, хотя много было Апостоловъ, однакожъ первенствомъ пользуется одна каѳедра князя Апостоловъ, которая находится въ трехъ мѣстахъ. Онъ самъ возвеличилъ ту каѳедру, на которой пожелалъ остаться и умереть; онъ самъ украсилъ ту, на которую послалъ своего ученика Марка; онъ утвердилъ ту, на которой сидѣлъ семь лѣтъ. И такъ, существуетъ одинъ и каѳедра одного, котораго въ настоящее время по Божественному авторитету представляютъ три епископа" [3]). Папа Агаѳонъ (679—82), современникъ VI-го вселенскаго собора, утверждалъ, что епископъ римскій никогда не погрѣшалъ и не можетъ погрѣшать, и потому требовалъ, чтобы всѣ постановленія римской церкви принимались за правила,

---

[1]) Mansi. T. VIII, pag. 158—159.

[2]) Ib. pag. 188—199.

[3]) Greg. Magni Opera omnia, T. II. lib. VII. epist. 40. pag. 888. edit. Paris. 1705 г.

утвержденныя божественными словами апостола Петра [1]). Папа Стефанъ III-й [2]) (752—57) отожествленіе свое съ апостоломъ Петромъ доводитъ до непонятной смѣлости. Прося у Пипина защиты противъ Лонгобардовъ, онъ пишетъ отъ лица апостола Петра: „Я—Петръ Апостолъ, по волѣ божественнаго милосердія званный Христомъ, Сыномъ Бога живаго, поставленъ Его властію быть просвѣтителемъ всего міра (слѣдуютъ тексты)... По сему всѣ, слышавшіе мое благовѣстіе и принявшіе его, да увѣруютъ несомнѣнно, что по повелѣнію Божію, имъ отпустятся всѣ грѣхи въ семъ мірѣ, и они безъ порока перейдутъ въ жизнь будущую. Поелику же просвѣщеніе Св. Духа озарило ваши пресвѣтлыя сердца, и вы, воспринявъ евангельскую проповѣдь, возлюбили Св. и единичную Троицу: то *во ввѣренной намъ апостольской римской* церкви сберегается и для васъ несомнѣнная надежда будущихъ наградъ. И такъ, къ вамъ, какъ возлюбленнымъ моимъ дѣтямъ, обращаю я глаголъ мой, и любовію вашею ко мнѣ убѣждаю васъ, чтобы не оставили вы города Рима и народъ, мнѣ Богомъ ввѣренный, безъ защиты, но исхитили бы изъ рукъ враговъ, и спасли бы домъ, въ которомъ покоятся мои останки, отъ осквернения“ [3]) и т. д. въ этомъ родѣ. Нашъ извѣстный историкъ проф. Кудрявцевъ по поводу этого письма замѣчаетъ: „Никогда низкая лесть и безчестный обманъ не соединялись такъ безстыдно съ самыми дерзкими угрозами и никогда самая необузданная фантазія не злоупотребляла такъ прозопопеею, какъ это дозволило себѣ испуганное воображеніе римскаго епископа“ [4]). Посланіе достигло цѣли, Пипинъ поспѣшилъ въ Италію, разгромилъ

[1]) Mansi XI, p. 234. Акты всел. Соб. въ р. пер. Т. VI, стр. 36—37).

[2]) Предъ Стефаномъ III былъ Стефанъ II, который правилъ только три дня. Одни историки не счисляютъ его въ ряду папъ, другіе счисляютъ. Я держался Гергенретера. См. Handbuch der allg. Kirchen-gesch. T. I. 1879, pag. 493.

[3]) „Судьбы Италіи“. Москва. 1850 г. стр. 520.

[4]) Вотъ какъ Гергенретеръ защищаетъ это посланіе: „Письмо, написанное франкамъ отъ имени св. Петра не принадлежитъ къ разряду *фикцій*. Оно есть документъ *легко выясняемый письною осадою Рима* и тогдашними обстоятельствами. Въ письмѣ олицетворены не безжизненные предметы, но умершіе; но папы уже давно *говорили отъ имени*

Лонгобардовъ, отнялъ у нихъ занятые ими города и подарилъ ихъ на масло гробу св. Петра.

Вникая въ смыслъ дѣлаемыхъ папами заявленій о преимуществахъ каѳедры римской и всматриваясь въ это странное отожествленіе ап. Петра съ римскимъ епископомъ, мы находимъ здѣсь начало той фальши, которая имѣла для латинской церкви роковыя послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, остановимся на этихъ выраженіяхъ: *римская церковь основана на ап. Петрѣ*, или: *въ Римѣ каѳедра Петрова; на каѳедрѣ возсѣдаетъ ап. Петръ, папа дѣйствуетъ авторитетомъ ап. Петра* и т. п. Само собою разумѣется, всѣ эти и подобныя имъ выраженія суть фигуральныя, иносказательныя выраженія, и никакъ не могутъ быть изъясняемы въ смыслѣ прямомъ и буквальномъ. Положимъ, что въ Римѣ хранится та самая каѳедра, на которой возсѣдалъ первоверховный Апостолъ и съ которой онъ преподавалъ ученіе и таинства, и что на этой же именно каѳедрѣ буквально возсѣдаютъ преемники его, римскіе епископы;—что жъ изъ этого? Преемнику естественно и прилично возсѣдать на каѳедрѣ своего первооснователя, но отсюда весьма далеко до тожества и единства съ нимъ. Какъ и что можетъ передать эта каѳедра возсѣдающему на ней епископу? *Петрово рукоположеніе?* Но Петрова рукоположенія нѣтъ, какъ мы и сказали выше,—есть только рукоположеніе апостольское,—а такое рукоположеніе можетъ быть совершено надъ папой и въ Константинополѣ, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ соборомъ епископовъ, и папа станетъ такой же преемникъ Петра, какъ и въ томъ случаѣ, если онъ приметъ рукоположеніе отъ западныхъ епископовъ. *Петрово ученіе?* Но Петрова ученія нѣтъ, есть одно ученіе Христово, преподанное Церкви не чрезъ одного ап. Петра, а чрезъ

Петра, переводя на него свои дѣйствія; каждая Церковь имѣетъ своего патрона, который говоритъ за нее. Поэтому тутъ нѣтъ ничего особеннаго, и Янусъ самъ признаетъ, что это письмо произвело свое дѣйствіе. Но это для насъ имѣетъ *слишкомъ ничтожное значеніе*". (Antijanus pag. 103). Въ своей исторіи онъ очень глухо и скромно выражается объ этомъ посланіи; онъ говоритъ только, что „Стефанъ и съ нимъ тѣсно связанные римляне во имя Петра умоляли Пипина..." Handb. B. I, стр. 494.

всѣхъ Апостоловъ. *Петрову власть?* Но когда нѣтъ Петрова рукоположенія, нѣтъ и особой Петровой власти въ Церкви, а есть одна только власть общеапостольская. Поэтому, всѣ эти тропическія выраженія суть злоупотребленіе словомъ,— *фикціи,* которымъ поддавались и такіе св. папы, какъ Левъ и Григорій Великіе, не подозрѣвая того, что это фикція; такъ тяготѣлъ надъ Римомъ духъ древняго, языческаго преобладанія! По нашему мудрому народному присловію: „не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ краситъ мѣсто". Восточные патріархи въ своемъ Окружномъ Посланіи осуждаютъ въ римскихъ папахъ такой незаконный способъ объясненія ихъ преимуществъ, указывая въ немъ *слабость умствованій:* „ибо папа (разумѣютъ Пія IX-го), пишутъ патріархи, не Апостольскимъ своимъ исповѣданіемъ украшаетъ свой престолъ, *но Апостольскимъ престоломъ старается подтвердить свое достоинство; достоинствомъ же свое исповѣданіе, а на самомъ дѣлѣ это иначе*" [1]).

Правда, св. Отцы вселенскихъ Соборовъ, въ своемъ одобреніи папскихъ вѣроизложеній, не разъ прибѣгали къ подобнымъ же фигуральнымъ выраженіямъ, сближая того или другаго папу то съ ап. Павломъ, то съ ап. Петромъ. Такъ на III-мъ вселенскомъ Соборѣ Отцы Собора, выслушавъ исповѣданіе Кирилла александрійскаго и папы Целестина восклицали: „Это судъ справедливый! Весь Соборъ благодаритъ новаго Павла-Целестина, новаго Павла-Кирилла, Целестина единомышленнаго съ Кирилломъ!" [2]). Эти восклицанія ясно свидѣтельствуютъ, что изъ сознанія восточныхъ Отцевъ представленіе объ ап. Павлѣ, какъ сотрудникѣ ап. Петра въ Римѣ, не были вытѣснены представленіями о преимущественной важности ап. Петра. На IV-мъ вселенскомъ Соборѣ св. отцы, въ своихъ одобрительныхъ восклицаніяхъ, безъ сомнѣнія, примѣняясь къ рѣчамъ легатовъ, дѣлали сближеніе папы съ однимъ ап. Петромъ. „Сія вѣра отцевъ, восклицали они, по прочтеніи вѣроисповѣданія папы Льва Великаго,—сія вѣра Апостольская! Мы всѣ такъ вѣруемъ! такъ вѣруютъ всѣ пра-

---

1) „Окруж. Посл." стр. 16.

2) Акты всел. Соб. въ р. пер. Дѣянія II. Т. I, стр. 676, изд. 1859.

вославные!... Петръ такъ говорилъ устами Льва! Такъ учили Апостолы! ученіе Льва благочестно и истинно! Кириллъ училъ такъ же! вѣчная память Кириллу! Левъ и Кириллъ учили одинаково! анаѳема тому, кто не такъ вѣруетъ“ [1]). Но какъ само собою разумѣется, всѣ эти выраженія не даютъ ни малѣйшаго права понимать ихъ въ буквальномъ смыслѣ, какъ будто отцы думали, что устами Кирилла и Целестина говорилъ ап. Павелъ, а устами Льва св. ап. Петръ. Это, конечно, языкъ фигуральный; выражаясь такимъ образомъ, Отцы признавали единомысліе Кирилла, Целестина и Льва съ ученіемъ Апостоловъ, т. е. что эти святители такъ вѣрно и точно изложили ученіе Апостоловъ, какъ изложили бы оное сами Апостолы. Понятно, что такая похвала относится лично къ Кириллу, Целестину и Льву,—а не ко всѣмъ вообще возсѣдающимъ на каѳедрахъ римской и александрійской. Кириллъ, Целестинъ и Левъ учатъ, какъ Апостолы, — но ихъ преемники—Діоскоръ, Николай, Григорій и под. погрѣшаютъ и заблуждаются. — Паписты совершенно чужды такого толкованія; они понимаютъ всѣ такія и подобныя выраженія въ томъ смыслѣ, что сѣдалище Петрово отожествляетъ засѣдающихъ на немъ епископовъ съ самимъ ап. Петромъ, такъ что ап. Петръ продолжаетъ возсѣдать въ лицѣ каждаго папы, какъ-бы вонлощается въ папѣ, живетъ и дѣйствуетъ въ немъ. Вотъ та грубая фальшь, которая скрыта въ ученіи о преемствѣ Петровомъ въ Римѣ.

Историческія обстоятельства вполнѣ благопріятствовали тому, чтобы дать этой фальши наибольшее развитіе и распространеніе.

Прежде всего надобно помнить, что, начиная съ V вѣка, римская церковь дѣлаетъ значительныя завоеванія въ западной Европѣ. Исторія свидѣтельствуетъ, что въ первые вѣка христіанства въ римскихъ провинціяхъ на Западѣ—въ Испаніи, Галліи и Британіи процвѣтали независимыя церкви, получившія свое начало изъ Малой Азіи. Если бы эти церкви держались на той же высотѣ христіанства, на какой стояли въ началѣ своего существованія, въ первые три вѣка,—Римъ

[1]) Акты всел. Соб. въ р. пер. Т. III, стр. 242, изд. 1880.

никогда бы не могъ достигнуть того преобладанія на Западѣ, до котораго онъ поднялся теперь. Но этого не случилось. Древнія церкви участвовали въ общемъ разложеніи римской имперіи; и въ нихъ видѣнъ былъ упадокъ просвѣщенія и нравственности.—При этомъ ихъ постигло нашествіе варваровъ. Варвары, волна за волной двигаясь по древне-римскимъ провинціямъ, смывали и классическую образованность, и древнее христіанство. Нужно было, такъ сказать, вторичное просвѣщеніе западной Европы свѣтомъ истины Христовой; и на этотъ разъ источникомъ свѣта сдѣлался исключительно одинъ Римъ; его духовенство было достаточно подготовлено для того, чтобы утверждать въ сердцахъ новообращающихъ убѣжденіе въ преимуществахъ каѳедры Петровой и подавлять всякое противорѣчіе, порождаемое старыми преданіями, гдѣ они сохранились. Франкскій король Хлодовей былъ пріобрѣтенъ для римской церкви,—а духовенство, сопутствовавшее ему въ походахъ, ревностно заботилось о просвѣщеніи язычниковъ и объ истребленіи остатковъ древняго христіанства. Отдаленная Британія завоевана была англосаксами, а англосаксы покорены были Риму Августиномъ, отправленнымъ туда на проповѣдь папою Григоріемъ Вел.; древніе же христіане, на которыхъ смотрѣли, какъ на еретиковъ, или бѣжали, или погибали въ неравной борьбѣ съ завоевателями; остальная же часть должна была покориться и забыть свою церковную независимость и свои восточные обряды. Германія была покорена римскому престолу апостоломъ нѣмцевъ—Бонифаціемъ, — который, отходя на свой апостольскій подвигъ, далъ клятву предъ гробомъ Петра приводить къ Риму новыхъ подданныхъ, которыхъ онъ успѣетъ покорить словомъ истины Христовой. Позже всѣхъ были покорены Испанія, южная Галлія, сѣверъ и югъ Италіи. Память о древней христіанской свободѣ долго хранилась на югѣ Галліи и дала себя знать въ такъ называемомъ *галликанизмѣ*.

Варвары съ благоговѣйнымъ почтеніемъ смотрѣли на языческій Римъ, какъ городъ, представляющій въ себѣ центръ человѣческаго могущества и гражданственности. Какъ и всякаго рода дикари, они готовы были ограбить его, но въ то же время дорожили честью считаться его гражданами,

походить на римлянъ, носить на себѣ въ чемъ-нибудь его подобіе. Что, напримѣръ, за честь носить на себѣ званіе патриція, давно утратившее свое значеніе?—однакожъ могущественные короли франковъ украшались этимъ титуломъ. Съ принятіемъ западными народами христіанства Римъ, переставшій быть мѣстопребываніемъ императоровъ, не только не утратилъ своей обаятельной силы, напротивъ, сталъ еще выше и священнѣе для нихъ. То почтеніе, какое народы питали къ языческому Риму, освятилось, возвысилось и удвоилось отъ христіанскаго представленія, что здѣсь каѳедра первоверховнаго Апостола, князя Апостоловъ, источникъ единства, кладезь благодати для всей вселенной,—и съ языческаго Рима перенесено было на Римъ христіанскій, съ языческаго императора — на христіанскаго епископа. Духовенство западное, повидимому, больше было заинтересовано въ возвеличеніи Рима и его епископа, чѣмъ самъ Римъ и папа. Мы видимъ эту ревность духовенства въ Галліи и Британіи въ борьбѣ со старымъ христіанствомъ, видимъ въ Болгаріи, гдѣ оно запрещало принимать таинства отъ греческаго духовенства, видимъ, наконецъ, и въ великой Моравіи, гдѣ нѣмецкіе епископы въ гоненіи славянскаго языка и восточныхъ обрядовъ шли гораздо дальше самихъ папъ. Видно, что и въ тѣ древнія времена не было недостатка въ такихъ ревнителяхъ папизма, какихъ являло и являетъ новое время, т. е. въ такихъ, которые и сами были фанатичны, и новопросвѣщенныхъ умѣли дѣлать подобными имъ. Западъ не только былъ покоренъ римскому престолу,—но онъ былъ воспитанъ въ фанатической преданности Риму. Отсюда, всѣ эти подлоги и вся эта легкость, съ какою принимали ихъ и вѣрили имъ.

Эта почтительная преданность новопросвѣщенныхъ народовъ папѣ, усвоенная ими при самомъ ихъ зарожденіи (мы беремъ пока вѣка съ V—VII) и много обѣщающая въ будущемъ, естественно подымала самочувствіе и самосознаніе римскаго епископа. Онъ могъ по праву смотрѣть на себя, какъ на главу западнаго христіанства [1]), — а отсюда былъ

[1]) Гизо́ въ своей Исторіи цивилизаціи во Франціи такъ разсуждаетъ о развитіи папской идеи въ Зап. Европѣ: „На развитіи папской власти

одинъ только шагъ вообразить себя главою всего христіанства.

Положеніе восточныхъ патріархатствъ давало тому поводъ и основаніе. Римская каѳедра, покоряя себѣ новые народы, постепенно возрастала и прославлялась, тогда какъ восточныя патріархатства напротивъ умалялись, сокращались, шли книзу; такъ александрійское, іерусалимское и антіохійское—были разорены, разстроены и сокращены бѣдствіями отъ еретиковъ, отъ нашествій Персовъ и отъ завоеваній Сарацынъ; не менѣе страдалъ и патріархатъ Константинопольскій отъ нашествій варваровъ, отъ ересей, отъ вмѣшательства въ дѣла Церкви и насилій византійскихъ императоровъ (какъ, напр., во времена монофизитства или иконоборства). Поэтому, когда соперничество между Западомъ и Востокомъ обострилось, сосредоточившись на двухъ пунктахъ—Римѣ и Константинополѣ,—достиженіе всеобщаго главенства для Рима казалось возможнымъ. При этомъ слѣдуетъ взять во вниманіе еще и то, что Римъ и Константинополь служили представителями разныхъ началъ: Римъ—церковно-историческаго, а Константинополь—чисто гражданскаго. Римъ, стараясь препобѣдить своего соперника, выше и выше поднималъ свое знамя, происхожденіе отъ ап. Петра и его преимущества какъ князя Апостоловъ. Константинополь же, оставаясь на гражданскомъ

въ Европѣ отозвался одинъ основной фактъ, который, мнѣ кажется, никогда не принимали достаточно въ соображеніе. Мало того, что Римъ все еще былъ главнымъ городомъ на Западѣ, мало того, что воспоминанія о его прежнемъ величіи служили на пользу епископу, который хотя и не царствовалъ еще тамъ, но все-таки былъ славою своего народа. Римъ имѣлъ на Западѣ другое преимущество—онъ никогда не оставался въ рукахъ варваровъ—Геруловъ, Готовъ, Вандаловъ, или какихъ-нибудь другихъ; они нѣсколько разъ брали его и грабили, но никогда не удерживали его въ своей власти. Единственный изъ всѣхъ большихъ западныхъ городовъ, сначала по своей связи съ Восточной имперіей, потомъ по своей независимости, онъ не переходилъ окончательно подъ иго Германцевъ; онъ одинъ остался римскимъ на развалинахъ Римской имперіи".

Результатомъ было то, что безъ преднамѣренія и труда, только въ силу своего исключительнаго положенія, Римъ очутился, по крайней мѣрѣ, нравственно, во главѣ прежняго населенія, разбросаннаго по новымъ государствамъ Западной Европы. Въ этой борьбѣ, сначала

началѣ, могъ только или отбиваться отъ римскихъ притязаній, или же прибѣгать къ помощи соборныхъ правилъ и титуловъ въ родѣ—вселенскій. Но чѣмъ сильнѣе Константинополь отстаивалъ свои права, тѣмъ выше поднимали свои преимущества и права въ Римѣ. Такъ объясняются притязанія Рима на тѣ сверхъестественныя, божественныя права, которыя мало по малу стали присвоять себѣ папы; чѣмъ выше они подымали свои притязанія, тѣмъ божественнѣе становился ихъ характеръ,—тѣмъ сами они въ собственныхъ очахъ и въ очахъ всего міра становились выше простыхъ епископовъ; право каноническое въ ихъ сознаніи постепенно и естественно превращалось въ благодатное, догматическое. Сперва папа есть викарій ап. Петра, князя Апостоловъ; затѣмъ Петръ замѣняется Христомъ, и папа становится викаріемъ самого Христа; поэтому, отожествляясь сначала съ ап. Петромъ, онъ впослѣдствіи отожествляется со Христомъ. Сперва Петръ и папа — одно лицо и одна власть, а потомъ Христосъ и папа — одно лицо и одна власть. Такъ совершался процессъ смѣшенія опредѣленій каноническихъ съ догматическими.

Начало церковныхъ преимуществъ и правъ римскихъ епископовъ положено, можно сказать, императоромъ Граціаномъ, при папѣ *Дамасѣ* (366—384), о которомъ у насъ уже была рѣчь. По случаю борьбы въ Римѣ двухъ партій Дамаса и Урсина, былъ созванъ помѣстный соборъ въ Римѣ,

---

гласной, потомъ тайной, но долго еще длившейся между побѣжденными и побѣдителями, взгляды Галлоримлянъ, Испаноримлянъ, всѣхъ римскихъ городскихъ общинъ, разрушенныхъ варварами-завоевателями естественно обращались къ Риму, такъ долго господствовавшему надъ ними, а теперь являвшему единственный живой осколокъ древняго общества, единственный уголъ, свободный отъ новыхъ властителей, способный сохранить для народовъ, прежде подвластныхъ ему, уважаемыя преданія. На этомъ основаніи имя Рима было на всемъ Западѣ, для массы населенія именемъ дорогимъ и популярнымъ, центромъ воспоминаній и идей, образомъ всего, оставшагося отъ Римскаго міра. Подъ вліяніемъ этого факта родилось папство; онъ былъ, такъ сказать, его колыбелью, поставилъ его съ самаго начала во главѣ народовъ, сдѣлалъ Римъ для расы побѣжденныхъ чѣмъ-то въ родѣ національной власти". Исторія цивил. во Франціи. Гизо въ русск. пер., т. II. Лекція XXVII, стр. 192—3.

чтобы успокоить церковныя волненія. Соборъ между прочимъ оправдалъ Дамаса во взводимомъ на него обвиненіи въ прелюбодѣяніи, во время еще его діаконства при папѣ Либеріи, и при этомъ исходатайствовалъ отъ Граціана, принявшаго сторону Дамаса, *декретъ*, которымъ этотъ папа утверждается судьею прочихъ епископовъ, тогда какъ самъ не могъ быть судимъ ими. Это было началомъ того права, которое такъ прямо и рѣзко заявилъ впослѣдствіи папа Николай I-й,—т. е., что папа судитъ всѣхъ, а самъ не подлежитъ ничьему суду. Замѣчательно, что соборъ, ходатайствуя за Дамаса, трактуетъ его равнымъ съ епископами по служенію, но превознесеннымъ предъ ними преимуществами апостольскаго престола. Видно, что въ понятіяхъ западнаго духовенства различіе между догматическими и каноническими опредѣленіями еще не было утрачено. Замѣчательно также и то, что начатки преимуществъ римской каѳедры испрашиваются у свѣтской власти, значитъ ихъ доселѣ и не имѣли, но это, однакожъ, не мѣшало впослѣдствіи трактовать эти преимущества, какъ принадлежащія апостольской каѳедрѣ *по божественному праву*.

Тотъ же папа Дамасъ издалъ опредѣленіе, чтобы каждый митрополитъ по своемъ рукоположеніи являлся въ Римъ для полученія омофора (pallium), а его преемникъ Сириціи [1] (385—398) далъ предписаніе не рукополагать епископовъ безъ согласія на то римской церкви [2]. Важнѣе было сдѣлано пріобрѣтеніе папою Бонифаціемъ III (606). Воспользо-

---

[1] Ambr. Mediol. episc. inserta epistolae Siricii.

[2] По поводу этихъ декреталій нашъ церковный историкъ архим. Иннокентій замѣчаетъ: „Изъ всего видно, что частнымъ опредѣленіямъ римскихъ епископовъ западные писатели, впослѣдствіи времени, стали усвоять характеръ всеобщности, и основаніе власти, распространенной въ позднѣйшіе вѣка, старались найти въ первые вѣка христіанства; а чрезъ то сами закрыли истинное о нихъ повѣствованіе и другимъ подали случай не только къ сомнѣнію въ древности опредѣленій, но и къ поношенію иныхъ, можетъ быть, благочестивыхъ епископовъ, какъ властолюбцевъ". („Церк. Исторія" Иннокентія, изд. 1857 г. стр. 349). Такъ деликатно выражается нашъ историкъ о подлогахъ и о пріемѣ латинскихъ писателей—всѣ новые взгляды цѣликомъ вноситъ въ древнюю исторію, которая ихъ совершенно не знала.

вавшись смутами въ Константинополѣ, онъ испрашиваетъ у цареубійцы, византійскаго императора Фоки, указъ, которымъ римская Церковь объявляется главою всѣхъ Церквей и титло „вселенскій“ усвояется исключительно одному римскому епископу, онъ же соборне постановляетъ не признавать того епископомъ, чье избраніе не будетъ утверждено словами папы: „желаемъ и повелѣваемъ“ [1]). Папа Левъ II-й (682—683) получаетъ отъ императора позволеніе вызвать въ Римъ для рукоположенія равеннскаго епископа, и тѣмъ полагается начало подчиненію равеннскаго экзархатства римской каѳедрѣ.

Такъ мы дошли до VIII-го вѣка. Въ наступающемъ періодѣ времени отъ VIII до XI вѣка слѣдуетъ имѣть въ виду два обстоятельства: во первыхъ, упадокъ просвѣщенія и нравственное растлѣніе и огрубѣніе продолжаются, и во вторыхъ, жизнь Запада вообще болѣе и болѣе обособляется отъ Востока. При этихъ условіяхъ гордость западная, въ которой упрекали Западъ еще въ IV вѣкѣ, не только не уменьшается, но возрастаетъ съ большею силою,—въ такой же пропорціи возвышается и идея римскаго вселенскаго главенства и достигаетъ своей зрѣлости.

До половины IX вѣка т. е., до папы Николая I, который со всею ясностію выразилъ идею главенства римскаго епископа, папами были сдѣланы слѣдующія пріобрѣтенія: папа Григорій II (715—731) разрѣшаетъ всю Италію отъ клятвы и повиновенія византійскому императору Льву Исаврянину, и лишаетъ его дани, собираемой съ Италіи. Этимъ случаемъ проявлено мнимое право папы освобождать народъ отъ вѣрноподданнической присяги царямъ и лишать царей ихъ царствъ [2]). Папа Захарій I (741—752) подобнымъ образомъ разрѣшаетъ франковъ отъ вѣрноподданнической присяги къ ихъ законному королю и освящаетъ узурпацію вельможи—Пипина [3]). Стефанъ III (752—757) представляетъ Пипину дар-

[1]) Anastasius, Bibliot. De vit. pontific. pag. 44 ed. Fabrati 1629 г. Platina ed. 1511. Venetia in. vita Bonif. III. folio pag. 41.

[2]) Naucler Generat. XXIV et alii.

[3]) Rogino lib. II говоритъ и то, что онъ присвоилъ себѣ власть высшую человѣческой. Sigebert an 750.

ственную грамоту Константина Великаго и, на ея основаніи получивъ въ даръ нѣсколько городовъ, становится свѣтскимъ правителемъ и такимъ образомъ предвосхищаетъ себѣ то право, которое должно бы быть присвоено ему по международному договору. Онъ же допускаетъ Пипина съ сыномъ цѣловать папскія туфли и вводитъ въ обычай носить римскихъ епископовъ на плечахъ [1]). Адріанъ I (772—795) управляетъ Церковію скорѣе какъ царь, нежели какъ епископъ [2]). Левъ III-й (795—816) коронованіемъ Карла Великаго какъ римскаго императора далъ начало той мысли, что папа можетъ распоряжаться короною и давать ее кому хочетъ [3]). Пасхалій I (817—824) восходитъ на престолъ, не дождавшись императорскаго утвержденія [4]). Григорій IV (827—844) настаиваетъ, чтобы западные епископы въ сношеніяхъ съ римскими именовали себя не братіями и служителями, какъ было прежде, а сынами [5]).

Во второй половинѣ IX вѣка идея папской власти настолько созрѣла, что въ лицѣ папы Николая I выступаетъ какъ право, какъ законъ вселенской Церкви. Пользуясь политическимъ раздробленіемъ Карловой монархіи, онъ сталъ утверждать, что каждое притязаніе его предшественниковъ принадлежитъ ему въ обширнѣйшемъ смыслѣ, что онъ имѣетъ право *не только на первенство, но и на монархическое господство въ Церкви.* Ему принадлежитъ формула, опредѣляющая права римскаго епископа: *апостольскій престолъ судитъ всѣхъ, а самъ ничьему суду не подлежитъ.* На рим-

---

[1]) Blondus lib. X dec. I. Balaeus de Steph. centur. VIII c. X. pag. 404. Гергенретеръ въ своей исторіи совершенно умалчиваетъ о цѣлованіи туфлей и о введеніи въ обычай ношенія папъ на плечахъ. См. его Истор., т. I pag. 493—5.

[2]) Sigebert ad an 772.

[3]) Magdeburg. centr. VIII: de Romanae Ecclesiae episcopis et doctor.

[4]) Vita Pasch. I. Mansi XIV. 539 sequ. Hard. IV, 1223. Гергенретеръ замѣчаетъ, хотя Einh. Ann. a. 817, p. 203 называетъ письмо Пасхалиса къ Людовику excusatoria epistola, Anon. Vita Ludov. P. c. 27, p. 621— epistola apologetica, но конечно де Пасхалисъ извинялся не изъ-за посвященія, совершеннаго безъ императорскаго утвержденія. Hand. d. K. Gesch. T. 3, p. 208.

[5]) Plank. Geschichte der Entstehung et caet. T. II. pag. 796.

скомъ соборѣ 863 г. онъ изрекаетъ анаѳему на всѣхъ, кто не сталъ бы уважать объявленнаго папою ученія или приказанія. Онъ съ успѣхомъ ведетъ борьбу съ галликанскими митрополитами, лишаетъ независимости равеннскаго архіепископа и требуетъ къ себѣ на судъ константинопольскихъ патріарховъ Фотія и Игнатія, какъ глава церкви, какъ вселенскій судія. Вотъ какъ онъ писалъ въ Константинополь: напомнивъ о главенствѣ апостола Петра и его викарія, что онъ дѣлаетъ въ каждомъ почти посланіи, онъ продолжаетъ,— къ числу этихъ лицъ всемогущему Богу благоугодно было сопричислить и меня недостойнаго. Вся церковь вѣрующихъ отъ этой-то св. римской церкви, которая есть глава всѣмъ церквамъ, требуетъ наставленія; на ней лежитъ забота о поддержаніи цѣлости вѣры, она разрѣшаетъ грѣхи тѣхъ, кто достоинъ этого, и чрезъ нее испрашивается благодать Искупителя Господа... Да утверждается истина, что св. римская церковь, чрезъ св. Петра, князя Апостоловъ, сдѣлалась и есть глава всѣхъ церквей, и отъ нея зависитъ непарушимое и непоколебимое удержаніе порядка и управленія во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, ее должны вопрошать объ этомъ и слѣдовать ея голосу. Поэтому, все, что утверждается авторитетомъ римскихъ первосвященниковъ, все это должно твердо и неприкосновенно содержаться и никакое самоволіе не должно имѣть мѣста здѣсь“ [1]). Оскорбленный отвѣтомъ Фотія, что церковь восточная не знаетъ никакихъ папскихъ декреталій и не принимаетъ собора сардикійскаго въ качествѣ вселенскаго,—папа Николай I-й пишетъ: „этому мы не вѣримъ, въ особенности относительно сардикійскаго собора, который происходилъ въ вашихъ странахъ и который приняла вся церковь: какимъ образомъ случилось, что этотъ соборъ отринула церковь константинопольская, или не удержала его, тогда какъ должна была это сдѣлать непремѣнно? Почему вы не имѣете и не сохраняете декреталіи [2]), которыя изданы первосвященниками первой каѳедры, т. е. римской церкви, авторитетомъ и санкціей которой утверждаются всѣ соборы

---

[1]) Письмо къ Фотію. Migne. Patrolog. c. c. t. CXIX, pag. 785—786.

[2]) Разумѣются лже-Исидоровы, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

и даже вселенскіе, получая отъ нея свою твердость? Ужъ не потому-ли, какъ ты говоришь, онѣ не соблюдаются въ церкви константинопольской, что онѣ говорятъ вопреки твоему избранію, не потому-ли, что онѣ не допускаютъ избранія изъ мірянъ во епископы? Если въ самомъ дѣлѣ вы не имѣете у себя подобныхъ декреталій, то это свидѣтельствуетъ о вашемъ нерадѣніи и безпечности. Если же имѣете и однакожъ не соблюдаете ихъ, то вы заслуживаете порицанія и брани за дерзость“ [1]). Въ послѣдующихъ письмахъ папа слѣдующимъ образомъ исповѣдуетъ привиллегіи римской церкви: „привиллегіи римской церкви, по слову Господа, утверждены во св. Петрѣ, въ самой церкви съ древнихъ временъ имѣли силу и сохранялись, прославлялись вселенскими Соборами (?!), уважались постоянно всѣмъ хрістіанскимъ міромъ и никакимъ образомъ не могутъ быть ни умалены, ни разрушены, ни измѣнены; ибо чему положилъ основаніе Богъ, того не можетъ нарушить человѣческая инціатива. И тотъ грѣшитъ, кто осмѣливается противиться божественному узаконенію. Привиллегіи эти, говоримъ, вѣчны; отъ Бога онѣ вкоренены и насаждены; могутъ ихъ касаться, но не могутъ сдвинуть; онѣ могутъ быть оскорбляемы, но не могутъ быть сокрушены. Онѣ уже существовали прежде вашего (императ. Михаила III) царствованія; онѣ продолжаютъ существовать и теперь несокрушимо; онѣ будутъ существовать и послѣ васъ; и пока возвѣщается имя христіанское, онѣ не перестанутъ существовать. Эти привиллегіи дарованы были св. римской церкви отъ самого Христа, и не даны какими-нибудь соборами, соборы же только прославляли и выражали уваженіе къ нимъ“. (Sic!) [2]). Въ Константинополѣ всѣ эти разглагольствія папы Николая о римскихъ привил-

[1]) Ib. pag. 788.

[2]) Ib. p. 947—948. На эти письма императоръ Михаилъ отвѣчалъ: „всѣ твои разглагольствія о преимуществахъ римскаго престола— пустая болтовня; ты бы долженъ за честь принять приглашеніе подать свой голосъ къ умиротворенію константинопольскихъ смутъ, а не по грубой ошибкѣ считать себя судіею дѣлъ церковныхъ, твой долгъ повиноваться императору, а не судить его. Фотій признанъ восточными патріархами и потому не можетъ быть называемъ пастыремъ незаконнымъ“.

легіяхъ обозваны—*пустою болтовней*, тѣмъ не менѣе изъ этихъ разглагольствій ясно видно, что на Западѣ какъ самъ папа, такъ и общество убѣдили уже себя въ созданной ими *фикціи*, что будто-бы папство есть установленіе божественное, древнее, всею вселенскою церковію признаваемое.

Въ лицѣ Григорія VII-го, Гильдебранда, идея папской власти поднялась еще выше. Онъ заявлялъ слѣдующія притязанія. — Правильно избранный папа святъ [1]) и непогрѣшимъ. Его волѣ, разсужденію и суду подлежатъ всѣ царства міра сего. Онъ имѣетъ власть отлучать царей отъ общенія вѣрныхъ и отлученныхъ низлагать съ престоловъ. Онъ можетъ подданныхъ разрѣшать отъ присяги и повиновенія безчестнымъ и порочнымъ правителямъ и государямъ. Подданные должны возставать противъ государей своихъ, отлученныхъ папою, и ополчаться противъ нихъ. Одинъ онъ правильно называется вселенскимъ. Безъ его позволенія никакой соборъ не можетъ называться вселенскимъ. Безъ его свидѣтельства ни одна книга не можетъ быть издана въ свѣтъ и считаться правильною. Его суда никто не можетъ отринуть, а онъ одинъ можетъ отвергнуть всякій судъ. Су-

---

[1]) Мысль о личной святости папъ прежде всѣхъ выдумалъ дьяконъ и секретарь папы Симмаха (498—514), Эннодій (Liber apologet. pro Synodo. opp. Sirmondi I. 1621 г.), который защищалъ папу въ извѣстномъ взводимомъ на него преступленіи. За мысль Эннодія жадно ухватился псевдо-Исидоръ, и придумалъ (Decr. Psevdo-Isidor. ed. Hinschius pag. 675) два собора, которые будто-бы единодушно одобрили и подписали сочиненіе Эннодія. Святость всѣхъ папъ, которую Григорій VII будто-бы испыталъ самъ на себѣ, какъ онъ утверждалъ (Epist. 21 у Jaffe pag. 463), онъ положилъ въ основаніе своего притязанія на всемірное господство.—Всякій король и князь, говоритъ онъ, изъ добраго и смиреннаго тотчасъ дѣлается дурнымъ, какъ скоро овладѣетъ властью; напротивъ того всякій правильно поставленный папа, чрезъ *вмѣненіе ему заслугъ Петровыхъ, тотчасъ дѣлается святымъ*. Даже заклинатель (exorcista) въ клирѣ, замѣчаетъ онъ, выше и могущественнѣе всякаго свѣтскаго монарха, потому что изгоняетъ демоновъ, рабы которыхъ суть дурные князья. Эта доктрина о личной святости папы, Григоріемъ VII-мъ выданная за ученіе Симмаха, принята въ церковномъ уложеніи. См. Dictatus Hildebrandini, состоящій изъ 27 главъ,—содержащихъ въ себѣ эти идеи о папской власти. Harduin. Acta Concil. T. 6, pars. I, col. 1304. См. Jan. p. 111—123.

дить его самого никто не можетъ. Всѣ важныя дѣла церковныя подлежатъ его рѣшенію. Епископовъ онъ можетъ низлагать и переводить съ одного мѣста на другое безъ собора. Въ церквахъ должно поминать только его имя. Предавать проклятію престолъ апостольскій (т. е. римскій) никто не смѣетъ. Инвеститура (т. е. единовременная плата, взимаемая съ поставляемыхъ вновь епископовъ, аббатовъ и священниковъ за право пользоваться церковными имѣніями, изъятыми отъ несенія общественныхъ повинностей) не принадлежитъ государямъ, которые не имѣютъ права жаловать епископовъ перстнями, какъ было прежде [1]).

Въ лицѣ Иннокентія III-го и его ближайшихъ преемниковъ эта идея близка была къ своему полному осуществленію. Иннокентій III-й достигъ такой высоты величія, до какой никто еще не достигалъ изъ смертныхъ. Всѣ западные правители покорились ему, своею покорностію оправдывая его неимовѣрныя претензіи. Императоръ германскій Оттонъ IV-й призналъ себя его ленникомъ; — король французскій, Филиппъ-Августъ, напуганный интердиктомъ, наложеннымъ на Францію за его незаконный разводъ съ женою, сдѣлался послушнымъ сыномъ папы. Король англійскій Іоаннъ Безземельный, за непослушаніе папѣ едва не лишившійся короны, также долженъ былъ смириться и признать лэнную зависимость отъ папы. Королевства: кастильское, аррагонское, сицилійское, венгерское также были признаны лэнами папы. Даже непокорный Востокъ, заявлявшій притязаніе сравняться съ Западомъ, и тотъ былъ во власти римскаго первосвященника. Неожиданное завоеваніе крестоносцами Константинополя давало ему основательный поводъ мечтать о подчиненіи непокорной своей соперницы, восточной церкви, и объ образованіи на землѣ единаго стада съ единымъ видимымъ пастыремъ—папою во главѣ.

Но эти мечты не осуществились. Небесный Пастыреначальникъ не попустилъ своей истинной Церкви *искуситися* больше, чѣмъ сколько она могла понести. Господь сохра-

---

[1]) Ср. Ист. Хр. Ц. Робертсона и Герцога, пер. Лопух. 1891 г., т. II, стр. 8—9.

нилъ ее отъ римскаго поглощенія. Латинское господство,— начинавшее повсюду, куда оно простиралось, — истреблять греческій обрядъ, продолжалось недолго (съ 1204 г. 12 Апр. по 15 Августа 1261 г.); съ прекращеніемъ его изгладились и его слѣды въ православныхъ областяхъ восточной церкви. Вскорѣ за тѣмъ и самое величіе папъ стало идти къ упадку. Спустя три вѣка послѣ Иннокентія протестантизмъ возстаетъ противъ незаконнаго господства и отнимаетъ у Рима до половины подданныхъ. Спустя еще три вѣка съ небольшимъ папа лишается свѣтскаго господства, незаконно добытаго имъ, и такимъ образомъ возвращается къ тому положенію, изъ котораго вышелъ: папа есть римскій епископъ, признаваемый первымъ въ ряду своихъ собратій, ради первенства ветхаго Рима.

Обернемся же теперь назадъ и однимъ взглядомъ окинемъ развитіе папскаго главенства: сперва просто епископъ апостольской общины въ столичномъ городѣ имперіи,—затѣмъ, первый между средне-италійскими сосѣдними епископами, или митрополитъ, такой же, какъ митрополитъ въ Александріи, Антіохіи, Кесаріи, Ефесѣ и под. Послѣ того экзархъ или архіепископъ на Западѣ, первый по отношенію къ восточнымъ, таковымъ же экзархамъ. За симъ, должно бы было слѣдовать каноническое опредѣленіе правъ его первенства, но вмѣсто этого онъ самъ создаетъ свои права, своими усиліями достигаетъ господства на Западѣ и домогается преобладанія надъ всею Церковію. Но что удается ему на Западѣ, того не можетъ онъ достигнуть на Востокѣ. Да и на Западѣ незаконность римскаго господства сознается правительствами и народами и оно мало-помалу отвергается какъ незаконное.

Нѣкоторые свѣтскіе писатели нерѣдко средневѣковое преобладаніе папъ и ихъ господство надъ міромъ называютъ *ѳеократіей*. Но это рѣшительно несправедливо. Если мы ветхозавѣтную *ѳеократію,* какъ она проявилась въ исторіи еврейскаго народа, преимущественно во времена Моисея и Судей,—понимаемъ въ истинномъ смыслѣ, какъ дѣйствительное правленіе Божіе, являемое чрезъ Своихъ избранниковъ или чрезъ первосвященниковъ, — то ни въ какомъ случаѣ

нельзя признать за господствомъ папъ ѳеократическаго характера. Первосвященники еврейскаго народа, вопрошавшіе волю Божію, и сообщавшіе ее народу,—оставаясь тѣмъ, чѣмъ должны были быть, никогда не заявляли претензій быть абсолютными монархами во имя Божіе. Римскіе же первосвященники, напротивъ, постепенно возвышая свои честолюбивыя и властолюбивыя стремленія, возводили ихъ до Божественнаго права, — нѣкоторымъ образомъ отожествляя себя съ Божествомъ. Богъ, наказуя народы за ихъ нечестіе, нерѣдко посылаетъ на нихъ завоевателей и поработителей; такъ, напр., царство израильское Онъ наказалъ Салманассаромъ ассирійскимъ, царство іудейское — Навуходоносоромъ вавилонскимъ. Папы, назвавъ себя намѣстниками Бога на землѣ, дошли до такой дерзости, что вообразили себя и обладателями божескаго права наказывать народы народами. Такъ, Иннокентій III, желая наказать альбигойцевъ, подымаетъ на нихъ крестовый походъ, и вотъ по его якобы божественному благословенію подъ знаменемъ креста собираются всѣ жаждущіе крови и алчущіе корысти, идутъ на еретическіе города и области и предаютъ ихъ огню и мечу. Императоръ Фридрихъ I (Барбарусса) началъ было борьбу съ папой Александромъ III, который позволилъ себѣ назвать императорскую власть бенефиціей папы,—но папа возмутилъ противъ него Ломбардскіе города и потерпѣвшій пораженіе императоръ долженъ былъ примириться съ папой. Фридрихъ II повелъ было борьбу противъ папъ, но папы, предавъ его проклятію, подняли противъ него такое множество враговъ, что и онъ долженъ былъ смириться. Припомнимъ еще походы Бюргера противъ русскихъ,—ливонскихъ рыцарей противъ нихъ же, крестовые походы противъ гуситовъ, благодарственные молебны за подобныя событія, какъ варѳоломеевская ночь, — и мы должны будемъ признать, что такое господство слишкомъ дерзновенно назвать *ѳеократическимъ*. Отожествленіе воли человѣческой съ волею божественной, являемое въ такихъ и подобныхъ случаяхъ, не иначе можно назвать, какъ *предвосхищеніемъ божественной власти*, или *узурпаціей* божественнаго права,—а никакъ не *ѳеократіей*.

Въ то самое время, когда такимъ образомъ латинское право, поставленное на ложный путь, предвосхитило себѣ божественную власть, на Востокѣ церковное право шло дальше въ томъ же направленіи, какъ прежде. Такъ: 1) наименованіе патріарха сдѣлалось исключительнымъ титуломъ пяти старѣйшихъ архіепископовъ и безъ сношенія съ ними не могло быть присвоено никому. Посему, когда архіепископъ аквилейскій Доминикъ назвалъ себя патріархомъ, въ письмѣ своемъ къ Петру, патріарху антіохійскому, сей послѣдній, слышавъ первый разъ о существованіи патріарха въ Аквилеѣ или Венетіи (Градо), не могъ удержаться отъ удивленія и высказалъ, что этого титула не нужно самочинно присвоять себѣ и потому назвалъ его только архіепископомъ. 2) Къ патріархамъ примѣнено то правило, которое относилось къ митрополитамъ, т. е., что какъ подвѣдомые тому или другому митрополиту епископы и пресвитеры могутъ прекратить съ нимъ общеніе въ случаѣ его ереси и судить его съ участіемъ, впрочемъ, сосѣднихъ митрополитовъ, такъ и подвѣдомые патріарху митрополиты и епископы въ случаѣ его ереси могутъ прекратить съ нимъ церковное общеніе (прав. 15 двукратн. собора). Это правило имѣетъ ту важность, что оно отличаетъ установленіе патріаршества отъ преобладанія папы. Съ точки зрѣнія этого правила становится яснымъ, на какомъ основаніи русскіе епископы лишили общенія и прогнали отъ себя митрополита Исидора, который измѣнилъ православію на Флорентинскомъ соборѣ, — паписты никакъ не могутъ понять этого доселѣ. На основаніи этого же правила церкви восточныя могутъ совершенно канонически судить и осуждать римскаго папу, какъ патріарха, упорно пребывающаго въ заблужденіи. 3) Установлено равенство правъ патріарховъ римскаго и константинопольскаго, сдѣланы невозможными аппеляціи къ римскому на судъ константинопольскаго и обратно, и положенъ предѣлъ расширенію правъ римскаго епископа. — Замѣчательное правило на этотъ предметъ составлено было въ Константинополѣ на соборѣ въ храмѣ Софіи по вторичномъ вступленіи патріарха Фотія на престолъ, въ 879 году, съ

участіемъ римскихъ легатовъ папы Іоанна VIII-го. Вотъ какъ оно читается:

„Святый и вселенскій Соборъ опредѣлилъ: аще который изъ италійскихъ клириковъ или мірянъ или изъ епископовъ, обитающіе въ Асіи, или въ Европѣ, или Ливіи, подверглися или узамъ отлученія отъ таинствъ, или изверженію изъ своего чина, или анаѳемѣ отъ святѣйшаго папы Іоанна: тѣ да будутъ и отъ святѣйшаго Фотія, патріарха константинопольскаго, подвержены той же степени церковнаго наказанія, т. е. да будутъ или извержены, или преданы анаѳемѣ, или отлучены. И которыхъ клириковъ, или мірянъ, или архіерейскаго или іерейскаго чина, Фотій святѣйшій патріархъ нашъ, въ какомъ бы то ни было предѣлѣ, подвергнетъ отлученію, или изверженію, или проклятію, тѣхъ и святѣйшій папа Іоаннъ и съ нимъ святая Божія римская церковь да признаетъ подъ тѣмъ же осужденіемъ епитиміи находящимися. При томъ, *въ преимуществахъ, принадлежащихъ святѣйшему престолу римскія церкви и ея предсѣдателю, совершенно да не будетъ никакого нововведенія, ни нынѣ, ни впредь*“ (пр. 1).

Это правило было послѣднимъ соборнымъ правиломъ древней нераздѣльной церкви. Но его нельзя считать послѣднимъ въ исторіи развитія церковныхъ опредѣленій. Всматриваясь въ исторію древняго греко-римскаго міра, хранившаго остатки древности и воспринявшаго спасительныя начала христіанской вѣры для новой исторіи, мы видимъ, что жизнь древняго міра раздвоилась по двумъ культурнымъ народностямъ, и отхлынувши изъ Африки и Азіи въ Европу, здѣсь создала себѣ два центра *Римъ* и *Константинополь,* въ нихъ обособила два міровоззрѣнія—латинское и эллинское, — ихъ сдѣлала проповѣдниками христіанскаго вѣроученія—*Римъ* для просвѣщенія германо-романскихъ народовъ, а *Константинополь* для народовъ славянскихъ. Само собою разумѣется, этотъ дуализмъ, совершенно правильно вытекалъ изъ основныхъ началъ церковнаго права, но тѣмъ не менѣе не могъ считаться послѣднимъ словомъ его развитія. Онъ вызывался потребностями времени, и впослѣдствіи, долженъ бы былъ придти къ единству. Но въ Римѣ этого не признали: это правило, равно какъ и самый

соборъ были отвергнуты. И очень понятно, потому что послѣ папы Николая I-го никакой Соборъ не могъ удержать римскую церковь въ предѣлахъ законности отъ того движенія впередъ, какое далъ ей этотъ папа. Когда объявлено было начало, что папа судитъ всѣхъ, а самъ ни отъ кого судимъ быть не можетъ,—тогда это правило, равно какъ и соборъ, его издавшій, оказались недѣйствительными. Правило и соборъ были отвергнуты, и церковное латинское право продолжало идти своимъ путемъ.

Дальше этого правила каноническое право высшей іерархической власти не шло на Востокѣ.—Правда, были двѣ попытки къ опредѣленію правъ римскаго епископа, на двухъ соборахъ Ліонскомъ и Флорентійскомъ, — но эти попытки, какъ мертворожденныя дѣти, не имѣли на Востокѣ никакого значенія, никакой силы и жизненности, и были отвергнуты прежде ихъ обнародованія; — потому что исходили не изъ церковныхъ началъ, а изъ политическихъ разсчетовъ, совершились не путемъ свободныхъ соглашеній всѣхъ іерарховъ, а путемъ разныхъ интригъ и насилія, и приводили восточныхъ не къ соглашенію и братскому взаимообщенію съ римскимъ архипастыремъ,—а къ признанію его вселенскаго господства, къ подчиненію его власти и подданству [1]).

Опредѣленіе правъ первенства еще предстоитъ вселенской Церкви, но уже никакъ не въ лицѣ римскаго епископа, котораго гордыня поставила на землѣ вмѣсто Христа Спасителя и отвела народы отъ истинной вѣры во Христа!

3.

Какъ всякая ложь, идея папскаго верховенства породила отъ себя множество лжей и питалась ложью. Забота оправдать притязанія папъ на всемірное господство и подложить

---

[1]) Объ этомъ смотри ученое изслѣдованіе профессора С.-Петербургской Дух. Академіи А. Л. Катанскаго: Исторія попытокъ къ соединенію церквей греческой и латинской въ первые 4 вѣка по ихъ раздѣленіи. Спб. 1868 г.

подъ нихъ каноническія и догматическія основы породила систему приспособленія фактовъ къ ложной идеѣ, и вслѣдствіе того, множество подлоговъ. Подлоги и ошибки вездѣ возможны, какъ всякое злоупотребленіе, но въ латинствѣ обращаетъ на себя вниманіе и заслуживаетъ полнаго осужденія то обстоятельство, что служители истины, ревнители папизма, никогда не приходятъ сами къ открытію своихъ ошибокъ и подлоговъ, но приводятся со стороны,—и только доведенные до крайности, до невозможности защищаться, сознаются въ нихъ, да и то не всегда; бываетъ, что и по обличеніи подлоговъ, упорно держатся ихъ, и при удобныхъ случаяхъ, когда публика не особенно строга и требовательна, пользуются ими для проведенія своихъ мыслей. Эта-то практика въ подлогахъ и упорство въ признаніи ихъ и составляетъ *характеристическую особенность учащей латинской церкви*.

Вставки и подлоги начались съ того времени, какъ духъ міра вторгся въ римскую церковь, т. е. съ конца IV в. Хотя этотъ духъ, какъ мы видѣли, проявлялся и раньше, но съ этого именно времени онъ начинаетъ обнаруживаться повсюду и во всѣхъ видахъ.

Подробно указывать и исчислять всѣ вставки и подлоги нѣтъ возможности,—для сего потребовался бы многотомный трудъ. Мы только укажемъ на главнѣйшіе и на такіе, которыхъ подложность неоспорима и признается самими папистами.

Въ ряду самыхъ первыхъ подлоговъ стоитъ измѣненіе 6-го правила Никейскаго Собора и смѣшеніе его съ правилами Собора Сардикійскаго. Римскіе легаты представили карѳагенскому Собору два правила сего послѣдняго за правила Никейскія. Подлогъ этотъ нуженъ былъ легатамъ для того, чтобы отцы Собора и въ Африкѣ утвердили за римскимъ епископомъ право принимать апелляціи. Но отцы Собора усомнились въ подлинности правила и потому отправили отъ себя пословъ къ восточнымъ церквамъ справиться, какъ тамъ читаются Никейскія правила; по сдѣланной справкѣ, подлогъ былъ обличенъ и въ правѣ принимать апелляціи Риму было отказано. Но въ Римѣ на этомъ не

остановились. Съ такимъ же подлогомъ послы явились на Халкидонскій Соборъ и здѣсь были также обличены. Однакожъ и этимъ дѣло не кончилось; и по настоящее время правило это (6-е) служитъ предметомъ искаженія. Въ латинскомъ изложеніи оно начинается такъ: *Церкви римской всегда принадлежало первенство.* Древніе обычаи да поддерживаются во всей силѣ въ Египтѣ, Ливіи и Пентаполѣ... потому *что такъ повелѣлъ первосвященникъ римскій* (вмѣсто словъ: ибо и рим. епископу сіе обычно). То же да будетъ и относительно епископа Антіохійскаго и т. д. [1]).

Вторымъ подлогомъ была *книга папъ* (Liber Pontificalis). Янусъ въ своей книгѣ, указавъ періоды ея послѣдовательной обработки (первый по 530 г., второй—по 687 г. и, наконецъ — третій по 724 г.), считаетъ первую обработку какъ намѣренный подлогъ и признаетъ, что этотъ подлогъ составляетъ важное звено въ цѣпи римскихъ измышленій и вставокъ. Цѣль вставокъ была слѣдующая: во первыхъ, придать вѣру многочисленнымъ, вымышленнымъ актамъ римскихъ мучениковъ; (почему часто повторяются заявленія, что древнѣйшіе папы поставили нѣсколько нотаріусовъ для составленія подобныхъ актовъ, и затѣмъ—семь уподіаконовъ для наблюденія за этими нотаріусами); во вторыхъ, подтвердить существовавшія уже басни (о крещеніи, напр., въ Римѣ Константина Вел., вымыслы относительно Либерія, Сильвестра, Сикста III и т. под.); въ третьихъ, выставить нѣкоторые литургическіе, принятые позднѣе, обряды за древніе; въ четвертыхъ, представить папъ законодателями для всей Церкви, хотя составители не представляютъ никакихъ папскихъ распоряженій, имѣющихъ важность для всей Церкви, а довольствуются общими фразамя, что такой-то и такой-то папа издалъ декретъ, относящійся до всей Церкви. Въ позднѣйшей, наиболѣе исторической части выступаетъ желаніе выставить папъ учителями вѣры и верховными законодателями Востока. Вымыслы этой книги, преисполненные грубыми анахронизмами и въ цѣломъ производящіе впечатлѣ-

---

[1]) См. Оп. церк. законовѣд. арх. Іоанна. Т. I, стр. 296—298. Также Ист. Церкви абб. Гетте въ русск. пер. Т. III, стр. 32—33.

ніе преднамѣреннаго обмана, обнаружили обширное вліяніе на дальнѣйшіе вымыслы; они собственно положили основаніе тому представленію, что папы съ древнѣйшихъ временъ были законодателями для всей Церкви. Они, такъ сказать, вызвали позднѣйшій подлогъ лже-Исидора, принявшаго замѣчанія книги папъ о папскихъ опредѣленіяхъ въ свои вымышленныя декреталіи, и дали имъ чрезъ это видъ подлинности. Это-то сходство папской книги съ декреталіями и было главною причиною того, что вымыслъ лже-Исидора продержался столь долгое время [1]).

Третьимъ крупнымъ подлогомъ, касающимся вселенскаго положенія римскаго епископа, какъ первенствующаго, была *дарственная грамота Константина Великаго*, которою будто бы онъ, перенося свое мѣстопребываніе изъ Рима въ Византію, уступилъ папѣ всю Италію и далъ ему первенство предъ всѣми прочими епископами. Папа Левъ IX, увѣряя Михаила (Керулларія), патріарха константинопольскаго, что папы сдѣлались царями еще со временъ Константина, въ такомъ видѣ представлялъ дѣло: „Чтобы не оставалось мѣста никакого сомнѣнія въ земной (т. е. свѣтской) власти римскаго первосвященника и чтобы кто не подумалъ, что римская церковь присвояетъ себѣ не принадлежащую ей честь, мы приводимъ доказательства изъ той привиллегированной грамоты, которую императоръ Константинъ собственными руками положилъ на св. гробъ небеснаго ключеносца Петра,— и да явится истина и исчезнетъ суета...“ Вотъ эта грамота: „Мы сочли полезнымъ, говоритъ будто бы Константинъ Вел.— мы вмѣстѣ со всѣми нашими правителями, сенатомъ, вельможами и народомъ римскимъ,—чтобы какъ св. Петръ былъ намѣстникомъ Сына Божія на землѣ, такъ и первосвященники, наслѣдники князя Апостоловъ, удерживали власть начальственную—и даже полнѣе, чѣмъ какъ это свойственно земному императорскому достоинству. Именно, мы опредѣляемъ благоговѣйно почитать, какъ наше земное императорское могущество, такъ точно и святительскую римскую церковь, и, дабы полнѣе возвысить каѳедру надъ нашимъ

[1]) Janus, p. 139—142.

собственнымъ тропомъ, приписываемъ ей власть, достоинство и честь царскую. Къ этому же опредѣляемъ, чтобы каѳедра Петра имѣла главенство надъ четырьмя каѳедрами: александрійскою, антіохійскою, іерусалимскою и константинопольскою и также надъ всѣми церквами во вселенной; первосвященникъ этой римской каѳедры во всѣ времена долженъ считаться выше и славнѣе всѣхъ священниковъ всего міра и въ отношеніи къ вопросамъ богослуженія и вѣры судъ его да господствуетъ надъ всѣми". Слѣдующее за симъ описаніе даровъ императора начинается съ дворца, украшеній и двора. „Уступаемъ самимъ св. Апостоламъ, блаженнѣйшимъ Петру и Павлу, а чрезъ нихъ отцу нашему папѣ Сильвестру и всѣмъ преемникамъ его, какіе только будутъ на каѳедрѣ св. Петра до скончанія вѣковъ,—дворецъ Латеранскій, который превосходитъ всѣ дворцы въ мірѣ. Передаемъ папѣ римскому діадему, т. е. короны съ своей собственной головы, нарамники, которыми украшается выя императорская, пурпуровую хламиду, багряную тунику и всѣ другія царственныя одежды, — вручаемъ ему императорскій скипетръ и всѣ другіе знаки отличія и перевязи, словомъ—всѣ принадлежности царскаго величія". Императоръ хотѣлъ было собственноручно возложить свою корону на папскую голову, но „папа не захотѣлъ употреблять короны изъ золота, и потому императоръ положилъ на него собственными руками свой фригійскій вѣнецъ, блистающій бѣлизною и обозначающій Воскресеніе Христово... „Почтеннѣйшихъ клириковъ всякаго чина, состоящихъ въ служеніи римской церкви, мы возводимъ на такую же высоту власти и блеска, на какой находится нашъ сенатъ, и опредѣляемъ, чтобы они украшались, какъ украшаются наши патриціи и консулы. Словомъ, какъ украшена императорская свита, такъ и клиръ римской церкви. И какъ при императорскомъ достоинствѣ состоятъ различнаго рода прислужники — постельники, придверники и сторожа, то же должно быть и въ св. римской церкви. Для несравненно большей блистательности папскаго достоинства, пусть клирики ѣздятъ на лошадяхъ, украшенныхъ чапраками и бѣлѣйшими тканями, и пусть носятъ точно такую же обувь, какую употребляютъ сенаторы. И такимъ обра-

зомъ небесная, какъ и земная власть, украсятся во славу Божію... А дабы власть первосвященническая не оскудѣвала, но процвѣтала болѣе самой императорской власти, мы опредѣлили передать отцу нашему Сильвестру, кромѣ дворца Латеранскаго, — *городъ Римъ, провинціи Италіи и всѣхъ западныхъ странъ*, и всѣ мѣста и города въ нихъ, въ полное распоряженіе и власть“ [1]). Этотъ грубый и ни съ чѣмъ не сообразный вымыселъ былъ сочиненъ въ VIII вѣкѣ и поднесенъ Пипину. Пипинъ повѣрилъ вымышленной грамотѣ; побѣдивши лангобардовъ, онъ подарилъ папѣ отнятые отъ нихъ города (въ числѣ 20) и равеннское экзархатство. Вотъ начало свѣтской власти папъ. Такимъ образомъ папы, вмѣсто того, чтобы ожидать отъ взаимнаго договора правительствъ опредѣленія своихъ вселенскихъ правъ, сами добыли себѣ эти права и сами, посредствомъ подлоговъ и обмановъ, создали для себя международное право. Не потому-ли это право, какъ основанное на лжи, болѣе и болѣе стѣсняется и ограничивается свѣтскими правительствами. Такова логика жизни: неправда наказывается неправдою. И напрасно, ревнители папы, сыны Лойолы, мечтаютъ о возстановленіи свѣтской власти папы, она погибла невозвратно! Законы исторіи вѣчны и неизмѣнны.

Не удивительно, что въ темные вѣка невѣжества и простодушнаго и опасливаго суевѣрія—вѣрили подобнымъ баснямъ, но удивительно то, что и по настоящее время паписты продолжаютъ стоять за этотъ вымыселъ, несообразный ни съ исторіей, ни съ хронологіей, ни съ филологическими данными. Такъ глубоко въѣлась ложь въ умы и сердца самыхъ ревностныхъ сыновъ латинской церкви!

Четвертымъ крупнымъ подлогомъ были, такъ называемыя, лже-исидоровы декреталіи, которыя произвели полнѣйшее преобразованіе въ устройствѣ и управленіи Церкви. Это былъ самый отважный подлогъ, подобнаго которому не представляетъ исторія. Эта ложь, говоритъ Янусъ, уже три

[1]) Migne, Patrol. c. c., t. CXLIII, p. 753—781. По образцу этого договора составленъ былъ другой подобный, именно *дарств. грамота Пипина*, которая и была представлена Карлу Вел. См. о семъ Janus, p. 142—150.

столѣтія какъ обнаружена, но положенія, ею распространенныя, пустили столь глубокіе корни въ церковную почву и такъ срослись съ церковною жизнію, что обнаруженіе обмана не разъ сопровождалось продолжительнымъ потрясеніемъ господствующей системы [1]). Въ число этихъ декреталій внесено до 100 документовъ, писанныхъ варварскою латынью IX в. Въ сборникѣ встрѣчаются самыя поразительныя историческія и хронологическія несообразности. Напр., папа Викторъ, жившій во II в., переписывается о праздновaніи Пасхи съ архіепископомъ александрійскимъ Θеофиломъ, жившимъ въ IV в. Писатели первыхъ трехъ вѣковъ приводятъ тексты по переводу Библіи, сдѣланному бл. Іеронимомъ въ концѣ IV в., приводятъ отрывки изъ сочиненій, составленныхъ въ позднѣйшіе вѣка, разсказываютъ о порядкахъ въ Церкви и событіяхъ позднѣйшаго времени. Составленіе этого подлога, какъ полагаютъ, было совершено въ Галліи тамошнимъ духовенствомъ, съ цѣлію обезпечить права и имущество духовенства, въ особенности епископовъ, не только отъ свѣтскихъ владѣльцевъ и государей, но и мѣстныхъ архіепископовъ, митрополитовъ и областныхъ Соборовъ [2]). Достиженія этой цѣли, какъ видно, хотѣли достигнуть посредствомъ возвышенія папы; ему принадлежитъ верховная власть надъ Церковью; безъ его воли нельзя рѣшить никакого дѣла, ни созвать Собора, ни поставить, или осудить и низложить епископа; папа долженъ заботиться о сохраненіи закона и справедливости не только въ церковныхъ, но и въ государственныхъ дѣлахъ, блюсти за нравственностію государей и т. под. Словомъ сказать, всѣ претензіи, начало которыхъ уже было положено въ Римѣ, но которыя еще не смѣло заявлялись,—въ подлогѣ были расположены въ систему и обоснованы на законахъ, которые будто бы уже давно практиковались въ жизни церковной. Какъ только эти декреталіи были доставлены папѣ Николаю I (858—867), который смѣлостію своихъ претензій превзошелъ всѣхъ своихъ

[1]) Janus, p. 101.

[2]) Галликанское духовенство въ лже-Исидоровскихъ декреталіяхъ думало имѣть такой же балансъ, какой впослѣдствіи нашло въ знаменитой Галликанской декларации 1682 г. См. выше стр. 113 въ примѣч.

предшественниковъ и котораго собственно слѣдуетъ считать основателемъ папской абсолютной монархіи, Николай отвергъ сомнѣнія французскихъ епископовъ касательно ихъ подлинности и съ увѣренностью объявилъ, что римская церковь въ своихъ архивахъ и древнихъ документахъ давнымъ-давно владѣетъ всѣми этими вещами, и что каждое посланіе папы само по себѣ, если бы даже оно и не содержалось въ Діонисіевомъ сборникѣ, имѣетъ полную законодательную силу для Церкви. На римскомъ Соборѣ (863 г.) онъ произнесъ анаѳему на всѣхъ тѣхъ, кто сталъ бы не уважать объявленнаго папою ученія или приказанія [1]).

Противъ упрека въ подлогѣ въ этомъ случаѣ паписты защищаютъ себя увѣреніемъ, что и безъ этихъ декреталій папизмъ развился бы самъ собою, — декреталіи послужили только поводомъ къ этому развитію, а не причиною. А Гергенретеръ объясняетъ все дѣло еще проще; въ опроверженіе Януса онъ говоритъ, что распространеніе неподлиннаго сборника только потому могло совершиться такъ легко, что сборникъ соотвѣтствовалъ господствующимъ тогда воззрѣніямъ и обстоятельствамъ. Но это-то и составляетъ сущность обличенія; это-то и было худо и предосудительно, что папство нашло себѣ сродство съ ложью, что завѣдомый вымыселъ пріемлется легко и даетъ пищу для его дальнѣйшаго развитія.

Во времена Григорія VII церковное римское право получило дальнѣйшее развитіе, дѣйствительно, на основаніи лже-исидоровыхъ декреталій. Около этого папы-реформатора и по его выбору образовалась цѣлая школа правовѣдовъ, которые вели дѣло въ его духѣ. Самъ Григорій взялъ у лже-Исидора основу своей системы. По лже-Исидору, Юлій (338 г.) будто бы писалъ восточнымъ епископамъ: „по особенной привиллегіи рим. церковь имѣетъ власть отворять, или затворять врата царствія, кому хочетъ“. На этихъ словахъ Григорій основываетъ свои виды на господство надъ всей вселенной. Какъ можетъ не быть судьею тотъ, отъ воли котораго зависитъ блаженство и осужденіе людей? Образное

[1]) Janus, p. 106. Mansi, Concil. XV, 695 и Hard. Concil V, 574.

выраженіе „вязать и рѣшить“ сдѣлалось для папъ неисчерпаемымъ источникомъ правъ и притязаній. Желалъ ли Григорій лишить нѣмецкаго короля престола, онъ говорилъ: „мнѣ дана власть вязать и рѣшить на небѣ и на землѣ“. Хотѣлъ-ли разрѣшить подданныхъ отъ присяги, данной ими своему князю, — онъ говорилъ: „мнѣ принадлежитъ власть вязать и *рѣшить*“. Нужно-ли было сдѣлать распоряженіе на счетъ чужаго имущества, Григорій опять объявлялъ [1]): „мы хотимъ показать міру, что королевства, герцогства, графства, кратко — владѣнія всѣхъ людей, можемъ взять у любаго владѣльца и отдать другому; ибо *мы можемъ вязать и рѣшить*“. Григоріанцы воспользовались этими словами, какъ волшебною формулою, сочинивъ изъ словъ папы Юлія особый декретъ. Въ такомъ же духѣ и направленіи разработывалъ право Анзельмъ Лукскій (племянникъ папы Александра II, 1080—1086), который выбралъ изъ лже-исидоровскихъ декреталій все, что только могло служить къ увеличенію папской власти, и привелъ въ ясный порядокъ,—а чего не доставало для преобразованія права по воззрѣнію папы, то онъ дополнялъ новыми вымыслами и поддѣлками. Въ томъ же духѣ ему помогалъ Дейсдедитъ, возведенный Григоріемъ въ санъ кардинала. Въ одно время съ ними написалъ свое сочиненіе Боница, въ которомъ опять главною задачей были преимущества папъ. Послѣднее и главное сочиненіе григоріанцевъ было „Поликарпъ“ кардинала Григорія Павійскаго (1118), который въ своихъ подлогахъ и поддѣлкахъ почти всегда сходился съ Анзельмомъ [2]).

Каковы начала были положены въ основу переработки церковнаго права григоріанцами, объ этомъ мы можемъ судить по слѣдующимъ образчикамъ: григоріанцы утверждали, напр., что по опредѣленію будто бы отцевъ (318) никейскаго Собора, Соборы созываются по рѣшенію папы, и что въ случаѣ вакансіи папскаго престола, Церковію управляетъ римскій клиръ; потому-то, говорятъ, Кипріанъ и Африканцы и подчинились опредѣленіямъ клира еще прежде избранія

---

[1]) Такъ, напр., онъ сдѣлалъ на рим. соборѣ 1080 г.

[2]) Janus, p. 109, 110.

папы Корнилія (Анзельмъ не принимаетъ этой теоріи, какъ благопріятствующей кардиналамъ); противорѣчіе въ источникахъ и рѣшеніяхъ устраняются простымъ правиломъ: меньшій авторитетъ долженъ уступать большему; Соборъ, напр., приговору папы [1]). Одно это правило не только отворяло широко ворота исидоровскимъ декреталіямъ, но и уничтожало всякую попытку умѣрить ихъ систему древними канонами; принятіемъ этого правила совершена была въ Церкви революція въ самомъ простомъ и легкомъ видѣ.

Какъ легко совершались вставки и подлоги, для этого довольно привести и одного примѣра. Такъ, напр., Соборъ въ Толедо (646 г.) опредѣлилъ подвергать осужденію испанскихъ священниковъ, обличенныхъ въ возмущеніи противъ короля, а королей подвергать анаѳемѣ, если они будутъ нарушать это осужденіе. Чрезъ 200 лѣтъ спустя псевдо-Исидоръ изъ этого правила составилъ слѣдующее: „анаѳема должна постигнуть всѣхъ королей, которые бы нарушили правиломъ назначаемое опредѣленіе, или бы терпѣли такое нарушеніе“, и это онъ вложилъ въ уста папы Адріана. Въ сочиненіяхъ григоріанцевъ на мѣсто *соборныхъ правилъ* поставлены *декреты папъ;* и такимъ образомъ выходитъ, что нарушеніе королями папскихъ декретовъ подвергаетъ ихъ анаѳемѣ.

Слѣдующимъ крупнымъ подлогомъ былъ декретъ Граціана, вышедшій въ срединѣ XII столѣтія изъ знаменитой школы правовѣдѣнія въ Болоньи. Въ этомъ трудѣ къ подлогамъ лже-Исидора и григоріанцевъ присоединились еще подлоги самого Граціана, и идея о главенствѣ папы получила свое дальнѣйшее движеніе впередъ. Граціанъ, во первыхъ, извратилъ смыслъ 36 правила VI всел. Собора, уменьшилъ число патріарховъ съ пяти на четыре, превознесъ папу надъ ними и такимъ образомъ представилъ его власть превозмогающею и всепоглощающею. Могущество папы сдѣлалось mare magnum, великимъ моремъ, внутри котораго уже не могло быть какого-нибудь озера или пруда съ особыми правами. Во вторыхъ, онъ обосновываетъ и развиваетъ систему принуж-

[1]) Janus, p. 111.

денія и насилія въ дѣлѣ религіи. Представивъ слова Урбана II: кто изъ ревности къ Церкви убьетъ отлученнаго отъ нея, съ тѣмъ никоимъ образомъ не должно обходиться, какъ съ убійцей, — Граціанъ заключаетъ вообще: „отсюда ясно, что злыхъ (т. е. объявленныхъ таковыми церковною властію) слѣдуетъ не только бичевать, но и казнить". Къ несчастію человѣчества, понятіе ереси такъ было расширено этимъ законовѣдомъ, что, по его правиламъ, еретикомъ можно было назвать всякаго, кто является ослушникомъ папскихъ повелѣній, или осмѣливается противорѣчить папскимъ вѣроопредѣленіямъ. На основаніи Граціана, такихъ ослушниковъ можно наказывать лишеніемъ собственности и жизни. Въ третьихъ, и самое чрезвычайное, что было сдѣлано Граціаномъ, это то, что папа поставленъ выше законовъ. „Какъ I. Христосъ, говоритъ болонскій правовѣдъ, будучи на землѣ, хотя и былъ подчиненъ закону, однакожъ въ сущности былъ выше его; такъ точно и папа стоитъ выше всѣхъ церковныхъ законовъ и можетъ свободно располагать ими, поелику онъ одинъ даетъ каждому закону силу [1])".

Эта книга была принята за учебникъ церковнаго права и за сводъ церковныхъ законовъ во всемъ Западномъ мірѣ. Въ римскихъ судахъ вершили дѣла по граціановскому праву, въ Болоньи по нему учились; даже самъ императоръ Фридрихъ I велѣлъ сыну своему Генриху VI изучать декреты и и римское право [2]). Все декретальное законодательство съ 1159 до 1320 г. было построено на фундаментѣ Граціана и предполагаетъ его. То же должно сказать и о вліяніи Граціана на схоластическую науку вообще и въ частности на догматику Ѳомы Аквината [3]).

До Ѳомы Аквината ученіе о главенствѣ папы еще не было введено въ систему Богословія, — онъ первый оказалъ эту услугу римской церкви.

Поводомъ къ этому послужилъ опять тоже подлогъ и притомъ очень грубый и невѣроятный. Это былъ сборникъ

[1]) Janus, p. 154—161.

[2]) Ср. Böhmer, Diss. de decret. Grat. предисл. къ его Corpus jur can., p. XVII.

[3]) Janus, 161—2.

вымышленныхъ или искаженныхъ свидѣтельствъ восточныхъ Соборовъ и отцевъ: Златоуста, Кирилла іерусалимскаго, Кирилла александрійскаго и какого-то еще Максима, въ пользу папскаго главенства.

Этотъ новый подлогъ (въ 1261 г.) представленъ былъ папѣ Урбану IV, который, не подозрѣвая никакого обмана, передалъ его Ѳомѣ Аквинату, какъ важную ученую находку. Латинскій богословъ, незнакомый съ греческимъ языкомъ и воспитавшійся на системахъ лже-Исидора, григоріанцевъ и Граціана, увидѣлъ себя обладателемъ сокровищъ древности; здѣсь онъ нашелъ такія свидѣтельства, которыя не оставляли мѣста ни малѣйшему сомнѣнію въ томъ, что вселенскіе Соборы и знаменитые отцы и вселенскіе учители IV и V вв. признавали папу главою, верховнымъ и непогрѣшимымъ пастыремъ, управляющимъ вселенскою Церковью съ неограниченною властію. На основаніи лже-Кирилла, Ѳома сталъ учить, что І. Христосъ ап. Петру и его преемникамъ передалъ всю полноту своей власти и потому въ обязанности послушанія нельзя дѣлать никакого различія между Христомъ и папою; примасы вселенной (главы міра) точно также повинуются папѣ, какъ еслибы онъ былъ Христосъ [1]). Такимъ образомъ Ѳома ввелъ въ догматику начало папской непогрѣшимости (частію буквально словами лже-Кирилла), т. е. сдѣлалъ въ наукѣ такой шагъ, котораго важность едвали еще была вполнѣ оцѣнена.

Такъ окончательно совершилось въ теоріи папизма смѣшеніе каноническихъ опредѣленій съ догматическими. Не только церковное законовѣдѣніе, но и богословская наука признала божественное установленіе папскаго верховенства; преувеличеніе каноническаго права сдѣлалось догматическою доктриной!

При папскомъ дворѣ тотчасъ же увидѣли всю важность заслуги, оказанной доминиканскимъ богословомъ римской церкви. Въ восторгѣ отъ такого пріобрѣтенія, папа Іоаннъ XXII высказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Ѳома, написавши свою статью (Artikel), совершилъ столь великое

[1]) Opusc. XXXIV ed Paris. XX. 549 и 560.

чудо, что его можно бы было поставить въ числѣ святыхъ безъ совершенія чудесъ" (Mirakel). Затѣмъ въ своей буллѣ онъ увѣряетъ, что „Ѳома написалъ свое сочиненіе не безъ особеннаго наитія Св. Духа". А Иннокентій VI даже объявилъ, что „кто оспариваетъ ученіе Ѳомы, тотъ становится чрезъ то подозрительнымъ". Нынѣшній папа Левъ XIII [1]) возвелъ Ѳому Аквината въ достоинство учителя (доктора) Церкви, а его богословіе (summa theolog.) объявилъ считать образцовымъ. Такъ высоко цѣнятъ папы заслугу Ѳомы папскому престолу!

I. Когда, такимъ образомъ, каноническое преимущество папы превращено въ божественное, когда епископъ римскій, равный по благодати священства прочимъ епископамъ, сталъ верховнымъ первосвященникомъ, епископомъ епископовъ, отцемъ отцевъ по божественному праву, — тогда неизбѣжно совершилось ниспроверженіе древняго церковнаго права, извращеніе древнихъ порядковъ и переустройство всей Церкви. Такъ:

а) Превознесеніемъ папы по божественному праву поглощены всѣ права и преимущества епископовъ. *Церковная* степень папы сдѣлалась *новою благодатною* степенью священства; вслѣдствіе чего всѣ епископы и по благодати священства заняли въ отношеніи къ нему такое же положеніе, какое пресвитеры занимаютъ въ отношеніи къ своему епископу. Какъ епископъ единолично рукополагаетъ пресвитера, такъ папа единолично рукополагаетъ епископа; какъ отъ имени епископа и его лица служитъ пресвитеръ, такъ и епископъ управляетъ епархіей по полномочію папы и отъ его имени, представляя собою его лице для своей паствы; епископы изъ самостоятельныхъ и независимыхъ въ управленіи обратились въ викаріевъ папы. Иннокентій III училъ: „одинъ только папа имѣетъ въ церкви полную власть, прочіе же епископы призваны только на помощь для той части дѣлъ, которую онъ имъ поручаетъ; одинъ только папа можетъ отрѣшать и перемѣщать епископовъ, вмѣшиваться въ ихъ епархіи, отправлять ихъ власть и привлекать ихъ къ суду [2]). Вскорѣ послѣ Иннокентія нашлись епископы, кото-

[1]) † въ 1903 г.
[2]) Innoc. III. Ep. I, 350. Decret. Greg. 3, 8. Изъ Janus'a, стр. 185.

рые стали подписываться: *„папскаго престола милостію епископъ такой-то“*.

б) Съ поглощеніемъ правъ и свободы епископовъ всякое значеніе потеряли Соборы, какъ помѣстные, такъ и вселенскіе. Какъ викаріи и представители папы, епископы могутъ разсуждать только о томъ, что предложитъ имъ ихъ глава, и въ томъ направленіи и духѣ, какъ это будетъ угодно ему. Внутри *великаго моря* правъ и преимуществъ папы не можетъ быть никакого другаго вмѣстилища (пруда или озера) какихъ-либо правъ и преимуществъ. Съ ученіемъ о богоустановленной и непогрѣшимой власти папы Соборы въ древнемъ смыслѣ согласоваться никакъ не могутъ. „Соборъ, учитъ Ѳома Аквинатъ, имѣетъ свой авторитетъ только отъ папы, которому принадлежитъ право постановленія новаго исповѣданія вѣры; кто не подчиняется авторитету папы, тотъ еретикъ: ибо онъ одинъ только имѣетъ право давать опредѣленія о всякомъ вопросѣ вѣры [1]). Папа и Соборъ стали понятіями взаимно себя исключающими; и папы всегда имѣли отвращеніе къ нимъ. Боссюэтъ неразъ задавалъ вопросъ: къ чему служатъ всѣ эти Соборы, созываемые съ такимъ трудомъ и издержками, если непогрѣшимые папы однимъ своимъ приговоромъ могутъ рѣшить всякій споръ касательно ученія. На этотъ вопросъ, какъ замѣчаетъ авторъ книги Асташкова, отвѣтствуетъ одинъ изъ ученѣйшихъ богослововъ прошлаго столѣтія, іезуитъ Орси: „не спрашивайте объ этомъ у папъ, которые никогда не воображали, что нужно прибѣгать къ помощи вселенскихъ Соборовъ, чтобы подавить ересь Арія и другихъ, *спросите объ этомъ* у императоровъ, которые хотѣли этихъ Соборовъ и созывали ихъ, требовали на то согласія папъ и безполезно возбуждали весь этотъ шумъ въ Церкви“ [2]). Послѣ Тридентскаго Собора,

[1]) Ѳома Акв. учитъ (Summa 2, 2, Q. I, art. X): ad solam auctoritatem summi pontificis pertinet nova editio symboli; sicut et omnia alia, quae pertinent ad totam Ecclesiam, ut congregare synodum generalem, et alio hujusmodi. Summi pontificis auctoritate synodus congregatur et ejus sententia confirmatur... auctoritate summi pontificis est recepta, ut quasi regulo fidei habeatur. Снести съ ученіемъ о вѣрѣ. Q. II, art. 2, 3.

[2]) Janus, p. 446. Это же свидѣтельство приводитъ и авторъ книги „О Св. Духѣ и верховенствѣ римскаго первосвященника“, изд. Сергѣя Асташкова, стр. 83.

который былъ созванъ папами съ крайней неохотой и веденъ былъ съ большими проволочками опытною рукою членовъ нововозникшаго тогда ордена іезуитовъ, — въ Римѣ питали такое отвращеніе къ Соборамъ, что было запрещено даже самое это слово — Соборъ. Когда для рѣшенія спора о благодати *молинисты* (1602) требовали созванія Собора, то доминиканецъ Пена писалъ: „въ Римѣ, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ догматическихъ, слово Соборъ изгнано, какъ святотатственное“ [1]). Въ странахъ, гдѣ дѣйствовала инквизиція, даже желаніе Собора считалось преступленіемъ и подвергало виновнаго опасности. Участникъ Тридентскаго Собора, кардиналъ Паллавичини, говоритъ: опять созывать Соборъ—значило бы искушать Бога; такое собраніе было бы въ высшей степени опасно и грозило бы погибелью Церкви [2]). Папы, по его увѣренію, всегда имѣли отвращеніе къ помѣстнымъ Соборамъ.—Что же касается до Соборовъ такого рода, какъ Соборъ ватиканскій 1870 года, въ которомъ почти половина епископовъ состояла изъ нахлѣбниковъ папы, то такіе Соборы ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться Соборами въ настоящемъ смыслѣ этого слова; такіе Соборы—не больше, какъ блестящая и пышная обстановка для объявленія папскихъ опредѣленій [3]).

в) Съ устраненіемъ соборнаго начала церковное управленіе приняло видъ *монархическаго абсолютизма*. Во главѣ управленія стало одно лице, къ которому стянуты всѣ нити управленія; митрополитанское управленіе уничтожено, и всѣ

---

[1]) Соборы для папъ были такими страшилищами, что договариваясь съ владѣтельными князьями Германіи (напр., съ Дитеромъ Изенбургскимъ), папы ставили главнымъ условіемъ—никогда не возбуждать вопроса о Соборахъ. Сверхъ того, каждая апелляція ко всел. Собору немедленно наказывалась отлученіемъ отъ церкви, въ особенности такъ дѣйствовалъ папа Пій II. Janus, 357.

[2]) Janus, p. 442—3.

[3]) Ibid.—Подобное значеніе имѣлъ Соборъ Латеранскій IV при Иннокентіѣ III. Папа, созвавъ означенный Соборъ, приказалъ епископамъ прочитать свои декреты, что они, выслушавъ молча, имѣли смѣлость одобрить. Janus, 210. Послѣднему, ватиканскому, Собору приданъ былъ видъ настоящаго Собора; позволено было говорить, но въ сущности, заранѣе все было предрѣшено, разсчитано и одобрено.

епископы поставлены въ непосредственную зависимость отъ папы, а ордена и ихъ монастыри и учрежденія изъяты изъ вѣдѣнія мѣстныхъ епископовъ, и управляются изъ Рима, гдѣ пребываютъ ихъ генералы. Помѣстныя народныя церкви поглощены Римомъ и не существуютъ; латинскій языкъ, латинскіе обряды, латинское пониманіе, латинское міровоззрѣніе—словомъ все римское получило общеобязательный *вселенскій* характеръ. — Вслѣдствіе такого переустройства церкви — она обратилась въ царство міра сего. Заботы верховнаго правительства направлены неизбѣжно къ дальнѣйшему поглощенію всего, что еще стоитъ возлѣ этой монархіи непоглощеннымъ и непокореннымъ, — къ пріобрѣтенію новыхъ *подданныхъ* (буквальное выраженіе папистовъ) и къ добыванію средствъ на храненіе всей громадной, правительственной машины. Христіанскія начала, положенныя въ основу Церкви, обращены въ служебное орудіе; ими достигается господство надъ наслѣдіемъ Божіимъ; при помощи ихъ извлекаются матеріальныя средства для поддержанія этого дорого стоющаго господства.

г) Но какъ всегда бываетъ съ абсолютизмомъ, — абсолютизмъ римскаго папы превратился въ *рабство куріи*. Какъ мы уже сказали, не папа чрезъ курію, а курія чрезъ папу правитъ латинскою церковью; папа, избираемый ею и исходящій изъ ея среды, въ собственномъ смыслѣ есть представитель и защитникъ интересовъ куріи. Значеніе куріи въ Римѣ напоминаетъ собою силу римскихъ преторіанцевъ, дававшихъ имперіи изъ своей среды императоровъ.—Постоянная зависимость папы отъ куріи дѣлаетъ его положеніе тяжелымъ. „Положеніе папы, говоритъ папа Адріанъ IV (1054—59), самое несчастное на землѣ, тронъ его окруженъ жалами; счастіе его жизни—одни огорченія; на его плечахъ лежитъ гнетущее бремя“ [1]). Сознаніе рабства предъ куріей, съ сознаніемъ того проклятія, которое лежитъ на такой правительственной машинѣ, какова *курія*, исторгло изъ устъ такого папы, какъ Николай V (1447—55), жалобу, что онъ самый несчастный человѣкъ въ мірѣ, что ни одинъ изъ при-

[1]) Vespasiani vita Nicolai V bei Muratori. Scr. rer. Ital. XXV 286.

ходящихъ къ нему не говоритъ *истины,* а его итальянцы—ненасытимы... Маркеллъ II (1555—21 день), охваченный подобнымъ же чувствомъ скорби, однажды воскликнулъ, что онъ не видитъ, какимъ образомъ папа можетъ сдѣлаться блаженнымъ [1]).

II. Вслѣдствіе того же извращенія древнихъ порядковъ Церкви образовалось великое различіе между правами патріарховъ и правами папъ, котораго прежде не существовало и которое потому свидѣтельствуетъ о ненормальномъ развитіи правъ сихъ послѣднихъ. Пункты этого различія суть слѣдующіе:

1. Патріаршество считаетъ себя образовавшимся исторически, изъ началъ, положенныхъ Апостолами, какъ раскрыто выше. Первенство епископовъ главнѣйшихъ городовъ римской имперіи сначала возникло изъ обычаевъ мѣстныхъ (см. 6 пр. I всел. собора), затѣмъ развито и утверждено на Соборахъ, и хотя установленіе его называется *божественнымъ* въ томъ смыслѣ, что отцы Соборовъ дѣйствовали по изволенію отъ Духа Святаго, а Духъ Святый есть начало порядка и мира въ Церкви,—тѣмъ не менѣе, оно, какъ зависимое отъ Соборовъ и потребностей времени, можетъ подлежать измѣненіямъ, напр., можетъ замѣняться синодальнымъ управленіемъ, какъ это и было въ церкви русской. Папство, хотя несомнѣнно образовалось исторически и по опредѣленію Соборовъ, тѣмъ не менѣе ведетъ свое установленіе непосредственно отъ самого Іисуса Христа, почему считаетъ себя выше Соборовъ.

2. Патріаршество нисколько не измѣняетъ собою догматическаго опредѣленія о трехъ степеняхъ священства; патріархъ, по своему достоинству мыслится какъ верховная административная власть въ своей области, и въ этомъ смыслѣ получаетъ посвященіе отъ Собора, тогда какъ папа, смѣшавъ опредѣленія каноническія съ догматическими, представляетъ собою наивысшую степень священства, новое таинство, неизвѣстно какъ и кѣмъ совершаемое.

3. Патріархи, рукополагая епископовъ, никогда не совер-

---

[1]) Pollidori de vita Marc. II. 132 Rom. 1744. Janus. p. 201, 202.

шаютъ этого таинства единолично, но соборне, согласно съ первымъ апостольскимъ правиломъ; чѣмъ выражается, что патріархъ представляетъ въ своемъ лицѣ власть только каноническую; папа же посвящаетъ епископовъ единолично, вопреки апостольскому правилу,—знакъ, что онъ самовольно присвоилъ себѣ высшія права въ Церкви, что онъ разумѣетъ себя, какъ единственный и источный органъ благодати для всей Церкви. Это отличіе одно изъ важныхъ и существенныхъ.

4. Восточная церковь при всемъ высокомъ уваженіи къ званію патріарха никогда не усвояла и не усвояетъ ему непогрѣшимости въ жизни и въ ученіи, и сами архипастыри не претендуютъ на это; тогда какъ западная церковь признаетъ за папой и только за папой, въ силу его высокаго и чрезвычайнаго служенія, личный даръ непогрѣшимости (и даже святости хотя и не всегда).

5. Патріархи избираются епископами своей области (иногда съ участіемъ мірянъ большимъ или меньшимъ, смотря по уставу); но имѣющіе права избирать, имѣютъ право и отвергать и низлагать избраннаго. Такъ православные епископы и міряне константинопольской церкви прекратили общеніе съ Несторіемъ, своимъ архипастыремъ, какъ скоро онъ сталъ проповѣдывать свое лжеученіе. Такъ, епископы русской церкви низложили своего патріарха Никона за его своевольное удаленіе съ каѳедры. — Такія отношенія въ латинской церкви ея епископовъ къ ихъ главѣ-папѣ немыслимы; они находятся въ отношеніи къ нему въ безусловномъ повиновеніи, а совѣсть ихъ связана данною ими клятвою въ вѣрности папскому престолу. Припомнимъ положеніе Николая I-го: папа судитъ всѣхъ, а самъ никѣмъ судимъ быть не можетъ.

6. Наконецъ, патріаршее управленіе не только не исключаетъ соборнаго начала, но, находясь отъ него въ зависимости и опираясь на него, стоитъ съ нимъ въ связи, и потому Соборы вселенскіе всегда были и навсегда останутся высшимъ выраженіемъ единомыслія, братскаго общенія и единенія церквей и верховною властію вселенской Церкви. Напротивъ, въ латинской церкви системой папизма соборное

начало совершенно подорвано, ниспровергнуто и попрано. Помѣстные соборы уже давно прекратили свое существованіе, а такъ называемые на Западѣ вселенскіе Соборы потеряли свой древній характеръ и въ настоящее время — какъ мы сказали,—служатъ только декораціей для болѣе торжественнаго объявленія непогрѣшительныхъ опредѣленій, изрекаемыхъ папою.

Послѣ этого понятно, въ какомъ смыслѣ восточные, если бы назвали константинопольскаго патріарха главою церкви, употребили бы это наименованіе;—ужъ конечно не въ смыслѣ латинскомъ, не въ смыслѣ единовластителя Церкви, въ которомъ, какъ въ папѣ, содержатся всѣ благодатныя полномочія, но въ смыслѣ первенствующаго въ восточной іерархіи архипастыря, досточтимѣйшаго хранителя древняго преданія и главнѣйшаго представителя тяжкихъ историческихъ судебъ своего народа. Слѣдовательно, всѣ такія и подобныя наименованія имѣютъ только нравственное значеніе, а никакъ не юридическое.

III. Ложная идея, развитая въ систему посредствомъ подлоговъ, естественно должна была отразиться и дѣйствительно отразилась на латинскомъ мышленіи и на латинской богословской наукѣ.—Такъ:

аа) Отношеніе богословствующей мысли къ источникамъ христіанскаго ученія, Свящ. Писанію и Свящ. Преданію, перестали быть нормальными, правильными. Въ пониманіе Свящ. Писанія, а особенно святоотеческихъ писаній, вмѣсто православнаго вселенскаго начала внесено начало мѣстное, вмѣсто вселенскаго единомыслія — личное воззрѣніе, или, говоря языкомъ книжнымъ, вмѣсто объективной истины,—субъективная мнимая истина [1]). У латинскихъ богослововъ развилась такая чрезвычайная настроенность мысли и чувства, что они во всемъ видятъ свою идею, даже и тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Читая тексты церковныхъ писателей, они между строками читаютъ свои собственныя мысли,—и поправляютъ

[1]) Овербекъ въ своей брошюрѣ о Боннской конференціи совершенно справедливо упрекаетъ папистовъ въ субъективизмѣ и по отношенію къ подбору святоотеческихъ свидѣтельствъ.

авторовъ, заставляя ихъ говорить въ своемъ смыслѣ. — Отъ такого настроенія мысли и чувства произошли и происходятъ, какъ неизбѣжныя послѣдствія, разныя натяжки въ толкованіи Отцевъ Церкви, преувеличенія, приспособленія, вставки, дополненія, подразумѣванія и разныя другія ухищренія въ пользу ложной идеи. Такъ, напр., свидѣтельство своей мысли паписты видятъ у Игнатія Богоносца, Оригена, Тертулліана, Кипріана и под., — которые совсѣмъ не знали римскаго главенства. Какъ дѣлались подлоги, приведемъ на это одинъ примѣръ. Сочиненія св. Кипріана не пользовались благосклонностію въ Римѣ. Папа Геласій включилъ ихъ въ число сочиненій апокрифическихъ,—между тѣмъ въ Римѣ Кипріанъ былъ единственнымъ изъ иностранцевъ, которому праздновали ежегодно. Чтобы выдти изъ этого противорѣчія — сдѣлали вставку; вмѣсто словъ: „всѣ Апостолы получили отъ Іисуса Христа такую же власть и такой же авторитетъ, какъ и Петръ"—внесены были слѣдующія слова: „апостолу Петру дано было первенство, чтобы показать единство Церкви и каѳедры. Тотъ, кто оставляетъ каѳедру Петра, на которомъ основана Церковь,—какъ можетъ считать себя принадлежащимъ къ *Церкви?* [1]). Такимъ образомъ и Кипріанъ сдѣлался свидѣтелемъ римскаго главенства.

---

[1]) Янусъ, приводя этотъ подлогъ, указываетъ на примѣчанія Ригольта, Балюзе и Кробингера къ ихъ изданіямъ Кипріана. Janus, p. 137. Въ слѣдующемъ примѣчаніи тотъ же авторъ пишетъ: Позднѣе, когда Мануцій 1563 издалъ въ Римѣ сочиненія Кипріана, вставленныя мѣста по приказанію римскихъ цензоровъ были удержаны, хотя въ рукописяхъ ихъ не было, какъ издатель Latino Latini жалуется въ своихъ письмахъ (Viterbii, 1667, II, 109). То-же самое случилось съ парижскимъ изданіемъ Балюзе по приказанію министра, кардинала Флери. Подробности объ этомъ даетъ Chiniac въ своей Histoire des Capitulaires, Paris 1772, p. 226. Министръ нарядилъ собственную коммиссію изъ богослововъ для рѣшенія вопроса: должны-ли быть помѣщены вставки, устраненныя Балюзе. Но Флери былъ кардиналъ и во избѣжаніе ссоры государства съ деспотическимъ Римомъ, нужно было возстановить вставку; потому что, если бы онѣ были выпущены въ силу министерскаго рѣшенія, то это имѣло бы видъ посягательства на римское первенство. Вставки были возстановлены посредствомъ картона.—Въ каждомъ критическомъ изданіи Кипріана эти вставки естественно выбрасываются (ausgemerzt). Janus, p. 137—8.

бб) Измѣнились нормальные, строго-логическіе пріемы мышленія. Вмѣсто того, чтобы заботиться о раздѣльности представленій и точности понятій о предметахъ разсужденія, латиняне напротивъ, стараются, спутать, смѣшать, обезразличить понятія разнородныя и одно отъ другого далекія, изъясняя ихъ въ смыслѣ благопріятномъ идеѣ о главенствѣ папы. Такъ, обезразличены и приведены къ совершенному тожеству понятія: *первенство*, *старѣйшинство* и *главенство*,— такія понятія, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое спеціальное содержаніе [1]). Также спутаны и обезразличены догматическія опредѣленія съ каноническими, а вслѣдствіе этого спутаны догматическія степени священства съ церковными.—

---

[1]) Превращеніе этихъ понятій прекрасно изобличилъ покойный митроп. Филаретъ въ своемъ „Разговорѣ испытующаго съ увѣреннымъ". Рѣчь идетъ по поводу словъ одного французскаго автора, который писалъ: „То достовѣрно, что греки тогда (т. е. до Фотія), когда были въ соединеніи съ Римомъ, признавали папу *главою церкви*. Сіе доказывается седмью первыми вселенскими соборами, которые держаны были на Востокѣ, и на которыхъ первенство папы законно было признано". По поводу сихъ словъ увѣренный говоритъ:

— Въ сихъ словахъ я нахожу слѣдующее умозаключеніе:

Признано было первенство папы.

Слѣд. папу признавали главою церкви.

Испытующій.—Что-жъ ты думаешь о семъ умозаключеніи?

Увѣренный.—Мнѣ кажется, что тѣмъ же умозаключеніемъ можно доказать противное тому, что хочетъ доказать французскій наставникъ.

Исп.—Какъ же это?

Ув.—Вотъ какъ: *Признано было первенство папы.*

Слѣдственно папу не признавали главою церкви.

Исп.—Но какъ ты докажешь, что заключеніе сіе правильно?

Ув.—Оно правильно также, какъ и слѣдующее заключеніе: *Признано въ восточной церкви первенство патріарха константинопольскаго.*

Слѣдственно патріарха константинопольскаго не признаютъ главою восточной церкви.

Исп.—Я опять не вижу, почему ты такъ превратно заключаешь?

Ув.—Вникни самъ, что ты разумѣешь подъ словамъ *первенство*.

Исп.—Кажется, сіе слово не требуетъ выясненія.

Ув.—Напримѣръ: между братьями есть-ли первенство?

Исп.—Должно быть.

Ув.—А между отцемъ и сыномъ?

Исп.—Здѣсь должно быть нѣчто болѣе, нежели первенство.

Пока паписты будутъ признавать, что главенство папы есть божественное установленіе, они никогда не рѣшатся сказать, что папа по благодати священства равенъ прочимъ епископамъ, и если имѣетъ какія преимущества, то не больше, какъ церковныя, каноническія. Далѣе, вмѣсто того, чтобы въ наукѣ отыскивать устойчивыя основы жизни,—тѣ законы, по которымъ она совершается, латинскіе богословы хватаются за случайные признаки, за частныя черты, за исключительныя явленія жизни, и имъ придаютъ характеръ твердости и неизмѣнности, ихъ обращаютъ въ законы, а настоящіе законы устраняютъ. Такъ, напр., мы, православные, въ основу сужденій объ іерархіи и древне-церковномъ устрой-

---

Ув.—А между начальствомъ и подчиненнымъ?

Исп.—И здѣсь можетъ быть нѣкоторое иное отношеніе, нежели первенство.

Ув.—Какъ же называется отношеніе начальника къ подчиненному?

Исп.—Начальство или власть.

Ув.—Не видишь ли теперь, что *первенство присвояется одному изъ тѣхъ, которые другъ надъ другомъ не имѣютъ власти.* А изъ сего выходитъ предположенное мною заключеніе:

Признано было первенство папы.

Слѣдственно не признавали власти папы надъ всею церковію; или что тоже, *не признавали папы главою церкви.*

Исп.—Но нынѣшняя римская церковь, именуя папу главою церкви, точно-ли присвояетъ ему не одно первенство надъ прочими епископами, но и власть надъ всею церковію?

Ув.—Ты могъ видѣть сіе изъ приведенныхъ мною догматовъ папско-тридентинскаго символа. Въ немъ папа именуется *намѣстникомъ Іисуса Христа* и предписывается *клятва въ послушаніи папѣ.* Это уже не простое первенство, какое восточные патріархи отдаютъ патріарху константинопольскому, но преимущество власти, да и власти *самодержавной.*

Исп.—Такъ, можетъ быть, и французскій сочинитель подъ именемъ *первенства* разумѣлъ *преимущество власти надъ всею церковію?*

Ув.—Но для чего же онъ не сказалъ яснѣе: *признана была власть папы* надъ всею церковію, а сказалъ только: признано было первенство папы? Не значитъ ли сіе, что послѣднее только положеніе надѣялся онъ доказать, а не первое.

Исп.—Сіе должно быть усмотрѣно изъ продолженія доказательствъ.

Ув.—Онъ и въ продолженіи своего доказательства говоритъ о *первенствѣ* только, но изъ того выводитъ опять заключеніе *о власти папы,* яко главы церкви. (Изд. 2-е, стр. 74—78).

ствѣ полагаемъ *правила* — сперва *апостольскія* а за ними *соборныя*, и по нимъ судимъ о всѣхъ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ сохранились слѣды личныхъ между собою отношеній іерарховъ и въ частности іерарховъ восточныхъ къ римскому епископу. Равнымъ образомъ по нимъ же судимъ и о тѣхъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, въ которыхъ восточная церковь прославляетъ первоверховнаго апостола Петра и признаваемыхъ святыми римскихъ епископовъ. Латинскіе же богословы, напротивъ, не правилами объясняютъ личныя отношенія архипастырей, а по личнымъ отношеніямъ толкуютъ правила. Представимъ примѣры. Мужъ апостольскій, Климентъ епископъ Римскій (91—100), пишетъ посланіе къ коринѳянамъ, къ умиротворенію возникшихъ тамъ распрей; латины видятъ въ этомъ случаѣ главенство римскаго епископа,—ибо, говорятъ они, въ попеченіи Климента о коринѳской церкви выразилось сознаніе имъ возложенной на него обязанности — имѣть попеченіе о всѣхъ вообще церквахъ, или въ совокупности о всей вселенской Церкви. Не входя ни въ какія другія разсужденія по этому поводу, мы на основаніи апостольскихъ правилъ утверждаемъ, что такое объясненіе придумано, что первые вѣка не знали никакого главенства и даже первенства общаго для всей Церкви,— и что потому на посланіе Климента нужно смотрѣть не больше, какъ на свидѣтельство братскаго соучастія его къ сосѣдней церкви, которая находилась съ Римомъ въ постоянной связи и сношеніяхъ. Климентъ сдѣлалъ то, что сдѣлалъ бы всякій другой истинный пастырь. — Еще примѣръ. Викторъ I (192—202) и Стефанъ (253—57) грозятъ малоазійскимъ церквамъ отлученіемъ отъ общенія за несогласіе съ Римомъ — первый по вопросу о празднованіи Пасхи, а второй—по вопросу о крещеніи еретиковъ.—Исходя изъ той же точки зрѣнія, что по апостольскимъ правиламъ, дѣла, превышающія власть отдѣльнаго епископа, рѣшаются соборомъ,—мы утверждаемъ, что Викторъ и Стефанъ превысили свои права, въ чемъ и осуждены были своими собратіями— епископами. Латины же, напротивъ, отстраняя въ этомъ случаѣ апостольскія правила, видятъ въ поступкахъ упомянутыхъ папъ первыя проявленія папскаго главенства. Въ Римѣ

спасается Аѳанасій Великій отъ аріанскихъ гоненій,—о нравственной поддержкѣ проситъ Дамаса св. Василій Великій, о защитѣ противъ беззаконныхъ дѣйствій Ѳеофила проситъ папу Иннокентія св. Іоаннъ Златоустый,—всѣ эти и подобные случаи мы разсматриваемъ съ точки зрѣнія церковнаго права и не находимъ въ нихъ ни малѣйшаго указанія на главенство папы, — а латины, напротивъ, видятъ въ нихъ свидѣтельство папскаго главенства и по нимъ поправляютъ самыя правила (разумѣемъ 6-е I всел. соб.). Еще одинъ примѣръ. На IV всел. соборѣ посланіе папы Льва принято было съ высокимъ уваженіемъ, какъ слова самого ап. Петра. — Съ своей точки зрѣнія мы здѣсь не видимъ ничего болѣе, какъ доказательство того, что въ исповѣданіи Льва Отцы Собора нашли вѣрное и точное выраженіе вселенскаго ученія, подобно тому, какъ такое же выраженіе истины православные находили въ твореніяхъ Аѳанасія Великаго, Василія Великаго и Григорія Богослова. Латинскіе же богословы смотрятъ на посланіе св. Льва, какъ на непогрѣшительный актъ вселенскаго законодательства, исходящаго отъ вселенской главы Церкви, забывая при этомъ, что исповѣданіе Льва принято было послѣ того, какъ было просмотрѣно, по порученію Собора особой коммиссіей и ею одобрено. — Въ такомъ родѣ латинскими богословами разработана вся древняя исторія Церкви до IX вѣка.

Вслѣдствіе такого внѣшняго отношенія мысли къ факту, въ латинской наукѣ нѣтъ и не можетъ быть мышленія по существу предмета. Для примѣра возьмемъ слѣдующія умозаключенія: чтобы доказать, что вѣдѣнію папы Христосъ подчинилъ весь земной порядокъ вещей, папа Иннокентій дѣлаетъ слѣдующаго рода умозаключеніе: Христосъ повелѣлъ Петру идти по морю, которое въ таинственномъ смыслѣ означаетъ народную массу; отсюда ясно вытекаетъ, что преемникъ Петра уполномоченъ управлять народами [1]). Подобнымъ образомъ разсуждаетъ и Ѳома Аквинатъ по вопросу о преслѣдованіи и сожженіи еретиковъ.—Еретики въ священномъ писаніи называются ворами и волками; а воровъ обык-

[1]) Innoc. III L. II 209 ad. Patr. Constantinop. ap. Migne 5 l. T. CCXIV P. L. II. 209 col. 758 et. sequ.

новенно вѣшаютъ, волковъ же убиваютъ; слѣдовательно еретиковъ надо истреблять какъ воровъ, или волковъ. Еретиковъ называютъ сынами лжи или сатаны,—а сатана пребываетъ въ огнѣ, — слѣдовательно, позволительно и для его сыновъ приготовлять здѣсь на землѣ участь, подобную участи ихъ отца, т. е. сожженіе на кострахъ [1]).

Отсюда же происходитъ наклонность латинскихъ богослововъ къ умозаключенію ad absurdum, т. е. опровергать положеніе нелѣпостію сдѣланнаго изъ него вывода. Такъ въ книгѣ С. Асташкова авторъ умозаключаетъ: восточная церковь состоитъ изъ нѣсколькихъ независимыхъ народныхъ церквей; слѣдовательно восточные христіане вѣруютъ не въ единую святую, соборную, апостольскую церковь, а во многія отдѣльныя церкви, — что нелѣпо. Умозаключеніями такого рода изобилуетъ книга автора „о возможномъ соединеніи церквей восточной и западной“, сочиненіе о. Гагарина (Будетъ ли Россія католической?), о. Юліана Астромова и даже болѣе ихъ ученаго о. Гергенретера (Anti-Janus).

вв) Въ связи съ сказанными измѣненіями въ мышленіи находится и та особенность, что въ доказательствахъ латинянъ нѣтъ ученаго спокойствія, объективности, напротивъ, замѣтно преобладаніе чувства и воображенія. Поэтому, тамъ, гдѣ чувствуется слабость доказательствъ, тамъ латинскіе богословы стараются подѣйствовать на читателей картинностію изображенія, докторальностію рѣчи, не допускающею и тѣни сомнѣнія, или восторженнымъ тономъ, свидѣтельствующимъ высоту доказываемой ими истины, или же тономъ ироническимъ и саркастическимъ, когда приходится имъ имѣть дѣло съ сильнымъ противникомъ.—Словомъ, прибѣгаютъ ко всѣмъ искусственнымъ пріемамъ, чтобы только доказать свое личное мнѣніе [2]).

Подъ вліяніемъ чувства и воображенія дозволяются вся-

---

[1]) Summa II, 9, 11, art. 3 и 4.

[2]) Какъ на образецъ искусственности тона въ доказательствахъ я могу указать на сочиненіе Яна Бразды „Объясненіе Силлабуса Пія IX“ на чешскомъ языкѣ.—Представляется говорящимъ съ читателями *седлакъ*, т. е. крестьянинъ (!?) и защищающимъ этотъ документъ Пія IX.—Книга довольно объемистая: 428 стр.

каго рода увлеченія: видѣть въ жизни и въ книгѣ то, чего тамъ нѣтъ, и не видѣть того, что тамъ есть, это не считается преступленіемъ противъ истины, — напротивъ, это величается именемъ благочестиваго обмана. Такъ психологически объясняются всѣ подлоги, которыми начинается развитіе папской идеи, которые проходятъ по всей исторіи ея развитія и будутъ сопровождать ее до конца. До чего можетъ доходить увлеченіе папской идеей, это мы усматриваемъ изъ примѣровъ чрезвычайнаго искаженія исторіи. Такъ, во Франціи оо. іезуиты учили, что Наполеонъ I никогда не былъ императоромъ во Франціи, что войны, которыя онъ велъ въ Европѣ, онъ велъ въ качествѣ генерала Людовика XVIII и т. под. Одинъ изъ нынѣшнихъ католическихъ епископовъ у насъ въ Россіи очень серьезно утверждалъ, что Тецель никогда не думалъ продавать индульгенцій, что Лютеръ возсталъ противъ римской церкви вовсе не по этому поводу, что все это сочинили враги римской церкви и т. д., и т. д. [1]). У папистовъ всегда будетъ дѣйствовать горячее желаніе: сколько возможно обѣлять исторію папства; и если бы внѣшняя наука не раскрывала подлинныхъ документовъ и не обличала папистовъ въ подлогахъ, оо. іезуиты по ревности къ своей церкви далеко бы ушли въ этомъ своемъ стремленіи [2]).

Такъ, одна ложь повела за собою цѣлый рядъ другихъ лжей. — Возведеніе первенства въ абсолютное главенство, канона въ божественный догматъ измѣнило нормальное устройство латинской церкви и отклонило отъ нормальныхъ логическихъ законовъ мышленіе папистовъ.

Дѣлая общій выводъ изъ этой части нашего изслѣдованія, мы можемъ съ неоспоримою достовѣрностію представить слѣдующія положенія.—Во-первыхъ, всѣ епископы, по благо-

[1]) Это фактъ достовѣрный.

[2]) Неоспоримо, что оо. іезуиты много сдѣлали для науки; но не нужно забывать, что наука свѣтская, либеральная, невѣрующая всегда служила для нихъ сдерживающей уздой въ ихъ стремленіи обѣлить исторію папизма. Не будь этой узды, ихъ ученость не устояла бы противъ благочестивыхъ увлеченій.

дати священства равны между собою, и если впослѣдствіи стали разниться, то только по преимуществамъ, опредѣляемымъ канонами Соборовъ. Это различіе вселенская православная Церковь всегда наблюдала и наблюдаетъ. Церковь же латинская смѣшала эти опредѣленія для того, чтобы возвеличить свою главу, — римскаго епископа; его каноническимъ преимуществамъ она придала высоко благодатное и таинственное значеніе, чѣмъ выдѣлила его изъ ряда епископовъ.—Во-вторыхъ, послѣ Апостоловъ не было оставлено какого-либо единоначалія, и не было сдѣлано никакого установленія, или особаго какого-либо таинства для римскаго епископа,—но даны правила, прямо и ясно отрицающія всякое единоначаліе: епископы областные сосредоточиваются въ своемъ областномъ первоепископѣ,—соборне обсуждаютъ общецерковные вопросы и соборне совершаютъ рукоположеніе новопоступающихъ въ ихъ среду епископовъ.—Въ-третьихъ, въ апостольскомъ 34-мъ правилѣ положено начало для каноническаго развитія церковныхъ правъ и преимуществъ первоепископовъ; развитіе это дѣйствительно совершилось: между епископами выдѣлились—митрополиты; между митрополитами—патріархи, между патріархами сталъ-было выдѣляться римскій патріархъ или папа; но когда наступалъ моментъ опредѣлить права его первенства,—онъ самъ предупредилъ движеніе исторіи, и самъ для себя создалъ такія права, какихъ признать за нимъ прочіе епископы не могли, по ихъ чрезвычайной притязательности. — Въ-четвертыхъ, права и преимущества римскаго епископа въ качествѣ главы вселенской церкви, основываются не на какихъ-нибудь церковныхъ документахъ, или неоспоримыхъ данныхъ, а на умозаключеніяхъ, и при томъ сомнительнаго достоинства, на фикціяхъ, т. е. на основахъ воображаемыхъ, и на цѣломъ рядѣ намѣренныхъ и ненамѣренныхъ подлоговъ. — Такъ, напр., что первенство Петрово, будто бы, передано римскимъ епископамъ,—это основывается на воображеніи,—что Петръ возсѣдаетъ на римской каѳедрѣ въ лицѣ своихъ преемниковъ—это грубая фикція, граничащая съ ученіемъ о Петровомъ перевоплощеніи; что папа имѣетъ главенство и верховенство по Божественному праву, а не отъ Соборовъ по

каноническому опредѣленію, — это противорѣчитъ дѣйствительности; что папа судитъ всѣхъ, а самъ ни отъ кого судимъ быть не можетъ, и что папа есть владыка не только надъ всѣми духовными властями, но и надъ князьями и царями,—это уже узурпація, не свойственная христіанскому пастырю.

Отсюда въ развитіи папизма мы можемъ указать тѣ моменты, когда онъ дѣлаетъ скачки чрезъ назначенные ему предѣлы; во-первыхъ, когда утверждаетъ, что первенство апостола Петра передано его преемнику, римскому епископу; во-вторыхъ, когда Николай I на основаніи мнимыхъ правъ его главенства потребовалъ къ себѣ на судъ константинопольскихъ патріарховъ Фотія и Игнатія, — чѣмъ нарушилъ братское равенство, — въ-третьихъ, когда Григорій VII заявилъ свое верховенство надъ свѣтскими правителями; въ-четвертыхъ, когда Иннокентій III объявилъ себя намѣстникомъ Христа и владыкой міра въ качествѣ какого-то полубога; въ-пятыхъ, когда Ѳома Аквинатъ внесъ въ догматику ученіе о верховенствѣ папы и своимъ ученымъ авторитетомъ закончилъ и закрѣпилъ смѣшеніе догматическихъ опредѣленій съ каноническими.

Поэтому, въ случаѣ нашихъ переговоровъ съ папистами о соединеніи церквей, мы необходимо должны будемъ предложить имъ принять отъ насъ слѣдующія положенія: 1) что догматическія опредѣленія степеней священства имѣютъ существенное отличіе отъ опредѣленій каноническихъ, и что это отличіе надо наблюдать и по отношенію къ лицу самого папы; 2) что папа по священству такой же епископъ, какъ и всѣ другіе и ни чѣмъ не преимуществуетъ предъ ними; 3) что соборное начало есть верховное начало и папа долженъ подчиняться ему; 4) что папа, подписываясь подъ соборными опредѣленіями, дѣлаетъ подпись не въ качествѣ подтвержденія, а въ качествѣ согласія на нихъ и признанія за ними обязательности для своего округа; 5) что притязанія папъ со времени Николая I и до послѣдняго папы Пія IX, провозгласившаго догматъ непогрѣшимости, суть притязанія незаконныя, и римская церковь отъ нихъ должна отречься... Вотъ основныя правила, съ которыхъ, по моему крайнему

разумѣнію, можно начать переговоры о соединеніи церквей. Но возможно ли для папистовъ принять эти правила? Конечно, для папистовъ невозможно, — но не невозможно для католиковъ, болѣе спокойныхъ и по духу болѣе близкихъ къ православію.

Заключеніе.

Мы кончили. Теперь мы можемъ подвести итогъ нашему изслѣдованію и дать отвѣтъ на тѣ вопросы, съ которыхъ мы начали: въ чемъ состоятъ существенныя разности между нами и папистами въ ученіи о Церкви? Гдѣ проходитъ та пограничная линія, которая отдѣляетъ наше ученіе отъ латинскаго? Какъ понимаютъ разности, отдѣляющія насъ отъ Рима, паписты и какъ понимаемъ ихъ мы? На всѣ эти вопросы, въ ихъ частнѣйшемъ развитіи, наше изслѣдованіе даетъ ясный и опредѣленный отвѣтъ.

1) Оказывается, что обвиненіе, взводимое на насъ въ предубѣжденіи, ненависти и злобѣ, скорѣе падаетъ на самихъ папистовъ, чѣмъ на насъ,—что въ нашихъ катихизисахъ *пробѣловъ* или пропусковъ нѣтъ, что напротивъ, въ катихизисахъ латинскихъ сдѣланы позднѣйшія вставки, противныя существу вселенскаго ученія о Церкви, что эти вставки суть плоды неправильнаго развитія, какое принялъ папизмъ съ IX вѣка.

2) Оказывается, что латинское ученіе о главенствѣ папы не согласно съ ученіемъ православной церкви о главенствѣ Христовомъ, что чрезвычайнымъ возвеличеніемъ папы и присвоеніемъ ему божескихъ правъ закрывается и устраняется основное и жизненное начало Церкви — главенство Христово; что вслѣдствіе того основныя добродѣтели христіанина—*вѣра* и *подражаніе Христу* замѣняются другими спеціальными для латинства добродѣтелями — *рабскимъ послушаніемъ папѣ и ревностію о его славѣ*,—чѣмъ въ самомъ корнѣ измѣняется строй духовной жизни въ латинской церкви, и самое дѣло спасенія нашего во Христѣ подвер-

гается сомнѣнію; католики-христіане какъ будто вѣруютъ во Христа, но на самомъ дѣлѣ остаются безъ Христа.

3) Оказывается, что догматъ о *непогрѣшимости* папы заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе: онъ выходитъ изъ неяснаго, смутнаго и невѣрнаго представленія о *существѣ непогрѣшимости*, извращаетъ православное ученіе о Церкви какъ хранительницѣ божественной истины, и о Соборахъ, какъ органахъ непогрѣшительнаго исповѣданія и вѣроизложенія этой истины,—даетъ совершенно превратное пониманіе церковной жизни и ея законовъ:—ибо зиждетъ *непогрѣшимость* не на *святости* Церкви, а на *единствѣ* папы съ подвѣдомыми ему епископами, да и то мнимомъ; и потому, разумѣніе истины Божіей и просвѣщеніе отъ Духа Божія дѣлаетъ внѣшнимъ для всего состава церкви; оказывается, что ватиканское *опредѣленіе* о непогрѣшимости папы, вышедшее будто-бы отъ Собора, но на самомъ дѣлѣ отрицающее значеніе Собора, есть плодъ изворотливости латинскаго мышленія и по справедливости можетъ считаться дѣломъ изобрѣтательности оо. іезуитовъ.

4) Оказывается, что единство, которымъ хвалится латинская церковь, есть единство только дисциплинарное и для спасенія во Христѣ внѣшнее, единство въ папѣ, а не во Христѣ, что это единство съ законами истинной жизни во Христѣ несогласно, ибо основано на началахъ несправедливыхъ, мнимыхъ и прямо ложныхъ, именно: а) на обязательномъ безбрачіи бѣлаго духовенства,—что правиламъ вселенской Церкви противно и Соборами осуждено (трулл. Соб. 13); б) на устройствѣ монашескихъ орденовъ, которые непосредственно управляются изъ Рима и изъяты изъ вѣдѣнія епархіальныхъ епископовъ, тогда какъ по правиламъ эти ордена должны бы были находиться подъ вѣдѣніемъ и управленіемъ мѣстныхъ епископовъ (Халкид. соб. пр. 4.8);—в) на устройствѣ папской куріи, которая представляетъ собою плотно-сплотившуюся около папы корпорацію и составляетъ главную причину единства римской церкви. Такое устройство, повторяемъ, противно духу истинной Церкви и должно быть преобразовано.

5) Оказывается, что въ латинской церкви смѣшиваются

церковныя степени, къ каковымъ относится первенство папы,—съ духовно-благодатными степенями, которыхъ только три: епископъ, пресвитеръ и діаконъ,—и что папа по догматическому опредѣленію есть только епископъ, по благодати священства равный всѣмъ другимъ епископамъ, и инымъ быть не можетъ.

6) Оказывается, что хотя первенство Петрово было и признается всѣми церквами,—но никакихъ преимуществъ преемникамъ Петровымъ на римской каѳедрѣ оно не передаетъ, ибо для такой передачи не существуетъ никакого видимаго посредства, никакого таинства, — и не можетъ быть передаваемо; ибо если Петрова рукоположенія не существуетъ, то не существуетъ и Петровой власти.

7) Оказывается, что для развитія каноническихъ опредѣленій власти и преимуществъ епископовъ св. Апостолами въ основаніе положено было 34-е правило, на основаніи котораго изъ епископовъ сперва выдѣлились митрополиты, а изъ митрополитовъ патріархи. Между патріархами неоспоримо первенство было усвоено римскимъ епископамъ, но они, возмнивъ о себѣ, какъ о преемникахъ св. ап. Петра, превзошли предѣлы церковнаго первенства и сами для себя создали права и преимущества, въ которыхъ предвосхитили себѣ права Христовы, почему и осуждаются вселенскою Церковію.

8) Оказывается, что всѣ притязанія римскаго епископа на верховную власть во вселенской Церкви вышли не изъ началъ самой Церкви, а изъ началъ языческаго Рима и суть проявленія духа его гордыни и властолюбія, прикрытыя досточтимыми именами Спасителя и Его первенствующаго ученика св. ап. Петра.

9) Оказывается поэтому, что и другое обвиненіе православной церкви въ ея будто-бы отпаденіи отъ вселенскаго единства къ многоначалію, совершенно несправедливо, и къ ней не относится, что она идетъ къ проявленію внутренняго своего во Христѣ единства вовнѣ въ каноническомъ единствѣ, и если остановилась въ этомъ движеніи, то единственно по винѣ чрезвычайныхъ римскихъ притязаній.

10) Оказывается, такимъ образомъ, что *соборное начало* не составляетъ исключительнаго отличія нашей церкви отъ латинской, и что *единство* въ лицѣ первенствующаго *іерарха и соборное начало* стояли всегда и стоятъ между собою въ тѣсной связи, но что при этомъ должно быть соблюдаемо и проводимо въ жизнь Церкви единое, безусловно-необходимое и спасительное *главенство Христово*. Безъ сего главенства ни соборное начало не сохранится въ своей чистотѣ и правдѣ, ни каноническое первенство—отъ захватовъ и преобладанія.

Послѣ сдѣланныхъ выводовъ легко дать отвѣтъ и на послѣдній вопросъ: совершается ли спасеніе вѣрующихъ въ церкви папистической. Прямаго отвѣта на этотъ вопросъ дать нельзя; можно сказать и *да*, и *нѣтъ*: все будетъ зависѣть отъ того, въ какой мѣрѣ западные христіане проникаются ложными началами папизма и осуществляютъ его въ своей жизни; если они будутъ жить только одними этими началами,—они будутъ крайне затруднять для себя дѣло спасенія; напротивъ, въ какой мѣрѣ, будутъ отступать отъ этого начала и жить вѣрою во Христа, и служить Ему какъ единой и единственной Главѣ,—въ такой мѣрѣ они будутъ приближаться къ православному началу и облегчать для себя путь ко спасенію.

Отсюда урокъ и намъ, православнымъ. Папизмъ, какъ мы видѣли, только впослѣдствіи сложился въ доктрину, а сначала обнаруживался какъ ниспаденіе въ плотской образъ мыслей объ іерархическихъ преимуществахъ, какъ преувеличенное сознаніе своихъ правъ и неразумная ревность объ ихъ охраненіи, съ забвеніемъ братства во Христѣ всѣхъ безъ исключенія вѣрующихъ и съ утратою духа истиннаго пастырства, который состоитъ въ томъ, чтобы носить и *выносить на себѣ немощи немощныхъ, не себѣ угождающе* (Рим. 15,1). Въ такомъ видѣ папизмъ можетъ приражаться и ко всѣмъ православнымъ пастырямъ, и низшимъ, и среднимъ, и высшимъ,—и къ каждому порознь, и цѣлому собору въ совокупности; и потому мы, православные, должны быть крайне внимательны къ себѣ съ этой стороны, помня, что въ той мѣрѣ, какъ будемъ увлекаться духомъ папистиче-

ской лжи, мы будемъ затруднять дѣло спасенія какъ для себя, такъ и для другихъ, и наоборотъ, въ той мѣрѣ, въ какой будемъ утверждаться во Христѣ, какъ невидимой и верховной Главѣ всѣхъ вѣрующихъ, будемъ приближаться къ нормѣ церковной жизни и какъ для себя, такъ и для братій нашихъ во Христѣ, облегчать совершаемое нами въ Церкви шествіе къ вѣчному нашему назначенію.

ПРИЛОЖЕНІЯ

№ 1.

Разборъ двухъ латинскихъ сочиненій о главенствѣ папы и его непогрѣшимости.

Въ дополненіе къ представленному выше изслѣдованію, считаю необходимымъ сдѣлать еще разборъ двухъ латинскихъ сочиненій, о которыхъ я уже упоминалъ выше (стр. 100 въ примѣч.). Первое — о двухъ главныхъ латинскихъ догматахъ „исхожденіи Св. Духа *и отъ Сына* и главенствѣ папы", а второе „о непогрѣшимости папы".

Заняться разборомъ этихъ произведеній латинскихъ богослововъ тѣмъ необходимѣе, что они стали извѣстны въ нашемъ обществѣ,—и тѣмъ легче, что основныя начала нами уже раскрыты выше, и намъ остается только приложить ихъ къ означеннымъ сочиненіямъ съ добавочными поясненіями, чтобы такимъ образомъ показать, какъ надо читать полемическія сочиненія латинянъ, направленныя противъ насъ.

А).

„Исхожденіе Св. Духа и вселенское первосвященство".

Изданіе Сергѣя Асташкова. Фрейбургъ въ Бризгавѣ 1886. Типографія Юліуса Клингарда въ Лейпцигѣ.

Какъ видно изъ заглавія, эта книга содержитъ въ себѣ изложеніе двухъ главныхъ латинскихъ догматовъ. Въ настоящемъ случаѣ мы ограничимся только разборомъ вопроса о главенствѣ папы, какъ онъ излагается здѣсь [1]).

[1]) Въ духовномъ журналѣ „Вѣра и Разумъ" печатается разборъ этого сочиненія. Тамъ начали съ догмата объ исхожденіи Св. Духа, а

Авторъ разбираемой книги не объявляетъ своего имени,— но намъ этого не нужно. Книга даетъ довольно данныхъ, чтобы имѣть общія понятія объ авторѣ; судя по языку— мы можемъ сказать, что это—иностранецъ, еще недостаточно владѣющій русскимъ языкомъ [1]); судя по логичности мыслей и богословскимъ познаніямъ—это не мірянинъ, какимъ именуетъ себя авторъ, но духовное лице, или вообще богословски образованный человѣкъ; а судя по пріемамъ изложенія, искусству построенія и изворотливости рѣчи это кто-нибудь изъ „товарищества Іисусова", какъ величаютъ свое общество оо. іезуиты. Этого для насъ довольно, чтобы знать, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло.

При написаніи своего сочиненія авторъ имѣлъ въ виду высокую и святую цѣль, нынѣ сдѣлавшуюся особенно модною,—содѣйствовать возсоединенію пребывающихъ въ раздѣленіи церквей. Цѣль, безспорно, прекрасная, высокая, святая, но очень интересно, какъ онъ ея хочетъ достигнуть. По нашему мнѣнію, чтобы привести церкви къ возсоединенію, надобно дѣйствовать больше всего на руководящее сословіе церкви, т. е. на духовенство, и чрезъ него на массу,— дѣйствовать на сознаніе, разъясняя истину и внося въ него новыя, настоящія, дѣйствительныя убѣжденія. Но авторъ дѣйствуетъ иначе; въ лицѣ митрополита Макарія и духовныхъ представителей прошедшаго столѣтія онъ оскорбляетъ православное духовенство, возводя на него клеветы въ кальвинизмѣ и протестантизмѣ, и такимъ образомъ, отстранивъ духовенство отъ участія въ дѣлѣ возсоединенія, разсчитываетъ только на мірянъ и старается подѣйствовать на нихъ тѣми пріемами, какіе обыкновенно практикуются оо. іезуитами.

По нашему крайнему убѣжденію, чтобы возсоединиться съ западными христіанами - католиками, намъ прежде всего нужно такъ сказать, размежеваться въ областяхъ нашихъ

мы будемъ разбирать только о главенствѣ папы; такимъ образомъ мы пойдемъ на встрѣчу одинъ другому.

[1]) Такъ, напр., вмѣсто *несмѣтный* авторъ говоритъ *безсмѣтный*; еще автору, какъ иностранцу не даются виды глаголовъ, напр. онъ такъ выражается *имѣютъ вдоль разсуждать* и т. п.

міровоззрѣній, строго опредѣлить насъ раздѣляющую черту, установить точныя понятія о нашихъ разностяхъ, сознать, что наше и что ваше, гдѣ кончается наше и гдѣ ваше,— откровенно признаться въ своихъ историческихъ ошибкахъ, и тогда только начинать разговоры о томъ, въ чемъ обѣ стороны могутъ сойтись и въ чемъ уступить. Только при такомъ условіи возможно братское примиреніе католиковъ и православныхъ и спасительное во Христѣ взаимообщеніе. Такимъ путемъ идемъ мы, и уповаемъ, что не безплодны будутъ наши труды въ дѣлѣ будущаго возсоединенія церквей. Но разбираемый нами авторъ идетъ совершенно другой дорогой, дѣйствуетъ совсѣмъ иначе, и пользуется такими пріемами, которые скорѣе отводятъ отъ желанной цѣли, чѣмъ располагаютъ къ ней. Вмѣсто разъясненія разностей, ихъ объема и важности, онъ игнорируетъ ихъ, затушовываетъ, затираетъ, и вмѣсто того, чтобы вносить въ религіозное сознаніе читателей ясность представленій о спорныхъ пунктахъ,— старается обмануть читателя, спутать его мысль, запугать его воображеніе, поразить его чувство и уловить его душу изворотами своей логики, повидимому, очень стройными, но въ дѣйствительности только искусно и лукаво придуманными. Говорить картинно, гдѣ нужно, приходить въ восторгъ, не замѣчать возраженій противника, при случаѣ бросить на него клеветой, представить его смѣшнымъ, когда совсѣмъ нѣтъ ничего смѣшнаго, подъ часъ прикинуться простачкомъ и т. под.—вотъ тѣ обычные пріемы, какіе практикуются оо. іезуитами и нашимъ авторомъ. Все разсчитано на читателей неопытныхъ, легко поддающихся такимъ пріемамъ.

Авторъ неоднократно увѣряетъ читателей, что „его толкованія основаны на непреложныхъ законахъ разума и логической послѣдовательности". Между тѣмъ оказывается, что онъ нарушаетъ или игнорируетъ самые основные законы мышленія: во первыхъ, онъ обезразличиваетъ и отожествляетъ различныя понятія, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое спеціальное содержаніе, и на этомъ отожествленіи строитъ все свое толкованіе, и во вторыхъ, въ заключенія вводитъ больше содержанія, чѣмъ сколько даютъ посылки, или, дѣйствіе

мыслитъ больше причины. Выше мы уже показали, что понятія *первенства* и *главенства* такъ различны по своему содержанію, что положеніемъ перваго отрицается второе; мы говоримъ: такъ какъ вселенскіе соборы признали за папой *первенство*, то значитъ, они не признавали за нимъ главенства. Паписты умозаключаютъ наоборотъ: поелику соборы признавали первенство, то значитъ признавали главенство;— выводъ больше посылки, дѣйствіе больше причины. Нашъ авторъ отожествленіе понятій ведетъ гораздо дальше; онъ отожествляетъ цѣлый кругъ понятій: первенство, главенство, единоначаліе, абсолютное верховенство, непогрѣшимость и неподсудность,—все это по его изложенію—понятія тожественныя, заключающіяся въ первомъ словѣ *первенство*. „Непогрѣшимость въ порядкѣ духовномъ, пишетъ онъ, и верховная власть въ порядкѣ гражданскомъ—*два выраженія, вполнѣ тожественныя*“ [1]). „Церковное правительство, какъ и всякое иное, должно быть непогрѣшимое, т. е. *абсолютно*, безъ возможной аппеляціи на ея рѣшенія“. *Монархическая форма и первенство*, разсуждаетъ онъ далѣе, означаютъ одну и ту же самую вещь“. „Хотя тожество это *совершенно очевидно* (?!?), тѣмъ не менѣе не хотятъ убѣдиться въ томъ, что весь вопросъ опирается на *этой истинѣ*, и что въ свою очередь эта истина, вытекая изъ самаго существа предмета

[1]) Отожествленіе у автора доходитъ до того, что онъ ставитъ наравнѣ Божественную *непогрѣшимость* Церкви съ *общеобязательностію* повелѣній гражданскихъ правительствъ. Такъ онъ пишетъ: когда мы утверждаемъ, что церковь непогрѣшима, необходимо имѣть въ виду, что мы нисколько не выговариваемъ въ ея пользу какого-либо исключительнаго преимущества; мы требуемъ только, чтобы она пользовалась тѣмъ правомъ, которымъ обладаетъ во всѣхъ возможныхъ странахъ верховная власть, дѣйствующая вездѣ, какъ извѣстно, въ *качествѣ власти непогрѣшимой, ибо всякое правительство необходимо и по существу своему абсолютно;* и всякое правительство, которому подъ предлогомъ погрѣшности или несправедливости, дозволено было бы отказывать въ повиновеніи, тѣмъ самымъ уже лишилось бы бытія.

Конечно верховная власть не вездѣ облечена въ одинакія формы. Она иначе выражается въ Лондонѣ, иначе въ Константинополѣ. Но тѣмъ не менѣе и тутъ и тамъ, повиновеніе ея велѣніямъ равно безпрекословно и безъ аппеляціи буде это велѣніе мудрый парламентскій билль, или грубое турецкое *фетфа*. Стр. 76.

(?), вовсе не нуждается въ доказательствѣ своей очевидности,—въ какой-либо богословской опорѣ". Отожествивъ такимъ образомъ цѣлый кругъ понятій и сильнымъ тономъ рѣчи увѣривъ читателя въ несомнѣнности этого отожествленія, авторъ этимъ самымъ оставилъ за собою право вносить въ понятія свои представленія и выводить изъ нихъ желательныя заключенія. Рядъ положеній, въ которыхъ сокращена авторомъ вся система папизма, представляетъ собою образчикъ такихъ неправильностей мышленія. Въ этихъ положеніяхъ мы видимъ, какъ изъ понятія *первенство* чрезъ постепенное въ восходящей степени внесеніе въ него новыхъ представленій, слагается и вырастаетъ цѣлая система папизма.

Первое и основное положеніе гласитъ: „Іисусъ Христосъ облекъ Петра *первенствомъ* почета и *управленія* во вселенской Церкви, т. е. поставилъ *его главою оной*". Положеніе это составляетъ исходный пунктъ всей системы; въ немъ замѣчателенъ этотъ *пріемъ* папистовъ—мнимо-логическое, фиктивное восхожденіе отъ слабѣйшихъ представленій къ болѣе сильнымъ и содержательнымъ: сперва *первенство почета*, затѣмъ рядомъ *первенство управленія* во вселенской Церкви, и наконецъ *главенство*. Такъ Петръ изъ перваго апостола возводится въ достоинство главы всѣхъ Апостоловъ и всей апостольской Церкви. Когда такимъ образомъ установлена точка отправленія, вести дальнѣйшее построеніе системы становится легко; — потому авторъ продолжаетъ: „первенство свое Петръ получилъ непосредственно отъ Самого Христа" (2-е пол.); „оно должно нескончаемо продолжаться въ Церкви" (3-е пол.); „Петръ былъ въ Римѣ и учредилъ римское епископство и правилъ онымъ до своей кончины" (4-е пол.); „римскіе первосвященники, какъ преемники Петра въ римскомъ епископствѣ, наслѣдовали его первенство въ силу его божественнаго права, а не по какому-либо человѣческому распоряженію, церковному или политическому" (5-е пол.); „власть первенства есть власть епископская, простирающаяся на всѣхъ во Христѣ правовѣрныхъ и самихъ епископовъ (?)" (6-е пол.); „римскій первосвященникъ, въ силу *своего первенства*, обладаетъ верховною властію надъ всѣми епископами, даже во вселенскомъ Соборѣ

соединенными“ (7-е пол.); „въ силу опять первенства, ему подобаетъ созывать соборы, предсѣдательствовать въ оныхъ и ихъ утверждать“ (8-е пол.); „римскій первосвященникъ, каѳедрально (ex cathedra) дающій опредѣленія о вѣрѣ и нравственности, непогрѣшимъ, а его догматическіе приговоры, даже до выраженнаго согласія Церкви, вовсе не могутъ подлежать пересмотру“ (9-е пол.); „это положеніе (будто-бы) неопровержимо выводится изъ Священнаго Писанія и Преданія“ (10-е пол.) и что оно, наконецъ, „подтверждается и фактически, такъ какъ нѣтъ возможности указать на какого-либо римскаго первосвященника, когда-либо погрѣшившаго въ какомъ-либо опредѣленіи, касающемся вѣры“ [1]) (11-е пол.). Оборвите первую петлю этого хитроплетенія, и оно распустится. Ложно начало, основанное на смѣшеніи понятій, ложенъ и выводъ,—такъ какъ онъ больше причины.

Дальнѣйшее изложеніе есть раскрытіе и обоснованіе на Священномъ Писаніи и Священномъ Преданіи этихъ положеній, т. е. что первенство Петра есть въ то-же время и его главенство надъ вселенскою Церковію. Но прежде чѣмъ доказать это положеніе, онъ предпосылаетъ цѣлый рядъ отвлеченныхъ разсужденій о необходимости для Церкви внѣшняго единства въ лицѣ какой-либо видимой главы. Послѣ этого переходитъ къ изъясненію тѣхъ словъ Христовыхъ, на которыхъ паписты обыкновенно строятъ свои доказательства.

Въ разсужденіи о единствѣ Церкви авторъ напрасно присвояетъ своей церкви титулъ, ей не принадлежащій, и бросаетъ клеветой на русскую церковь. Авторъ не употребляетъ обычнаго названія своей церкви *римско-католическою*, но называетъ ее постоянно *вселенской*. Присвоеніе себѣ этого титула несправедливо. Послѣ того, какъ совершилось раздѣленіе церквей, за каждой изъ нихъ оставлено было свое особое названіе. Западная церковь, которая въ лицѣ своего старѣйшаго епископа, папы, стремилась къ преобладанію во вселенской Церкви, — стала обычно называться

---

[1]) А папы Зефиринъ и Калликстъ, обличаемые Ипполитомъ? а папа Гонорій, осужденный VI всел. Соборомъ?!

римско-католической, — т. е. вселенской въ смыслѣ латинскомъ, свойственномъ только Риму, иначе въ *смыслѣ схизматическомъ*. Если авторъ хочетъ замѣнить это слово, то пусть замѣнитъ его правильно, такъ, какъ требуетъ того обычное употребленіе, съ прибавленіемъ слова римскій,—*римско-вселенская*. Но отъ такого названія самъ авторъ, безъ сомнѣнія, откажется; потому, что оно обличало-бы ложное начало римской церкви—частное преданіе, частное право, частныя особенности дѣлать всеобщими. Не таково названіе—*православный*, которое удержала Церковь восточная. Этимъ названіемъ опредѣляется самое существо вселенской Церкви,—*правовѣріе* т. е. несомнѣнное храненіе Божественной истины въ чистотѣ первобытнаго откровенія. Поэтому, какимъ-бы бѣдствіямъ она ни подвергалась, какъ бы ни умалялась въ въ своемъ числѣ,—она всегда будетъ сохранять за собою начало *вселенское*, и по праву своего *православія*, которое есть свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и начало спасенія для всѣхъ,—имѣетъ исключительное право называться *вселенскою*. Поэтому самымъ произношеніемъ мы дѣлаемъ различіе въ словѣ *католическій;* когда произносимъ это названіе чрезъ *т* (th) по латинскому словопроизношенію,—мы этимъ обозначаемъ церковь латинскую въ смыслѣ частномъ, вѣроисповѣдномъ; когда-же произносимъ чрезъ *θ* (θ), по греческому произношенію, то этимъ обозначаемъ Церковь *вселенскую* въ полномъ значеніи этого слова. Въ этомъ смыслѣ Церковь называется *Соборною*, т. е. „не ограничиваюшеюся ни мѣстомъ, ни временемъ, ни народомъ". А такъ какъ церковь римская не сохранила за собою единства *историческаго*, или единства *преданія*, и не сохраняетъ единства внутренняго, духовно-благодатнаго, — то названіе *каѳолическій* ей и не можетъ принадлежать.

Но нашъ авторъ, присвояя себѣ это названіе, хочетъ набросить на восточную Церковь упрекъ въ *протестантизмѣ*. Оо. іезуиты это дѣлаютъ уже не въ первый разъ, хотя и не разъ получали на это отвѣтъ со стороны православныхъ [1]).

---

[1]) Особенно дѣльный отвѣтъ даетъ пок. Хомяковъ (см. его сочиненій II-й томъ).

Мы согласны только съ тѣмъ, что православнымъ богословамъ, какъ людямъ, точно также свойственно впадать въ протестантизмъ, или въ папизмъ, какъ и вообще заблуждаться, потому что то и другое вѣроисповѣданіе суть духовныя опасности, встрѣчающіяся на пути нормальнаго церковнаго развитія каждаго вѣрующаго. Нѣтъ ничего удивительнаго, что иные молодые умы изъ православныхъ увлекаются взглядами протестантовъ, какъ нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что люди съ чувствительнымъ сердцемъ и сильнымъ воображеніемъ, но съ слабой головой, поддаются обольщеніямъ папизма. Поддаваться вліянію протестантской богословской науки тѣмъ естественнѣе, что она гораздо живѣе и глубже у протестантовъ, чѣмъ у католиковъ; у этихъ послѣднихъ она отзывается, какъ мы уже выше и доказали, формализмомъ, безжизненностію, книжническимъ или фарисейскимъ направленіемъ, — что собственно и вызвало протестантизмъ, — и что не можетъ увлекать собою нашу учащуюся молодежь. Но авторъ не такъ ставитъ дѣло. Называя римско-католическую церковь вселенскою, онъ старается показать, что всякое отдѣленіе отъ этой церкви есть отпаденіе части отъ цѣлаго, которому предшествуетъ и сопутствуетъ возстаніе противъ какихъ-либо догматовъ вселенской Церкви,—и потому отпавшія церкви по справедливости именуются *протестантскими*, каковою должна быть названа, по его словамъ, и Церковь восточная. Эти упреки и эта аргументація такъ не серьезны, что не заслуживаютъ отвѣта послѣ того, что мы раскрыли выше. По русской пословицѣ это значитъ—„съ больной головы да на здоровую“.

Такимъ образомъ, положивши въ основу своего разсужденія необходимость монархическаго начала въ Церкви, авторъ переходитъ къ толкованію евангельскихъ словъ, на которыхъ паписты утверждаютъ свое ученіе о главенствѣ папы. Объ этомъ уже много было говорено и писано,—но нашъ авторъ представляетъ нѣкоторыя особенности въ изложеніи, на которыхъ слѣдуетъ остановиться. Дадимъ ему свободу въ словѣ. Авторъ пишетъ:.. „лишь только является Симонъ, предначертанія Христовы начинаютъ уже выясняться надъ нимъ. *Воззрѣвъ же нань Іисусъ рече: ты еси Симонъ*

сынъ Іонинъ: ты наречешься Кифа, еже сказается Петръ (камень) (Іоан. 1, 42). Вотъ первая черта: общепринятое, будничное, такъ сказать, названіе его мѣняется самимъ Христомъ на имя символическое, таинственное, качественное (?) значеніе котораго откроетъ только будущность". Петръ становится первымъ между Апостолами: „исчисляя имена двунадесяти Апостоловъ, евангелистъ Матѳей начинаетъ съ Петра: *первый Симонъ, иже нарицается Петръ*" (Мѳ. 10, 2). На какомъ-же основаніи Петръ можетъ быть первымъ? Вѣдь первый по старшинству Андрей; первый по любви Христа Іоаннъ. На чемъ-же основано признанное Священнымъ Писаніемъ первенство Петра? [1]) Очевидно и единственно на спеціальномъ велѣніи божественнаго Основателя Христіанской Церкви".

„Но это первенство, скажутъ, можетъ быть только титулъ безъ значенія, одно почетное званіе? Прислушаемся далѣе къ изреченіямъ божественной мудрости... На вопросъ Господа: *вы же кого Мя глаголете быти? Отвѣщавъ Петръ рече: Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго.* Внемлите отвѣту Іисуса на это первое основное исповѣданіе Христіанской вѣры. Въ немъ дышетъ невыразимое величіе, всемогущество, сила и простота. *Блаженъ еси Симоне, варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой иже на небесѣхъ. И Азъ же тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ* (камень) *и на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей. И дамъ ти ключи царства небеснаго; и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ, и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ* (Мѳ. 16, 13—19). Вотъ они жизнедательныя, творческія слова церковнаго главенства Петрова, изреченныя Христомъ первоверховному Апостолу Своему, какъ прямое *послѣдствіе непогрѣшимаго его ученія* о вѣрѣ. Въ нихъ дышетъ всемогущество Создателя и властелина земли и небесъ. Но замѣтьте, какъ мудро были они постепенно подготовлены. Во первыхъ, Христосъ отдѣляетъ Симона отъ толпы (?). Затѣмъ Онъ нарекаетъ его камнемъ. *Простой че-*

[1]) См. объ этомъ выше стр. 140—148.

ловѣкъ, сынъ человѣка сдѣланъ (!?) *твердынею, камнемъ* всемогуществомъ Того, въ Комъ одномъ слово всегда равносильно дѣлу. Наконецъ, *камень этотъ* поставленъ Имъ *въ основаніе Его Церкви: „ты еси камень* и на *семъ камени* созижду Церковь Мою". И вотъ, слѣдовательно въ одномъ словѣ, вся *безконечная непреходимость*, ясно дарованная Петру; такъ какъ *слишкомъ очевидно*, что основаніе Церкви вѣчной, неизмѣнной, которой и сами врата ада одолѣть не могутъ, должно тѣмъ паче и само продлиться на вѣки".

„Церковь эта, продолжаетъ авторъ, къ созиданію которой Христосъ приступаетъ, есть возстановленіе вѣчнаго общенія душъ въ священныхъ узахъ любви къ Богу, общенія, возникшаго на землѣ, но долженствующаго достигнуть совершенства только въ свѣтѣ небеснаго царствія. Но вотъ почему именно Христосъ немедленно присовокупляетъ: *дамъ ти ключи царства небеснаго; и еже аще свяжеши* и т. д. Мы увидимъ далѣе въ подробности, какое таинство заключается въ этомъ божественномъ дарѣ. Мы увидимъ, что оно включаетъ въ себѣ право и обязанность духовнаго управленія душами, верховную, духовную власть, безъ исключенія и безъ предѣловъ (?!). Все, что свяжешь, и все, что разрѣшишь, сказалъ Христосъ—кто дерзнетъ произвольно ограничить божественную волю Его"?!.

„И такъ Петръ облеченъ верховною властію; но гдѣ-же сверхъестественный свѣтъ безошибочнаго распознаванія истины для мудраго, полезнаго примѣненія этой власти? Подождите немного, и вся послѣдовательность божественнаго плана постепенно развернется передъ вами. Вотъ наступаетъ время тайной вечери, послѣдней, торжественной бесѣды Христа съ учениками. Онъ обращается еще разъ къ Петру: *Симоне, Симоне, се сатана проситъ васъ, дабы сѣялъ яко пшеницу. Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя, и ты нѣкогда обращся утверди братію твою* (Лук. 22, 31—34). И вотъ новый даръ, новое преимущество. Первое облекло Петра тою безконечною непреходимостію, безъ которой немыслимо неколебимое основаніе Церкви; второе сообщаетъ ему непогрѣшимость во всемъ, до вѣры касающемся. „Когда сатана ополчился на васъ, учениковъ Моихъ, Я молился, дабы *твоя*

не оскудѣла *вѣра; твоя* вѣра, исповѣдуемая тобою, будетъ во вѣки вѣра истинная, непогрѣшимая; не тебя только предназначена она освѣтить, но и братьевъ твоихъ; и если ихъ вѣра когда-либо пошатнется, твоей Я поручаю утвердить ихъ. И для нихъ могъ-бы Я испросить эту стойкость у Отца Моего, но Я того не сдѣлалъ; ибо достаточно утверждаетъ зданіе, кто утверждаетъ его основу".

„Но обладать верховною властію, да быть незатемнѣннымъ свѣтомъ истинной вѣры, все это составляло бы лишь пустое преимущество безъ власти правительственной, безъ права примѣнять эту власть, т. е. издавать постановленія и мудрымъ управленіемъ спасать Церковь отъ грозящихъ ей опасностей и бѣдствій. И въ самомъ дѣлѣ, Христосъ завершаетъ новымъ и третьимъ даромъ свое Божественное предпріятіе. *Егда же обѣдоваше, глагола Симону Петру Іисусъ: Симоне Іонинъ, любиши ли Мя паче сихъ? Глагола Ему: ей Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя. Глагола ему: паси агнцы Моя. Глагола ему паки второе: Симоне Іонинъ, любиши ли Мя? Глагола Ему: ей Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя. Глагола ему: паси овцы Моя. Глагола ему третіе: любиши ли Мя? Оскорбѣ же Петръ, яко рече ему третіе: любиши ли Мя и глагола Ему: Господи, Ты вся вѣси; Ты вѣси, яко люблю Тя. Глагола ему Іисусъ: паси овцы Моя...* Все безъ исключенія подчинено посоху церковнаго Пастыря: *овцы* не менѣе *агнцевъ*; духовенство не менѣе мірянъ, епископство не менѣе священства. Вѣдь Самъ Христосъ сказалъ предъ тѣмъ: *Будетъ едино стадо и единъ пастырь.* И вотъ единый пастырь теперь дѣйствительно явился, и опять Самъ Христосъ облекъ его въ этотъ санъ и Самъ Христосъ указалъ на него. Это Петръ и кромѣ его въ Церкви никто..." [1]).

„Но возвратимся еще разъ, пишетъ въ другомъ мѣстѣ авторъ, къ вышеприведеннымъ евангельскимъ словамъ... Какъ ихъ ни разсматривай, каждое отдѣльно, или всѣ въ совокупности, они образуютъ ослѣпительный, такъ сказать, фокусъ свѣта и очевидности: *Ты еси Петръ и на семъ камени* и пр... *и дамъ ти ключи царства небеснаго... Азъ молихся о тебѣ, да*

[1]) Стр. 88—91.

не оскудѣетъ вѣра твоя и т. д. *Паси агнцы Моя... паси овцы Моя.* Повторяю, вотъ творческія учредительныя слова верховнаго Первосвященства въ Церкви. Разберите ихъ по одиночкѣ и вы поймете, какими послѣдствіями и значеніемъ каждое изъ нихъ чревато; соедините ихъ затѣмъ въ одно цѣлое, поясните каждое каждымъ, вспомните, наконецъ, кто ихъ изрекаетъ, и разумъ вашъ мгновенно обольется неотразимымъ свѣтомъ очевидности. Дѣйствительно, какого преимущества, какого божественнаго, сверхъестественнаго дара не откроете вы въ нихъ? И что покажется вамъ труднѣе: выразить, что заключается въ Первосвященствѣ, или скорѣе сказать: чего въ немъ не достаетъ"?

„Вникните въ первое изреченіе: *„на Тебѣ* (?!) создамъ Я Мою Церковь", т. е. на простой, немощной, человѣческой личности, Церковь вселенскую, единую, святую, непогрѣшимую, вѣрную!! Не теряется ли невольно разумъ въ безпредѣльности, когда ставитъ себѣ вопросъ: каково же, наконецъ, должно быть основаніе такого *неестественнаго* зданія!.. Но вникните во второе: „что бы ни связалъ на земли, будетъ связано на небесѣхъ". Да гдѣ же предѣлы такой власти?!.. подождите; вникните въ третье, вникните въ четвертое: „утверждай братьевъ твоихъ;... паси агнцевъ... паси овецъ Моихъ". Что слово, то лучъ божественнаго всемогущества! Что слово,—то проблескъ въ безконечность! Дары сыплются, такъ сказать, безъ мѣры и безъ счета! Первосвященникъ поставленъ Христомъ Своимъ намѣстникомъ, *основнымъ камнемъ* Христовой Церкви, ключаремъ небеснаго царства, наставникомъ братьевъ своихъ, для утвержденія ихъ въ истинѣ и православіи вѣры, и, наконецъ, Верховнымъ пастыремъ какъ агнцевъ, такъ и овецъ, т. е. всего безъ исключенія словеснаго стада. Ищите, повторяю еще разъ, въ какомъ преимуществѣ найдете вы недостатокъ въ Первосвященникѣ? Какъ сама Церковь, онъ безсмертенъ, и какъ она, непреходимъ. Съ ея судьбою во вѣки связана и судьба его. Ему дано питать агнцевъ и овецъ пищею всегда живительною, чуждою всякаго гніенія и отравы. Ему дано безошибочно отверзать небесныя врата дѣйствительно заслужившимъ войти

въ нихъ. Короче, *ему дано продолжать на землѣ жизненную дѣятельность самого Христа*“ [1]).

Нельзя не признать, что все это толкованіе составлено очень искусно и хитро. Авторъ является здѣсь не столько основательнымъ экзегетомъ и богословомъ, сколько искуснымъ ораторомъ, которому хорошо извѣстны всѣ ораторскіе пріемы собственно латинскаго краснорѣчія. Онъ искусно вводитъ въ толкованіе евангелія свою доктрину, важнымъ тономъ рѣчи, не допускающимъ ни малѣйшаго сомнѣнія и возраженія, подавляетъ мысль читателя, а восторгами при представленіи чрезвычайныхъ благодатныхъ даровъ, дарованныхъ ап. Петру, овладѣваетъ читателемъ до того, что тотъ, поддавшись этимъ искусственнымъ пріемамъ, начинаетъ вѣрить словамъ автора;—возвышеніе тона и постепенное восхожденіе отъ одной мысли къ другой сильнѣйшей,—незамѣтно и мало по малу приводятъ читателя къ желанному для автора заключенію: что ап. Петръ есть основной камень Церкви, что на немъ она создана и врата адова не одолѣютъ ее, что ему дана власть вязать и рѣшить на землѣ и пасти всю Церковь Божію; короче: что *ап. Петру дано продолжать на землѣ жизненную дѣятельность Самого Христа*, что духовная власть его *безпредѣльна,* сообщенные ему благодатные дары *безмѣрны* и *неизчетны!*

Такъ получается, кромѣ вѣры въ Іисуса Христа, еще вѣра въ ап. Петра, какъ замѣстителя и продолжателя Христа; этой новой вѣрой въ ап. Петра мы должны жить, на этой вѣрѣ стоять и утверждаться, этой вѣрой пріобрѣтать спасеніе!

Но такъ ли это? Можетъ ли это быть? Возможно ли, чтобы, кромѣ Христа, въ основу Церкви былъ положенъ еще другой Христосъ, меньшей, такъ сказать, величины и достоинства? При такомъ представленіи, Церковь изображала бы собою чудовищно-уродливое зданіе, въ видѣ пирамиды, своей вершиной опрокинутой внизъ, а своимъ основаніемъ стоящей вверхъ. Мы уже раскрыли выше, что вѣровать въ ап. Петра или въ какого-либо епископа, какъ осно-

[1]) Стр. 91—9.

ваніе Церкви, это значитъ впадать въ плотскій образъ мыслей, осужденный св. ап. Павломъ, и отпадать отъ вѣры во Христа. Такіе вѣрующіе теряютъ право именоваться христіанами;—они *Петровы*, и должны именоваться *петроніанцами* или *папистами*, и чрезъ то неизбѣжно подвергнуться тому осужденію, какому подпали коринѳскія партіи, прикрывавшіяся именами Петра, Павла и Аполлоса,—и какому подвергались всѣ еретики, получавшіе свое имя отъ своихъ ересіарховъ, какъ напр., аріане, македоніане, несторіане и другіе.

Мы уже представили выше свое объясненіе обѣтованій, изреченныхъ Христомъ ап. Петру. Но для того, чтобы противопоставить папистическому толкованію равносильное православное, мы повторимъ прежде сказанное съ новыми дополненіями, какія требуются латинскимъ толкованіемъ.

Неоспоримо, что Господь при первой встрѣчѣ съ Симономъ, даетъ ему новое имя Петра, камня, но какъ понимать это переименованіе? Чѣмъ оно вызвано и что значитъ? Разяснимъ это. Симонъ идетъ ко Іисусу, какъ къ Мессіи, по первому слову брата своего Андрея. *Обрѣтохомъ Мессію*, говорилъ Андрей,—причемъ, безъ сомнѣнія, передалъ свидѣтельство Іоанна объ Іисусѣ и свою бесѣду, какую велъ впродолженіе дня съ Господомъ въ мѣстѣ Его пребыванія;—все это вмѣстѣ породило въ Петрѣ первые зачатки вѣры, съ которыми онъ шелъ къ Іисусу. Когда Петръ предсталъ предъ Господомъ, Господь *воззрѣлъ* на него,—воззрѣлъ, безъ сомнѣнія, не тѣлесными только очами, но и божественными очами всевѣдѣнія,—и, усматривая пламенность, быстроту и стремительность его характера, предъуказываетъ самое главное и существенное въ немъ,—твердость и силу той вѣры, какая только что въ немъ зародилась, въ ознаменованіе чего и далъ ему новое имя: „Симоне, сынъ Іонинъ, ты наречешься Кифа, что значитъ *камень*“.

Впродолженіе общественнаго служенія Господа, вѣра Петра, какъ и другихъ учениковъ, воспитывалась ученіемъ Господа и Его чудесами, въ которыхъ являлась самоисточная, божественная власть Его,—зрѣла, восходила отъ силы въ силу, укрѣплялась и усовершалась въ разумѣніи тайны

воплощенія. Въ половинѣ третьей Пасхи Господь подвергаетъ испытанію вѣру въ Него Апостоловъ. Для удостовѣренія въ томъ: созрѣла ли въ нихъ вѣра настолько, чтобы способна была принять новыя высокія и чрезвычайныя откровенія, во первыхъ, о созданіи Его собственной Церкви, и, во вторыхъ, о самой существенной тайнѣ нашего искупленія во Христѣ, — о Его крестныхъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи, — Онъ предлагаетъ вопросъ сперва о томъ, за кого почитаютъ Его люди? Оказалось, что народъ, видя самовластно творимыя чудеса, слыша Его ученія, какъ новаго законодателя и какъ Сына, пребывающаго въ живомъ общеніи со Отцемъ и равночестнаго Отцу,—не возвысился до пониманія Божественной природы Сына человѣческаго, а почиталъ Его за одного изъ великихъ пророковъ. Тогда Господь обращаетъ свой вопросъ къ своимъ ученикамъ: „а *вы* за кого Меня почитаете“? Вопросъ обращенъ ко всѣмъ, но за всѣхъ, по избытку силы и стремительности духа и вѣры, первымъ отвѣчаетъ Петръ. *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго.* Отвѣтъ полученъ удовлетворительный; предшествующее время руководительства Христова не прошло для нихъ даромъ; — они исповѣдуютъ во Христѣ не только величіе пророка, дѣйствующаго силою Духа Божія,—но прямо признаютъ въ Немъ божество—*Ты Сынъ Бога живаго.* Господь ублажаетъ Петра: *блаженъ еси Симонъ, варъ Іона*, за что же ублажаетъ? *яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, иже на небесѣхъ.* Тайна Богочеловѣчества открывалась ученикамъ сперва свидѣтельствомъ Іоанна, потомъ ученіемъ и чудесами Самого Христа, — но не смотря на это, ученики могли остаться при ветхозавѣтныхъ воззрѣніяхъ на Христа, какъ на великаго Пророка; новозавѣтное достоинство, совершенство этой вѣры дано было Самимъ Отцемъ Небеснымъ; „не люди тебѣ явили, но Отецъ Мой, иже на небесѣхъ“;—„безъ откровенія Отца и слыша свидѣтельство Іоанново, и пріемля ученіе Мое, и видя чудеса Мои, ты не могъ бы возвыситься до познанія божественной Моей природы“. Значитъ, одно близкое общеніе съ Господомъ не могло воспитать вѣры въ Его Божество; видно, встрѣчались для учениковъ Господа, по тому времени, такія нравственныя, ду-

ховныя затрудненія, преодолѣть которыя человѣкъ могъ только (какъ, впрочемъ, и всегда) съ Божественною помощію. Поэтому блаженство Петра, безъ сомнѣнія, нужно понимать въ связи съ внутренними усиліями его вѣры. Но почему же одинъ Петръ ублажается? Безъ сомнѣнія, этого блаженства сообщны были и прочіе Апостолы, ибо и они вѣровали во Христа *Сына Бога живаго*, ибо за нихъ за всѣхъ говорилъ Петръ,—и потому Господь, по окончаніи бесѣды, обратившись ко всѣмъ, заповѣдалъ, чтобы они еще не открывали этой тайны народу,—но Петръ ублажается, какъ первый, подобно тому, какъ вѣстникъ царю о побѣдѣ—первымъ получаетъ щедрыя награды отъ него.

Когда же, такимъ образомъ, открылось, что вѣра Христовыхъ сообщниковъ или учениковъ отдѣлилась и обособилась отъ несовершенной вѣры сыновъ ветхозавѣтной Церкви и настолько была зрѣла, что можно было приступить къ предначертанію Церкви новозавѣтной, Господь тотчасъ даетъ обѣтованіе о созданіи сей Церкви. *Азъ же тебѣ глаголю: ты еси Петръ и на семъ камени созижду Церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей.* Не говоритъ: *на тебѣ созижду*, а *на семъ камени*, дѣлаетъ ясное различіе между словами *Петръ* и *на семъ камени*, допуская нѣкоторую игру словъ; видно—выраженіе: *на тебѣ созижду*, какъ дѣлаютъ паписты, не соотвѣтствовало мыслямъ Христовымъ.

По слову Господа, созданіе Церкви предстоитъ въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе, настоящій моментъ въ высшей степени важный для будущихъ судебъ обѣщанной Церкви. Съ этимъ моментомъ евангелистъ, описывающій это обѣтованіе Господа, связываетъ откровеніе тайны крестныхъ страданій, смерти и воскресенія. *Отселѣ начатъ Іисусъ сказовати ученикомъ своимъ, яко подобаетъ ему ити во Іерусалимъ, и много пострадати отъ старецъ и архіерей и книжникъ, и убіену быти, и въ третій день востати* (Мѳ. 16, 21). Почему же *отселѣ*, т. е. съ того времени? Какая связь страданій Господа съ исповѣданіемъ Петровымъ и созданіемъ Церкви? Самая тѣсная и существенная. Апостолы устами Петра исповѣдали свою вѣру въ Божество Іисуса Христа; но эта вѣра нуждалась еще въ новомъ, совершеннѣйшемъ откро-

веніи неизслѣдимой любви Бога къ человѣку, явленной въ смерти Богочеловѣка, которая собственно и должна была послужить основаніемъ освященія и обновленія Церкви; какъ впослѣдствіи, по совершенномъ раскрытіи этой тайны, Апостолъ и писалъ: *Христосъ возлюби Церковь и Себе предаде за ню, да освятитъ ю, очистивъ банею водною въ глаголѣ и да представитъ ю Церковь славну, неимущу скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да есть свята и непорочна* (Еф. 5, 25—27). Вѣрою въ эту тайну, посильнымъ разумѣніемъ любви Божіей къ человѣку и усвоеніемъ ея, при благодатныхъ богодарованныхъ средствахъ Церкви, и совершается преобразованіе поврежденнаго человѣка изъ ветхаго, плотскаго въ новаго духовнаго, уподобленіе Христу и возвращеніе человѣка въ любовь Отца Небеснаго. Безъ раскрытія этой тайны рановременно бы было какъ устроеніе Церкви, такъ и благовѣстіе о божествѣ Іисуса Христа. Вотъ почему Господь запретилъ ученикамъ говорить народу о Его божествѣ.

Открытіе тайны крестной смерти Христовой, столь чуждой ветхозавѣтнымъ представленіямъ о славѣ Мессіи, долженствовало сопровождаться соблазномъ или испытаніемъ вѣры самихъ учениковъ. Чтобы укрѣпить и запечатлѣть ихъ вѣру въ божество, Господь Іисусъ черезъ восемь дней послѣ исповѣданія Петрова являетъ предъ избранными учениками: Петромъ, Іаковомъ и Іоанномъ, славу свою въ преображеніи. Апостолы такъ и поняли преображеніе, какъ откровеніе божественнаго величія Спасителя міра (2 Петр. 1, 16, 17).

И такъ, скажите: на комъ, или на чемъ Христосъ создаетъ Церковь? Ужь ни въ какомъ случаѣ не на Петрѣ, а *на семъ камени*; т. е. на томъ, что дѣлаетъ Петра твердымъ, какъ камень, что составляло твердыню всѣхъ Апостоловъ, что составляетъ твердыню каждаго христіанина,—*на вѣрѣ въ божество Христово и Его крестную смерть и воскресеніе.* Эта вѣра начинается въ насъ огласительнымъ ученіемъ совнѣ, воспріемлется душою, возрастаетъ при благодатной помощи и внутреннихъ свободныхъ усиліяхъ воли и, наконецъ, возводится къ совершенству разумѣніемъ любви Божіей, явленной намъ въ смерти и воскресеніи Христа Спасителя.

Вотъ тотъ камень, на которомъ зиждется Церковь. Говоря кратко, не на Петрѣ Господь создаетъ Церковь, а на Себѣ Самомъ; всѣ вѣрующіе, усвоившіе себѣ Христа, т. е. уподобившіеся Ему, живущіе Его Духомъ, воспріявшіе Его свойство, суть тѣ живые камни, изъ которыхъ слагается зданіе Церкви.

Вотъ наше православное толкованіе! При такомъ пониманіи, не можетъ быть и рѣчи о какой-либо человѣческой личности, какъ основномъ камнѣ Церкви.

Но чѣмъ мы докажемъ предъ католиками, что наше толкованіе единственно вѣрное и истинное? Свидѣтельствомъ вселенскаго преданія. Св. Викентій Лиринскій, рѣшая вопросъ о томъ, какъ различать толкованіе православное отъ еретическаго, пишетъ: „не всѣ понимаютъ Писаніе въ одномъ и томъ же смыслѣ, но одинъ толкуетъ его изреченія такъ, другой—иначе; такъ что сколько головъ, столько же, повидимому, можно извлечь изъ него и смысловъ. По своему объясняетъ его Новаціанъ, по своему Савеллій, по своему Донатъ, Арій, Евномій, Македоній и другіе. А потому совершенно необходимо, при такомъ множествѣ безчисленно разнообразныхъ изворотовъ заблужденія, направлять нить толкованій пророческихъ и апостольскихъ Писаній *по нормѣ церковнаго и вселенскаго ихъ пониманія*“. Такъ сдѣлаемъ и мы. Начнемъ съ Апостольскихъ посланій, затѣмъ перейдемъ къ писаніямъ мужей Апостольскихъ, затѣмъ къ писаніямъ ихъ преемниковъ и т. д., и посмотримъ, есть ли у нихъ слѣды ученія о божественномъ установленіи Петрова главенства и какъ они толкуютъ обѣтованія, данныя Спасителемъ сему первоверховному Апостолу.

Въ посланіяхъ Апостоловъ, — семи соборныхъ и 14-ти ап. Павла, а также въ Апокалипсисѣ ничего не говорится о верховенствѣ и единовластительствѣ или намѣстничествѣ Петровомъ; если это есть божественное установленіе, о немъ было бы упомянуто кѣмъ-либо изъ Апостоловъ; между тѣмъ какъ они постоянно проповѣдуютъ о единой главѣ Церкви, и единомъ основаніи ея, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, объ Апостолахъ же говорятъ, какъ о *служителяхъ* (1 Кор. 3, ст. 5) и *сподвижникахъ* или *сработникахъ* у Бога (ст. 9).

Извѣстно свидѣтельство св. ап. Павла объ Іисусѣ Христѣ, какъ единственномъ основаніи евангельской проповѣди, *основанія инаго никто же можетъ положити паче лежащаго, сже есть Іисусъ Христосъ* (ст. 11). Это мѣсто имѣетъ величайшую важность въ томъ отношеніи, что Апостолъ ведетъ рѣчь по поводу коринѳскихъ партій, изъ которыхъ каждая прикрывалась какимъ-либо знаменитымъ именемъ, между прочимъ, и именемъ ап. Петра или Кифы. Осуждая это раздѣленіе, какъ ниспаденіе въ плотской образъ мыслей, Апостолъ основаніе для сего осужденія указывалъ въ единствѣ Христовомъ и въ служебномъ званіи Апостоловъ. *У васъ говорятъ: я Павловъ, я Аполлосовъ, я Кифинъ, а я Христовъ. Развѣ раздѣлился Христосъ? Развѣ Павелъ распялся за васъ? или во имя Павла вы крестились?* (1 Кор. 1, ст. 12, 13). Продолжая то же обличеніе, Апостолъ пишетъ: *кто Павелъ? кто Аполлосъ? Они только служители, чрезъ которыхъ вы увѣровали, и притомъ по скольку каждому далъ Господь* (гл. 3, ст. 5). Быть не можетъ, чтобы при этомъ случаѣ ап. Павелъ не выдѣлилъ ап. Петра, какъ Христова на землѣ продолжателя, и не сказалъ бы, въ какихъ особыхъ отношеніяхъ онъ ко Христу, и въ какихъ отношеніяхъ они, прочіе Апостолы, къ нему, какъ намѣстнику Христову. Быть не можетъ, чтобы онъ не зналъ этого основнаго догмата для Церкви, надъ созиданіемъ которой онъ трудился. Подобнымъ образомъ и въ другомъ мѣстѣ онъ не выдѣляетъ Петра, когда изображаетъ Церковь созданною на Апостолахъ и пророкахъ, утверждающихся на основномъ камнѣ Христѣ: *вы сограждане святымъ и свои Богу, бывъ утверждены на основаніи Апостоловъ и пророковъ, имѣя Самого Іисуса Христа краеугольнымъ камнемъ, на Которомъ все зданіе, слагаясь стройно, возрастаетъ въ святой храмъ въ Господѣ* (Еф. 2, 19—21). Такое же равенство Апостоловъ свидѣтельствуетъ и св. ап. Іоаннъ Богословъ, когда описываетъ Церковь Божію сходящею съ неба въ видѣ города, стѣна котораго имѣетъ двѣнадцать основаній съ именами двѣнадцати Апостоловъ Агнца (Ап. 21, 14). Всѣ эти и подобныя имъ мѣста Апостольскихъ писаній свидѣтельствуютъ, что обѣтованія Христовы Петру никакъ нельзя толковать въ

смыслѣ Петрова главенства въ Церкви или въ смыслѣ втораго по Христѣ основнаго камня для Церкви, на которомъ положены были его соработники,—Апостолы, а на нихъ и всѣ чрезъ нихъ увѣровавшіе.

Такое же свидѣтельство о единомъ главенствѣ Христовомъ и равенствѣ Апостоловъ мы имѣемъ и въ письменныхъ памятникахъ церковной древности.

Такъ, изъ Апостольскихъ правилъ мы узнаемъ, что въ Церкви вселенской первыхъ вѣковъ христіанства не только не было главенства, не было даже и первенства, общаго для всѣхъ церквей; мы уже видѣли и выше, что это первенство имѣло свою исторію, что оно образовалось по нормѣ 34-го апостольскаго правила, что оно началось въ помѣстныхъ церквахъ, а отсюда возвысилось до каноническаго первенства между патріархами. Выше нами уже было показано также, что отъ ап. Петра не осталось какого-либо особаго, исключительно ему усвоеннаго рукоположенія, которое бы отъ него преемственно передавалось его преемникамъ въ Римѣ,—что напротивъ, осталось только рукоположеніе общеапостольское, для передачи котораго и установлено соборное рукоположеніе. Посему, такъ какъ рукоположенія Петрова нѣтъ, то не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо Петровомъ преемствѣ по *власти* и по *ученію*. Отсюда ясно слѣдуетъ, что латинское толкованіе о верховенствѣ Петровомъ есть толкованіе искусственно придуманное, ложное.

Отъ временъ Апостольскихъ мы имѣемъ другой замѣчательный памятникъ—литургію св. ап. Іакова, перваго іерусалимскаго Епископа. Въ ней мы находимъ свидѣтельство, какъ и за кого молились въ Апостольской Церкви, и какъ разумѣли Христово обѣтованіе объ основаніи Церкви. Въ одномъ прошеніи, читавшемся на этой Литургіи, вѣрные молились такъ: „да будетъ (чаша въ евхаристіи)... во утвержденіе святой Твоей, каѳолической и апостольской Церкви, *которую Ты основалъ на камнѣ вѣры* (supra petrum fidei), *да врата адова не одолѣютъ ей*; также: „приносимъ Тебѣ Господи (таинственную жертву евхаристіи), и о святыхъ Твоихъ мѣстахъ, которыя прославилъ Ты божественнымъ явленіемъ Христа Твоего и пришествіемъ Пресвятаго Твоего

Духа, и особенно о *славномъ Сіонѣ, матери всѣхъ Церквей*, и о святой Твоей каѳолической и апостольской Церкви, сущей по всему міру... Помяни Господи и святыхъ отцевъ и братій, которые въ ней находятся, и епископовъ, которые по всему міру православною вѣрою раздѣляютъ слово Твоея истины" [1]). Въ этой молитвѣ замѣчательно, во первыхъ то, что обѣтованіе Христово Петру во времена апостольскія вѣрующіе понимали не въ смыслѣ Петрова главенства, какъ понимаютъ паписты: *на тебѣ созижду* (конкретно), а отвлеченно—въ смыслѣ той вѣры, какая была исповѣдана Петромъ отъ лица всѣхъ Апостоловъ: *на камнѣ вѣры*; во-вторыхъ,—что тогда не только не было положено никакихъ молитвъ о римскомъ епископѣ, какъ главѣ Церкви, но даже о немъ и не упоминается, онъ подразумѣвается въ общемъ *составѣ святыхъ отецъ и братій*, и, въ третьихъ, что славною Церковію и матерью всѣхъ Церквей считалась Церковь іерусалимская, прославленная явленіемъ Христа Спасителя и сошествіемъ Святаго Духа.

Обращаемся за симъ къ писаніямъ ближайшихъ преемниковъ Апостольскихъ, обычно называемыхъ мужами Апостольскими: Климента, третьяго по порядку, епископа Римскаго, сотрудника ап. Павла Ермы, упоминаемаго Павломъ въ посланіи къ Римлянамъ, Игнатія Богоносца, втораго за Еводіемъ, епископа антіохійскаго, и Поликарпа, епископа смирнскаго, обращавшагося съ ап. Іоанномъ Богословомъ. Симъ святымъ мужамъ, ревностно заботившимся о сохраненіи единства Церкви, было много поводовъ говорить о главенствѣ Петровомъ, если оно было установлено Господомъ, какъ основной догматъ Церкви, но тѣмъ не менѣе у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о семъ. Когда они говорятъ объ Апостолахъ, они не выдѣляютъ изъ ряду ихъ св. ап. Петра; когда говорятъ о единствѣ Церкви, они, съ одной стороны, раскрываютъ духовно-благодатное единство всѣхъ вѣрующихъ во Христѣ силою Духа Святаго, а съ другой—внѣшнее каждой мѣстной Церкви въ своемъ епископѣ. Такъ,

---

[1]) De la Bique, maxima biblioth. veterum Patrum. T. II, pag. 6. Jacobi divina-missa.

св. Климентъ пишетъ: „Къ чему у васъ распри, гнѣвъ, несогласія, раздѣленія, война? Не одного ли Бога и одного Христа имѣемъ мы? Не одинъ ли Духъ благодати излитъ на насъ, и не одно ли призваніе во Христѣ?..“ [1]) „И Апостолы знали чрезъ Господа нашего Іисуса Христа, что будетъ раздоръ о епископскомъ достоинствѣ. По этой самой причинѣ, они, получивши совершенное предвѣдѣніе, поставили вышеозначенныхъ служителей и потомъ присовокупили законъ, чтобы, когда они почіютъ, другіе испытанные мужи принимали ихъ служеніе“ [2]). Въ томъ же посланіи Климентъ упоминаетъ объ апостолахъ Петрѣ и Павлѣ, но только какъ объ *образцахъ терпѣнія*, при чемъ въ особенности упоминаетъ о благовѣстническихъ трудахъ ап. Павла, говоря, что „онъ научилъ весь міръ правдѣ и доходилъ до границъ запада“ [3]). Въ другомъ сочиненіи, приписываемомъ тому же мужу Апостольскому, извѣстномъ подъ именемъ „Постановленій Апостольскихъ“, мы имѣемъ весьма важное свидѣтельство о томъ, что во времена Апостоловъ первенство имѣлъ престолъ іерусалимскій. Историкъ Евсевій въ слѣдующемъ видѣ приводитъ это свидѣтельство: „Объ этомъ Климентъ въ шестой книгѣ *Постановленій* говоритъ такъ: Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, хотя отъ Самого Господа предпочтены были (другимъ ученикамъ), однако, по вознесеніи Спасителя, не стали состязаться *о славѣ*, но іерусалимскимъ епископомъ избрали Іакова *праведнаго*“. А въ седьмой книгѣ тѣхъ же *Постановленій* онъ повѣствуетъ объ Іаковѣ еще слѣдующее: „по воскресеніи Своемъ Господь сообщилъ даръ вѣдѣнія Іакову *праведному*, Іоанну и Петру; а они передали его прочимъ Апостоламъ, прочіе же седмидесяти ученикамъ, изъ которыхъ одинъ былъ Варнава“ [4]). Это свидѣтельство весьма важно въ томъ отношеніи, что оно говоритъ за нѣсколько вѣковъ. Изъ него оказывается, что о главенствѣ Петровомъ не мыслили въ IV вѣкѣ, представителемъ котораго служитъ Евсевій, приводящій это свидѣтельство, ни

[1]) Посл. къ Кор. гл. 46.
[2]) Посл. къ Кор. гл. 44.
[3]) Посл. къ Кор. гл. 5.
[4]) Евсевій, „Церк. Ист.“, кн. 2, гл. 1.

мужи Апостольскіе, къ которымъ относится Климентъ, ни, наконецъ, сами Апостолы, которые въ данномъ случаѣ должны были вспомнить о главенствѣ Петровомъ, если оно есть Божественное установленіе.

Св. Ермъ, въ своемъ „Пастырѣ“ представляетъ Церковь въ видѣ строющейся башни на „бѣломъ огромномъ камнѣ“, т. е. на Христѣ Спасителѣ. Можно было ожидать, что Ермъ, какъ мужъ Апостольскій, жившій въ Римѣ, извѣстный ап. Павлу, и, безъ сомнѣнія, обращавшійся съ ап. Петромъ, упомянетъ о главенствѣ Петровомъ, при строеніи Церкви положитъ его вторымъ основнымъ камнемъ, и на немъ станетъ воздвигать всю башню,—между тѣмъ этого не случилось. Ермъ совершенно не знаетъ никакого Петрова главенства и не дѣлаетъ никакого намека. Онъ пишетъ, что,—на основномъ Камнѣ въ первомъ ряду положено было десять камней, во второмъ ряду двадцать пять, въ третьемъ тридцать пять, а въ четвертомъ сорокъ. По изъясненію „Пастыря“, *первые десять* означаютъ первый вѣкъ (?), слѣдующіе *двадцать пять* — второй вѣкъ мужей праведныхъ, *тридцать пять*—означаютъ пророковъ и служителей Господа, *сорокъ* же—апостоловъ и учителей благовѣстія Сына Божія“ [1]).

Св. Игнатій Богоносецъ, въ изъясненіи главенства Христова, говоря о непосредственномъ нашемъ единеніи въ Немъ, подтверждаетъ тѣ мысли, которыя были уже нами раскрыты въ 1-й и 3-й главахъ [2]). Сравнивая единство Церкви то съ органическимъ единствомъ тѣла, то съ единствомъ храма Божія, построеннаго изъ многихъ камней и имѣющаго одинъ жертвенникъ [3]), то съ единствомъ хора, состоящаго изъ многихъ голосовъ, но поющаго одну стройную пѣснь,—Игнатій такъ объясняетъ причину этого единства: „Безъ Христа нѣтъ истинной жизни, нѣтъ, слѣдовательно, и истиннаго единства. Христосъ—истинная жизнь, Онъ и начало истиннаго единства; Онъ проникаетъ своею жизнію душу каждаго вѣрую-

1) Под. IX, гл. XV.

2) См. стр. 38—59, 98—122.

3) Посл. къ Смирн. гл. 1. Къ Еф. гл. 9; къ Магнез. гл. 7. Къ Еф. гл. 4. Къ Тралл. гл. 9. Къ Тралл. гл. 11. Ib. гл. 8. Къ Еф. гл. 15, Ib. гл. 9.

щаго, дѣлая его своимъ членомъ, тою же жизнію одушевляетъ Онъ всѣхъ вмѣстѣ, объединяя всѣхъ въ Себѣ Самомъ, какъ главѣ. Тайна этого объединенія совершается въ душахъ человѣческихъ посредствомъ вѣры и любви. Вѣра и любовь служатъ проводниками, чрезъ которые жизнь Христова изливается въ душу вѣрующаго; онѣ способствуютъ претворенію этой жизни въ собственную жизнь души; посредствомъ ихъ Христосъ какъ бы воплощается въ духѣ вѣрующаго. Вѣрующій, посредствомъ вѣры и любви, внутренно соединяясь со Христомъ, становится храмомъ Его, въ которомъ Онъ живетъ, какъ Богъ [1]). И каждый вѣрующій есть богоносецъ и христоносецъ. Такъ объединяются всѣ вѣрующіе во Христѣ" [2]).

Точно также учитъ и Поликарпъ епископъ Смирнскій. По его представленію, „Церковь есть духовно-благодатное общество съ внѣшнимъ богоучрежденнымъ устройствомъ, такъ глубоко и внутренне объединенное, что образуетъ собою цѣлостное органическое тѣло [3]). Главною основою внутренней его жизни и единства служитъ Самъ Іисусъ Христосъ, Который все претерпѣлъ ради насъ, чтобы намъ жить въ Немъ, и въ Которомъ всѣ вѣрующіе должны непрестанно пребывать, какъ въ ихъ надеждѣ и залогѣ правды [4]). Въ самихъ же вѣрующихъ объединяющимъ жизненнымъ началомъ служитъ вѣра, за которой слѣдуетъ надежда, и которой предшествуетъ любовь къ Богу, ко Христу и къ ближнему [5]), какъ производящая во всѣхъ вѣрующихъ одинаковыя чувства и раждающая одинаковую духовную жизнь, она въ этомъ отношеніи есть матерь всѣмъ имъ [6]). Потому всѣ они составляютъ братство во взаимной любви и единеніи [7]). По ученію Игнатія и Поликарпа, видно, что помѣстныя церкви объединяются видимо въ своемъ епископѣ, а неви-

---

[1]) Посл. къ Еф. гл. 15.
[2]) Ib. гл. 9.
[3]) Посл. къ Филипп. гл. 11.
[4]) Посл. къ Филипп. гл. 8.
[5]) Посл. къ Филипп. гл. 3.
[6]) Ib.
[7]) Посл. къ Филипп. гл. 10.

димо-духовно всѣ вмѣстѣ во Христѣ; объ одномъ же лицѣ, объединяющемъ всю вселенскую Церковь, не упоминаютъ ни тотъ, ни другой.

Отъ II вѣка мы имѣемъ творенія знаменитыхъ церковныхъ писателей: св. Іустина философа, жившаго въ Римѣ, св. Ѳеофила антіохійскаго, св. Иринея ліонскаго и Тертулліана африканскаго. У Іустина муч. и Ѳеофила мы не находимъ никакихъ слѣдовъ преданія не только о главенствѣ, даже и о первенствѣ римскаго епископа; не находимъ ничего и въ писаніяхъ Иринея и Тертулліана, между тѣмъ какъ борьба, какую вели эти писатели со лжеучителями-гностиками, давала поводъ указать на ту богоустановленную опору, на которой держится Христова истина и вся его Церковь. Гностики учили, что апостолы знали сокровенныя таинства, которыя они сообщали отдѣльно и тайно отъ прочихъ; выдавая свои лжеученія за таинственныя преданія Апостоловъ, они соблазняли неопытныхъ и увлекали ихъ въ сѣти своихъ заблужденій. Опровергая такихъ лжеучителей, клеветавшихъ на св. Апостоловъ, св. Ириней раскрывалъ то же ученіе о главенствѣ Христовомъ въ Церкви, какъ и мужи Апостольскіе, то же ученіе о благодати Духа Святаго, поддерживающей и охраняющей жизнь Церкви,—о вѣрѣ, какъ дарѣ Божіемъ, который ввѣренъ Церкви, какъ дыханіе жизни дано было первозданному человѣку,—и которымъ всѣ члены ея оживотворяясь, входятъ въ общеніе со Христомъ; но для различенія истиннаго ученія отъ ложнаго, онъ со всею ясностію указалъ на Церковь въ ея цѣлости, какъ на хранительницу истины, и на Апостольское преданіе, какъ на богодарованное средство храненія истины. Такъ, онъ писалъ, что „Господь, давши Апостоламъ власть проповѣдывать Евангеліе, сказалъ имъ: „кто слушаетъ васъ, Меня слушаетъ, и кто презираетъ васъ, Меня презираетъ и Того, Кто послалъ Меня“; что въ силу этой власти Апостолы, какъ богачъ въ сокровищницу, вполнѣ положили въ Церковь все, что относится къ истинѣ“, и „со всѣмъ этимъ богатствомъ они ввѣрили ее епископамъ“. Посему, „не должно искать у другихъ истины, которую легко получить отъ Церкви...“ „Всѣ желающіе видѣть истину, могутъ во

всякой церкви узнать преданіе Апостоловъ, открытое во всемъ мірѣ; и мы можемъ перечислить епископовъ, поставленныхъ Апостолами въ церквахъ, и преемниковъ ихъ до насъ, которые ничего не учили и не знали такого, что эти еретики бредятъ... Но поелику было бы весьма длинно въ такой книгѣ, какъ эта, перечислять первенства (предстоятелей) всѣхъ Церквей, то я приведу преданіе, которое имѣетъ отъ Апостоловъ величайшая, древнѣйшая и всѣмъ извѣстная церковь, основанная и устроенная въ Римѣ двумя славнѣйшими Апостолами—Петромъ и Павломъ, и возвѣщенную людямъ вѣру, которая чрезъ преемства епископовъ дошла до насъ, и посрамлю всѣхъ тѣхъ, кто всячески незаконнымъ образомъ составляетъ собранія, или по худому самоугожденію, или по тщеславію, или по слѣпотѣ и превратнымъ мнѣніямъ. Ибо по необходимости съ этою церковію, по ея преимущественной важности (propter potentiorem principalitatem), согласуется всякая церковь, т. е. повсюду вѣрующіе, такъ какъ въ ней апостольское преданіе всегда сохранялось вѣрующими повсюду[1])..." „И Поликарпъ, который не только былъ наставленъ Апостолами и обращался со многими изъ видѣвшихъ Господа, но и Апостолами былъ поставленъ въ епископы Смирнской Церкви въ Азіи, и котораго я видѣлъ въ моей ранней молодости,—ибо онъ жилъ долго и въ глубокой старости окончилъ эту жизнь славнѣйшимъ и благороднѣйшимъ мученичествомъ, — онъ всегда училъ тому, что узналъ отъ Апостоловъ, что передаетъ и Церковь и что одно только истинно. Объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ церкви азійскія, равно какъ и тѣ, которые были преемниками Поликарпу до настоящаго времени,—такой человѣкъ гораздо достовѣрнѣйшій и надежнѣйшій свидѣтель истины, чѣмъ Валентинъ, Маркіанъ и другіе еретики.

---

[1]) Паписты это мѣсто дѣлаютъ спорнымъ, вслѣдствіе своихъ натянутыхъ и отчасти неправильныхъ толкованій; такъ, напр., слова: въ ней всегда *сохранялось* (conservata est) преданіе Апостоловъ, у нихъ читаются: въ ней всегда *сохраняется* преданіе Апостоловъ. См. подробный разборъ такихъ искаженій въ книгѣ архим., нынѣ архіепископа Никанора: „Разборъ римскаго ученія о видимомъ (папскомъ) главенствѣ въ Церкви". Изд. 2. 1871 г., стр. 170—188.

Также и церковь Ефесская, основанная Павломъ и имѣвшая среди себя Іоанна до самыхъ временъ Траяна, есть истинная свидѣтельница апостольскаго преданія... Что же? Если бы возникъ споръ о какомъ-нибудь важномъ вопросѣ, то не надлежало-ль бы обратиться къ древнѣйшимъ церквамъ, въ которыхъ обращались Апостолы, и отъ нихъ получить, что есть достовѣрнаго и яснаго относительно настоящаго вопроса? Что если бы Апостолы не оставили намъ писаній? Не должно ли бы было слѣдовать порядку преданія, преданнаго тѣмъ, кому они ввѣрили церкви?“ [1]).

Въ словахъ Иринея, въ которыхъ онъ указываетъ на римскую церковь, какъ на величайшую, древнѣйшую и т. д., паписты видятъ его свидѣтельство о ея главенствѣ. Мы охотно признаемъ за римскою церковію и величіе, и древность, и знаменитость, и происхожденіе отъ славнѣйшихъ Апостоловъ,—но все это взятое вмѣстѣ не свидѣтельствуетъ о главенствѣ папы. Св. Ириней беретъ римскую церковь въ качествѣ вѣрной хранительницы Апостольскаго преданія, наравнѣ съ другими, какъ церковь наиболѣе знаменитую, не больше.

Это не его личный взглядъ, а взглядъ всей древности. Такую же ссылку на важность апостольскихъ престоловъ для отысканія истиннаго преданія дѣлаетъ и Тертулліанъ, только съ меньшимъ почтеніемъ къ Риму. Поэтому его слова будутъ лучшимъ комментаріемъ словъ Иринея. „Ты желающій лучше упражнять любопытство въ дѣлѣ твоего спасенія, пишетъ Тертулліанъ, обойди церкви апостольскія на своихъ мѣстахъ, въ которыхъ читаются еще самые автографы ихъ посланій, звуча голосомъ и представляя лице каждаго. Ближе всего тебѣ Ахаія? Имѣешь Коринѳъ. Если ты недалеко отъ Македоніи,—имѣешь Филиппы, имѣешь Солунь. Если можешь отправиться въ Азію,—имѣешь Ефесъ. А если ты прилежишь Италіи,—имѣешь Римъ, гдѣ для насъ также ближайшій авторитетъ (unde nobis quoque auctoritas praestra est) [2]). Какъ счастлива эта Церковь, въ которой Апо-

[1]) Противъ ересей. Кн. III, гл. 3—4.

[2]) De praescr. c. 36

столы пролили свое ученіе вмѣстѣ съ кровію своею, въ которой Павлу была усѣчена глава, подобно какъ Іоанну Крестителю, въ которой Іоаннъ Богословъ, исшедши изъ сосуда съ кипящимъ масломъ здравъ и невредимъ, осужденъ былъ въ заточеніе на островъ“ [1]).

Изъ этихъ словъ видно, что Тертулліанъ признаетъ совершенное равенство Апостоловъ. Но въ такомъ случаѣ, какъ же понять тѣ мѣста изъ его писаній, гдѣ онъ касается вопроса о первенствѣ и преимуществахъ ап. Петра. Онъ первый говоритъ о переименованіи Петра и созданіи на немъ Церкви. О переименованіи онъ говоритъ такъ: „Господь перемѣняетъ имя Петру изъ Симона... А почему называетъ его Петромъ? Если за твердость вѣры, то многія вещи, особенно твердыя, дали бы ему имя отъ своего имени. Или потому, что и скала, и камень (et petra et lapis) Христосъ? Дѣйствительно, мы и читаемъ (Ис. 8, 14. 1 Петр. 2, 8), что Онъ положенъ *въ камень претыканія и въ камень соблазна*. Прочее опускаю. И такъ благоволилъ Онъ любезнѣйшему изъ учениковъ сообщить имя именно отъ своихъ образовъ (figuris) [2]). „Не смотря на то, что эти объясненія довольно неясны, изъ нихъ, однакожъ, можно вывести ту общую мысль, что Симонъ переименовывается въ Петра по образу Самого Христа, т. е. *въ камень претыканія и въ камень соблазна* (что и справедливо; такъ какъ ап. Петръ доселѣ служитъ камнемъ претыканія и соблазна для западныхъ христіанъ). Когда же говоритъ объ основаніи на Петрѣ Церкви, то употребляетъ выраженія евангельскія въ прямомъ смыслѣ почти безъ всякихъ комментаріевъ, въ полной увѣренности, что его рѣчь понятна сама по себѣ для читателя. Вотъ, напр., слѣдующее мѣсто: *„на тебѣ*, говоритъ (Господь), *созижду Церковь Мою...*“ Такъ и исходъ дѣла показываетъ. На немъ (Петрѣ) Церковь устроена, т. е. чрезъ него. Смотри какъ: *„Мужіе Израильстіи! послушайте словесъ моихъ: Іисуса Назорея, мужа отъ Бога извѣствованна въ васъ*“(Дѣян. 2, 22) и проч. Онъ (Петръ) потомъ *первый*

---

[1]) De praescr. c. 36.

[2]) Adversus Marc. I. III, c. 16,

указалъ въ крещеніи Христовомъ входъ въ царство небесное..., и Ананію связалъ узами смерти, и разслабленнаго ногами разрѣшилъ отъ недостатка здоровья. Такъ и въ этомъ разногласіи о томъ, должно ли или нѣтъ соблюдать законъ, *первый* изъ всѣхъ Петръ, духомъ наставленный и предваренный касательно призванія язычниковъ, говоритъ: *нынѣ что искушаете Бога* (Дѣян. 15, 10, 11)... Это объясненіе совершенно то же, какое мы привели выше. Съ Петра полагается начало Церкви, Петръ первымъ выступаетъ первымъ говоритъ и дѣйствуетъ, но въ качествѣ представителя всего Апостольскаго лика,—какъ наиболѣе быстрый и сильный изъ нихъ, а не въ качествѣ основоположника.

Подобно и другое мѣсто. Отвѣчая на возраженіе еретиковъ, что будто бы Апостолы *не все знали*, Тертулліанъ пишетъ: „кто изъ здравомыслящихъ можетъ вѣрить, чтобы не знали чего-нибудь тѣ, коихъ Господь сдѣлалъ наставниками, имѣя ихъ собственно въ сопутничествѣ, въ ученичествѣ, въ сожительствѣ?... Ужели утаено что-нибудь отъ Петра, названнаго камнемъ созидаемой Церкви, наслѣдовавшаго ключи царствія и власть вязать и рѣшить на небѣ и на землѣ? Ужели утаено что-нибудь отъ Іоанна, возлюбленнѣйшаго Господу, возлежавшаго на персяхъ Его? Отъ тѣхъ, коимъ Онъ открылъ даже Свою славу, и Моисея, и Илію, и сверху съ неба гласъ Отца, не какъ бы унижая другихъ, но потому что *при трiехъ свидѣтелехъ станетъ всякъ глаголъ*... Чрезъ Духа истины, по обѣтованію Господа, Апостолы наслѣдовали всяку истину“ [1]). И въ этомъ объясненіи мысль Тертулліана видна. Здѣсь авторъ высказываетъ свое представленіе и о равенствѣ Апостоловъ, и объ ихъ личныхъ преимуществахъ.

Но есть и еще одно мѣсто, гдѣ онъ говоритъ: что „на Петрѣ создана Церковь“ [2]). Какъ же надо понимать эти слова? и какія мы имѣемъ средства установить ихъ смыслъ? Для этого мы должны требовать отъ нихъ того, что видятъ въ нихъ паписты. Такъ какъ они учатъ, что установленіе

---

[1]) De praescr. haeret. c. 22.

[2]) Monog. c. 8.

папы главою Церкви есть установленіе божественное, Самого Іисуса Христа, что это есть догматическая особая степень священства, высшая и источная для всѣхъ прочихъ степеней,—то мы въ правѣ требовать отъ словъ Тертулліана: выражается ли въ нихъ вѣра въ божественное установленіе главенства Петрова надъ всѣми Апостолами? училъ ли онъ о преемствѣ этой Петровой власти? и признавалъ ли папу главою всей Церкви? Ничего не бывало. Надъ верховнымъ первосвященствомъ онъ смѣется (изъ чего можно заключить, что притязанія на верховенство тогда уже начинали проявляться чувствительно для Африканской Церкви); о преемствѣ Петровой власти не говорить ни слова; о важности римской церкви говоритъ наравнѣ съ другими церквами, называя ихъ *всѣ безъ различія апостольскими, матерями и источниками вѣры;* наконецъ, защищая достоинство Петра передъ гностиками, которые унижали его предъ ап. Павломъ, ничего не говоритъ объ его главенствѣ, а разсуждаетъ о немъ, какъ о равномъ ап. Павлу. Послѣ этого, каждый читатель можетъ разсудить, въ какомъ смыслѣ надо изъяснять выраженія Тертулліана о созданіи на Петрѣ Церкви? Разумѣется, никакъ не въ буквальномъ; ибо въ буквальномъ смыслѣ онъ одного Христа называетъ основаніемъ Церкви, какъ и должно быть; и никакъ не въ догматическомъ, ибо объ установленіи особой степени священства нѣтъ ни слова, ни какого-либо намека, — спрашивается: въ какомъ же? Очевидно,—писатель хотѣлъ только указать на высокія нравственныя отличія Петра, которыя хотя давали ему нравственныя преимущества,—первенство предъ его сослужителями, но не выводили его изъ ряда Апостоловъ и не ставили его выше другихъ Апостоловъ. (См. выше).

Въ третьемъ вѣкѣ наиболѣе выдающимися свидѣтелями вселенскаго преданія могутъ служить св. Кипріанъ († 258 г.) и Оригенъ († 254 г.). Кипріанъ, свидѣтельство котораго мы уже приводили, чаще другихъ напоминаетъ о Петрѣ, какъ камнѣ, на которомъ создана Церковь, но тѣмъ не менѣе, онъ не признавалъ его главою прочихъ Апостоловъ или основаніемъ Церкви, какъ толкуютъ паписты, а еще менѣе признавалъ главенство римскаго епископа. Онъ такъ рѣзко и

такъ сильно писалъ противъ Стефана, трактуя его равнымъ по епископству, что его сочиненія, по опредѣленію папы Геласія, какъ мы сказали выше, внесены были въ число апокрифическихъ, и считались таковыми дотолѣ, пока не были исправлены папистами, согласно съ ихъ ученіемъ. Идеалъ церковнаго управленія Кипріанъ рисуетъ въ слѣдующемъ видѣ. „Многочисленно общество священниковъ, скрѣпленное связью (glutino) взаимнаго согласія и узами единства: такъ что, если кто изъ сотоварищества нашего покусится производить ересь и терзать и опустошать стадо Христово, приб'ѣгаютъ прочіе и, какъ добрые пастыри и милосердые, овецъ Господнихъ собираютъ въ стадо... Ибо хотя насъ пастырей много, но мы пасемъ едино стадо, и всѣхъ овецъ, которыхъ Христосъ Своею кровію и страданіями купилъ, должны собирать и беречь“ [1]).

Имѣя въ виду сношенія Кипріана съ Стефаномъ по дѣлу епископа Василида и Марціала, низложенныхъ въ Испаніи за отреченіе отъ Христа во время гоненій и другіе проступки, по дѣлу арелатскаго епископа Маркіана, а также по вопросу о крещеніи еретиковъ,—этого св. отца мы должны причислить къ числу прямыхъ и рѣшительныхъ свидѣтелей духовно-благодатнаго равенства епископовъ. Заключая одно посланіе къ Стефану, онъ пишетъ: „Въ этомъ (т. е. по вопросу о крещеніи еретиковъ) мы никого не принуждаемъ, никому не даемъ закона, потому что *всякій предстоятель свободенъ управлять своею Церковію по своей волѣ, имѣя дать отчетъ въ своемъ дѣйствованіи Господу* [2]).

Обращаясь за симъ къ знаменитому учителю и писателю III-го вѣка Оригену, мы находимъ, что онъ нерѣдко употреблялъ выраженія: на „Петрѣ создана Церковь“, или на „Петрѣ зиждется Церковь“ (это послѣднее выраженіе перенесъ въ свою „Церковную Исторію“ и Евсевій) [3]); тѣмъ не менѣе, онъ признавалъ равенство Апостоловъ и не толковалъ этихъ выраженій въ смыслѣ главенства Петрова. Такъ,

---

[1]) Посл. къ Стеф. 55: въ русск. перев. Т. I, стр. 261—263.

[2]) Письмо 59, стр. 284.

[3]) Евсевій, „Церковная Исторія“. Кн. VI. гл. XXV; въ русскомъ перев. стр. 361.

онъ писалъ: „Если ты думаешь, что *на одномъ Петрѣ только* создана вся Церковь: то что сказалъ бы ты объ Іоаннѣ сынѣ громовомъ, и о каждомъ изъ Апостоловъ? Или развѣ осмѣлимся мы сказать, что врата адова не одолѣютъ собственно Петра, а прочихъ Апостоловъ одолѣютъ? Развѣ не о всѣхъ и не о каждомъ изъ нихъ прежде сказано: *врата адова не одолѣютъ ей*; и еще: *на семъ камени созижду Церковь Мою*“ [1]). Послѣ этихъ словъ, Оригенъ продолжаетъ: „развѣ Петру одному даются Господомъ ключи царства небеснаго, и никто изъ блаженныхъ (Апостоловъ) не получилъ ихъ? А если и другимъ это обще: *дамъ ти ключи царства небеснаго*, то ужели не *обще* и *все* и прежде изреченное и послѣ прибавленное, что сказано какъ бы (одному) Петру? Ибо здѣсь это кажется сказаннымъ какъ бы Петру (одному): *еже свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ* и проч., а въ Евангеліи отъ Іоанна, прямо, давъ Духа Святаго дуновеніемъ, Спаситель говоритъ всѣмъ ученикамъ: *пріимите Духъ Святъ имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имже держите, держатся*“. Послѣ этихъ столь прямыхъ и ясныхъ словъ можно ли ссылаться на Оригена во свидѣтельство латинскаго главенства?

Къ этому мы бы могли прибавить еще толкованіе его на вопросъ учениковъ: *кто убо болій есть въ царствіи небесномъ* (Мѳ. 18, 1),– (въ которомъ, по мнѣнію Оригена, ученики пытались узнать отъ Христа, кого именно Онъ считаетъ большимъ въ средѣ ихъ,—слѣдовательно, еще не знали старѣйшинства и главенства Петрова, хотя обѣтованіе о созданіи Церкви на семъ камнѣ уже было изречено);— могли бы прибавить и толкованіе на слова Господа, въ которыхъ Онъ обѣщаетъ ученикамъ, что они въ пакибытіи *возсядутъ на двѣнадцати престолахъ*, для суда надъ двѣнадцатью колѣнами Израиля; толкованіе на просьбу матери сыновъ Зеведеевыхъ о дарованіи первенства въ царствіи небесномъ ея двумъ сыновьямъ, — все это мы могли бы привести въ доказательство того, что Оригенъ не принималъ словъ Господа Петру въ буквальномъ смыслѣ, и за Апо-

[1]) Origen. Opp. T. III, p. 524; in Math. T. XII.

столовъ свидѣтельствуетъ, что и они не принимали ихъ въ этомъ смыслѣ,—но для нашей цѣли достаточно и того, что приведено.

Обращаемся къ отцамъ четвертаго вѣка. Св. Амвросій Медіоланскій, близкій къ Риму и, безъ сомнѣнія, хорошо знавшій римскія преданія, объясняя спорное мѣсто, не выдѣляетъ Петра изъ ряда Апостоловъ, но говоритъ: „если Петръ есть основаніе, то и всѣ Апостолы; если на немъ создана Церковь, то столько же и на прочихъ“... Не называя Петра какимъ-нибудь особымъ основаніемъ, отличнымъ отъ Христа, онъ продолжаетъ: „Петръ—членъ Христа, какъ Онъ и сказалъ своимъ ученикамъ: *вы во Мнѣ, и Я въ васъ* (Іоан. XIV, 20). Христосъ есть основаніе всѣхъ своихъ Апостоловъ, а Апостолы—основаніе для всѣхъ тѣхъ, которые чрезъ нихъ повѣровали“ [1]).

Блаженный Августинъ своимъ толкованіемъ даннаго мѣста дополняетъ св. Кипріана; онъ также разумѣетъ Петра, къ которому обращены были слова Господу: *и на семъ камени созижду Церковь Мою*,—въ смыслѣ представителя и образа единой Церкви. „Евангеліе, пишетъ онъ, увѣщеваетъ насъ считать Петра апостола образомъ единой Церкви. Ибо Петръ въ порядкѣ Апостоловъ первый, въ любви ко Христу—пламеннѣйшій, *часто одинъ отвѣчаетъ за всѣхъ*. Такъ, когда спрашивалъ Господь: *кого глаголютъ Его человѣцы быти*? и ученики представляютъ въ отвѣтъ разныя мнѣнія людей,—и Господь опять спросилъ и сказалъ: *вы же кого Мя глаголете быти?* Петръ отвѣчалъ: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго*. Одинъ далъ отвѣтъ за всѣхъ: *единство во всѣхъ*. Тогда говоритъ ему Господь: *блаженъ еси Симоне*... потомъ присовокупилъ: *и Азъ тебѣ глаголю*... Какъ бы такъ говоритъ Онъ: „такъ какъ ты сказалъ Мнѣ: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго*, то *и Азъ тебѣ глаголю: ты еси Петръ*“; ибо онъ звался прежде Симономъ. А это имя, чтобы звался Петромъ, Господомъ возложено на него; и это въ томъ значеніи, чтобъ онъ знаменовалъ Церковь“ [2]). Въ другомъ

---

[1]) Curs. Compl. Migne. T. XVII, col. 949. 1845 г.

[2]) Op. s. Aug. T. V, p. 415. Sermo in Math. de Domino Ambulante.

мѣстѣ тотъ же отецъ такъ объясняетъ эти слова Господа: *на семъ камени созижду Церковь Мою: на Себѣ Самомъ, Сынѣ Бога живаго, созижду Церковь Мою, на Себѣ созижду тебя, а не на тебѣ Себя* [1]). Точно также Августинъ объясняетъ слова Христовы о ключахъ и о власти вязать и рѣшить. „Не въ Церкви ли тѣ ключи, гдѣ ежедневно отпускаются грѣхи? Въ ней. Такъ какъ Петръ знаменательно представлялъ собою лице Церкви, то данное ему одному дано было Церкви“ [2]). И далѣе. „Неужели ключи тѣ получилъ Петръ, а Павелъ не получилъ? Получилъ Петръ, а Іоаннъ, Іаковъ и прочіе не получили?.. Петръ ради первенства своего апостольства изображалъ собою Церковь, знаменуя ея всеобщность. Что касается до него собственно, то онъ былъ по природѣ только человѣкъ, по благодати—только христіанинъ, по обильнѣйшей благодати—только первый апостолъ. Но когда говорено было ему: *дамъ ти ключи царства небеснаго: и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ; и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ,* тогда онъ представлялъ вселенскую Церковь, которая хотя и колеблется въ настоящемъ вѣкѣ различными искушеніями, какъ бы дождями, рѣками, бурями, однако, не падаетъ какъ основанная на камнѣ, отъ котораго Петръ получилъ имя. Ибо не отъ Петра камень, но Петръ отъ камня, точно также, какъ и имя Христосъ не отъ христіанина, но христіанинъ отъ Христа“ [3]).

Объясняя слова Спасителя: *любиши ли Мя*—Августинъ учитъ: „Не однажды, но въ другой и третій разъ спрашиваетъ Господь: *любитъ ли Его Петръ*. Столько же разъ слышитъ Онъ и отъ Петра: *люблю Тя*,—столько же разъ поручаетъ Онъ Петру и *пасти овецъ Своихъ*. Троекратное отреченіе вознаграждается троекратнымъ исповѣданіемъ, чтобы языкъ послужилъ любви столько-же, сколько служилъ онъ страху... Да будетъ пасеніе стада Господня дѣломъ

---

[1]) Слово на день св. апостолъ Петра и Павла. „Воскресн. Чтеніе“. Т. 17, стр. 95. Кіевъ. 1853—54 г. Homil. 76. Opera T. V, pars. 1, p. 290. Antwerpen, 1700.

[2]) Hom. in Acto Apost. 149. Op. T. V, p. 1, p. 492.

[3]) Hom. in Johan. 124. T. III, par. 2, pag. 599.

любви, если отрицаніе отъ Пастыря ознаменовано уже было страхомъ. Кто въ такомъ духѣ пасетъ овецъ Христовыхъ, что хочетъ, чтобъ онѣ были его, а не Христовы, тотъ любитъ себя, а не Христа, по страсти или къ тщеславію, или къ господству, или къ корысти, а не изъ любви повиноваться, подчиняться и угождать Богу. Тѣхъ касается оный гласъ Христовъ, трижды повторенный, которыхъ апостолъ называетъ ищущими *своихъ си, а не яже Христа Іисуса* (Филип. 2, 21). Ибо что значитъ: *любиши ли Мя? паси овцы Моя*, если не слѣдующее: „если любишь Меня, то не думай пасти себя, но паси овецъ Моихъ, какъ Моихъ, а не какъ своихъ, ищи *въ нихъ Моей славы, а не своей, Моего господства, а не своего: Моего прибытка*, а не своего, да не будешь общникомъ всего того, что имѣетъ быть во времена люта у любящихъ самихъ себя?“ [1]).

Св. Іоаннъ Златоустъ, объясняя слова Евангелія: *дуну, и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ: имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ; и имже держите, держатся* (Іоан. 20, 22, 23), пишетъ: „какъ царь, посылая правителей, даетъ имъ власть и заключать въ темницу, и освобождать изъ темницы; такъ и Христосъ, посылая учениковъ, облекаетъ ихъ такою же властію... Не погрѣшитъ тотъ, кто скажетъ, что и тогда ученики получили нѣкоторую духовную власть и благодать, только не воскрешать мертвыхъ и совершать чудеса, а отпускать грѣхи, такъ какъ различны дарованія Духа“...

Объясняя, наконецъ, слова Христовы: *любиши ли Мя, паси агнцы, паси овцы Моя*, тотъ же учитель пишетъ: „преимущественно предъ всѣмъ мы пріобрѣтаемъ благоволеніе своимъ попеченіемъ *о ближнихъ*. Вотъ этого и Христосъ требуетъ отъ Петра. Когда трапеза учениковъ приходила къ концу, *глагола Симону Петру Іисусъ: Симоне Іонинъ, любиши ли Мя паче сихъ? глагола Ему: ей Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя. Глагола ему: паси овцы Моя* (Іоан. 21, 15, 16). Почему же Христосъ помимо другихъ учениковъ бесѣдуетъ объ этомъ съ Петромъ? Потому что онъ былъ избранный изъ апостоловъ, уста учениковъ, верховный въ ихъ ликѣ,

[1]) Іѣ. р. 595—596.

отъ чего и Павелъ приходилъ нѣкогда видѣть его преимущественно предъ другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ поручаетъ ему попеченіе о братіи и для того, дабы показать, что отнынѣ онъ долженъ имѣть дерзновеніе, такъ какъ отреченіе его предано забвенію. Не вспоминаетъ Христосъ объ его отреченіи и не порицаетъ его за то, что было; но говоритъ: „если ты любишь Меня, то заботься о братіи; покажи теперь ту горячую любовь, которую ты всегда обнаруживалъ и которою утѣшался; душу свою, которую ты обѣщалъ положить за Меня, предай за Моихъ овецъ. Будучи спрошенъ въ первый и во второй разъ, Петръ призвалъ въ свидѣтели (своей любви) Самого Вѣдущаго сокровенныя тайны сердца. Когда же потомъ спрошенъ былъ и въ третій разъ, то смутился, убоявшись, чтобы опять не случилось того же, что было прежде; потому что и тогда онъ говорилъ съ увѣренностію, но послѣдствія опровергли его. Поэтому снова прибѣгаетъ ко Христу и говоритъ: *Ты вѣси вся*, т. е. и настоящее, и будущее. Видишь, какъ онъ исправился и сталъ благоразумнѣе. Уже не упорствуетъ въ своемъ мнѣніи и не противорѣчитъ. Поэтому-то онъ и смутился. „Можетъ быть, я думаю только, будто люблю, а на самомъ дѣлѣ не люблю, какъ и прежде я много думалъ о себѣ и говорилъ съ увѣренностію, но послѣдствія опровергли меня“. А троекратно Христосъ спрашивалъ его и троекратно заповѣдуетъ ему одно и то же, дабы показать какъ высоко Онъ цѣнитъ попеченіе о Своихъ овцахъ, и что это въ особенности служитъ знакомъ любви къ Нему“ [1]).

Достаточно этихъ свидѣтельствъ, чтобы убѣдиться, что наше толкованіе обѣтованій, изреченныхъ Господомъ ап. Петру, есть толкованіе обще-церковное, свято-отеческое. Изъ совокупности приведенныхъ свидѣтельствъ мы получаемъ: что хотя первенство Петрово признавалось въ Церкви Апостольской, но оно не соединялось въ представленіяхъ какъ самихъ апостоловъ, такъ и ихъ преемниковъ съ какими-либо особыми благодатными преимуществами, что̀ первымъ получилъ ап. Петръ, то получили и прочіе апо-

[1]) Бесѣды на Еванг. Іоанна, въ р. пер. Т. II, стр. 542—543.

столы и ни въ чемъ не были умалены предъ нимъ; что Петръ хотя и названъ камнемъ, но въ томъ же смыслѣ, какъ и всѣ апостолы, какъ и всѣ истинно вѣрующіе,—что въ основу вселенской Церкви положенъ не Петръ, но вѣра, исповѣданная Петромъ, и общая у него съ прочими апостолами; что послѣ апостоловъ не только не было какого-либо общецерковнаго главенства, не было даже и обще-церковнаго первенства.

Распутавъ такимъ образомъ первый узелъ, мы можемъ легко распутать и послѣдующіе тѣмъ болѣе, что они еще слабѣе первыхъ.

Объяснивши обѣтованія Господни Петру, приведенныя нами выше, авторъ продолжаетъ: „Для полноты изложенія слѣдовало бы доказать теперь, что *Главенство* разъ признанное въ лицѣ ап. Петра, *перваго римскаго Первосвященника* и *учредителя римскаго Епископства,* необходимо должно быть признано и за всѣми прочими преемниками его въ римской каѳедрѣ. (Конечно, слѣдовало бы). Но такъ какъ, во первыхъ, это ужь слишкомъ очевидно по себѣ (это *очевидно* и есть обычный пріемъ оо. іезуитовъ), а во вторыхъ, въ этомъ вопросѣ большею частію отвергается противниками именно *первенство* Петра (совсѣмъ нѣтъ, именно *первенство* то и не отвергается, а отвергается *главенство*), а не преемство этого преимущества (совершенно напротивъ—отвергается именно *преемство*: видите, какъ авторъ хитритъ и путаетъ) то полагаю безцѣльнымъ далѣе распространяться по этому поводу и потому напомню только объ одномъ существенномъ и непререкаемомъ доказательствѣ этой истины. Такъ какъ изъ сказаннаго ясно вытекаетъ, что первенство Петра было неизбѣжнымъ условіемъ существованія самой церкви (нисколько не вытекаетъ,—и авторъ говоритъ неправду)—нелѣпо было бы допустить, что она могла лишиться этого жизненнаго условія, со смертію перваго римскаго епископа (разумѣй ап. Петра); ибо это равнялось бы полному крушенію всѣхъ Христовыхъ предначертаній (стр. 91—92). „Все это авторъ выдумываетъ, чтобы напугать читателя. Церковь, какъ мы видимъ, осталась и безъ главенства и безъ первенства, но не потерпѣла никакого ни въ чемъ крушенія; ибо кормчій ея—

есть вседержавный Владыка, Царь царей и Господь господей,—Іисусъ Христосъ. Исторія напротивъ свидѣтельствуетъ, что пока не было латинскаго главенства, церковь была чище, тверже и непогрѣшимѣе,—а какъ скоро стало утверждаться это главенство, Церковь Христова подверглась и подвергается великимъ бѣдствіямъ.

Нѣсколько ниже авторъ опять возвращается къ тому же предмету. Сдѣлавши выводъ изъ своихъ объясненій, приведенныхъ нами выше, что „Петру дано продолжать на землѣ жизненную дѣятельность Самого Христа“,—авторъ пишетъ:

„Безъ сомнѣнія, здѣсь встрѣчается много неясностей и недоумѣній (надо бы сказать сильнѣе *и лжи*). Безъ сомнѣнія, относительно каждаго изъ помянутыхъ преимуществъ, званій, даровъ, относительно ихъ объема, предѣловъ, значенія, можно возбудить много толковъ и даже затрудненій (сознается). Но не преніями и не діалектическими спорами (?) питалась вѣра и любовь въ пещерахъ первоначальнаго, подземнаго христіанства. Одно только было и тогда ужь ясно для всѣхъ (совершенно неясно, какъ мы видимъ), именно: что первый въ церкви есть римскій первосвященникъ (это уже спустя долго), что онъ есть *Верховный Представитель Христа* (никогда этого не знала Церковь), что ему подобаетъ почесть и повиновеніе,—и это было вполнѣ достаточно (?!). Увы! слишкомъ скоро настанетъ время жалкихъ пререканій, плачевныхъ раздоровъ и возмущеній. Успѣютъ тогда вдоволь разсуждать, спорить, доказывать и опредѣлять. (Какъ подумаешь, неповинны ни въ чемъ подобномъ латины!) Опредѣленія и доказательства не предшествуютъ отрицанію, а только слѣдуютъ за нимъ“.

„Дѣйствительно, когда обращаемся къ первымъ временамъ христіанства, и задолго до всякихъ догматическихъ преній и опредѣленій, мы наталкиваемся на два выдающіеся и вполнѣ несомнѣнные историческіе факты. *Первый тотъ*, римскіе Первосвященники *всегда обладали полнымъ и яснымъ сознаніемъ даннаго имъ свыше духовнаго полномочія*. Они пользовались имъ разборчиво (?!) съ крайнею осмотрительностію (какъ тяжело читать такую беззастѣнчивую ложь!), но за то, въ такихъ случаяхъ, оно всегда проявлялось съ

такою рѣшимостію, съ такою опредѣлительностію, что подавляло немедленно сопротивленіе. *Второй*, что съ своей стороны, сама Церковь всегда обладала совершенно такимъ-же полнымъ и яснымъ *сознаніемъ* права, присущаго римскому Первосвященнику, учить Христову Церковь и править ею. Явленіе это до такой степени очевидно, что исторія первоначальнаго христіанства можетъ быть почти названа исторіею церковныхъ событій, совершившихся подъ взаимнымъ вліяніемъ этого двойственнаго сознанія".—Это до такой степени нелѣпая и намѣренная ложь, что мы не считаемъ нужнымъ вдаваться въ ея разборъ послѣ нами уже представленнаго изслѣдованія. И самъ авторъ чувствуетъ себя безсильнымъ доказать чѣмъ-нибудь свои выдумки, названныя имъ—фактами. Говоря о первыхъ вѣкахъ христіанства, онъ однако-жъ не приводитъ ни одного свидѣтельства изъ этого времени, и беретъ свидѣтельства изъ *пятаго* вѣка и какія свидѣтельства?—свидѣтельства, рѣшительно ничего недоказывающія. Такъ онъ приводитъ слова Целестина (1-го 423—32 г.), сказанныя имъ легатамъ при отправленіи ихъ на Ефесскій Соборъ: *въ случаѣ несогласія во мнѣніяхъ, имѣйте въ виду, что ваша обязанность не спорить, а рѣшать* (т. е. опредѣлять). Это совершенно справедливо;—каждый епископъ долженъ былъ такъ говорить своимъ представителямъ на Соборѣ. На Соборъ Отцы собирались не для диспутовъ, а для опредѣленій. Въ такомъ же родѣ ссылка и на слова папы Льва Великаго. „Относительно сего предмета не слѣдуетъ болѣе разсуждать, а подобаетъ вѣрить. Ибо въ посланіи нашемъ къ блаженной памяти Флавіану мы вполнѣ и весьма ясно рѣшили все то, чему слѣдуетъ вѣрить относительно таинства воплощенія" [1]). И въ такомъ видѣ эта ссылка ничего не говоритъ ни о

[1]) Авторъ искажаетъ переводъ (т. е. употребляетъ *благочестивую ложь*). Вотъ подлинныя слова по изданію Mansi: Unde, fratres carissimi, rejecta penitus avdacia disputandi contra fidem divinitus inspiratam, vana errantium infidelitas conquiescat, nec liceat defendi. quod non licet credi: cum secundum evangelicas anctoritates, secundum propheticas voces, apostolicamque doctrinam plenissime et lucidissime per litteras, quas ad beatae memoriae Flavianum Episcopum misimus, fuerit declaratum,

верховенствѣ, ни о непогрѣшимости. Ничего не говорятъ, какъ мы показали, и возгласы Отцевъ на вселенскомъ IV-мъ Соборѣ по прочтеніи вѣроизложенія, присланнаго отъ этого папы. Дальнѣйшія-же ссылки на папъ Иннокентія и Агаѳона, „что всѣ епископы должны относиться только къ ап. Петру“ и что „будто-бы Церковь римская никогда не уклонялась отъ истины, и что всѣ вселенскіе Соборы всегда принимали ея ученіе, какъ ученіе самого главы Апостоловъ“—по нашему мнѣнію, тоже не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ эти ссылки служатъ выраженіемъ того духа превозношенія и самомнѣнія, которыя слѣдуетъ осуждать какъ духъ антицерковный. (См. выше). Такимъ образомъ хотя очень храбро авторъ говоритъ о первыхъ вѣкахъ,—но ничѣмъ не доказываетъ своихъ словъ.

Впрочемъ, онъ и не особенно заботится объ этомъ. Приведенными словами онъ дѣлаетъ отводъ вниманія читателей отъ законныхъ требованій—представить свидѣтельства о главенствѣ папы изъ каждаго вѣка въ отдѣльности, а вмѣсто того наводитъ читателей на свидѣтельства другого рода,—на свидѣтельства, заимствованныя изъ богослужебныхъ книгъ восточной церкви и разставленныя по вѣкамъ; такимъ образомъ выходитъ, что церковь VIII-го и IX-го вѣковъ, когда преимущественно составлялись наши богослужебныя книги,—свидѣтельствуетъ за всѣ предшествующіе вѣка о главенствѣ ап. Петра и его преемниковъ въ Римѣ,—именно: что будто бы „ап. Петръ былъ главою апостоловъ

---

quae sit de Sacramento incarnationis Domini nostri Jesu Christi pia et sincera confessio. Sacrorum Conciliorum ampliss. collectio Mansi. T. V. Epistolarum S. Leonis M. continuatio col. 134. c. II.

Въ русск. изданіи это мѣсто переведено такъ: Поэтому, возлюбленнѣйшіе братія, совершенно отложивъ дерзость спорить противъ вѣры, отъ Бога намъ внушенной, пусть умолкнетъ суетное невѣріе заблуждающихъ. И не слѣдуетъ защищать то, чему не должно вѣровать; потому что, на основаніи евангельскаго авторитета, пророческихъ внушеній и апостольскаго ученія весьма ясно и полно изложено было въ нашихъ посланіяхъ, которыя мы послали къ блаженной памяти Флавіану, каково должно быть благочестивое и искреннее исповѣданіе относительно таинства воплощенія Господа нашего Іисуса Христа. Дѣяній Соб. см. т. III. Изд. 1880 г. стр. 53.

и его *главенство* надъ *всѣмъ апостольскимъ соборомъ* даровано Самимъ Іисусомъ Христомъ, что ап. Петръ истинная и недвижимая послѣ Христа основа вселенской церкви; что онъ начало православія, верховный пастырь всѣхъ христіанъ и необходимый учитель во всемъ до вѣры касающемся" и проч. и проч. (стр. 99). Вотъ эти пѣснопѣнія: „Достославне апостоле Петре, вопіемъ къ тебѣ: радуйся *первыйшее по Христѣ* между апостолы церкве святыя основаніе! Радуйся крѣпкій вѣры православныя столпе и утвержденіе! Первосѣдальниче апостольскаго совокупленія!" „Святый верховный апостоле Петре, первый престольниче апостольскій, твердый исповѣданіемъ твоимъ каменю вѣры, *недвижимое по Христѣ основаніе церкви*, пастырю словеснаго стада Христова, ключарю Царствія Небеснаго, ловче извлекающій изъ глубины невѣдѣнія, всѣмъ яко пріялъ еси отъ Бога власть вязати и разрѣшати". „Яко суща тверда Христосъ тя камень нарече Петра, и на тебѣ церковь, ея же адова врата не одолѣютъ". „Верховное основаніе апостоловъ, Рима же ты былъ еси первый епископъ, и церкви, Петре, утвержденіе" и проч. (стр. 98).

Авторъ торжествуетъ, приведши эти слова нашихъ пѣснопѣній, и довольствуется ихъ буквальнымъ смысломъ. Но мы на это замѣтимъ автору, что если мы будемъ руководствоваться его пріемами,—то на основаніи тѣхъ же церковныхъ пѣснопѣній придемъ къ совершенно другимъ выводамъ. Оказывается, что нѣкоторые изъ апостоловъ и для самаго ап. Петра служатъ основаніемъ, что и надъ его главенствомъ есть еще главенство;—и что хотя онъ верховнѣйшій, однакожъ и надъ нимъ есть еще верховнѣе. Такъ, въ греческомъ синаксарѣ на 30-е іюня Петръ называется только *первымъ* изъ апостоловъ, а Павелъ *верхомъ* (по гречески корифеемъ или по латыни княземъ) апостоловъ; *верхомъ апостоловъ* называется Іаковъ Зеведеевъ (стихира 2-я на Господи воззвахъ); *верховнымъ апостоловъ, трубою богословія,* духовнымъ воиномъ, *покорившимъ Богу всю вселенную,—зрителемъ* неизреченныхъ откровеній и *сказателемъ* вышнихъ Божіихъ тайнъ, апостоломъ возлюбленнымъ Христу Богу именуется св. Іоаннъ Богословъ. Въ похвальномъ словѣ

Андрею апостолу — Исихія, іерусалимскаго пресвитера († 492 г.), читаемъ: „труба насъ священная къ торжеству собра; Андрей, иже лика апостольскаго первороженъ, *прежде водруженный церкве столпъ, прежде Петра Петръ, основанію основаніе, начала начало;* иже прежде звану быти зовый; прежде приведену быти приводяй“ и т. д. Тотъ же писатель объ апостолѣ Іаковѣ братѣ Божіемъ выражается такъ: „Како похвалю раба Христова и брата, новаго Іерусалима архистратига, священникомъ владыку, апостоломъ экзарха, во главахъ верхъ, въ свѣщницѣхъ свѣтлѣйша“. *Петръ народы учитъ: но Іаковъ законополагаетъ, и малы рѣченія сократиша вопрошенія величество: азъ сужду не стужати еже отъ языкъ* и проч. (Дѣян. 15, 19) [1]). И такъ, апостолы: Павелъ, Іаковъ Зеведеевъ и братъ его Іоаннъ Богословъ и Іаковъ братъ Божій, поставленный во епископа іерусалимской церкви отъ Самого Господа,—были верховнѣе Петра апостола? Если мы такъ будемъ толковать и объяснять хвалебныя пѣснопѣнія церкви, мы никогда не разберемся въ нихъ. Латины будутъ выставлять ап. Петра, а мы выставимъ св. ап. Павла, или Андрея, или Іакова брата Божія. Въ томъ-то и дѣло, что такого рода толкованія есть плотской образъ мыслей, осужденный Самимъ Господомъ, обличенный и укоренный св. ап. Павломъ въ коринѳянахъ. Въ святомъ обществѣ Апостоловъ рѣшительно не было того первенства, или верховенства, или абсолютнаго главенства, какое паписты усматриваютъ въ ап. Петрѣ; оно противно самому существу Христовой Церкви,—какъ уже это раскрыто нами выше,—и потому православною Церковію не только никогда не было, но и не можетъ быть признаваемо, какъ чуждое истины,—какъ ложь, какъ заблужденіе. Объясняйте, какъ хотите наши хвалебные гимны апостоламъ, только никакъ не въ томъ смыслѣ, какой вы намъ навязываете.

Послѣ сего неизвѣстный авторъ приводитъ изъ церковныхъ пѣснопѣній свидѣтельства на то, что русская Церковь исповѣдуетъ преемство Петрова главенства въ лицѣ римскихъ епископовъ, именно: Климента, Сильвестра, Льва,

[1]) Рукоп. Моск. Синод. Биб. № 217 л. 81 и слѣд.

Мартина, и Григорія. Онъ пишетъ: „О преемствѣ признаннаго этою Церковію главенства верховнаго Апостола на личность каждаго изъ его наслѣдниковъ по римскому престолу, вотъ какъ она сама выражается".

Въ I-мъ и II-мъ вѣкѣ (?).

„Обращаясь къ папѣ св. Клименту, русская Церковь поетъ ему: „Петра верховнаго ученикъ, Отче, бывъ, на камени того создалъ еси, яко камень честный тебе самого, всехвальне"; „на камень возшедъ вѣры страстотерпче, неуклоненъ пребылъ еси во искушеніи сопротивныхъ". „Церкве недвижиміи пургове, благочестія божественніи столпи. Во истину крѣпцыи Климентъ съ Петромъ".—„Другій Моусей Климентъ, законы божественніи всѣмъ излагая и священная пиша ученія и церковное все вчиняеши исполненіе, отсюду законоположника тя и учителя вси имуще вѣрою чтимъ. Священно-начальникъ явился еси къ благочестивѣй вѣрѣ Христовой вся возводя Божественными твоими сказаніи... Новый Петръ, Петрова престола преемникъ показался еси просвѣщая всю тварь". Изъ „Четь-Миней": „Скончавшемуся же Петру и по немъ епископу Лину, также епископу Клиту, правяше Климентъ въ Римѣ корабль Церкве Христовы".

Свидѣтельства повидимому, сильныя, но на самомъ дѣлѣ это—образчикъ той фальши, той преднамѣренной лжи, въ которой мы обличили выше богословскую латинскую науку и латинское мышленіе. Свидѣтельства, дѣйствительно, взяты изъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, но какъ взяты?—весьма недобросовѣстнымъ образомъ.—Нужно замѣтить, что въ день памяти св. Климента римскаго 25 Ноября, совершается также память св. Петра александрійскаго, пострадавшаго въ 311 году—25 Ноября. Какъ ревнитель папизма, нашъ авторъ надергалъ свидѣтельства изъ пѣснопѣній, составленныхъ въ честь сего послѣдняго, и все отнесъ св. Клименту, таковы слѣдующія свидѣтельства: „на камень возшедъ вѣры страстотерпче (Петре), неуклоненъ былъ еси во искушеніи сопротивныхъ [1]). „Новый Петръ", Петрова „престола *преемникъ*

[1]) Канонъ святителю Петру, „его же краегранесіе (акростихъ): Восхваляю трибогатаго Петра". Пѣснь 5. тр. I.

показался еси просвѣщая всю тварь“ [1]); а слова: „Церкве недвижимiи пургове, благочестiя божественнiи столпи, во истину крѣпцыи, Клименте съ Петромъ“ [2]); относятся къ обоимъ святителямъ. И такъ, если мы приведенныя авторомъ свидѣтельства—одни отдѣлимъ въ честь и похвалу св. Петра епископа александрiйскаго, а другiя—въ честь и похвалу св. Климента римскаго, то окажется, что пѣснопѣнiя *не* Климента считаютъ *преемникомъ Петру,* а *александрiйскаго святителя Петра.* Да если бы св. Климентъ и названъ былъ преемникомъ апостола Петра (а онъ, дѣйствительно, названъ, пѣснь 8, тр. 1, но авторъ не досмотрѣлъ), то это не значило бы, что Церковь считаетъ его преемникомъ всей полноты *власти Петровой.* Такихъ преемниковъ ап. Петру пѣснопѣнiя указуютъ еще въ антiохiйскихъ епископахъ. Такъ преемникомъ св. Петра именуется Мелетiй, тотъ самый, котораго римскiй престолъ считалъ отлученнымъ отъ Церкви и съ которымъ не входилъ въ общенiе. Церковь возглашаетъ: *Явственно священнотаинниче преизяществовавъ, Петра престолъ наслѣдовалъ еси верховнаго, отъ Христа рукоположеннаго, его же и нраву поревновавъ, Сына Бога живаго, Спаса прославилъ еси, ученiемъ онаго послѣдуя* [3]). Онъ же называется и предсѣдателемъ II-го вселенскаго Собора. *Святый тя Соборъ первостоятеля имяше, Богопрiятне, егоже Святый Духъ отъ конецъ воедино собра, пѣснословящыя того божество: благословенъ еси Боже отецъ нашихъ* [4]).

Что касается до ссылки на „Четьи-Минеи“ Димитрiя Ростовскаго, то въ полномъ составѣ приведенное мѣсто читается такъ: „Постави же его (Климента) Петръ епископомъ прежде своего отъ Нерона распятiя. Скончавшемуся же Петру и по немъ епископу Лину, таже епископу Клиту, правяше Климентъ въ Римѣ добрѣ корабль Церкве Христовы посредѣ волненiя и бури, яже бѣ тогда отъ мучителей возмущаема: и пасяше Христово стадо со многимъ тру-

---

[1]) Пѣсни 4. тр. 3. (кан. св. Петру) и пѣснь 8, тр. I (кан. св. Клименту).

[2]) По третьей пѣсни кондакъ гл. 4.

[3]) 12 февраля Пѣснь 4, тр. 1.

[4]) Пѣснь 7, тр. 1.

домъ и терпѣніемъ, окружаемь сый отвсюду аки львами рыкающими и волками хищными, лютыми гонительми ищущими поглотити и потребити христіанскую вѣру“ [1]). Въ этомъ видѣ слова святителя Димитрія не дають никакой мысли о единовластительствѣ римскаго епископа; ибо онъ говоритъ языкомъ священнымъ; святые апостолы представляли Церковь единымъ стадомъ, но управляемымъ многими пастырями. Такъ св. ап. Павелъ говоритъ: „внимайте убо себѣ и всему стаду *въ немъ-же* васъ Духъ Святый постави епископы, пасти *Церковь* Господа и Бога юже стяжа кровію Свою“ (Дѣян. 20, 28). Точно также выражается и св. ап. Петръ: *пасите еже въ васъ стадо Божіе* (1 Петр. 5, 2).

Послѣ этихъ сличеній дальнѣйшія ссылки разбирать я считаю излишнимъ. Сдѣлаемъ одно замѣчаніе по поводу названія св. Льва папы римскаго—*Славою православной Церкви Христовой*. Слово *глава* мы, православные, не разумѣемъ въ такомъ безусловномъ смыслѣ, какъ разумѣютъ его паписты. Главенство можетъ быть понимаемо въ разныхъ смыслахъ; главою называется верховную власть имѣющій: напр. государь—глава государства; главою же именуется власти не имѣющій, но предсѣдательствующій и первенствующій въ собраніи равныхъ себѣ лицъ; таковы президенты разныхъ правительственныхъ учрежденій и собраній. Поэтому, если Церковь величаетъ св. Льва главою православныя Церкви, то почему непремѣнно нужно понимать это наименованіе въ латинскомъ смыслѣ, въ смыслѣ исключительнаго верховенства его въ Церкви вселенской и чрезвычайной его власти надъ нею. Мы утверждаемъ, что Церковь величаетъ св. Льва главою Церкви въ смыслѣ его личныхъ достоинствъ и великаго служенія дѣлу вселенскаго православія. Церковь православная въ немъ имѣла такого же выразителя православнаго ученія о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ, какъ въ свое время—имѣла такихъ выразителей православнаго ученія о божествѣ Сына Божія въ лицѣ св. Аѳанасія александрійскаго и св. Василія Великаго, ученія о божествѣ

[1]) „Четьи-Минеи“ мал. формат. изд. 1864 г. Ноябрь 25, стр. 124 на обор.

Святаго Духа—въ лицѣ Григорія Богослова, и ученія о воплощеніи Сына Божія—въ лицѣ Кирилла александрійскаго. Что мы справедливо разсуждаемъ, это мы доказываемъ тѣмъ, что св. Льву положенъ тропарь общій со всѣми святителями-исповѣдниками, который читается такъ: „Православія наставниче, благочестія учителю и чистоты, вселенныя свѣтильниче, архіереевъ Богодухновенное удобреніе, святителю Льве, премудре, ученьми твоими вся просвѣтилъ еси, цѣвнице духовная: моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ". Этотъ же тропарь поется св. Кириллу александрійскому, св. Стефану Савваиту, творцу каноновъ (окт. 28), св. Іоанну Дамаскину (дек. 4) и под. Когда этотъ тропарь поется симъ святымъ, то вмѣсто имени св. Льва вставляется другое имя. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что хотя св. Левъ и именуется разными хвалебными именами, но не исключается изъ ряда такихъ святыхъ, какъ св. Кириллъ александрійскій, Стефанъ Савваитъ, Іоаннъ Дамаскинъ и др. Слѣдовательно, о главенствѣ въ латинскомъ смыслѣ не можетъ быть и рѣчи.

Чтобы дать читателямъ общее понятіе о характерѣ церковныхъ пѣснопѣній, приведемъ пѣснопѣнія, составленныя въ честь св. апостолъ Петра и Павла и сличимъ съ ними пѣснопѣнія въ честь трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго.

Въ честь св. Апостоловъ поются, напр., слѣдующія пѣснопѣнія: на малой вечерни стихиры: „Далъ еси утвержденіе Церкви Твоей Господи, Петрову твердость и Павловъ разумъ, и свѣтлую мудрость, и обоихъ богогласіе истинное, еллинскую прелесть отгонящее; тѣмъ же тайноводими отъ обоихъ, поемъ Тя, Іисусе всесильне, Спасе душъ нашихъ". Стихиры на стиховнѣ: „Петре апостоловъ основаніе, каменю Христовы Церкве, христіановъ начало, паси овцы твоего двора славно: агнцевъ твоихъ сохрани отъ волковъ льстивыхъ, избави стадо твое отъ напастей лютыхъ: тя бо молитвенника къ Богу неусыпна стяжахомъ воистину, и о тебѣ хвалящеся спасаемся вси". „Павле, языковъ ловче, христіанъ предстателю, вселенныя свѣтильниче, уста немолчна Христа живаго Бога, обтекшій якоже солнце концы вся, проповѣ-

данiемъ божественныя вѣры, разрѣши отъ узъ грѣховныхъ, вся восхваляющыя тя и красящыяся молитвами твоими".

На великой вечерни языкъ пѣснопѣній восторженнѣе и сильнѣе: „Кiими похвальными вѣнцы увяземъ Петра и Павла, раздѣленныя тѣлесы и совокупленныя духомъ, богопроповѣдниковъ первостоятели; оваго убо яко апостоловъ предначальника, оваго же, яко паче инѣхъ трудившася; сихъ бо воистину достойно безсмертныя славы вѣнцы вѣнчаетъ Христосъ Богъ нашъ, имѣяй велiю милость".

Тропарь въ честь ихъ поется слѣдующiй: „Апостоловъ первопрестольницы и вселенныя учителiе, Владыку всѣхъ молите, миръ вселеннѣй даровати и душамъ нашимъ велiю милость" [1]).

Подобнымъ образомъ величаются и упомянутые великiе Святители. Стихиры на великой вечерни въ честь ихъ положены слѣдующiя: 1-я, „Благодати органы, гусли Духа, благознаменитыя трубы проповѣданiя, страшныя и достослышанныя, съ высоты шумящыя громы, и славу Божiю сказующыя концемъ; три проповѣдники великiя Троицы, Iоанна и Василiя достойно съ Григорiемъ прославимъ". 2-я, „Троицы поборницы, благочестiя забрала, иже по дванадесятихъ трiе Апостоли изъ Едема точащыя воду живущую рѣки, и лице земли животочными напояющыя божественными струями, великiя стихiи; вѣру якоже тварь составльшыя, достодолжно да почтутся". 5-я, „Кiими похвальными вѣнцы вѣнчаемъ учители, раздѣленныя тѣлесы и совокупленныя духомъ; богоносные предстатели, Троицы единочисленныя и служители; свѣтила, вселенную просвѣщающая: церковныя столпы,—яже вѣнцы славы, яко побѣдившыя, вѣнчаетъ Христосъ Богъ нашъ, имѣяй велiю милость". 8-я, „Кiими похвальными вѣнцы вѣнчаемъ Златослова, вкупе съ Василiемъ Григорiа; честная прiятелища Духа; твердыя вѣры поборники, столпы церковныя, вѣрныхъ утвержденiе; всѣхъ согрѣшающихъ утѣшенiе: источники точащыя воду, отъ нея же почерпающе услаждаемся душами, просяще прощенiя согрѣшенiй и велiя милости" и т. д. Общiй тропарь имъ слѣдующiй: „Яко Апо-

[1]) Служба на 29-е iюня.

столовъ единонравніи, и вселенныя учителіе, Владыку всѣхъ молите миръ вселеннѣй даровати и душамъ нашимъ велію милость“ [1]).

Въ частности св. Іоаннъ Златоустъ и св. Василій Великій называются основаніями Церкви въ слѣдующихъ выраженіяхъ;—св. Іоаннъ Златоустъ: „Неразоримо тя основаніе Христосъ утверди своей Церкви, Отче преподобне: соблюдающу сію непозыблему и необориму вражіими прилоги, богоглаголиве Златоусте: и молящася отъ страстей душетлѣнныхъ избавитися, жаждущымъ твоихъ словесъ и пучины разумѣній“ [2]).

Св. Василій Великій: „явился еси основаніе непоколебимое Церкве: подая всѣмъ некрадомое господство человѣкомъ, запечатлѣя твоими велѣньми, небоявленне Василіе преподобне“! [3]).

По этимъ образцамъ всякій читатель можетъ составить себѣ ясное понятіе о характерѣ церковныхъ пѣснопѣній, и согласится съ нами, что наше правило совершенно вѣрно:—пѣснопѣнія слѣдуетъ изъяснять по вѣроизложеніямъ и церковнымъ правиламъ, а не наоборотъ, по пѣснопѣніямъ вѣроизложенія и церковныя правила, какъ хотятъ паписты. Вообще имъ слѣдовало бы спросить насъ: какъ мы толкуемъ церковныя пѣснопѣнія, благопріятствующія ихъ взглядамъ, и почему толкуемъ именно такъ, а не иначе,—и сообразно съ тѣмъ объяснять ихъ.—Оо. іезуиты уже не разъ ссылались на наши богослужебныя книги,—и не разъ получали разъясненія съ нашей стороны [4]);—но тѣмъ не менѣе ничего не хотятъ слышать, и все твердятъ свое, передергивая ссылки, обрывая тексты и навязывая имъ свой смыслъ. Такъ нельзя вести диспуты о соединеніи церквей. Это не

---

[1]) Минея 30 Янв.

[2]) Стих. 3-я на мал. веч. 30 Янв.

[3]) По 6-ой пѣсни Конд. 1-го Янв.

[4]) Въ концѣ XVII ст. на подобныя толкованія іезуитовъ (именно Ѳеофила Рутки) отвѣчалъ Стефанъ Яворскій, тогда еще наставникъ Богословія въ кіевской Академіи. См. Tractatus Theologiae controversae, traditus in Collegio Kievomohilaeano a Revendo Petre Stephano Jaworsky. Современная рукопись Моск. Дух. Академіи № 278 л. 85 об. и слѣд.

разсужденіе, не объясненіе, не вразумленіе, а обольщеніе, обманъ.

Такимъ образомъ вопросъ о главенствѣ папы мы считаемъ поконченнымъ совершенно. Послѣ того, какъ мы обстоятельно изъяснили основный текстъ объ ап. Петрѣ, какъ камнѣ Церкви,—мы находимъ излишнимъ входить еще въ разсмотрѣніе послѣдующихъ текстовъ—объ утвержденіи братьевъ и о пасеніи агнцевъ и овецъ. Если въ томъ текстѣ нѣтъ указанія на главенство,—то еще менѣе можно находить указаній на оное въ этихъ текстахъ. Переходимъ къ ученію о непогрѣшимости.

Мы сказали, что книги—Асташкова и о. Астромова сдѣлались мнѣ извѣстны уже послѣ того, какъ моя статья *о непогрѣшимости Церкви* была напечатана,—но тѣмъ не менѣе мой разборъ латинскаго ученія объ этомъ предметѣ составленъ такъ, что мнѣ не приходится ни въ чемъ ни измѣнять, ни поправлять себя. Только нѣкоторыя особенности въ изложеніи автора, изданнаго Асташковымъ, вызываютъ на отрывочныя замѣчанія и объясненія, весьма впрочемъ полезныя для выясненія общаго вопроса.

Начнемъ съ понятія о предметѣ непогрѣшимости.

1) Сводя въ одинъ фокусъ всѣ лучи фальшиваго ученія папистовъ о непогрѣшимости, авторъ говоритъ: „И такъ не человѣкъ въ первосвященникѣ *непогрѣшимъ*; — кто же? Можетъ быть писатель? Нисколько... Проповѣдникъ? Ни мало...— Мы съ глубочайшимъ благоговѣніемъ относимся къ его словамъ, но однако, ни одно изъ нихъ не обладаетъ свойствомъ непогрѣшимости. Верховный Судія? Нисколько. Всѣ обязаны только повиноваться, какъ повинуются всякому другому верховному безапелляціонному приговору, но не обязаны вѣрить, что рѣшеніе его непререкаемо справедливо [1]). Непогрѣшимъ какъ *законодатель, верховный* правитель Церкви? Нѣтъ еще, не онъ. Постановленія Первосвященника, хотя совершенно обязательны, однако не вынуждаютъ *прямой вѣры* въ

[1]) Припомните отожествленіе авторомъ непогрѣшимости съ общеобязательностію и съ верховенствомъ не только духовной, но и гражданской власти. См. выше стр. 225—226.

ихъ непогрѣшимость. Спрашивается, да кто-же наконецъ непогрѣщимъ къ Первосвященникѣ? На это Церковь отвѣчаетъ: верховный учитель, и исключительно только онъ! *Но и этого еще недостаточно.* Верховный Учитель этотъ необходимо долженъ подчиниться двумъ неизбѣжнымъ условіямъ для изданія непогрѣшимаго опредѣленія. Во-первыхъ, онъ долженъ *каѳедрально обращаться ко всей Церкви*, а во-вторыхъ, опредѣленіе его должно относиться къ предмету исключительно *до вѣры и нравственности касающемуся.* Дошли-ли мы наконецъ, хоть на этотъ разъ до крайнихъ предѣловъ непогрѣшимости? Нѣтъ еще. Вотъ Первосвященникъ, *возсѣдающій на каѳедрѣ св. Петра, свободно* и *каѳедрально* изрекаетъ относительно вѣры и нравственности и слѣдовательно обращается ко всей вселенской Церкви,—будетъ-ли сказанное имъ въ такомъ случаѣ непогрѣшимо? Нисколько. Непогрѣшимость будетъ относиться *только исключительно* къ весьма яснымъ, точнымъ, торжественнымъ, *собственнымъ словамъ опредѣленія.* Все прочее, вводныя разсужденія, доводы, доказательства, умозаключенія, личные взгляды Первосвященника, выводы, подготовляющіе здравый смыслъ и разумъ къ *яснѣйшему уразумѣнію опредѣленія,*—все это къ непогрѣшимости не относится“ [1]).

Такое опредѣленіе близко подведено къ нашему опредѣленію, но только по формѣ, по существу-же остается далекимъ отъ нашего. Вотъ наше ученіе: говоря, что ученіе Церкви непогрѣшимо, мы не утверждаемъ ничего болѣе, какъ именно то, что оно неизмѣнно,—то же самое, какое было предано ей изначала, какъ ученіе Божіе“ [2]). Этимъ опредѣленіемъ мы затворяемъ двери для всевозможныхъ нововведеній. Опредѣленіемъ-же латинскимъ напротивъ—двери остаются открытыми, потому что авторъ говоритъ о формѣ, а не о содержаніи опредѣленія. Если слова папскаго опредѣленія будутъ содержать выводъ изъ толкованій его—папы, или всей его учащей церкви,—то оно какъ не божественное—будетъ *погрѣшительно*, какъ это и оправдывается дѣ-

[1]) См. выше стр. 63—68.
[2]) См. стр. 64.

ломъ. Опредѣленіе о догматѣ *непорочнаго зачатія*, который, по ихъ-же собственнымъ словамъ, не данъ Откровеніемъ, но выведенъ изъ него и сначала явился въ видѣ частнаго мнѣнія,—такое опредѣленіе не можетъ быть отнесено къ числу непогрѣшительныхъ, а есть погрѣшительное (какъ это и раскрыто мною въ моемъ изслѣдованіи). Ватиканское опредѣленіе о *верховенствѣ* римскаго Первосвященника, начинающееся со слова о *первенствѣ*, а кончающееся словомъ объ абсолютномъ *верховенствѣ*, какъ будто неоспоримо, что *первенство и абсолютное верховенство* одно и то-же,—никакъ не можетъ быть *непогрѣшительнымъ*;—затѣмъ ватиканское-же опредѣленіе *о непогрѣшимости папы*, которое представляетъ собою источникъ всякаго рода неопредѣленностей, не можетъ быть отнесено къ разряду бывшихъ Соборныхъ опредѣленій, а есть, какъ мы выше показали, изобрѣтеніе софистической изворотливости оо. іезуитовъ. Къ прежде сказанному прибавимъ замѣчаніе, вызванное нескладнымъ переводомъ книги Асташкова. „Въ опредѣленіи узаконяется, что римскій первосвященникъ вполнѣ обладаетъ тою непогрѣшимостію, коею Божественный Искупитель *хотѣлъ, чтобы была облечена Церковь, когда она опредѣляетъ о ученіи* къ вѣрѣ или нравамъ относящемся;—и что слѣдовательно таковыя опредѣленія римскаго первосвященника суть вполнѣ неотмѣнимы уже по себѣ, *а не вслѣдствіе согласія Церкви*". Всмотритесь въ это опредѣленіе, сколько оно заключаетъ странностей.—„Искупитель хотѣлъ, чтобы *Церковь* была облечена непогрѣшимостью", а оказывается, что папскія опредѣленія неотмѣнимы, не вслѣдствіе *согласія непогрѣшимой Церкви*,—а сами по себѣ, т. е. помимо непогрѣшимой Церкви! Это—такое опредѣленіе,—которое мало назвать погрѣшительнымъ. Когда мы говоримъ о непогрѣшимости Церкви, мы разумѣемъ буквально всю совокупность тѣла Церкви,—или частнѣе и опредѣленнѣе—*праведныхъ* въ Церкви, живущихъ по духу Христова ученія, а вселенскіе Соборы выразителями ихъ исповѣданія; при чемъ утверждаемъ, что сіи послѣдніе не новое опредѣленіе выдаютъ, а въ своемъ опредѣленіи выражаютъ и такъ сказать—констатируютъ общее, т. е. вселенское исповѣданіе,—и потому это опредѣленіе отъ

Церкви издается и ею пріемлется. Въ ватиканскомъ-же опредѣленіи непогрѣшимость папская есть нѣчто внѣшнее для Церкви; папское опредѣленіе ученія, прежде не содержимаго Церковію, есть новый актъ благодатнаго творчества, совершаемаго Духомъ Святымъ въ душѣ римскаго первосвященника, новое откровеніе, даруемое Церкви чрезъ папу,—почему и не можетъ быть рѣчи о *согласіи* Церкви,—а рѣчь должна быть только о *послушаніи* и безпрекословномъ принятіи подаваемаго. Такимъ образомъ жизненный процессъ непогрѣшимости, по нашему ученію, происходитъ буквально во всемъ составѣ Церкви,—потому она непогрѣшима, что *свята;*—по латинскому-же ученію жизненный процессъ непогрѣшимости не въ Церкви происходитъ, а въ одномъ лицѣ, въ папѣ,—и притомъ не посредствомъ его святости,—а чрѣзъ внѣшнее, такъ сказать, механическое воздѣйствіе на него Духа Божія;—церковь римская непогрѣшима въ лицѣ папы,—папа непогрѣшимъ—не потому что *святъ,* а потому что онъ есть *верховный первосвященникъ.* Это есть совершенное извращеніе вселенскаго ученія! Sapienti sat.

Обратимся теперь къ отвѣтамъ нашего автора на возраженія, имъ-же самимъ представляемыя.

2) Авторъ пишетъ: „Охотнѣе и чаще всего приводится слѣдующее возраженіе: „Первосвященникъ—человѣкъ, какимъ-же образомъ можетъ онъ быть недоступенъ заблужденію? И какой-же здравый смыслъ согласится съ тѣмъ, что существуетъ такая человѣческая личность, которая не можетъ ни сама обмануться, ни другихъ ввести въ обманъ?“ *Отвѣтъ*: „Довольно странно, что возражающіе, если только они христіане, на каждомъ шагу, и безъ малѣйшаго затрудненія вполнѣ вѣрятъ еще несравненно непостижимѣйшимъ чудодѣйствіямъ. Развѣ священникъ, развѣ епископъ не человѣкъ? Однако, они ежедневно и единымъ словомъ превращаютъ хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христовы; ежедневно и единымъ словомъ разрѣшаютъ душу отъ тягчайшихъ грѣховъ и даже преступленій. Если вы вѣрите, что въ священникѣ, въ епископѣ дѣйствуетъ не человѣческая немощь, а Божеское всемогущество, то почему-же связываете одно только непогрѣшимое ученіе истины съ тою-же

человѣческою немощію, а не съ тѣмъ Божескимъ всемогуществомъ? Понимаю невѣрующихъ раціоналистовъ, равно отрицающихъ и то и другое; но не постигаю произвольно признающихъ одно и отвергающихъ прочее. Это очевидно ребяческая непослѣдовательность" (стр. 124).

Авторъ слишкомъ поспѣшно отдѣлывается отъ возраженія и отвѣчаетъ весьма поверхностно. Мы беремъ подъ свою защиту это возраженіе и говоримъ, что оно ниспровергаетъ ученіе о непогрѣшимости папы. Во первыхъ, о священникѣ и епископѣ мы знаемъ, что они чрезъ рукоположеніе получаютъ благодать священства и право совершать таинства; скажите же: чрезъ какое рукоположеніе папа получаетъ спасительную *благодать непогрѣшимости* и великое право издавать непогрѣшительныя опредѣленія именемъ Духа Святаго? такого рукоположенія нѣтъ, потому, какъ выше мы показали, это самозванство, не больше (см. стр. 96—98).

Во вторыхъ. Непогрѣшимость Церкви нельзя трактовать какъ таинство Церкви. Непогрѣшимость въ Церкви то же что *святость;* какъ святость есть подвигъ свободной воли, такъ *непогрѣшимость* въ ученіи есть подвигъ свободнаго разума. Выше мы раскрыли, что умомъ своимъ мы, всѣ христіане—должны стремиться къ достиженію непогрѣшительныхъ представленій о Богѣ и Его отношеній къ намъ. Потому непогрѣшимость нельзя трактовать какъ одно внѣшнее, механическое воздѣйствіе Духа Божія—на одно ли лице или всю совокупность вѣрующихъ, что все равно. Латинское же представленіе о непогрѣшимости Церкви—совершенно отрицаетъ свободное участіе вѣрующихъ въ этомъ качествѣ Церкви. Вѣрующіе потому непогрѣшимы, что непогрѣшимъ папа, а папа непогрѣшимъ потому, что онъ папа, что безъ этого онъ не можетъ быть папой, что непогрѣшимымъ его дѣлаетъ всемогущество Божіе. Это, повторяю, opus operatum, доведенный до абсурда.

3) Возражаютъ еще: „Первосвященникъ не только человѣкъ, но онъ кромѣ того еще грѣшникъ, а Боржіа былъ даже преступникъ. Кто же повѣритъ, что непогрѣшимая истина могла бы изливаться изъ подобныхъ устъ". „Возра-

женіе это не ново. Тысяча четыреста лѣтъ тому назадъ вздумали отрицать дѣйствительность таинствъ, совершаемыхъ священно-дѣйствователями, находящимися въ грѣховномъ состояніи. Но Церковь и самъ здравый смыслъ осудили эту нелѣпость, которая невозвратно разрушила бы религію до основанія" и т. д.—повтореніе предшествующаго, т. е. какъ грѣховность священника не нарушаетъ силы таинства, такъ грѣховность папы не препятствуетъ ему быть непогрѣшимымъ въ ученіи". Отвѣтъ этотъ убѣждаетъ насъ въ механическомъ пониманіи латинами существа непогрѣшимости, и потому мы отсылаемъ читателя къ предшествующимъ замѣчаніямъ.

4) Продолжая опровергать возраженія, авторъ пишетъ: „Мы согласны, говорятъ. Однако, что случилось бы, если когда-либо, въ спорномъ вопросѣ, Церковь была съ одной стороны, а первосвященникъ былъ съ другой".—„Отвѣчаю весьма просто: предположеніе существенно невозможно и слѣдовательно нелѣпо (напрасно). Что случилось бы, спрошу у васъ въ свою очередь, если бы въ движущейся колесницѣ одно колесо вращалось по извѣстному направленію, а второе по противоположному? Вы мнѣ отвѣтите, что предположеніе мое нелѣпо, ибо оба колеса вращаются около одной и той же оси. Что случилось бы, если бы въ человѣкѣ голова захотѣла нести его по одному какому-либо направленію, а ноги по другому (однако же въ римской Церкви это случается?) Вы отвѣтите опять, что предположеніе безсмысленно; ибо голова и ноги дѣйствуютъ подъ руководствомъ одной и той же воли. То же самое встрѣчается и въ отношеніи первосвященника въ Церкви. Оба руководимы однимъ и тѣмъ же началомъ, одною и тою же волею т. е. Духомъ Святымъ" (какъ же это Борджіа-то?).

„Но предположеніе не только нелѣпо, оно кромѣ того свидѣтельствуетъ объ абсолютномъ незнаніи самаго существа церковной конституціи, и составляетъ даже прямое посягательство противъ вѣры: „Строго *къ вѣрѣ относится* (т. е. составляетъ предметъ вѣры),—учитъ англійскій архіепископъ, кардиналъ Меннингъ,—что церковный глава никоимъ образомъ и никогда не можетъ быть отдѣленъ ни

отъ епископства, ниже отъ прочихъ правовѣрныхъ. Допустить возможность значило бы прямо отрицать дѣйствіе Духа Святаго въ церкви Христовой (и приходится отрицать въ церкви латинской), т. е. то жизнедательное дѣйствіе, по которому въ ея духовномъ организмѣ плотно связаны во всѣхъ своихъ частяхъ глава съ тѣломъ, тѣло съ главою, и всѣ члены между собою. Это значило бы нарушить единство (при существованіи іезуитовъ и куріи трудно разрушить единство латинской церкви), сокрушить полную гармонію и сочленіе того (римская централизація все превозмогаетъ), что апостолъ называетъ тѣломъ Христа (а не папы), и о которомъ св. Августинъ учитъ, что какъ глава и тѣло образуютъ единую личность, такъ и Христосъ съ церковью (Христосъ, а не папа) образуетъ совершеннаго человѣка. Отъ этого *единства* зависятъ всѣ свойства и дары, церкви сообщенные: непреходимость, *единство* (отъ единства—единство), непогрѣшимость, и слѣдовательно церковь точно также не можетъ отдѣлиться *отъ своего видимаго главы*, какъ не можетъ быть отдѣлена „отъ невидимаго“ (выводъ слабъ, и ни на чемъ не основанъ).

„И такъ, повторяю еще разъ: отрицайте, если желаете, *стихійную сверхъестественность* (?) въ созданіи вселенской Церкви и тогда допускайте сколько угодно возможность несогласія и разъединенія между ею и первосвященникомъ. Но признавать въ Церкви божественное начало и вмѣстѣ съ тѣмъ оскорблять его премудрость, допуская подобныя предположенія, было бы прямымъ отрицаніемъ всякой послѣдовательности и здраваго смысла“. (стр. 126—127).

Заключая такъ горячо, такъ сильно и рѣшительно свой отвѣтъ, авторъ, какъ видно, сознаетъ силу и непререкаемость своего отвѣта. Но позвольте, *стихійную сверхъестественность*, выражаясь вашими словами, въ созданіи Вселенской, собственно Христовой Церкви и мы никакъ не отрицаемъ, но отрицаемъ только въ созданіи латинской церкви и допускаемъ въ ней тѣ нелѣпости, какія опровергаетъ авторъ въ возраженіи. Въ дѣйствительности въ ней существуютъ разногласія, которыя проходятъ чрезъ всю ея исторію, и раздѣленія между вѣрующими и первосвящен-

никомъ,—въ ней, дѣйствительно, колеса хотя на одной оси, но вертятся въ разныя стороны, и ноги движутся не туда, куда велитъ голова. Въ этомъ-то и вся причина нашего отчужденія отъ латинской церкви, что она не находится въ нормальномъ состояніи, въ какомъ должна быть она, какъ церковь Христова. Если бы ея непогрѣшимость основывалась на святости ея членовъ, тогда бы мы признали, что въ ней дышетъ, живетъ и дѣйствуетъ Духъ Божій, соединяя во едино главу и члены; но въ томъ предположеніи, какое утверждается папистами о непогрѣшимости Церкви, не можетъ быть и рѣчи — объ истинномъ духовно-благодатномъ единствѣ. Въ ней глава и члены связаны, но внѣшнею связью, дисциплинарнымъ устройствомъ и земными интересами, а не силою Духа Божія. Поэтому, въ латинской церкви нужно различать единство благодатное отъ единства дисциплинарнаго, которыя (т. е. единства) существуютъ отдѣльно: въ ней можно пребывать во Христѣ, отвергая такихъ папъ, каковы, напр., были еретики: Зефиринъ, Каллистъ, Гонорій, или развратники и матеріалисты—Іоаннъ XXIII и Александръ Борджіа; или же пребывая въ папѣ, оставаться безъ Христа (напр. во всѣхъ фанатическихъ преслѣдованіяхъ еретиковъ, или въ поголовномъ истребленіи ихъ). Мы уже сказали, что дисциплинарное единство латинской церкви есть внѣшнее по отношенію къ дѣлу спасенія (см. выше стр. 122), и потому слова кардинала Меннинга, приведенныя авторомъ „о благодатномъ союзѣ Христа съ вѣрующими“, нисколько не относятся къ церкви латинской. Что Христосъ съ Церковью образуетъ совершеннаго человѣка — это совершенно справедливо, но чтобы видимая Церковь не могла отдѣлиться отъ своей больной главы—это никакъ не вытекаетъ изъ предшествующаго.

5) Въ слѣдующемъ разсужденіи представленіе папистовъ о папской непогрѣшимости, какъ о благодатномъ и механически сообщаемомъ откровеніи выступаетъ со всею опредѣленностью. Авторъ пишетъ:

„Но, настаиваютъ: представьте себѣ первосвященника, одареннаго умомъ пылкимъ и отважнымъ, всегда готоваго пускаться вкось и впрямь въ опредѣленія неосновательныя,

безъ предварительнаго изслѣдованія и разработки предмета. Гдѣ же будетъ тогда значеніе непогрѣшимости?"

На это авторъ отвѣчаетъ, во-первыхъ: „Если бы всякое частное лицо обладало правомъ судить о степени основательности каждой христіанской истины, это вело бы къ прямой нелѣпости, ибо тогда каждый епископъ, каждый священникъ и даже каждый мірянинъ не иначе могли бы принять символъ вѣры, какъ убѣдившись предварительно, насколько церковь основательно поступила, принимая и исповѣдуя каждый членъ онаго въ отдѣльности".

Остановимся на этомъ отвѣтѣ. Этотъ отвѣтъ вытекаетъ изъ представленія о *рабскомъ и безпрекословномъ послушаніи* всѣхъ католиковъ папѣ, что, по нашему представленію, противорѣчитъ достоинству христіанина, имѣющаго благодатныя права во Христѣ, слѣдовательно и права разумѣнія божественной истины, сообщенной людямъ во спасеніе. Въ этомъ одна изъ вопіющихъ несправедливостей папизма противъ свободы нашей во Христѣ. Дѣлая изъ папы внѣшній авторитетъ, паписты хотятъ, чтобы всѣ безпрекословно повиновались ему, а сами не смѣли бы разсуждать. Это ученіе, какъ мы видѣли, противорѣчитъ существу Церкви, какъ благодатному союзу свободно-разумныхъ существъ, и устраняетъ то право, какое дано малымъ церквамъ судить своихъ главъ, митрополитовъ и патріарховъ, въ случаѣ ихъ уклоненія въ ересь (см. выше, стр. 68—73, а также 200).

Но продолжимъ: „Во-вторыхъ, что возражающіе, очевидно, не понимаютъ истиннаго значенія непогрѣшимости. Непогрѣшимость, по ихъ понятію, основана на научномъ изслѣдованіи вопроса, на его тщательной разработкѣ, на совѣщаніяхъ первосвященника со всѣми церквами и епископами, и на провѣркѣ единогласія ихъ мнѣній (неправильна постановка возраженія; вспомните наше опредѣленіе непогрѣшимости. См. выше стр. 63—65, а также 83—87). Въ такомъ случаѣ, полагаютъ они, дѣйствительно можно раціонально признать, что согласіе всѣхъ церквей, всѣхъ епископовъ, всѣхъ преданій морально исключаетъ возможность какой-либо погрѣшности, какого-либо заблужденія". „Но они существенно ошибаются (нисколько. См. вышеуказанныя страницы). Всѣ

помянутыя предосторожности, указанныя здравымъ смысломъ, ни что иное, какъ правильная, раціональная подготовка непогрѣшимаго опредѣленія, но ни отнюдь не образуетъ существеннаго основанія этой непогрѣшимости. Это, такъ сказать, лишь только шаткая человѣческая непогрѣшимость, до которой достигала бы напр. церковь, если (бы) она была великое законодательное собраніе подъ предсѣдательствомъ верховнаго президента, *преподающаго ученіе истины по большинству голосовъ*" (?!) (большинство голосовъ на Вселенскихъ соборахъ — это великое заблужденіе латинянъ! см. выше, стр. 114—116).

„Но правильное понятіе о непогрѣшимости возносится до несравненно высшей сферы. Оно *исключительно основано на сверхъ-естественномъ преимуществѣ,* дарованномъ, по свидѣтельству Евангелія (?), Самимъ Христомъ вселенскому первосвященнику,—(никогда Христосъ не далъ первосвященнику, а далъ Своей Церкви, которую освятилъ кровію Своею) быть вполнѣ недоступнымъ погрѣшности, когда каѳедрально изрекая въ качествѣ Верховнаго Учителя церкви, *онъ предписываетъ всѣмъ неколебимо вѣрить, что такое-то ученіе до вѣры или нравственности касающееся, дѣйствительно составляетъ часть Божественнаго откровенія* (это не больше какъ теорія оо. іезуитовъ!). Съ этой точки зрѣнія понятно, что ни наука, ни познанія, ни изслѣдованія, ни ученость совѣщателей, и даже ни дальновидность самого первосвященника играютъ здѣсь преобладающую роль [1]). *Нѣтъ, несокрушимая основа непогрѣшимости заключается единственно въ непосредственной помощи Духа Святаго* (мы исповѣдуемъ помощь Св. Духа въ сохраненіи истины, а не въ сообщеніи новыхъ откровеній). Допустить, чтобы первосвященникъ могъ когда-либо лишиться Богомъ обѣщаннаго вспоможенія, и быть доступнымъ заблужденію, значило бы допустить крушеніе и самой церкви, вопреки формальнымъ словамъ Христа, обезпечившаго существованіе ея на вѣки, — на избранномъ Имъ Самимъ въ лицѣ Петра основаніи" (и, дѣйствительно,

[1]) Видно, что писалъ иностранецъ-нѣмецъ, надо бы сказать „не играютъ преобладающей роли".

надо признать, что латинская церковь терпитъ крушеніе не относительно внѣшняго устройства,—а относительно ученія вѣры, которое у нея весьма искажено).

„Изъ сказаннаго явствуетъ, что всѣ эти возраженія вытекаютъ главнымъ образомъ изъ неправильнаго понятія о сущности непогрѣшимости (т. е. наоборотъ — *изъ правильнаго* понятія, а отвѣтъ исходитъ *изъ неправильнаго*), и изъ фальшиваго примѣненія къ органическому учрежденію церкви, представительныхъ условій, служащихъ основаніемъ всѣмъ прочимъ современнымъ правительствамъ (это жалкое недомысліе западныхъ относительно вселенскихъ Соборовъ). Забываютъ, что ихъ дѣйствіями руководствуетъ одна только человѣческая мудрость (неправда: Соборы вселенскіе дѣйствуютъ по изволенію Духа Божія: *Изволися Духу Святому и намъ*), и что слѣдовательно они совершенно основательно обращаются къ ея законному олицетворенію, т. е. къ тщательному и глубокому обсужденію вопросовъ въ законодательныхъ совѣщаніяхъ государственнаго представительства. Но Церковь Христова (Христова, но не папистическая) вращается около совершенно *иной неестественной* (?!) *оси*. Ее освѣщаетъ свѣтъ не человѣческихъ вѣроятностей, а абсолютной непогрѣшимости, т. е. *непосредственно Божескаго вдохновенія*. А въ такомъ случаѣ, какое же значеніе, относительно непреложнаго познанія истины можетъ имѣть числительность, и какимъ же преимуществомъ могутъ обладать пятьсотъ человѣкъ предъ единымъ? (Великимъ преимуществомъ!) Если полагаемъ, что пятьсотъ человѣкъ представляютъ большую гарантію непогрѣшимости, чѣмъ одинъ,— очевидно, что мы опять возвращаемся къ точкѣ зрѣнія чисто человѣческихъ вѣроятностей (нисколько) и что тѣмъ самымъ мы отрицаемъ принципъ сверхъестественной непогрѣшимости, о которой однако только и можетъ быть рѣчь“ [1]).

Авторъ разсуждаетъ совершенно, какъ ветхозавѣтные книжники и фарисеи, не разумѣя ни писаній, ни силы Божіей. Онъ неправильно ставитъ вопросъ и невѣрный даетъ на него отвѣтъ: пятьсотъ человѣкъ не потому представ-

[1]) Стр. 127—128.

ляютъ гарантію непогрѣшимости, что ихъ *пятьсотъ*,—а потому, что они, какъ представители множества помѣстныхъ церквей,—въ своемъ единомыслiи суть неложные свидѣтели вселенскаго преданія, каковымъ свидѣтелемъ одно лице быть не можетъ.

Авторъ лукавитъ; составивъ неправое предположеніе о вселенскихъ Соборахъ и опровергая оное, онъ какъ будто говоритъ дѣло, опровергаетъ ложь, а на самомъ дѣлѣ имѣетъ цѣлію подорвать значеніе вселенскихъ Соборовъ. Всѣ такія и подобныя разсужденія, намѣренно спутанныя,—направлены не къ разъясненію истины, — а къ затемненію ея, съ полнымъ разсчетомъ, чтобы овладѣть мыслію и чувствомъ неопытныхъ читателей. Въ такомъ веденіи дѣла нѣтъ Духа Божія,—а слышится *духъ лестчій*.

Выше мы уже сказали, какъ надо понимать непогрѣшимость вселенскихъ Соборовъ, но въ настоящемъ случаѣ, къ большему раскрытію истины, приведемъ еще слова Януса, который хотя не принадлежитъ къ восточной церкви,—но совершенно здраво, какъ православный, разсуждаетъ о Соборахъ и личной непогрѣшимости папъ. Онъ пишетъ: „личная непогрѣшимость неизбѣжно простирается гораздо шире, чѣмъ свобода отъ заблужденій великаго общества, какова вселенская Церковь или представляющій ее Соборъ. Церковь обезпечена отъ ложныхъ ученій въ своей цѣлостности; она не отпадаетъ отъ Христа и Апостоловъ, не отречется отъ разъ принятаго и въ своемъ нѣдрѣ возращеннаго ученія. Когда Соборъ опредѣляетъ ученіе, онъ тѣмъ самымъ даетъ о немъ свидѣтельство. Епископы, каждый изъ нихъ за извѣстную ему часть Церкви, удостовѣряютъ, что извѣстное тамъ ученіе доселѣ преподавалось и составляло предметъ вѣры; или, что истина, содержащаяся въ этомъ доселѣ хранимомъ ученіи, хотя ясно не выражена, но какъ логическое слѣдствіе съ неоспоримою необходимостію существовала. О томъ, вѣрно ли дано это свидѣтельство, царила ли между епископами Собора свобода совѣщаній и безпристрастіе, — объ этомъ въ послѣдней инстанціи судитъ сама Церковь; она принимаетъ или отвергаетъ Соборъ или его опредѣленіе“.

„Увѣренность и непогрѣшимость здѣсь покоится такимъ

образомъ на твердой почвѣ дѣйствительности. Церковь не открываетъ новыхъ ученій, не творитъ чего-либо новаго, но ограждаетъ и охраняетъ свое наслѣдственное имущество. Смыслъ приговора собравшихся епископовъ таковъ: „такъ вѣровали наши предшественники, такъ вѣруемъ мы, такъ будутъ вѣровать и наши потомки". Великое общество, цѣлая Церковь не подвержена опасности превозношенія и чрезмѣрнаго притязанія на высшее озареніе. Для нея не существуетъ искушенія свой особенный взглядъ или свое личное (субъективное) мнѣніе сдѣлать обязательнымъ. Предоставленная самой себѣ, она естественно держится въ предѣлахъ преданія, во что всегда и вездѣ вѣровали. Но совсѣмъ иное дѣло, когда единичное лицо становится носителемъ непогрѣшимости. Папа въ своемъ лицѣ всегда подверженъ опасности, что льстецы и интриганы возъимѣютъ на него вліяніе и будутъ вынуждать его къ догматическимъ опредѣленіямъ;—воспользуются его пристрастіемъ къ какому-нибудь богословскому мнѣнію или къ какому-нибудь ордену и его любимому ученію; воспользуются его невѣжествомъ въ исторіи догматовъ, или тщеславіемъ и страстнымъ желаніемъ возвеличить свое царствованіе (папствованіе) замѣчательнымъ и для римскаго престола мнимо-выгоднымъ (vermeintlich vortheilhafte Entscheidung) опредѣленіемъ, и связать съ своимъ именемъ какое-нибудь великое догматическое дѣяніе, имѣющее составить эпоху въ Церкви. При этомъ для папы нѣтъ ничего легче, какъ удалить отъ себя всякое противорѣчіе; обыкновенно, никто, не будучи спрошенъ отъ него, не отважится дѣлать ему какое-либо представленіе, или выразить сомнѣніе.—Въ душѣ такого человѣка тотчасъ образуется столь лестное и ветхому Адаму столь свойственное воззрѣніе, что его желанія и мысли суть божественное вдохновеніе, что онъ стоитъ подъ особымъ, благодатнымъ водительствомъ Неба и что, въ силу его достоинства, какъ полнота власти, такъ и полнота истины и знанія дается ему безъ труда. Онъ повѣритъ этому тѣмъ легче, и ухватится за это тѣмъ скорѣе, чѣмъ незначительнѣе его собственныя познанія и чѣмъ менѣе онъ имѣетъ понятія о тѣхъ сомнѣніяхъ и трудностяхъ, которыя удержи-

ваютъ ученыхъ богослововъ отъ принятія того или другого ученаго мнѣнія. При этомъ и самый благомыслящій папа можетъ вообразить себѣ, что онъ далекъ отъ само-превозношенія и есть только смиренный органъ Духа Божія, говорящаго чрезъ него“ (какъ это въ дѣйствительности и есть).

„Одинъ изъ папъ, правленіе котораго оставило самое мрачное воспоминаніе, Иннокентій X (1644—55), самъ признавался, что онъ всю жизнь занимался юридическими дѣлами и процессами и потому ничего не понимаетъ въ богословіи. Это, однакожъ, не помѣшало ему осужденіемъ пяти положеній о благодати положить начало спору, который тянулся цѣлое столѣтіе и остался нерѣшеннымъ. Въ разговорѣ съ епископомъ Монпельеромъ онъ говорилъ, что онъ получилъ отъ Бога столь великое откровеніе Духа, что ему сталъ ясенъ смыслъ свящ. писанія и онъ внезапно постигъ всѣ запутанныя тонкости схоластики. Въ бесѣдѣ съ другимъ духовнымъ лицомъ (Aubigni), онъ заявлялъ, что осязательно ощущалъ въ себѣ присутствіе Духа Святаго. Поэтому онъ не нуждался ни въ какомъ синодѣ, ни въ совѣщаніи съ кардиналами, а только въ мнѣніи нѣсколькихъ избранныхъ имъ духовныхъ лицъ изъ монашескихъ орденовъ. „Все это зависитъ отъ вдохновенія отъ Духа Св.“, говорилъ онъ пришедшимъ изъ Парижа теологамъ“.

„Изъ папъ новѣйшаго времени вспомнимъ Григорія XVI (1831—46). Объ немъ одинъ изъ бывшихъ въ Римѣ государственныхъ мужей сообщаетъ: „Григорій XVI пренаивно радовался своему высокому положенію, особенно потому, что ради этого онъ считалъ себя правымъ во всѣхъ дѣлахъ. Во время докладовъ по финансовымъ дѣламъ, когда Капаццини не могъ убѣдить своего владыку, а владыка своими доморощенными аргументами своего геніальнаго государственнаго человѣка,—Григорій иногда взывалъ: „да вѣдь я же папа; не могу же я погрѣшать; я долженъ все знать наилучшимъ образомъ“ [2].

---

[1]) Janus pag. 437—Tutto questo dipende dall inspirazione dello Spirito Santo. Arnauld Oeuvres, XXII p. 210.

[2]) Ibid.—Politische Briefe und Caracteristiken. Berlin, 1843, 248.

„Всякая абсолютная власть портитъ человѣка, которому она достается. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія. Если это власть духовная, господствующая надъ совѣстью людей, то опасность самопревозношенія тѣмъ больше, ибо обладаніе такою властью (Macht) имѣетъ особенно соблазнительную прелесть, и производитъ самообольщеніе, по которому страсть властолюбія легко прикрывается заботою о спасеніи другихъ. Если при этомъ человѣкъ, которому досталась такая неограниченная власть, питаетъ мнѣніе, что онъ непогрѣшимъ, и есть органъ божественнаго Духа и знаетъ, что его опредѣленіе въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ будетъ принято милліонами со всецѣлою внутреннею покорностію, то почти невозможно, чтобы при такомъ упоеніи сознанія постоянно сохранялась трезвость духа. Къ этому присоединяется впродолженіе столѣтій заботливо поддерживаемое Римомъ представленіе, что въ конклавѣ, не смотря на происки въ немъ партій, всегда торжествуетъ руководящій выборами Духъ Святый, и что потому избранный въ папы есть спеціально избранное орудіе благодати для выполненія опредѣленій Божіихъ о Церкви и человѣчествѣ. Съ того момента, какъ онъ, посаженный на престолъ, принимаетъ первое цѣлованіе ноги, — вся жизнь его становится непрерывнымъ рядомъ чествованій. Все разсчитано на то, чтобы укрѣпить его въ той мысли, что между нимъ и прочими смертными пропасть велика утвердился, и потому отуманенный постоянными воскуриваніями и при самомъ твердомъ характерѣ онъ падаетъ предъ искушеніемъ, превосходящимъ человѣческія силы.—О папѣ Марцеллѣ II (21 день 1555) разсказываютъ, что онъ при своемъ восшествіи былъ полонъ боязни, чтобы съ нимъ не случилось того же самаго, что было примѣчено въ большей части его предшественниковъ, которые, сдѣлавшись папами, совершенно измѣнялись и изъ прежнихъ своихъ добрыхъ намѣреній не выполняли ничего. Такъ вредно дѣйствуетъ, думалъ онъ, на характеръ папы перемѣна состоянія, рой льстецовъ и борьба партій [1]). Генералъ ордена іезуитовъ Олива (1670)

[1]) Pollidori de vita Marcelli II. Rom. 1744. p. 132.

замѣчаетъ. „Возведеніе въ папское достоинство обыкновенно такъ портитъ характеръ избраннаго, что никто не пожелаетъ доброму человѣку этого повышенія, и никто не надѣется, чтобы и самый лучшій изъ кардиналовъ, когда сдѣлается папой, дѣйствительно сдержалъ добрыя и святыя предначертанія, какія онъ питаетъ при своемъ вступленіи“ [1]).

Этимъ мы кончаемъ нашъ разборъ книги, изданной С. Асташковымъ. Скажемъ о заключеніи.

Заключеніе книги въ то же время есть заключительный актъ іезуитской изворотливости. Обращаясь къ „добросовѣстному христіанину“ съ предложеніемъ возсоединенія съ латинскою церковію, какъ вселенскою, авторъ съ лукавствомъ искусителя толкуетъ, что всякая ересь, всякое отступленіе есть непремѣнно отрицаніе какихъ-либо христіанскихъ истинъ, —а возсоединеніе есть принятіе этихъ истинъ съ сохраненіемъ прежнихъ своихъ (хорошо предложеніе!). Такимъ образомъ намъ, православнымъ, предлагается, — сохраняя все свое, принять еще два новыхъ догмата. „Объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына“, и „главенство папы“. Говоря такъ, авторъ имѣетъ жалкое и обидное представленіе о своемъ читателѣ,—а такъ какъ онъ назначаетъ свою книгу для русскихъ—то это представленіе относится къ намъ. Такая тактика, повторяемъ, только шире и шире раскрываетъ между нами ту пропасть, которая уже цѣлое тысячелѣтіе раздѣляетъ насъ.

Хитростію можно обмануть, но нельзя расположить къ любви и единству!

---

[1]) Lettere, Bologna 1705, II, 214.—Janus p. 437—9.

Б).

De l'infaillibilité par Julien Astromoff, prêtre catholique russe. „Veritas liberavit vos“ (Іоан. VIII, 32).

(„О непогрѣшимости“ русскаго католическаго священника Юліана Астромова). Rome. 1882.

Истина свободитъ вы (Іоан. 8, 32).

Въ обозначенномъ сочиненіи почтенный авторъ, о. Астромовъ, является не только богословомъ, но и философомъ. Онъ взялъ на себя задачу—латинское ученіе *о непогрѣшимости папы* ввести въ систему общаго міровоззрѣнія, или, точнѣе, подъ это частное ученіе подвести общую теорію, почему и озаглавилъ свое сочиненіе общимъ словомъ *„о непогрѣшимости“*.

Сочиненіе распадается на двѣ части: въ первой излагается общая теорія, во второй — частная собственно о *непогрѣшимости* папы.

Какъ человѣкъ даровитый, авторъ излагаетъ свои мысли съ талантомъ; но какъ папистъ, обнаруживаетъ всѣ недостатки, свойственные латинскому мышленію; по мѣстамъ онъ говоритъ какъ ораторъ, съ убѣжденіемъ и воодушевленіемъ, —а по мѣстамъ разсуждаетъ, какъ тонкій діалектикъ и какъ сухой, отвлеченный схоластикъ. Все сочиненіе написано методомъ діалектическимъ и представляетъ собою рядъ положеній, въ видѣ цѣпи, въ которой звенья держатся одно за другое.

Діалектическій методъ напомнилъ мнѣ давно-минувшія времена моего образованія, когда насъ учили между прочимъ и силлогистической мудрости. Бывало, дадутъ намъ тему, въ родѣ простаго предложенія, и заставятъ доказать её посредствомъ силлогизма. Слѣдуя указанію учебника, мы отыскивали родовое или общее понятіе, подъ которое бы *подлежащее* даннаго предложенія подходило какъ частное. Когда

обрѣталось такое понятіе, мы его ставили въ большую посылку, а данное предложеніе въ меньшую, и искомый выводъ былъ готовъ. Отыскиваніе общаго понятія совершалось иногда очень простымъ способомъ: данное предложеніе обобщалось чрезъ мѣстоименіе *всѣ* и *все*. Напр., дается предложеніе: *трудъ полезенъ*. Чтобы доказать эту истину, дѣлается неопредѣленное предложеніе: все, что содѣйствуетъ развитію нашихъ силъ, все, что укрѣпляетъ здоровье,—то полезно; а трудъ содѣйствуетъ развитію нашихъ силъ и укрѣпляетъ наше здоровье, слѣдовательно трудъ полезенъ. Тогда мы не замѣчали, что въ большой посылкѣ мы повторяли то же самое предложеніе, только въ неопредѣленномъ общемъ видѣ, и потому, собственно говоря, ничего не доказывали, а упражнялись въ тождесловіи. Только впослѣдствіи мы поняли, какая фальша заключается въ такомъ умозаключеніи. Подобная фальша замѣчается и въ книгѣ достопочтеннаго о. Астромова. Онъ взялъ себѣ тему: *папа непогрѣшимъ*. Чтобы доказать это положеніе, обобщаетъ его — и строитъ такого рода умозаключеніе: „всѣ люди, которымъ отъ Бога сообщена непогрѣшимость въ высшей степени, — непогрѣшимы. Папа есть единственный человѣкъ, которому сообщена Божественная непогрѣшимость въ высшей степени; слѣдовательно, одинъ папа непогрѣшимъ“.—Раскрытіе этого силлогизма посредствомъ дробнѣйшихъ и частнѣйшихъ силлогизмовъ и составляетъ содержаніе всей книги о. Астромова. Въ первой части содержится первая общая посылка, — во второй—меньшая и заключеніе.

Содержаніе первой части можно выразить въ слѣдующемъ сжатомъ видѣ:

1) „Непогрѣшимость принадлежитъ уму, какъ безгрѣшность волѣ“.

Человѣкъ ограниченъ; слѣдовательно онъ не можетъ самъ по себѣ обладать ни непогрѣшимостію, ни безгрѣшностію.

2) Богъ—полнота совершенствъ. Онъ одинъ обладаетъ и непогрѣшимостію, и безгрѣшностію. Слѣдов. твари только отъ Него могутъ получать непогрѣшимость и безгрѣшность.

3) Безгрѣшность воли и непогрѣшимость ума не находятся между собою въ необходимой связи. Слѣд., можно

быть грѣховнымъ по жизни, но непогрѣшимымъ по уму, и наоборотъ, погрѣшимымъ по уму, но безгрѣшнымъ волею по жизни.

4) Сообщенная Богомъ разумнымъ тварямъ *непогрѣшимость* придаетъ имъ *авторитетъ*, а авторитету должно покоряться; слѣдов. авторитетъ есть власть.

5) Власть проводитъ въ жизнь, или осуществляетъ въ жизни законъ, а законъ есть сама истина, или сама непогрѣшимость, слѣд. всякая власть *непогрѣшима*.

6) Законы относятся къ тремъ областямъ бытія, къ естественной, церковной и благодатной, и потому дѣлятся на законы гражданскіе, церковные и божественные. Сообразно съ симъ дѣлятся и власти — на гражданскую, церковную и божественную. Власть гражданская, осуществляя законы естественные, по своему достоинству, ниже власти церковной и подчиняется ей; власть церковная, осуществляя законы церковные, выше власти гражданской, но ниже божественной; власть же божественная безусловна и выше гражданской и церковной. Поэтому хотя всякая власть непогрѣшима, но въ безусловномъ смыслѣ — непогрѣшима только одна власть божественная.

Этимъ заканчивается первая часть; вторая содержитъ меньшую посылку и выводъ.

Власть римскаго первосвященника есть власть божественная, слѣд. его одного власть *непогрѣшима* въ безусловномъ смыслѣ.

Чтобы не казаться голословнымъ и несправедливымъ къ автору, выставимъ предъ читателемъ нѣкоторыя положенія:

(Изъ гл. I). „У тварнаго существа бытіе не есть бытіе въ себѣ, но сообщенное отображеніе единаго, истиннаго Бытія. Слѣд. и непогрѣшимость у него сообщенная.

Тварное существо состоитъ изъ отдѣльныхъ силъ, и образъ Божій отображается въ нихъ отдѣльно въ каждой. Слѣд. должно различать сообщенную *непогрѣшимость* и сообщенную безгрѣшность (этимъ полагается начало непогрѣшимости ex kathedra внѣ связи съ нравствен. жизнію).

(Изъ гл. II). *Тема главы:* тварь тѣмъ большею обладаетъ

непогрѣшимостію, чѣмъ болѣе отражаетъ Божеств. авторитетъ.

Чл. I. Авторитетъ обозначаетъ 1) *законную власть* и 2) *заявленіе*, покоряющее нашъ умъ.

Въ первомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ сперва на *волю*, а во второмъ сперва на *разумъ*. Но и въ покорности воли участвуетъ разумъ, и въ покорности разума участвуетъ воля. Ибо въ первомъ случаѣ разумъ признаетъ *законность* требованій власти, а во второмъ—воля увлекается силою истины, или убѣжденіемъ разума. А законная власть и убѣжденія разума—называются *авторитетомъ;* ибо это одно и то же. А такъ какъ авторитетъ заключается въ *непогрѣшимости*, то тварь чѣмъ больше отражаетъ въ себѣ божеств. авторитетъ, тѣмъ она непогрѣшимѣе (въ этомъ заключается начало безусловнаго послушанія папѣ).

(Гл. III Ступени непогрѣшимости частной и служебной).

Авторитетъ твари заключается въ ея непогрѣшимости, т. е. въ ея покорности Богу.

Тварь можетъ быть покорна Богу, или повинуясь *сама*, или, *изъ повиновенія Богу, повелѣвая другими тварями* (?!).

Первый видъ повиновенія представляетъ изъ себя видъ *частнаго авторитета;* а второй — видъ *служебнаго* или *общественнаго*.

Тотъ и другой авторитетъ имѣютъ ступени:

а) *Частный;* чѣмъ болѣе человѣкъ покоренъ Богу, тѣмъ ближе онъ къ совершенству, тѣмъ полнѣе онъ олицетворяетъ въ себѣ божественные законы, тѣмъ онъ непогрѣшимѣе.

А чѣмъ непогрѣшимѣе, тѣмъ сильнѣе онъ вліяетъ на другихъ, какъ авторитетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. какъ законная власть.

Слѣд. для тварнаго существа сообразоваться съ божественными законами, — значитъ быть непогрѣшимымъ и въ той же степени пользоваться частнымъ авторитетомъ.

б) *Оффиціальный;*—оффиціальный авторитетъ даетъ повелѣніе только въ той мѣрѣ, въ какой самъ повинуется.

Всякій авторитетъ есть законная власть. Въ законѣ все существо власти или авторитета, почему законъ выше лица,

облеченнаго властію. Всякое повелѣніе, противное закону, *не есть повелѣніе* въ точномъ смыслѣ, но актъ частнаго лица (начало, оправдывающее теорію непогрѣшимости отъ ошибочныхъ и грѣховныхъ распоряженій папъ).

Въ лицѣ же, облеченномъ властію, слѣдуетъ различать его личность *оффиціальную* и *частную* (это опять для различенія въ папѣ — *первосвященника*, говорящаго ко всей Церкви, и лица частнаго, говорящаго отъ себя).

Обѣ стороны могутъ *совпадать* и *не совпадать* (оправданіе теоріи папской непогрѣшимости). Въ послѣднемъ случаѣ подчиненные обязаны подчиняться первой, т. е. оффиціальной, а не второй (начало для оправданія непослушанія свѣтскимъ властямъ, въ чемъ-либо несогласнымъ съ папою).

Оффиціальный авторитетъ непогрѣшимъ въ каждомъ своемъ повелѣніи (?).

Такъ какъ на всѣхъ ступеняхъ оффиціальнаго авторитета въ сущности одинъ Богъ повелѣваетъ, то явно, что всякій оффиціальный авторитетъ непогрѣшимъ.

Значитъ, всякій непрестанно повинующійся оффиціальному авторитету, совершаетъ только непогрѣшимыя дѣйствія, слѣдов. является всегда и во всемъ непогрѣшимымъ (теорія Лойолы о безусловномъ послушаніи).

И наоборотъ: такъ какъ всѣ противозаконныя требованія и ошибки принадлежатъ обладающему властію лицу, не какъ оффиціальному, а какъ частному, то кто повинуется имъ, является раболѣпнымъ льстецомъ твари, а не служителемъ Бога (?!).

Условія, при которыхъ всякое повелѣніе является оффиціальнымъ авторитетомъ, суть слѣдующія:

1) Всякое повелѣніе должно быть согласно съ божественными законами.

2) Всякое повелѣніе должно быть выраженіемъ воли того лица, которое его высказываетъ (?).

При отсутствіи одного изъ этихъ условій не будетъ и повелѣнія.

Воля приказывающаго лица выражается всегда въ какомъ-нибудь знакѣ. Лица, облеченныя властію, желая приказать что-нибудь противозаконное, не выражаютъ опредѣленно

своей воли, а дают понять ее как-нибудь косвенно. При столкновеніи съ нравственною личностію они скорѣе будутъ гнать и преслѣдовать ее, чѣмъ опредѣленно приказывать ей противозаконныя дѣйствія.

Такимъ образомъ оффиціальный авторитетъ настолько непогрѣшимъ, что подчиненному нечего опасаться ошибки: его начальникъ скорѣе сотретъ его съ лица земли, чѣмъ станетъ приказывать что-нибудь противозаконное.

Законами все живетъ и совершается... Законы непогрѣшимы. Таково же и приказаніе оффиціальнаго авторитета.

Господь не былъ бы Сама любовь, если бы, подчинивъ людей законной власти, не далъ бы этой власти непогрѣшимости; ибо тогда не было бы у людей вѣрнаго пути ко спасенію.

И такъ, чѣмъ здравомысленнѣе человѣкъ и чѣмъ болѣе въ немъ искренности, тѣмъ болѣе онъ послушенъ всякому оффиціальному авторитету, въ которомъ *видитъ непогрѣшимаго руководителя своимъ дѣйствіямъ*".

Всѣ свои разсужденія первой части авторъ заключаетъ слѣдующими выводами:

„Всякое общество есть тѣло; верховная власть въ немъ—голова, законъ—душа общества. Хотя голова управляетъ тѣломъ, но на столько, на сколько является проводникомъ закона во всѣ члены и во все тѣло; она сама оживляется этимъ закономъ и не можетъ не проводить его въ тѣло.

Но если разсматривать члены помимо оффиціальной власти, то наиболѣе жизненнымъ будетъ тотъ, который больше подчиняется закону. Если лицо, облеченное высшею оффиціальною властью и проводитъ законъ, и само вполнѣ подчиняется ему, то оно есть самое совершенное существо, если же оно само не подчиняется, то это самое гнусное существо".

„Гражданскихъ обществъ столько, сколько гражданскихъ высшихъ властей. Но будучи высшими въ естественномъ порядкѣ, они не суть высшія въ порядкѣ сверхъестественной благодати. Сами по себѣ всѣ эти общества представляли бы изъ себя *видимое тѣло безъ головы;* потому что го-

ловой у нихъ былъ бы только *невидимый Богъ* (?!!); или были бы нѣсколькими отдѣльными видимыми тѣлами.

„Но Богъ не хотѣлъ оставить своего дѣла неоконченнымъ. Онъ подчинилъ тѣло духу, законъ естественный — Богооткровенному, тѣлесныя силы — духовнымъ, общество гражданское—Церкви. Созидая Церковь, воплощенное Слово соединило въ одно общество всѣ члены всѣхъ гражданскихъ обществъ, или содѣлало ихъ членами единаго видимаго тѣла, живущаго благодатною жизнью, и имѣющаго *видимою главою* на землѣ намѣстника Творца Богооткровеннаго закона, Господа нашего І. Христа".

Такъ авторъ заканчиваетъ свою первую часть. Такъ я передалъ сущность первой и можно сказать основной части книги. Но да извинитъ меня почтенный авторъ, если я ради истины, которой и я служу съ неменьшей искренностью, какъ и онъ, скажу, что вся эта часть есть не больше, какъ логическая *фикція*. Если авторъ искренно вѣрилъ, что, нанизывая эту цѣпь умозаключеній, онъ обосновывалъ ученіе о непогрѣшимости папы, онъ заблуждался.

Во-первыхъ; всѣ его умозаключенія не суть доводы отъ извѣстной истины къ неизвѣстной, а ни больше, ни меньше, какъ переводъ существующей теоріи, уже обработанной, систематизированной, на языкъ общихъ выраженій. Повторяю, авторъ сдѣлалъ то же самое, что дѣлали нѣкогда мы, руководствуясь одною и тою же теоріей; вмѣсто подлежащаго *папа* авторъ поставилъ — неопредѣленное: *всякій*, *всякая* разумная тварь, *всякая* законная власть, *всякій* законный авторитетъ. Такое превращеніе изъ частнаго въ общее, и общаго опять въ частное — и есть тотъ кругъ, въ которомъ вращаются латины — и есть обманъ, котораго они не могутъ понять и изъ котораго не могутъ выйти.

Во-вторыхъ; двигаясь впередъ путемъ діалектическимъ, авторъ мыслитъ *подлежащія*, какъ математическія формулы и занимается ихъ превращеніемъ; то ставитъ на мѣсто *сказуемаго*, то изъ сказуемаго опять превращаетъ въ *подлежащее*. Такое превращеніе законно въ математическихъ вычисленіяхъ, но никакъ не дозволительно въ разсужденіи о конкретныхъ вещахъ; потому что въ такомъ случаѣ поня-

тія объ нихъ теряютъ свою условность, свои специфическія свойства, и обращаются въ общія, отвлеченныя, ничего не доказывающія формулы. Напр., авторъ буквально выражается такъ: „Всякая разумная тварь существуетъ сообщенною отъ Бога непогрѣшимостью"; „авторитетъ обозначаетъ законную власть и убѣжденіе, законная власть и авторитетъ—одно и тоже; всякій авторитетъ есть законная власть; всякая законная власть непогрѣшима въ каждомъ своемъ повелѣніи и т. д. и т. д. На любителя такихъ тонкостей подобнаго рода разсужденіе, можетъ быть, произведетъ благопріятное впечатлѣніе, но мы отказываемся находить какое либо удовольствіе и какую нибудь пользу отъ такихъ и подобныхъ упражненій; они слишкомъ безплодны, пусты, безсодержательны и не отвѣчаютъ требованіямъ здраваго мышленія.

Въ-третьихъ; въ этихъ превращеніяхъ предложеніе не доказывается, а безплодно повторяется въ разныхъ оборотахъ.—Авторъ не замѣчаетъ, что слово—*непогрѣшимость* у него потеряло всякое спеціальное значеніе и потому совершенно безплодно терпитъ разныя превращенія; — всякій авторитетъ, законная власть,—покорность закону, повиновеніе власти, повиновеніе Богу, непогрѣшимость,—всѣ эти слова означаютъ одно и то же. Вслѣдствіе этого, данное предложеніе *папа непогрѣшимъ*, хотя прошло чрезъ весь многосложный діалектическій аппаратъ, испытавъ множество превращеній, — въ дѣйствительности вышло изъ него такимъ же простымъ недоказаннымъ предложеніемъ, какимъ и было введено.—Папа, какъ всякая церковная власть настолько непогрѣшимъ, насколько и другія церковныя власти, и настолько имѣетъ авторитета, насколько живетъ благодатною жизнію, осуществляетъ собою Божественные законы и проводитъ ихъ въ сердце вѣрующихъ,—вотъ положеніе, которое выводится изъ всей первой части, съ которымъ и мы совершенно согласны. Между тѣмъ ожидалось и требовалось совсѣмъ иное заключеніе. — Нужно было изъ понятія о непогрѣшимости, вывести, что для проведенія ея въ жизнь необходимо одно лицо, одинъ органъ, единоличная власть; а этого именно и нѣтъ.

Правда,—авторъ кончаетъ заключеніемъ о единствѣ власти; но это заключеніе онъ выводитъ вовсе не изъ предшествующихъ соображеній, а изъ новыхъ началъ, стороннихъ для діалектическихъ превращеній, — *изъ воли Божіей*. „Богъ не хотѣлъ оставить своего дѣла неконченнымъ“ и т. д. и т. д.

Почему авторъ знаетъ, чего Богъ хотѣлъ и чего не хотѣлъ? Откуда онъ вывелъ это положеніе? На какомъ основаніи онъ можетъ положительно говорить, что земныя общества не могутъ образовать единства безъ видимой главы? --Такое заключеніе есть не больше, какъ повтореніе недоказанныхъ положеній.

Вотъ почему я утверждаю, что вся первая часть есть логическая фикція.

Не лучше и вторая часть.—Въ ней авторъ излагаетъ собственно теорію папской непогрѣшимости; такъ какъ объ этомъ предметѣ у насъ уже сказано было много и вполнѣ достаточно для желающаго познать истину,—то мы ограничимся только общими замѣчаніями и прежде всего обратимъ вниманіе на вступленіе къ этой части; такъ какъ оно чрезвычайно оригинально и интересно. Авторъ пишетъ:

„Первымъ типомъ гражданскаго общества была *семья*.

Сначала весь родъ человѣческій представлялъ изъ себя *одну семью;* при размноженіи же онъ распался на *многія семьи*, и съ той поры объединеніе его подъ одной главой стало *невозможнымъ* (а развѣ это было необходимо? Единство людей при постройкѣ вавилонской башни до того было крѣпко и для развитія человѣчества пагубно, что Творецъ рода человѣческаго опредѣлилъ разсѣять строителей, раздѣливъ ихъ по языкамъ).

Что невозможно для естественнаго закона, возможно для закона *сверхъестественной благодати*. Церковь является *единымъ великимъ семействомъ*, видимой главой котораго есть общій *отецъ* для всѣхъ гражданскихъ повелителей.

Стремиться къ обладанію вселенной значитъ совершать дѣло божественнаго художника, значитъ — стремиться признать естественный законъ совершеннымъ въ самомъ себѣ, значитъ стремиться сдѣлаться видимымъ *благодатнымъ повелителемъ* міра, каковымъ есть видимый глава Христовой

церкви — папа" (вотъ основанія латинской пропаганды и оправданіе духа папскаго властолюбія, стремящагося покорить весь міръ. По нашему представленію, мы всѣ должны стремиться ко вселенскому единству, но это единство должно быть достигнуто во Христѣ подвигами вѣры, а внѣшнимъ образомъ, если хотите, въ каноническомъ первенствѣ старѣйшаго іерарха, какъ это уже и было раскрыто выше. Но продолжимъ).

„Слѣдуетъ замѣтить, что мѣстопребываніемъ этой главы, Господь избралъ именно Римъ (?), сознавшійся послѣ всѣхъ своихъ завоеваній въ своемъ безсиліи повелѣвать міромъ. И этотъ Римъ сохранитъ свое значеніе столицы намѣстника Христова во вѣки вѣковъ" (?).

(Гл. I). Отрицать существованіе видимой главы въ Церкви, которая есть видимое общество, немыслимо (почему же?).

Еслибы Господь, возносясь на небо, не оставилъ видимой главы послѣ Себя,—Церковь оказалась бы менѣе совершеннымъ обществомъ, чѣмъ всякое другое гражданское общество, ибо каждое изъ нихъ имѣетъ свою главу (какое дѣтское, но обычное латинамъ разсужденіе!).

Общество объединяется, во-первыхъ, законами, но законы невидимы, какъ душа въ человѣкѣ; поэтому необходимо видимое его объединеніе главою, какъ и тѣло объединяется главою. Если бы Церковь не имѣла видимой главы, она *не была бы видимымъ обществомъ*" (почему же? Общеніе въ молитвахъ и таинствахъ достаточное средство для видимаго общенія членовъ Церкви).

Ѳома Аквинатъ (ну, Ѳома Аквинатъ небольшой авторитетъ!) доказываетъ, что монархическая форма правленія есть совершеннѣйшая форма. Неужели же церковь можетъ быть лишена этой формы?! (Надобно спросить у Основателя Церкви, въ чемъ Онъ полагалъ совершенство своей Церкви, а равно и у св. Апостоловъ, а не у Ѳомы Аквината. А для этого нужно припомнить, во-первыхъ, первосвященническую молитву Спасителя (Іоан. 17 гл.), а во-вторыхъ, изображеніе Церкви у ап. Павла въ посланіи къ Ефесеямъ (4 гл.).

Существованіе видимой главы отнюдь не мѣшаетъ невидимому главенству самого І. Христа (прочтите со вниманіемъ

мою первую главу о главенствѣ, и вы увидите, что мѣшаетъ и даже очень). Подобно и правленіе царей не препятствуетъ Богу быть верховнымъ Управителемъ судебъ человѣческихъ (цари какъ и папы не препятствуютъ Богу управлять міромъ, но могутъ препятствовать людямъ обращаться прямо къ Богу и жить въ Богѣ. Припомните Дарія Мидійскаго, издавшаго указъ, чтобы впродолженіе 30 дней никто изъ его подданныхъ не молился своимъ богамъ).

Іисусъ Христосъ есть единый истинный глава и единое истинное основаніе Церкви, но Онъ изображается въ видимой или наглядной главѣ и въ видимомъ или наглядномъ основаніи Церкви (но такъ Онъ долженъ отображаться въ каждомъ епископѣ, въ каждомъ пресвитерѣ, въ каждомъ истинномъ христіанинѣ).

Итакъ, существованіе видимой главы въ Церкви очевидно, слѣдуетъ только доказать ея непогрѣшимость (далеко не очевидно).

Въ одной изъ слѣдующихъ главъ, раскрывая доказательства непогрѣшимости папы, авторъ пишетъ:

„Въ Евангеліи Господь указываетъ на промыслъ Божій о низшихъ тваряхъ, маленькихъ птичкахъ и полевыхъ лиліяхъ. — Богъ ради Себя Самого и ради Своей любви къ намъ долженъ (это слово *долженъ* какъ тяжко звучитъ!) содѣйствовать законной власти, чтобы всѣ подчиненные ей могли *непогрѣшимо* идти по пути жизни.

Но разныя ступени непогрѣшимости законной власти подчинены одна другой; такъ непогрѣшимость верховной гражданской власти зависитъ отъ непогрѣшимости церковной верховной власти (а почему-же бы не непосредственно отъ Божеств. власти?—Царь имѣетъ двойное помазаніе). А такъ какъ непогрѣшимость Церкви зависитъ непосредственно отъ единаго источника непогрѣшимости, то слѣдов. — Церковь является обладательницею непогрѣшимости въ собственномъ смыслѣ слова.

И законодатель гражданскій, и законодатель церковный въ своихъ законахъ должны согласоваться съ Божественнымъ закономъ. Заблужденіе гражданскаго законодателя можетъ быть исправлено законодателемъ церковнымъ (какимъ-

же это образомъ?). Но кто-же-бы могъ исправить заблужденіе послѣдняго; онъ повелъ-бы къ погибели всѣхъ своихъ подчиненныхъ (по нашему, взаимная любовь и помощь сотоварищей или Соборы). Но этого не можетъ допустить благость Божія; высокое назначеніе Церкви — быть руководительницею къ вѣчной цѣли; — немыслимо (отчего?), чтобы Господь не далъ людямъ увѣренности, что это водительство будетъ *непогрѣшимо* (Онъ далъ,—только не одному лицу—папѣ).

Очевидность этого (т. е. чего?) такъ велика, что нельзя не признаться, что для Бога было достаточно (опять!!) имѣть возможность даровать верховной власти въ Церкви непогрѣшимость, чтобы дѣйствительно даровать ее (Господи, прости имъ, ибо они не вѣдятъ, что говорятъ!!!).

А развѣ такой возможности у Него не было?—(Господи помилуй!).

Тотъ, Кто полагаетъ несомнѣнные законы звѣздамъ, растеніямъ, животнымъ; Кто напечатлѣлъ въ душѣ человѣка законъ естественный и на этомъ основаніи воздвигъ зданіе Своего благодатнаго закона, божественно непогрѣшимаго; Тотъ, Кто сообщилъ эту непогрѣшимость благодатнаго закона священникамъ Церкви, которые непогрѣшимо передаютъ установленіе Спасителя, претворяя хлѣбъ и вино въ Его тѣло и кровь, несмотря даже на свои личные недостатки и пороки,—Тотъ развѣ не имѣлъ силы снабдить перваго изъ священниковъ способностью всегда говорить истину, въ силу своего званія перваго представителя Бога на землѣ, съ цѣлію, чтобы онъ наставлялъ и руководилъ всѣ души, искупленныя кровію Спасителя?—(Безспорно имѣлъ, но не снабдилъ, потому что это противорѣчило законамъ нравственной жизни. Самъ-же авторъ выше сказалъ, что чѣмъ покорнѣе человѣкъ Богу, тѣмъ онъ непогрѣшимѣе и потому авторитетнѣе. Надо полагать, что этотъ законъ существуетъ и для первосвященника".—Дѣйствительность оправдываетъ это: св. Льву возглашали на Соборѣ—это Петръ говорилъ устами Льва,—а на другомъ Соборѣ одному изъ преемниковъ его Гонорію,—анаѳема еретику Гонорію).

Далѣе слѣдуютъ опять изліянія краснорѣчія.

По поводу исповѣданія ап. Петра: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго,* — авторъ слѣдующимъ образомъ витійствуетъ:

„Это исповѣданіе вѣры, столь чистое, столь достойное того, кому готовились обѣтованія, было внушено Петру скрытой (?) силой Самого Іисуса, чтобы оно въ глазахъ міра сдѣлалось какъ-бы символомъ крѣпости того духовнаго камня, на которомъ Спаситель создалъ Свою Церковь".

„Поэтому-то какъ бы благословляя, какъ-бы освящая навсегда вѣру и истину Петра, Іисусъ отвѣчалъ: *и Я говорю тебѣ: ты еси Петръ и на семъ камени созижду Церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей, и дамъ ти ключи царства небеснаго и еже аще свяжеши на земли, будутъ связана на небеси, и еже аще разрѣшиши на земли, будутъ разрѣшена на небеси.*

„Боже мой! Какое величіе въ этихъ немногихъ словахъ Божественнаго Слова! „Я тебѣ говорю, Я, — который есть истина, Я тебѣ говорю: ты — Петръ. Я уже далъ тебѣ это имя, избранное для тебя, чтобы обозначить твою твердость; потому что на тебѣ (?) я построю Церковь Мою. И ты — такое непоколебимое основаніе, что Церковь, которую ты будешь поддерживать, противустоитъ вратамъ ада. — Есть два рода вратъ, которыя служатъ эмблемой силы, или могущества; хотя вообще вратами входятъ во всякое владѣніе, — но есть только двое вратъ, которыми входятъ во владѣніе вѣчное, — входятъ, чтобы уже не выходить; это — врата *Неба*, которыми входятъ въ вѣчное владѣніе жилищемъ славы, — и врата ада, которыми входятъ въ вѣчное владѣніе жилищемъ безславія и отчаянія. И эти двое вратъ — одни представители истинной силы Добра, другія — представители лживой силы зла, — и тѣ и другія проявятъ свою силу: ибо врата ада [1]) будутъ сражаться съ тобою съ напряженнымъ

[1]) Здѣсь во всей этой рѣчи, авторъ, очевидно, смѣшиваетъ библейскіе образы: не врата, какъ таковыя, служатъ представителями *силы* или *могущества*, а лица, сидѣвшія у воротъ. Въ древности сказать: *иду къ воротамъ* значило то же, что сказать теперь: *иду въ присутственное мѣсто, иду въ судебную палату* и под. Къ чему-же эта рѣчь о воротахъ, черезъ которыя входятъ?!

усиліемъ, и не смотря на это никогда не могутъ одолѣть тебя; между тѣмъ какъ врата Неба будутъ открываться твореніямъ (?) только тобою; ибо ключи отъ нихъ въ твоей власти. Ни помраченному уму, ни злобной волѣ нѣтъ мѣста въ небесахъ. — Если-же отъ тебя будетъ зависѣть ввести туда того, кого ты почтешь достойнымъ этого, или запретить входъ тому, кого ты почтешь недостойнымъ; то это потому, что отъ тебя будетъ зависѣть снять съ ума повязку заблужденія (или авторъ неточно выражается, или говоритъ неправду, приписывая Петру то, что свойственно Духу Св.) и освободить злую волю отъ тяжелыхъ цѣпей преступленія— (тоже—преувеличеніе или неточность). Я тебя избралъ сосудомъ Моей благодати, которая есть свѣтъ и любовь; ты сообщишь этотъ свѣтъ и будешь поддерживать его въ умахъ, сохраняя чистоту Моего святаго ученія; ты чрезъ это самое расположишь воли къ выполненію блага и будешь въ нихъ поддерживать огонь чистой любви къ Богу. — Смерть придетъ за тобой, по скольку ты существо смертное. Но по скольку ты — Петръ — ты не можешь умереть; ты будешь жить въ лицѣ твоихъ преемниковъ, ибо основаніе, на которомъ Я созижду Церковь Мою,—зданіе жизни, есть *основаніе живое* и сила *Моей жизни* не престанетъ проявляться въ силѣ зданія, которое всегда будетъ стоять на немъ".

„Истина этихъ словъ Спасителя раздается, раздается непрестанно. Вѣка проходятъ, все рушится, все умираетъ,— только Петръ и Церковь, построенная на немъ—все стоятъ и стоятъ!

„Конечно, І. Христосъ былъ свободенъ (!) въ выборѣ того, кого хотѣлъ поставить—видимою главою Церкви. Но *фактъ совершился (?)*, Онъ выбралъ Петра и далъ ему престоломъ городъ Римъ (?!). Этимъ самымъ Онъ далъ и всѣмъ тѣмъ (?), кто имѣлъ наслѣдовать Петру на его престолѣ, права верховнаго главы Церкви. Ибо Петръ, какъ смертный, умеръ и сдѣлался невидимымъ для міра, между тѣмъ какъ видимая Церковь продолжаетъ стоять на твердынѣ его вѣры и истины".

Въ такомъ родѣ и дальнѣйшія рѣчи автора!

Эта часть, говоримъ, содержитъ меньшую посылку: что папа именно есть то лице, которымъ обусловливается непогрѣшимость Церкви. — Въ раскрытіи этой посылки авторъ повторяетъ всѣ нами уже разобранныя основанія, прикрывая ихъ слабость обычными пріемами краснорѣчія и восторженнымъ тономъ рѣчи; причемъ обходитъ молчаніемъ тѣ возраженія, которыя подрываютъ какъ латинскія объясненія Евангельскихъ изреченій о первенствѣ Петра, такъ и всю теорію папизма: — онъ забываетъ что преемственности Петровой власти нѣтъ и не можетъ быть, что не только главенства, но даже и общаго первенства не было послѣ Апостоловъ, что первенство образовалось впослѣдствіи путемъ каноническихъ опредѣленій, что видимое общеніе въ древней Церкви проявлялось въ Соборахъ и т. д. и т. д. Увлекаясь своимъ краснорѣчіемъ, авторъ уносится въ область мечтательныхъ представленій о какой-то идеальной верховной власти,—въ дѣйствительности не имѣющей ни соотвѣтствія, ни оправданія.—Поэтому, вся теорія автора сошла съ почвы дѣйствительности и носится въ туманныхъ высяхъ предположеній и ложной идеализаціи.

Почтенный авторъ несомнѣнно человѣкъ искренняго убѣжденія, — но удивительно, что при своихъ дарованіяхъ онъ не видитъ недостатковъ того дѣла, которое защищаетъ, и тѣхъ логическихъ пріемовъ, которыми для того пользуется.—Эпиграфомъ онъ поставилъ слова Христовы: *истина свободитъ вы*. Это безъ сомнѣнія — такъ. Но для этого истину надобно раскрывать и разъяснять, а не затемнять и запутывать.

№ 2.

О признакахъ истинной Церкви.

По поводу книги Вл. Соловьева „La Russie et l' Eglise Universelle“ [1]).

...Книга г. Соловьева „La Russie et l'église universelle“, „Россія и вселенская церковь“ издана въ Парижѣ на французскомъ языкѣ уже вторымъ изданіемъ. Здѣсь еще замѣтна неопредѣленность взглядовъ автора, но они высказываются уже полнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ въ прежнихъ его сочиненіяхъ. Въ этой книгѣ со всей ясностію авторъ становится на сторону папизма и относится къ нему съ почтительнымъ уваженіемъ, не только обѣляя его, но и придавая ему высокія черты божественнаго установленія, и въ то же время отворачивается отъ церкви православной, въ мрачныхъ чертахъ рисуя ея судьбы. Насколько ясно и рѣзко выражаются его симпатіи къ Риму, настолько рѣзко и рѣшительно высказываются антипатіи къ церкви восточной. По выраженію автора, римскій апостольскій престолъ — это центръ внѣшней, видимой дѣятельности церкви, образъ и орудіе божественной власти (pouvoir), чудотворная (miraculeuse) икона

[1]) *Прим. 2 изд.* Относительно приводимой книги позволю себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе.—И прежде, въ богословскихъ статьяхъ своихъ, вызвавшихъ въ свое время широкое сочувствіе и удивленіе къ ихъ автору, Вл. С. Соловьевъ уже выказывалъ нѣкоторое уклоненіе отъ православнаго направленія мысли. Именно: односторонне увлекаясь при своихъ богословствующихъ построеніяхъ соціальными, *земными* задачами и представляя себѣ возможность осуществленія идеальной жизни въ *этомъ* настоящемъ мірѣ, гдѣ движется въ историческомъ своемъ про-

вселенскаго христіанства [1]), представитель продолжаемости (la perpétuité) реальнаго боговоплощенія въ соціальномъ и политическомъ порядкѣ вещей [2]), единственный носитель

цессѣ человѣчество, Соловьевъ и представлялъ себѣ Церковь органомъ земного обоготворенія человѣчества, осуществленіемъ на землѣ богочеловѣчества. Черезъ это у него стушевывалась вышемірная, благодатная сторона Церкви, выходила изъ поля зрѣнія неотдѣлимая и всегда соприсущая общей жизни небесная часть Ея, и Церковь являлась земнымъ мистическимъ тѣломъ, земнымъ, хотя и духовно-оживленнымъ организмомъ, подчиненнымъ земному закону историческаго развитія и прогресса. Понятіе Церкви въ такой постановкѣ легко получало пантеистическую окраску. Этотъ то уклонъ мысли, полагаю, (см. Странникъ, 1889 г. № 5. „Развивается ли въ догматическомъ отношеніи Церковь?), и привелъ Вл. С. Соловьева къ увлеченію римскимъ католичествомъ, какъ легко приспособимымъ къ рисовавшимся ему задачамъ человѣческой исторіи: внѣшнее, земное единство латинской церкви подъ видимымъ главою-папой, ученіе о таинственномъ, божественномъ отъ Духа Святаго водительствѣ папской непогрѣшимости, возможность „догматическаго развитія", осуществляющаяся у латинянъ въ изданіи новыхъ догматовъ, стремленіе къ созданію изъ всего міра единой „теократической" монархіи съ папою во главѣ, авторитетное вмѣшательство папы въ рѣшеніе соціальныхъ и под. вопросовъ,— все это какъ разъ подходитъ къ его представленію Церкви. Весьма возможно представить себѣ дѣло такъ, что въ невѣрномъ представленіи Церкви Соловьевымъ безсознательно сказалось вліяніе на него Западныхъ укладовъ мысли, выроставшій тамъ на римскомъ католичествѣ послѣ чего и естественно ему было подыскать себѣ въ католичествѣ осуществленіе создавшагося такимъ путемъ представленія. Но однако Вл. С. Соловьевъ недолго остался въ этомъ своемъ увлеченіи Римомъ; позднѣе ему, повидимому, было неловко за это увлеченіе;—утверждаютъ, будто онъ и открыто словесно отрицался его.—Вообще прот. Лебедевъ въ вступленіи своемъ къ бесѣдѣ (нами опускаемомъ) справедливо выразился про Соловьева относительно даннаго времени такъ: „Онъ находится въ періодѣ развитія и образованія, и потому высказывается не вполнѣ, съ замѣтнымъ колебаніемъ и нѣкоторою неустойчивостію: отъ этого онъ то поправляется и пополняетъ себя, то отнѣкивается отъ взглядовъ, приписываемыхъ ему, увѣряя, что его не такъ поняли, что онъне то хотѣлъ сказать и проч. Словомъ сказать, онъ еще самъ для себя не опредѣлился". Это сужденіе 1890 г. оправдалось послѣдовавшимъ возвратнымъ уклоненіемъ Соловьева отъ разбираемаго здѣсь направленія мысли. *Е. А. Л.*

[1]) Introduction, XXIX.

[2]) Ib. XXIX.—XXX... la réalité de l' incarnation divine dont la perpétuité dans l' ordre social et politique était représentée par Rome.

правъ и преимуществъ апостола Петра, полученныхъ имъ отъ Христа, средоточіе всемірной церковной монархіи, долженствовавшей *пресуществить* всемірную политическую монархію, съ замѣною династіи Юлія Цезаря династіею Симона Петра,—цезаризма папствомъ [1]). Съ этой точки зрѣнія онъ осуждаетъ святаго Константина Великаго и его преемниковъ за то, что они, принявши христіанство, создали государство христіанское только по имени, оставивъ въ немъ много языческаго [2]); съ этой же точки зрѣнія онъ смотритъ на ереси восточной церкви и видитъ въ нихъ усилія ниспровергнуть ученіе о дѣйствительности (реальности) воплощенія Бога на землѣ, а въ концѣ концовъ—усилія отвергнуть продолжаемость боговоплощенія чрезъ лице римскаго епископа [3]). Ереси, говоритъ онъ, которыя пользовались покровительствомъ византійскихъ императоровъ, въ существѣ дѣла были *возстаніемъ противъ православнаго папства,* — противъ каѳедры апостола Петра въ ея значеніи объективнаго и реальнаго центра видимой церкви [4]). Съ этой же точки зрѣнія онъ неблагосклонно смотритъ на вселенскіе соборы и на аскетизмъ восточнаго монашества [5]). Главная цѣль греческой іерархіи, въ періодъ вселенскихъ соборовъ, говоритъ онъ, состояла въ томъ, чтобы нарушить согласіе имперіи и папства, привлечь императоровъ къ *православію* [6]), оторвавъ отъ римскаго католичества [7]). Такъ, отцы II-го вселенскаго собора обвиняются въ томъ, что будто бы произвольно замѣнили Никейскій символъ—это знамя вселенскаго православія — новой формулой чисто-восточнаго происхожденія [8]), но особенно въ томъ, что даровали константинопольскому епископу достоинство перваго патріарха восточной церкви въ ущербъ прочимъ восточнымъ патріар-

---

[1]) L. 2, ch. X. p. 158.
[2]) Introd. p. XXIV.
[3]) Ibid. p. XXVI—XXX.
[4]) Ib. p. XXX.
[5]) Ib. XLVII.
[6]) Разумѣй *мнимому*, авторъ говоритъ иронически.
[7]) P. 34.
[8]) P. 37.

хамъ [1]). Отцы IV-го вселенскаго собора, торжественно будто бы исповѣдавшіе божественно-вдохновенное главенство святаго Льва, уронили себя 28-мъ правиломъ (о преимуществахъ константинопольской каѳедры) [2]). Отцы VI-го вселенскаго собора будто бы *ради отместки Риму* выдумали ересь папы Гонорія и внушили эту басню добродушнымъ римскимъ легатамъ; — недовольные этимъ снова собрались чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Константинополѣ (въ Труллѣ) и попытались при помощи нелѣпыхъ (?!) выдумокъ приписать этому *сборищу* вселенскій авторитетъ, представляя его продолженіемъ шестаго (такова, замѣчаетъ г. Соловьевъ, двуличность лжи!), или же дѣлая изъ него эпилогъ V и VI соборовъ подъ дикимъ именемъ *пято-шестаго* [3]). За эрой ересей, продолжаетъ онъ, которая кончается разрывомъ съ Римомъ, начинается новый фазисъ анти-христіанскаго духа,—развитіе „православнаго византійства“ [4]). Обѣ силы—церковь и государство—поняли другъ друга и подали другъ другу руки; онѣ были взаимно связаны одной общей идеей—отрицаніемъ христіанства какъ соціальной силы, какъ движущаго принципа историческаго прогресса. Императоры усвоили разъ навсегда православіе какъ отвлеченный догматъ, а православные іерархи благословили in saecula saeculorum (на вѣки вѣковъ) язычество общественной жизни [5]). Это такъ называемое *византійское православіе* однако на самомъ дѣлѣ было только *возвратною ересью*, l'hérésie rentrée. Сначала смѣшали божеское и человѣческое, власть духовную и свѣтскую—въ священномъ величествѣ императора, и этимъ создали *цезаро-папизмъ*,—это политическое *аріанство* [6]). Разлучивъ общество религіозное отъ общества свѣтскаго и заперевъ первое въ монастыри, а второму предоставивъ *форумъ* съ его языческими законами и страстями, — положили въ основу византійской жизни *несторіанскій дуализмъ*, осу-

---

[1]) Intr. XXXVII.
[2]) P. 38—39.
[3]) P. XLIII.
[4]) P. XXX.
[5]) P. XLVI.
[6]) Ib. XLVI—VII.

жденный въ богословіи; ограничивъ религіозный идеалъ одною созерцательностію, признали идеалъ явно *монофизитскій*, т. е. поглощеніе человѣческаго духа божествомъ. Отнявъ у нравственной жизни ея дѣятельную силу и указавъ ей высшимъ идеаломъ слѣпое подчиненіе власти, пассивное послушаніе, квіетизмъ,—отринули въ человѣкѣ волю и дѣятельность, а это и есть моноѳелитская ересь. Наконецъ, въ чрезмѣрномъ аскетизмѣ попытались устранить тѣлесную природу, разбить живой образъ божескаго воплощенія, а это и есть безсознательное, но логическое приложеніе ереси *иконоборческой*. Оттого-то, прибавляетъ авторъ, справедливо было, чтобы Византія пала отъ ислама, этого послѣдовательнаго и искренняго византійства, свободнаго отъ всякаго внутренняго противорѣчія“ [1]). Переходя къ изображенію русской церкви, авторъ обвиняетъ святаго равноапостольнаго князя Владиміра въ томъ, что онъ принялъ евангельскую жемчужину изъ Константинополя, всю покрытую пылью [2]), обвиняетъ русскую церковь въ порабощеніи свѣтской власти [3]), въ потерѣ церковной свободы [4]), въ цезаро-папизмѣ [5]), въ безжизненности и мертвенности [6]),— церковное образованіе называетъ *печальнымъ наслѣдіемъ* Фотіевъ и Керулларіевъ, *лжеправославіемъ*, не имѣющимъ ничего общаго съ вѣрою вселенской церкви и съ благочестіемъ народа, что это лжеправославіе состоитъ будто бы въ одномъ только отрицаніи латинскихъ догматовъ Filioque, непорочнаго зачатія и главенства папы съ его непогрѣшимостію [7]). Изображая далѣе современное состояніе русской церкви, онъ прибѣгаетъ къ словамъ извѣстнаго нашего публициста Ив. С. Аксакова и составляетъ изъ нихъ мозаическую картину угнетенія и безжизненности церкви [8]). Въ со-

---

1) P. XLVII—VIII.
2) P. 17.
3) P. 24—27.
4) Ch. VI.
5) Ch. IX.
6) Ch. IV. 31—32.
7) Ch. III 18—20.
8) Lib. 1. Ch. VII.

чиненіяхъ Аксакова его рѣзкія выраженія противъ православной церкви смягчаются его ревностію по православію, съ одной стороны, и совершеннымъ отрицаніемъ лжи папизма, съ другой,—въ сочиненіи же Соловьева всѣ эти выраженія, вырванныя изъ общаго направленія мыслей, получаютъ другое значеніе и производятъ на читателя удручающее впечатлѣніе [1]).

Несмотря, однакожъ, на такое рѣшительное исповѣданіе папизма и осужденіе восточно-каѳолической церкви, авторъ продолжаетъ признавать себя сыномъ православной церкви и не ведетъ насъ прямо на поклоненіе въ Римъ, но рекомендуетъ намъ какую-то не совсѣмъ ясную унію съ Римомъ. „Великія дѣла,—пишетъ онъ въ концѣ введенія,—не могутъ быть совершаемы малыми средствами. Дѣло идетъ не объ исповѣдномъ компромиссѣ между двумя іерархіями и не о дипломатическомъ договорѣ между двумя правительствами: прежде всего нужно установить нравственную и умственную связь между религіознымъ сознаніемъ Россіи и истиною вселенской церкви. А чтобы сдѣлать удобопріемлемою для нашего ума истину принципа, историческое проявленіе котораго намъ чуждо и даже враждебно, необходимо добраться до первыхъ началъ этой истины въ основной идеѣ христіанства,—что̀ авторомъ и предлагается въ его сочиненіи.

Въ заключеніе авторъ въ слѣдующемъ видѣ объявляетъ свое исповѣданіе:

„Какъ членъ истинной и почтенной православной восточной церкви, которая говоритъ не устами анти-каноническаго сунода, не чрезъ чиновниковъ свѣтской власти, но голосомъ своихъ великихъ отцовъ и учителей, я признаю за верховнаго судію въ дѣлѣ религіи того, кто былъ признанъ за таковаго со стороны святаго Иринея, святаго Діонисія великаго, святаго Аѳанасія великаго, святаго Іоанна Златоустаго, святаго Кирилла, святаго Флавіана, блаженнаго Ѳеодорита, святаго Максима исповѣдника, святаго Ѳеодора

[1]) Intr. p. LX. Я не успѣлъ свѣрить выдержки Соловьева съ сочиненіями Аксакова,—говорятъ, есть передержки и приписываніе Аксакову мыслей, ему непринадлежащихъ.

Студита, святаго Игнатія и т. д. (?), а именно признаю за таковаго апостола Петра, который живетъ въ своихъ преемникахъ и который не напрасно услышалъ слова Господа: „Ты еси Петръ и на семъ камени созижду церковь Мою. Утверди братію твою. Паси овцы Моя, паси агнцы Моя“. Затѣмъ онъ обращается къ апостолу Петру и говоритъ: „Безсмертный духъ блаженнаго апостола, невидимое орудіе Господа въ управленіи Его видимою церковію! ты знаешь, что для ея проявленія ей необходимо земное тѣло. Два раза уже ты давалъ ей соціальное тѣло: сначала въ мірѣ грекоримскомъ, а потомъ въ мірѣ романо-германскомъ, ты ей подчинилъ имперію Карла Великаго. Послѣ этихъ двухъ предварительныхъ воплощеній (?), она ждетъ третьяго и послѣдняго. Цѣлый міръ, полный силъ и стремленій, но безъ яснаго сознанія своего назначенія, стучится въ дверь всемірной исторіи. Какое ваше завѣтное слово, народы слова? Ваша масса еще не знаетъ его, но могучіе голоса, вышедшіе изъ вашей среды, уже явили его. Это хорватскій священникъ Крыжаничъ и великій Штроссмайеръ. Сказанное ими требуетъ одного простаго *„аминь“* со стороны восточныхъ славянъ. Это „аминь“ я произнощу отъ имени ста милліоновъ русскихъ христіанъ, съ твердымъ и полнымъ упованіемъ, что они отъ меня не отрекутся. Ваше завѣтное слово, о народы слова, — это свободная и народная (?) ѳеократія, истинное объединеніе всѣхъ народовъ и всѣхъ сословій, христіанство, проведенное въ общественную жизнь, политика, проникнутая христіанствомъ. Это свобода всѣмъ угнетеннымъ, защита всѣмъ слабымъ; это соціальная правда и добрый христіанскій миръ. Отвори же имъ, ключеносецъ Христовъ, и да будетъ эта историческая дверь для нихъ и для всего міра вратами царствія Божія“! [1]).

Не легко понять: какимъ образомъ послѣ такого рѣшительнаго осужденія восточной церкви, какое высказано авторомъ выше, онъ можетъ считать себя сыномъ ея? По его суду и приговору, тысяча лѣтъ не существуетъ этой церкви,—ея православіе есть только *возвратная ересь*,—какъ же

[1]) Intr. p. LXVI—VII.

можно принадлежать къ ней? Какое священство и какія таинства вводятъ его въ общеніе съ нею? Такого рода заявленіемъ авторъ становится въ ряды раскольниковъ и еретиковъ, которые въ исторіи церкви произвольно избираютъ пунктъ, до котораго существованіе церкви, какъ православной, признаютъ, и съ котораго ея православіе и принадлежность къ ней отвергаютъ. Такъ, наши раскольники заявляютъ, что со времени патріарха Никона церковь православная взята на небо, что *на мѣстѣ святѣ мерзость запустѣнія;* и что потому они признаютъ только церковь дониконовскую, и объявляютъ себя принадлежащими къ старой вѣрѣ (?). Г. Соловьевъ идетъ далѣе: съ нѣкоторыми ограниченіями онъ признаетъ существованіе православныхъ въ восточной церкви до Фотія и потому исповѣдуетъ свою принадлежность къ тому времени, — со временъ же Фотія, по словамъ его, восточной церкви не стало, ибо христіанство отвергнуто ею, какъ соціальная сила, а византійское православіе стало *возвратною ересью*, а потому онъ и не можетъ принадлежать къ этой церкви. Англикане епископальной церкви признаютъ неповрежденною церковь восточную до IV-го вселенскаго собора включительно, а послѣ этого собора отвергаютъ ея дальнѣйшую исторію и потому, изъявляя готовность соединиться съ нами (на Боннской конференціи), ставятъ условіемъ признаніе ученія нераздѣльной церкви до IV вселенскаго собора. Протестанты, со всѣми своими развѣтвленіями, подымаются выше: зачеркивая всю исторію церкви въ восходящемъ порядкѣ до первенствующихъ временъ, они признаютъ себя принадлежащими только къ церкви апостольской. Въ настоящее время явился болѣе рѣшительный и смѣлый лжеучитель, который и апостольскую церковь отвергаетъ, и самихъ апостоловъ осуждаетъ, а только признаетъ себя возстановителемъ чистаго евангелія, искаженнаго будто бы церковію,—это графъ Л. Толстой.

Какъ всѣ мнимые ревнители церковной истины отрицаютъ современныя имъ церкви во имя своихъ идеальныхъ представленій о церкви, такъ и г. Соловьевъ. Онъ недоволенъ современною православною церковію и отрицаетъ всю

ея исторію во имя своего излюбленнаго идеала. Онъ желалъ бы видѣть на землѣ единую церковную монархію, въ которую бы всѣ царства и народы входили, какъ части въ одно цѣлое, въ которой бы имѣлась одна видимая глава, облеченная божественнымъ авторитетомъ и стоящая превыше всѣхъ властей сего міра, а всѣ свѣтскіе главы и властители царствъ и народовъ были бы послушными ея орудіями въ охраненіи человѣческой справедливости и церковныхъ интересовъ, и жизнь которой была бы вполнѣ и совершенно проникнута христіанскими началами, кратко: онъ хотѣлъ бы скорѣе увидѣть на землѣ наступленіе царства Божія. Осуществленіе этого идеала онъ усмотрѣлъ въ устройствѣ и жизнедѣятельности римской папистической церкви, и поэтому на нее перенесъ свои симпатіи, свою вѣру, свои надежды и всѣ чаянія лучшаго будущаго.

Мы и сами, съ своей стороны, утверждаемъ [1]), что церковь единая по своему духу шла и продолжаетъ идти къ внѣшнему единству, къ единству іерархическому, — о чемъ и будетъ сказано послѣ, — но вѣрно ли это, что будто бы идеалъ вселенской церкви осуществляется въ церкви латинской? и справедливо ли осуждать восточную церковь за то, что ея внѣшнее состояніе не соотвѣтствуетъ идеальнымъ требованіямъ автора? Не похоже ли это на поведеніе раскольниковъ древнихъ—новатіанъ и донатистовъ, и новыхъ—нашихъ старообрядцевъ, которые отступаютъ отъ своей церкви только потому, что она не подходитъ подъ ихъ понятія о церкви?

Мы не будемъ входить въ подробный разборъ книги г. Соловьева, — это повело бы насъ слишкомъ далеко, да кромѣ того, едва ли это и нужно, — такъ какъ истина православія ясна для всякаго имѣющаго очи видѣть и слышна для всякаго имѣющаго уши слышать;—въ настоящемъ случаѣ мы обратимъ наше вниманіе на другія стороны вопроса, а именно: постараемся опредѣлить и установить тѣ общія начала, по которымъ бы мы могли судить о правотѣ и истинности того или другаго вѣроисповѣданія и отсюда сдѣлать

[1]) См. выше „О главенствѣ папы“.

выводъ: на сколько правъ г. Соловьевъ, защищая папистическую систему. Вопросы эти имѣютъ общее и для всѣхъ одинаково важное значеніе.

При томъ ненормальномъ разнообразіи христіанскихъ исповѣданій, какое существовало доселѣ, существуетъ и теперь, и при томъ притязаніи каждаго изъ нихъ на исключительное обладаніе чистотою вѣры и истины, какое заявляется одинаково всѣми, — испытующій умъ христіанина — всегда искалъ, ищетъ и теперь, такихъ средствъ, которыя бы давали ему возможность распознавать истину отъ лжи, чистое исповѣданіе отъ исповѣданія нечистаго, поврежденнаго. Если дана намъ истина, то, безъ сомнѣнія; даны и средства къ ея познанію, усвоенію и храненію, и намъ остается только выяснять для себя эти средства и прилагать ихъ ко всякому, новоявленному исповѣданію: ложь будетъ тотчасъ познана.

Такія средства намъ даны, во-первыхъ, въ словахъ Самаго Господа о нравственной воспріимчивости людей къ истинѣ и чудодѣйственной благодати; во-вторыхъ—въ словахъ апостоловъ о различеніи Духа Божія отъ духа антихристова; въ-третьихъ — въ непрерывности апостольскаго преданія въ церкви; въ четвертыхъ — въ самомъ характерѣ и особенностяхъ еретическихъ ученій. Разъяснимъ это.

I.

Самое первое средство для воспринятія и усвоенія истины указано было самимъ Спасителемъ. Когда Онъ сталъ проповѣдывать, что Онъ есть истинный Мессія, Тотъ, о которомъ писали Моисей и пророки,—Онъ встрѣтилъ Себѣ противодѣйствіе со стороны плотскихъ и чувственныхъ представленій іудейскихъ вождей о царствѣ Мессіи. Представленія эти, заслуживавшія полнаго осужденія сами по себѣ, какъ лживыя, получали еще большую силу и значеніе въ противленіи проповѣди Христовой вслѣдствіе того, что они

не только не подымали нравственности чадъ ветхозавѣтной церкви, но въ большинствѣ уживались съ грубымъ эгоизмомъ и прикрывали самыя дикія страсти и пороки. Іудейскіе вожди не только сами отвергали проповѣдь Христову, но и отводили отъ нея народъ, увѣряя его, что отъ Галилеи пророкъ не приходитъ, что *никто отъ князей*, т. е. никто изъ людей образованныхъ и передовыхъ не вѣруетъ во Христа,—а тѣ, кои слѣдуютъ за Нимъ,—люди невѣжественные, осужденные на проклятіе (Іоанна 7, 47 — 49). Отъ такого противодѣйствія со стороны руководителей народъ приходилъ въ недоумѣніе: какъ же въ самомъ дѣлѣ принимать ученіе Христово: какъ отъ человѣка? или какъ отъ Бога? Для разрѣшенія сего затрудненія Господь указалъ на два средства познать Его ученіе, какъ Божественное: первое—внутри человѣка—его нравственно-доброе настроеніе, а второе—во внѣ—вниманіе къ Его дѣламъ. О первомъ средствѣ Онъ говоритъ такъ: *Мое ученіе не Мое, но Пославшаго Меня. Кто хочетъ творить волю Его, тотъ узнаетъ о семъ ученіи: отъ Бога ли оно, или Я Самъ отъ Себя говорю* (Іоан. 7, 16 — 17). *Кто отъ Бога, тотъ слышитъ слово Божіе. Вы потому не слышите,* — обращается Онъ къ невѣрующимъ Іудеямъ,—*что вы не отъ Бога* (Іоан. 8, 47). Изъ сихъ словъ видно, что для удостовѣренія въ божественности ученія Христова необходимо нравственное соотвѣтствіе. Подобное познается подобнымъ, какъ нѣкогда говорили мудрецы.

Другое средство Господь указалъ въ Своихъ дѣлахъ, или лучше — чудесахъ. Невѣрующіе іудеи спрашивали Его: *долго ли Тебѣ держать насъ въ недоумѣніи? Если Ты Христосъ, скажи намъ прямо?* Іисусъ отвѣчалъ имъ, какъ и прежде: *Я сказалъ вамъ, и не вѣрите; дѣла, которыя творю Я во имя Отца Моего, они свидѣтельствуютъ о Мнѣ* (Іоан. 10, 24—25; 5, 36). А какъ на особенное и чрезвычайное свидѣтельство своего божественнаго посланничества Онъ указалъ на Свое воскресеніе. Когда іудеи потребовали отъ Него знаменія съ неба, Онъ сказалъ имъ: *родъ лукавый и прелюбодѣйный ищетъ знаменія и знаменія не дастся ему, кромѣ знаменія Іоны пророка. Ибо какъ Іона былъ во чревѣ кита три дня и три ночи, такъ и Сынъ человѣческій бу-*

детъ въ сердцѣ земли три дня и три ночи (Мѳ. 12, 39—40). Но сила предразсудковъ и грѣховное ожесточеніе такъ были велики, что это величайшее чудо изъ чудесъ — воскресеніе Христово—не воздѣйствовало на нихъ благотворнымъ образомъ, не породило въ нихъ вѣры, и потому они сами навлекли на себя осужденіе. *Если бы Я не творилъ между ними дѣлъ, какихъ никто другой не дѣлалъ, то не имѣли бы грѣха; а теперь видѣли и возненавидѣли Меня и Отца Моего* (Іоан. 15, 24).

Эти средства, указанныя Спасителемъ, всегда оставались и остаются въ церкви православной дѣйствующими. Сила перваго изъ указанныхъ средствъ заключается въ томъ, что церковь восточная всегда признавала и исповѣдывала тѣсную связь познанія и храненія истины Христовой съ нравственной чистотой вѣрующихъ, т. е. что безъ чистоты нравственной нельзя усвоить и сохранить истину, а безъ чистоты и неизмѣнности истины нельзя вести истинно-нормальную христіанскую жизнь. Это исповѣданіе церкви свидѣтельствуется ея исторіей [1]). Съ одной стороны, мы видимъ, что приложеніе совершеннѣйшаго нравственнаго ученія Христова къ жизни разработано великими восточными подвижниками,— что ими составлена истинная психологія борьбы подвижника со страстями и вообще со всѣми грѣховными расположеніями, движеніями и поползновеніями; имъ принадлежитъ наука устроенія духовной чистоты; ихъ дѣло—устроеніе той лѣстницы, восходя по которой, человѣкъ достигаетъ безстрастія, чистой молитвы и великаго дерзновенія предъ Богомъ; съ другой стороны, мы видимъ, что истинное подвижничество всегда воздвигало въ святой церкви несокрушимыхъ борцовъ за истину, охранителей православнаго ученія, помощниковъ и нравственную поддержку для архипастырей, стоявшихъ за истину. Такъ было до временъ Фотія, такъ было и такъ есть доселѣ въ церкви восточной и послѣ Фотія до нашихъ дней. Церковь восточная потому и есть истинная Церковь, что она сохраняетъ чистымъ и неповре-

---

[1]) См. выше стр. 68—78, гдѣ раскрыта связь *непогрѣшимости* церкви съ ея *святостію:* церковь *непогрѣшима,* потому что *свята.*

жденнымъ нравственное ученіе, а нравственное ученіе потому сохраняетъ такимъ, что держится чистаго догматическаго ученія; — одно безъ другаго быть не можетъ. Наши святые люди это доказываютъ своею святою жизнію. А всѣмъ желающимъ удостовѣриться въ этомъ, мы скажемъ: испытай самъ; вотъ тебѣ наши догматы и наши руководители въ жизни нравственной; твори волю Отца Небеснаго и уразумѣешь, откуда наше ученіе.

Если это средство, какъ пробный камень, приложимъ къ церкви папистической,—мы должны придти къ невыгодному для нея заключенію. Прежде всего, въ церкви латинской утвердилось ученіе, что основою для храненія истины Христовой въ церкви служитъ не нравственное соотвѣтствіе человѣка божественной истинѣ, не *святость* церкви, а единственно верховная власть папы, чрезъ котораго Духъ Святый дѣйствуетъ внѣшнимъ, такъ сказать, механическимъ образомъ, независимо отъ его нравственнаго состоянія. Во вторыхъ, въ церкви латинской нѣтъ должнаго пониманія духовной жизни [1]). Полупелагіанство во взглядѣ на природу человѣка, казуистика въ разборѣ человѣческихъ поступковъ, преобладаніе воображенія и чувства въ духовной жизни людей — характеризуютъ вообще всю нравственность римскаго католика-паписта. Вслѣдствіе этихъ особенностей въ латинской церкви образуются такія эксцентричныя личности, какъ Екатерина Сіенская, Бригитта, Марія а-ля Кокъ и под., которыя никакъ не могутъ служить свидѣтельствомъ чистоты и святости латинскаго ученія. Ихъ разныя видѣнія, признаваемыя папистами за боговдохновенныя, по восточному разумѣнію, не больше какъ *прелесть*, отъ которой восточные руководители непремѣнно бы постарались излѣчить.

Столь же замѣтнымъ и дѣйствительнымъ признакомъ истинности церкви восточной служитъ дѣйствіе въ ней обитающей благодати Божіей, обнаруживающейся въ разныхъ благодатныхъ дѣйствіяхъ и чудесахъ. Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ, что Онъ есть съ нами до скончанія вѣка,—а если Онъ съ нами, то Онъ и являетъ Себя такимъ

[1]) См. выше, главу о непогрѣшимости Церкви.

же, какъ являлъ Себя при видимомъ пребываніи на землѣ. Къ свидѣтельству чудесныхъ проявленій Христовой благодати въ церкви восточной предпочтительно предъ западной православные прибѣгали нерѣдко. Такъ въ XVII столѣтіи одинъ защитникъ православія противъ іезуита Скарги писалъ: „Пойди, Скарго, въ великую Россію и прочитай исторіи житій оныхъ святыхъ мужей-чудотворцевъ великихъ, которые и по смерти мертвыми тѣлесы своими всякія страсти, болѣзни и недуги мірскихъ простыхъ съ вѣрою къ нимъ приходящихъ уздоровляли, бѣсныхъ исцѣляли, хромымъ ходити, слѣпымъ видѣти, хворымъ, разными болѣзнями одержимымъ, здоровымъ быти даровали, и видимо явно чудотворили“ и т. д. [1]).

Обращаясь къ г-ну Соловьеву и взвѣшивая, съ одной стороны, его рѣзкій приговоръ восточному аскетизму, въ томъ числѣ и Аѳонскому монашеству [2]), и строгое осужденіе восточной церкви, которую въ одномъ мѣстѣ онъ представляетъ въ видѣ мертваго моря, міазмы отъ котораго доходятъ до него въ видѣ полемики восточныхъ богослововъ [3]), а съ другой, имѣя въ виду его увлеченіе папизмомъ, какъ божественнымъ установленіемъ, какъ продолженіемъ боговоплощенія на землѣ, — мы имѣемъ право заключать о той его неспособности къ воспринятію истины и благодати православія, какую обличалъ Христосъ въ невѣрующихъ іудеяхъ.—Нашедши осуществленіе своего идеала въ церкви папистической, Соловьевъ тѣмъ самымъ заявилъ свое духовное сродство съ тѣми особенностями латинянъ въ пониманіи духовной жизни, которыя намъ такъ претятъ, и которыя мы осуждаемъ какъ духовную *прелесть*. Подшучивая надъ охраненіемъ восточною церковію чистоты православія и обѣляя грязь церкви папистической, г-нъ Соловьевъ прилагаетъ къ той и другой церкви народную легенду о Кассіанѣ и Николаѣ Чудотворцѣ [4]), въ которой дается объясненіе на то, почему память Кассіана празднуется через

[1]) Стр. 92 приложеній къ книгѣ „Петръ Могила“, Голубева.
[2]) P. 58.
[3]) L. 3. ch. X. p. 308.
[4]) L. I, ch. 1.

три года въ четвертый, а память святаго Николая дважды въ годъ. Потому,—говоритъ легенда,—что Кассіанъ, заботясь о чистотѣ своей одежды, не хотѣлъ помочь мужику вытащить возъ изъ грязи, а святитель Николай, не заботясь о чистотѣ одежды, помогъ и запачкался. Перваго Соловьевъ приравниваетъ къ восточной церкви, а втораго къ церкви латинской. „Конечно, можно простить святому Кассіану, — пишетъ онъ,—его отвращеніе къ ручному труду и къ грязи большихъ дорогъ. Но онъ былъ бы совершенно неправъ, если-бы сталъ осуждать своего сотоварища за то, что тотъ иначе, чѣмъ онъ, понялъ обязанности святыхъ по отношенію къ человѣчеству. Мы очень любимъ чистое и роскошное одѣяніе святаго Кассіана, но такъ какъ нашъ возъ на самой срединѣ грязи, то мы по преимуществу нуждаемся въ святителѣ Николаѣ, этомъ неустрашимомъ святомъ, всегда готовомъ поспѣшить намъ на помощь. Западная церковь, вѣрная своему апостольскому предназначенію, не побоялась вступить въ грязь исторической жизни. Бывши впродолженіе долгихъ вѣковъ единственнымъ началомъ нравственнаго порядка и умственнаго просвѣщенія среди варварскихъ народностей Европы, она взяла на себя всю задачу и матеріальнаго управленія, равно какъ и духовное воспитаніе этихъ народовъ съ ихъ независимымъ духомъ и свирѣпыми инстинктами. Обрекая себя на этотъ тяжелый трудъ, папство, какъ святой Николай въ легендѣ, менѣе думало о своей наружной чистотѣ, чѣмъ объ истинныхъ потребностяхъ человѣчества. Восточная же церковь, съ своей стороны, съ своимъ уединяющимся аскетизмомъ и съ своимъ созерцательнымъ мистицизмомъ, съ своимъ устраненіемъ отъ политики и отъ всѣхъ соціальныхъ задачъ, интересующихъ все человѣчество, желала прежде всего, какъ святый Кассіанъ, достигнуть рая безъ малѣйшаго пятна на хламидѣ. Тамъ стремились направлять божественныя и человѣческія силы къ всемірной цѣли; здѣсь дѣло шло о сохраненіи своей чистоты. Вотъ главный пунктъ различія и самая глубокая причина раздѣленія церквей. Дѣло въ различныхъ идеалахъ религіозной жизни. Религіозный идеалъ отдѣлившагося христіанскаго востока не фальшивъ, но неполонъ. Для восточнаго

христіанскаго міра религія отождествилась съ личнымъ благочестіемъ (а то какъ же иначе?), а молитва считается *единственнымъ* дѣломъ вѣры. Западная церковь, не забывая о личномъ благочестіи, какъ объ истинномъ зачаткѣ всякой вѣры, хочетъ, чтобы зачатокъ этотъ развивался и приносилъ плоды въ организованной соціальной дѣятельности, во славу Божію и во всемірное благо человѣчества. Восточный человѣкъ *молится*, западный *молится* и *трудится*. Кто изъ нихъ правъ?"—Мы нарочно привели полный отрывокъ, чтобы по достоинству оцѣнить тонъ и направленіе автора. Во первыхъ, мы рѣшительно осуждаемъ эту фельетонную легкость, съ какой авторъ пользуется легендою плоскаго характера; ей не мѣсто здѣсь, въ серьезной книгѣ, въ которой авторъ возвышаетъ свой голосъ отъ лица ста милліоновъ людей, по поводу вопросовъ великой важности; во-вторыхъ, самое сравненіе нейдетъ и неудобоприложимо къ западной церкви. Поправляя автора и пользуясь этимъ же сравненіемъ, мы должны сказать, что мы осуждаемъ латинскую церковь не за то, что она запачкала въ грязи свою одежду,—грязь внѣшняя, прилипшая на работѣ, никому не пойдетъ въ упрекъ,—а за то, что пользуясь положеніемъ и нуждою мужика, она вытащила возъ и потянула его на свой дворъ, въ свою пользу. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не это желаніе воспользоваться чужою бѣдою было причиною борьбы Рима съ греческимъ обрядомъ и славянскимъ богослуженіемъ въ славянскихъ окатоличенныхъ земляхъ? Развѣ не то же было и въ борьбѣ Рима съ греческою церковію при взятіи Константинополя крестоносцами, или при завоеваніи Палестины ими же?—Въ первомъ случаѣ, возъ былъ увезенъ ко двору папскому, а въ послѣднихъ двухъ случаяхъ—вступились хозяева и возы отбили у папы. Да, папство было бы великимъ установленіемъ и оказало бы великую услугу человѣчеству, если бы дѣйствовало на Западѣ во имя чистой идеи Христовой, незапятнанной эгоизмомъ и притязаніями на земную власть. Къ величайшей скорби человѣчества, этого не случилось!

II.

Второе средство для распознанія истины и обличенія лжи дано намъ святымъ апостоломъ Іоанномъ Богословомъ. Въ его время появились лжеучители, изъ которыхъ одни утверждали, что Іисусъ Христосъ былъ простой человѣкъ, а другіе,—что Онъ Сынъ Божій, но былъ на землѣ въ призрачномъ тѣлѣ. Предупреждая вѣрующихъ противъ этихъ ересей, апостолъ писалъ: *Возлюбленные! не всякому духу вѣруйте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они: потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ. Духа Божія (и духа заблужденія) узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста, о которомъ вы слышали, что онъ прійдетъ и теперь уже есть въ мірѣ* (1 Іоан. 4, 1—4). Въ этомъ апостольскомъ изреченіи важны слова: *пришедша во плоти*; въ нихъ заключена сущность всего апостольскаго ученія о спасеніи нашемъ во Христѣ, Сынѣ Божіемъ,—ученія, преподаннаго въ евангеліяхъ и изъясненнаго въ посланіяхъ апостольскихъ. Словомъ *пришедша* утверждается предвѣчное существованіе Іисуса Христа, какъ Единороднаго Сына Божія, до воплощенія, а словомъ *во плоти*—Его воплощеніе, не призрачное, а дѣйствительное и совершенное. Образъ здраваго ученія о семъ святые апостолы преподали всѣмъ церквамъ, которыя они основали, и неприкосновенность его, неизмѣнность и твердость оградили *анаѳемой*. *Есть люди*,—пишетъ апостолъ Павелъ,—*смущающіе васъ и желающіе превратить благовѣствованіе Христово. Но если бы даже мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѳема. Какъ прежде мы сказали, такъ и теперь еще говорю: кто благовѣствуетъ вамъ не то, что вы приняли, да будетъ анаѳема* (Гал. 1, 7—9).

Сохраняя апостольское ученіе неизмѣннымъ, мы имѣемъ въ этихъ словахъ утѣшительное увѣреніе, что мимо насъ

идетъ эта угроза, что наше ученіе о Христѣ есть ученіе отъ Духа Божія. Но нельзя того сказать о тѣхъ лжепророкахъ, которые, проповѣдуя о Христѣ, не признаютъ Его Богомъ, пришедшимъ во плоти, или воплотившимся Богомъ. Таковы всѣ прежнія лжепророки, отвергавшіе божество Іисуса Христа; таковы и современные намъ, какъ напримѣръ Штраусъ въ Германіи, Ренанъ — во Франціи и графъ Л. Толстой у насъ, который Господа нашего Іисуса Христа превратилъ въ какое-то миѳическое, несуществующее лице. Нельзя довольно надивиться и тому, какъ люди, вѣрующіе во Христа, почитающіе и любящіе Его, позволяютъ себѣ читать богохульныя измышленія сихъ лжепророковъ, а читая, отдавать себя воздѣйствію духа антихриста!

Церковь латинская одинаково съ нами исповѣдуетъ Христа *во плоти пришедша*, но въ пониманіи тайны нашего спасенія во Христѣ она глубоко и существенно разнится съ нами. Въ ея ученіи духъ лжи омрачилъ и извратилъ ту сторону этой тайны, которою она непосредственно соприкасается съ дѣятельностью пастырей и съ жизнію пасомыхъ. Она *вѣруетъ* во Христа, но, закрывая Его божественный ликъ лицемъ полновластнаго на землѣ Его намѣстника—папы, отнимаетъ спасительную силу отъ этой вѣры [1]). Мы исповѣдуемъ и учимъ, что всѣ пастыри церкви, первые и послѣдніе, великіе и малые — суть служители Христовы; ихъ служеніе направлено къ тому, чтобы Самъ Христосъ Своею истиною и благодатію просвѣщалъ души и царствовалъ въ умахъ и сердцахъ мірянъ, что для этого они должны ставить ихъ въ непосредственныя и живыя отношенія къ Нему, чтобы, подражая Христу, мудрствуя яже во Христѣ, они уподоблялись Христу и жили въ одинъ духъ съ Господомъ. Въ этомъ служеніи лице пастырей какъ бы исчезаетъ. Они суть только дѣтоводители, воспитатели, временные приставники. Они преподаютъ истину, низводятъ благодать, но отъ Христа и Христову; — они приводятъ вѣрующихъ ко Христу, но сами стоятъ какъ бы въ сторонѣ, чтобы собою, такъ сказать, не загораживать, не застѣнять лице Христово,

---

[1]) См. выше стр. 38—59.

чтобы взоры вѣрующихъ опочивали прямо на Христѣ, а не останавливались только на нихъ. *Кто Павелъ? кто Аполлосъ?* — пишетъ апостолъ Павелъ къ коринѳскимъ христіанамъ,—*они только служители, чрезъ которыхъ вы увѣровали, и притомъ по скольку каждому далъ Господь. Я насадилъ, Аполлосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ. Посему и насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возращающій* (1 Кор. 3, 5—7). Отсюда получается свобода вѣрующихъ во Христѣ, сыновнее дерзновеніе къ Богу и благодатное высокое просвѣщеніе и разумѣніе; а чрезъ то устанавливаются должныя отношенія пасомыхъ къ своимъ пастырямъ; истинные христіане повинуются пастырямъ, почитаютъ и любятъ ихъ ради Христа и во Христѣ; слѣдуютъ ихъ ученію, пріемлютъ или отвергаютъ ихъ наставленія въ вѣрѣ опять-таки ради Христа и во Христѣ, а не наоборотъ, по пастырямъ вѣруютъ во Христа, ради пастырей повинуются Христу, почитаютъ и любятъ Его, какъ это установилось въ латинской церкви. Тамъ римскій епископъ, въ которомъ мы видимъ только высокое іерархическое лице, по благодати священства равное всѣмъ епископамъ, а по канонамъ соборовъ старѣйшее и первенствующее въ сонмѣ высшихъ іерарховъ, —тамъ, говоримъ, римскій, епископъ, сталъ между Христомъ и Церковію, какъ лице исключительное и какъ единственное по благодати священства, по единенію съ Божествомъ и по полнотѣ Христовой власти. Онъ представляетъ собою центръ для подчиненныхъ ему пастырей; ихъ служеніе должно состоять въ томъ, чтобы приводить къ нему всѣхъ вѣрующихъ, внушая имъ безпрекословное послушаніе его ученію и ревность о его славѣ и власти на землѣ. Папа всегда стоитъ посредникомъ между Христомъ и церковію; церковь вѣруетъ его вѣрою, живетъ и дѣйствуетъ исходящею отъ него благодатію. Вслѣдствіе этого, у нихъ, вмѣсто свободы во Христѣ—безусловное подчиненіе земному пастырству, — вмѣсто благодатнаго разумѣнія — вѣчное младенчество вѣрующихъ, вмѣсто свободнаго и сознательнаго убѣжденія въ истинѣ— внѣшнее успокоеніе на мнимомъ авторитетѣ верховнаго и непогрѣшимаго учителя вѣры. Что мы не перетолковываемъ ничего и ничего не измѣняемъ въ этихъ отношеніяхъ, это

видно изъ того, что по ученію латинянъ, „папа судитъ всѣхъ, а самъ судимъ быть не можетъ“, что „онъ лично непогрѣшимъ и выше вселенскихъ соборовъ“, а этимъ ниспровергается, по православному разумѣнію, существующій порядокъ отношеній между пастырями и пасомыми. Мы, православные, признаемъ неизмѣнно пребывающую въ сознаніи вѣрующихъ членовъ Церкви вселенскую православную истину, какъ объективную, познаваемую вѣрующими и руководствующую ихъ въ дѣлѣ спасенія. Эта истина заключена въ словѣ Божіемъ, въ опредѣленіяхъ вселенскихъ соборовъ, въ писаніяхъ богомудрыхъ отцевъ и въ живомъ ученіи и исповѣданіи Церкви. Пастыри и учители Церкви проповѣдуютъ и разъясняютъ только то, что составляетъ эту истину, а міряне пріемлютъ только то, что согласно съ этой истиной. Такимъ образомъ, въ Церкви православной, — учители вѣры не могутъ учить ничему несогласному съ ученіемъ православной Церкви, а міряне ничего принимать такого, что противорѣчило бы сему ученію или не согласовалось съ нимъ. Такъ, на основаніи этой вселенской истины, всегда пребывающей въ сознаніи Церкви, во взаимныхъ отношеніяхъ мірянъ къ пастырямъ предполагается, во первыхъ, извѣстная доля духовной самостоятельности, а при этомъ — свобода, а при свободѣ, какъ само собою разумѣется, довѣріе и любовь. На этомъ же основаніи міряне имѣютъ нравственное право прекратить молитвенное общеніе съ пастыремъ-лжеучителемъ, но не имѣютъ права на каноническій судъ и осужденіе, что принадлежитъ уже не мірянамъ, а пастырямъ,—не имѣютъ права и пребывать въ церковномъ разобщеніи, какъ скоро пастыри-судіи не находятъ къ тому основанія въ ученіи церкви; (т. е. если по суду пастырей обвиняемый въ лжеученіи пастырь не оказывается таковымъ, то пасомые становятся виновными въ томъ, что упорствуютъ въ своемъ церковномъ отчужденіи отъ него). На той же вселенской истинѣ основывается судъ вселенскихъ соборовъ надъ высшими іерархическими лицами, не исключая и папы, что со всею ясностію и силою выразили восточные патріархи въ Окружномъ Посланіи, писанномъ для всѣхъ восточныхъ православныхъ христіанъ, по поводу приглашенія папы Пія IX-го на Ватиканскій со-

боръ. Они писали: „Тѣ же самые святые Отцы наши, которыхъ какъ свѣтильниковъ и учителей самого Запада съ подобающимъ уваженіемъ перечисляетъ намъ его блаженство, и которымъ увѣщаваетъ насъ слѣдовать, научаютъ насъ, чтобы мы *не по престолу судили о православіи*, но *о самомъ престолѣ и сѣдящемъ на престолѣ—по божественнымъ писаніямъ, по соборнымъ уставамъ и опредѣленіямъ, и по вѣрѣ всѣмъ проповѣданной*, т. е. *по православію непрерывнаго ученія (церкви)*. Такъ судили и осудили соборомъ Отцы наши Онорія, папу римскаго, и Діоскура, папу александрійскаго, и Македонія и Несторія, патріарховъ константинопольскихъ, и Петра Кнафея, патріарха антіохійскаго, и проч. Ибо, если по свидѣтельству Писанія, даже *мерзость запустѣнія была на мѣстѣ святѣ* (Дан. 9, 27. Мѳ. 24, 15), то почему новизны и ересь не могутъ быть на престолѣ святомъ?“ (стр. 18). Въ римской же церкви эти здравыя понятія превращены, а отношенія измѣнены: тамъ папа, по выраженію того же Окружнаго Посланія, „*не апостольскимъ исповѣданіемъ своимъ украшаетъ свой престолъ, но апостольскимъ престоломъ старается подтвердить свое достоинство, достоинствомъ же—свое исповѣданіе*“ (стр. 16). Отсюда яснымъ становится, что принятіе нами латинскаго догмата о главенствѣ папы повело бы къ превращенію нормальныхъ церковныхъ отношеній мірянъ къ пастырямъ и къ невидимой, но правящей церковію Главѣ ея, Христу Спасителю. Взгляды наши и латинянъ такъ противоположны, что та сторона, которая захотѣла бы принять взгляды противоположной стороны, должна необходимо измѣнить весь церковный строй своей жизни.

Г-нъ Соловьевъ, какъ диллетантъ въ богословскихъ вопросахъ, защищая латинское ученіе о главенствѣ папы,—или не понимаетъ, или намѣренно не замѣчаетъ того противорѣчія, какое существуетъ между взглядами церкви православной—съ одной стороны, и взглядами церкви латинской—съ другой, въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ пастырей и мірянъ и объ отношеніяхъ тѣхъ и другихъ ко Христу.

Разъясняя въ своей книгѣ необходимость для Церкви

вселенской видимаго главенства, г-нъ Соловьевъ не отрицаетъ непосредственнаго и прямаго воздѣйствія Христа Спасителя на вѣрующихъ, но, доводя оное до *минимума*, всю силу Церкви полагаетъ въ единомъ человѣческомъ посредствѣ между ею и Христомъ, т. е. въ римскомъ епископѣ. Онъ пишетъ: „поелику дѣло идетъ не о всемогуществѣ Божіемъ, которое могло бы внѣшнимъ образомъ подчинить людей истинѣ и справедливости, но о божественной любви, въ которой человѣкъ получаетъ участіе чрезъ свободное покореніе ей,—то *прямое воздѣйствіе Божества* должно быть доведено до minimum'a". Онъ, какъ кажется, готовъ бы былъ устранить его совсѣмъ,—но находитъ это невозможнымъ только потому, что „всякъ человѣкъ ложь, и самъ по себѣ не можетъ удержаться въ постоянно-прогрессивномъ отношеніи къ Божеству [1])". Онъ положительно утверждаетъ, что „Богочеловѣкъ, принявшій смиренный видъ въ своемъ воплощеніи, не желалъ и человѣческимъ обществомъ управлять прямо, своимъ божественнымъ могуществомъ, но предпочелъ употребить, какъ обычное посредство своего соціальнаго воздѣйствія, форму единства, уже существующую въ родѣ человѣческомъ, — всемірную монархію, — и именно въ Римѣ, замѣнивъ династію Юлія Цезаря, верховнаго первосвященника и бога,—династіею Симона Петра, верховнаго первосвященника и *служителя слугъ Божіихъ*" [2]). „Христосъ, по ученію г-на Соловьева, не Самъ управляетъ видимою церковію, но чрезъ апостола Петра; безсмертный духъ сего блаженнаго апостола служитъ невидимымъ орудіемъ Господа въ управленіи Его видимою церковію". „Въ Петрѣ Господомъ сложена вся сумма (depôt) всей верховной вселенской власти. Посему, какъ Самъ Христосъ остается таинственнымъ камнемъ церкви,—такъ Петръ въ своихъ преемникахъ вторымъ камнемъ, камнемъ собственно соціальнаго христіанства" [3]). Необходимость этого камня у него выходитъ изъ того, „что единомыслiе вѣрующихъ будто-бы не-

---

[1]) L. 2. Ch. VII. p. 141.
[1]) P. 143.
[2]) P. LXVI. p. 150, 106, 103.

возможно, что идеальный принципъ непосредственнаго, самопроизвольнаго и постояннаго единодушія, къ несчастію (?!), выше нынѣшнихъ человѣческихъ условій (существованія [1]) что согласіе соборовъ, хотя бы и вселенскихъ, всегда сомнительно" [2]) и под. Посему онъ смѣется надъ православнымъ положеніемъ, прекрасно выясненнымъ Хомяковымъ, что „единство Церкви опредѣляется благодатію, которая, чтобы проникать людей и преобразовывать въ церковь Божію, требуетъ отъ нихъ вѣрности общему преданію, братской любви и свободнаго согласія ихъ отдѣльныхъ сознаній". — „Что можно сказать противъ такого идеала? спрашиваетъ онъ иронически. –Какой римскій католикъ, если-бы ему показали все человѣчество или значительную часть его, проникнутою божественною любовію и братскимъ милосердіемъ, имѣющею одну душу и одно сердце, пребывающею, такимъ образомъ, въ свободномъ и совершенномъ внутреннемъ единствѣ,—какой римскій католикъ, говорю я, захотѣлъ бы налагать на такое общество внѣшній и обязательный авторитетъ общественной религіозной власти? Существуютъ ли гдѣ нибудь паписты, полагающіе, что серафимамъ и херувимамъ нуженъ папа для управленія?" и т. д. [3]). Все это очень смѣло, рѣшительно, рѣзко, но нельзя сказать, чтобы было основательно. Чтобы по достоинству оцѣнить измышленія Соловьева, довольно напомнить ученіе святаго апостола Павла о Церкви въ посланіи къ Ефесеямъ. Апостолъ, ни однимъ словомъ не упоминая о какомъ-либо единовластительствѣ въ церкви, весьма ясно и опредѣленно говоритъ о духовномъ единствѣ вѣрующихъ, которое, со стороны людей, опредѣляется добродѣтелями ихъ, а именно: вѣрностію христіанскому призванію, смиренномудріемъ, кротостію, долготерпѣніемъ, снисхожденіемъ другъ къ другу, любовію и заботливымъ храненіемъ единства духа въ союзѣ мира,—а со стороны Божіей единствомъ Его бытія и дѣйствованія: *одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ,*

---

[1]) P. 123.
[2]) P. 93.
[3]) (L. 1, ch. 5, 35–6).

который надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ (Еф. 4, 1—6). Апостолъ упоминаетъ далѣе о лицахъ, которымъ ввѣрено управленіе церковію,—и тѣмъ не менѣе и на этотъ разъ не упоминаетъ о единовластіи. „*Господь поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями*“,—для чего? „*Къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова*“,—до какого времени? „*Доколѣ всѣ прійдемъ въ единство вѣры и познаніе Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова, дабы мы не были болѣе младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству человѣковъ, по хитрому искусству обольщенія, но истинною любовію все возращали въ Того, который есть глава, Христосъ, изъ котораго все тѣло составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ, взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви*“ (ст. 11—16). Итакъ, любовь—вотъ существо внутренней жизни Церкви.

Отвергая, или игнорируя апостольское ученіе о свободѣ и любви въ Церкви, какъ необходимыхъ условіяхъ ея единства и существованія, Соловьевъ, съ другой стороны, впадаетъ въ новую ошибку: онъ мыслитъ о папѣ такъ, какъ мы можемъ мыслить только о Христѣ, низводя на папу такія черты, какія, по нашему ученію, приличествуютъ только Христу. Онъ разсуждаетъ, что для вселенской Церкви необходимо *лице*, которое бы было носителемъ *вселенской объективной истины*, и чрезъ которое мы могли бы входить въ сообразность съ этой истиной,—лице, которое бы представляло собою все человѣчество, и съ которымъ потому мы согласовали бы свою личную волю, въ которомъ бы могли любить все человѣчество [1]). По нашему православному ученію, такимъ лицомъ можетъ быть и есть только одинъ Христосъ, нашъ Спаситель, а по г. Соловьеву,—никто другой, только *папа*. „Тѣ, которые хотя и желаютъ основать церковь на любви, пишетъ онъ, но видятъ вселенское церковное единство только въ преданіи, кристаллизованномъ и

[1]) р. 114—116.

лишенномъ уже 11 вѣковъ всѣхъ средствъ для дѣйствительнаго заявленія себя,—тѣ должны бы были принять въ соображеніе, что невозможно любить живою и дѣятельною любовію археологическое воспоминаніе, отдаленный фактъ, который, какъ седмь вселенскихъ соборовъ, совершенно незнакомъ массамъ, имѣетъ значеніе только для ученыхъ. (Авторъ, очевидно, здѣсь смѣшиваетъ живую вѣру во Христа, какъ живущаго и пребывающаго въ Церкви, съ ученіемъ о Немъ, сохраняющимся въ Церкви въ письменномъ и живомъ преданіи,—на этомъ смѣшеніи построено и его странное, если не сказать болѣе, возраженіе!). Любовь къ церкви имѣетъ реальный смыслъ только у тѣхъ, которые признаютъ въ церкви живого представителя, общаго отца всѣхъ вѣрующихъ, способнаго быть любимымъ, какъ отецъ въ своей семьѣ, или какъ глава государства въ монархической странѣ“ [1]). Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы учить, что мы должны и можемъ любить человѣчество только во Христѣ и чрезъ Христа, т. е. силою Его благодати,—какъ учимъ мы,—г. Соловьевъ возвѣщаетъ новое ученіе, что мы можемъ и должны любить человѣчество только въ папѣ и чрезъ папу. Такая проповѣдь есть прямое отрицаніе главенства Христова, живой вѣры въ Него и спасительной любви къ Нему [2]).

---

[1]) p. 118.

[2]) Приведемъ еще одно мѣсто, какъ учитъ г. Соловьевъ о Христѣ Спасителѣ; онъ пишетъ: Основаніе церкви,—если говорить въ самомъ общемъ смыслѣ,—это соединеніе Божескаго и человѣческаго. Это основаніе мы находимъ (не лучше-ли сказать: имѣемъ?) въ Іисусѣ Христѣ, по скольку (?!) Онъ соединяетъ упостасно божественность съ непорочною человѣческою природою. Это основаніе мы находимъ также и въ каждомъ истинномъ христіанинѣ, поскольку онъ соединяется со Христомъ—въ таинствахъ, вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ. Но развѣ мы не видимъ, что эти два вида единенія между Божескимъ и человѣческимъ (т. е. упостасное соединеніе въ лицѣ Христа и индивидуальное соединеніе вѣрующаго со Христомъ) еще *недостаточны* (?!) для устроенія единаго тѣла церкви, въ тѣсномъ значеніи этого слова,—церкви, какъ существа соціальнаго. Воплощеніе есть *таинственный* фактъ, а не *соціальный* принципъ; и единичная религіозная жизнь равно недостаточна для того, чтобы стать основою для христіанскаго общества: можно жить свято, оставаясь одиноко въ пустынѣ. (Не думаетъ-ли ав-

Изъ всѣхъ разсужденій г. Соловьева мы получаемъ слѣдующаго рода выводъ. Въ церкви вселенской два основанія, одно — таинственное, а другое — реальное, — два Христа — одинъ на небѣ, а другой на землѣ,—два управителя—одинъ невидимый, а другой видимый, первый доводитъ до minimum'а проявленіе своего могущества въ жизни вѣрующихъ, а другой—вооруженъ всѣми божественными полномочіями и открыто проявляетъ свое неземное могущество. Точно также въ церкви существуютъ и два Духа: одинъ—Духъ Божій,—о которомъ хотя ни однимъ словомъ не упоминается въ сочиненіи, но присутствіе котораго, безъ сомнѣнія, признается въ церкви,—а другой духъ тварный, о которомъ говорится очень много: одинъ Духъ Христовъ,—другой—духъ Петра,—одинъ общій всѣмъ и живущій во всѣхъ — а другой — спеціальный,—духъ, живущій только въ Римѣ, въ преемникахъ Петровыхъ, и составляющій, по выраженію г-на Соловьева, орудіе Христово въ управленіи церковію. Какъ-бы кто ни думалъ, но по нашему убѣжденію, такое ученіе не иначе можно назвать, какъ *прикрытымъ невѣріемъ*. Авторъ, хотя, повидимому, и исповѣдуетъ *Христа во плоти пришедша,* но на самомъ дѣлѣ обнаруживаетъ такое превратное направленіе мыслей, которое можетъ имѣть своимъ началомъ только духа лжи и обольщенія.

III.

Третьимъ средствомъ для отличенія истины отъ заблужденія служитъ непрерывность церковнаго преданія и по-

---

торъ, что, живя одиноко въ пустынѣ, христіанинъ живетъ внѣ Церкви?). И если тѣмъ не менѣе въ церкви, кромѣ жизни таинственной и жизни индивидуальной, есть еще жизнь *соціальная*,—то, конечно, необходимо, чтобы эта соціальная жизнь имѣла опредѣленную форму, основанную на свойственномъ ей принципѣ единства [1]) и т. дал. въ этомъ родѣ. Довольно припомнить слова ап. Павла о Церкви, приведенныя выше, чтобы понять тщету всѣхъ этихъ и подобныхъ измышленій автора.

Чтобы свѣтскимъ читателямъ легче понять и оцѣнить систему папизма и лжемудріе Соловьева, мы рекомендуемъ прочитать въ романѣ Достоевскаго „Братья Карамазовы" главу подъ названіемъ: „Великій инквизиторъ"; въ ней весьма картинно и ясно характеризуется сущность папизма.

[1]) Ib. p. 105—106.

вѣрка на немъ того или другаго вѣроисповѣданія. Подъ церковнымъ преданіемъ мы разумѣемъ, съ внѣшней стороны, не какія либо по преданію сохранившіяся мѣстныя сказанія о чудесахъ святыхъ и под., но тѣ начала по вѣроученію, по управленію и по богослуженію, которыя положены были Апостолами въ основу жизни и преспѣянія Церкви, а съ внутренней — единство Духа Христова въ Церкви, непрерывно сообщаемаго вѣрующимъ въ таинствахъ и сохраняемаго святою жизнію ихъ.

Непрерывность преданія тѣсно связана съ непрерывностію іерархическаго апостольскаго служенія. Святые отцы и учители всегда разсматривали преданіе въ связи съ непрерывнымъ преемствомъ апостольскаго рукоположенія. Святой Ириней пишетъ: „Если бы возникъ споръ о какомъ либо важномъ вопросѣ, то не надлежало-ль бы обратиться къ древнѣйшимъ церквамъ, въ которыхъ обращались апостолы, и отъ нихъ получить, что есть достовѣрнаго и яснаго относительно настоящаго вопроса. Что́ если бы апостолы не оставили намъ писаній? Не должно ли бы слѣдовать порядку преданія, преданнаго тѣмъ, кому они ввѣрили церкви?“ — „Хотите ли удовлетворить любопытству, — пишетъ почти современникъ Иринея Тертулліанъ, — посѣтите апостольскія церкви, гдѣ стоятъ еще понынѣ на прежнихъ мѣстахъ каѳедры Апостоловъ, гдѣ слушая чтеніе подлинныхъ ихъ посланій, вы подумаете, что видите ихъ самихъ, что слышите ихъ голосъ. Находясь близъ Ахаіи, вы узрите Коринѳъ; въ Македоніи увидите Филиппы и Ѳессалонику; въ Азіи — Ефесъ. Приближаясь къ границамъ Италіи, вы встрѣтите Римъ съ его церковію, къ которой и мы въ нужныхъ случаяхъ прибѣгаемъ. Счастливая церковь, гдѣ Апостолы пролили и ученіе свое, и кровь свою, гдѣ Петръ былъ распятъ, подобно Господу своему, гдѣ Павлу была усѣчена голова, подобно Іоанну Крестителю, гдѣ Іоаннъ Богословъ, исшедши изъ сосуда съ кипящимъ масломъ здравъ и невредимъ, осужденъ былъ въ заточеніе на островъ“. Позднѣе, когда Церковь разрослась и на апостольскихъ каѳедрахъ стали появляться лжемудрствующіе пастыри, оказалась нужда представленное средство распознаванія истины

отъ лжи выразить нѣсколько иначе, что̀ и сдѣлалъ Викентій Лиринскій, жившій въ V вѣкѣ. „Въ самой церкви, — пишетъ онъ, — всѣми мѣрами надо держаться того, во что вѣрили *повсюду*, во что вѣрили *всегда*, во что вѣрили *всѣ*; потому что то только въ дѣйствительности и въ собственномъ смыслѣ есть *вселенское*, какъ показываетъ и значеніе этого слова, что̀, сколько возможно, все обнимаетъ. А этому правилу мы будемъ, наконецъ, вѣрны при томъ единственномъ условіи, если будемъ слѣдовать *всеобщности*, *древности*, *согласію*. Слѣдовать *всеобщности* значитъ признавать истинною ту только вѣру, которую исповѣдуетъ вся Церковь на всемъ земномъ шарѣ; слѣдовать *древности* значитъ ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ того ученія, котораго несомнѣнно держались наши святые отцы и предки: слѣдовать, наконецъ, *согласію*, значитъ въ самой древности принимать тѣ только вѣроопредѣленія и изъясненія, которыхъ держались всѣ или по крайней мѣрѣ—всѣ пастыри и учители". При появленіи новыхъ ученій и образованіи новыхъ обществъ, обособившихся отъ вселенской Церкви, святые отцы пользовались сейчасъ изложеннымъ способомъ распознаванія лжи и ея обличенія: всякое новшество, съ стремленіемъ къ обособленію, они называли *ересью*, а новообразовавшееся общество — *еретическимъ* или *раскольническимъ*, указывая при семъ, что самое наименованіе новаго ученія или общества по ихъ родоначальнику есть уже прямое свидѣтельство неправости и заблужденій.

Прилагая этотъ признакъ новизны къ церковнымъ обществамъ, существующимъ нынѣ внѣ святой православной восточной Церкви, мы легко узнаемъ ихъ неправоту. Такъ, наши раскольники, отдѣлившіеся отъ вселенскаго священства ради обрядовъ, не составляютъ церкви, такъ какъ утратили непрерывность священства. Не составляютъ церкви и общества протестантскія, такъ какъ принципіально отвергаютъ священство, какъ таинство, которое ведетъ свое начало отъ Апостоловъ, отвергаютъ и церковное преданіе, которое неразрывно связано съ преемствомъ апостольскаго рукоположенія.

Столь же просто и прямо открывается неправота и ла-

тинской церкви. Хотя она и сохраняетъ непрерывность апостольскаго рукоположенія, но въ своемъ ученіи, въ своей дисциплинѣ и церковной практикѣ она нарушила вселенское преданіе и носитъ неоспоримые признаки *новизны,* ибо она сложилась, какъ особая церковь, послѣ раздѣленія церквей, и именно въ темные средніе вѣка нашей исторіи. Такъ, ученіе *о главенствѣ папы* начинаетъ зрѣть со времени образованія второй столицы римской имперіи — Константинополя, заявляетъ себя, какъ *система церковнаго абсолютизма,* въ лицѣ папы Николая I, во второй половинѣ IX вѣка (что и подало поводъ къ первому столкновенію римской каѳедры съ константинопольской, остававшейся вѣрною вселенскому преданію), и наконецъ въ лицѣ Иннокентія III достигаетъ вершины своего развитія. Ученіе Filioque, связываемое съ именемъ блаженнаго Августина, получило начало въ Испаніи въ VI вѣкѣ, затѣмъ въ началѣ IX вѣка переносится во Францію (Карломъ Великимъ), а въ началѣ XI вѣка (въ 1014 или 1015 гг.), подъ давленіемъ германскаго императора, вводится въ употребленіе въ самомъ Римѣ и становится догматомъ латинской церкви. Опрѣсноки, которые нѣкогда употреблялись еретиками евіонитами, а потомъ аполлинаристами, стали входить въ обычай приблизительно за 100 лѣтъ до времени возникшихъ по поводу нихъ споровъ и въ половинѣ XI вѣка послужили причиною окончательнаго раздѣленія церквей; целибатъ, за который особенно горячо стояли въ сѣверной Африкѣ (см. 4 правило Карѳагенскаго собора), вводится въ законъ Григоріемъ VII въ концѣ того же XI вѣка. Обливательное крещеніе вмѣсто погружательнаго, причащеніе подъ однимъ видомъ хлѣба и лишеніе мірянъ чаши, ученіе объ очистилищѣ, объ удовлетвореніи и индульгенціяхъ, — всѣ эти и подобныя особенности латинской церкви суть прямое порожденіе темныхъ вѣковъ. Въ то же время въ южной Галліи положено начало догмату о непорочномъ зачатіи, получившему свое утвержденіе въ новѣйшее время (1854 г.). Къ тому же времени относится начало ученія и о *непогрѣшимости папы,* которое при содѣйствіи іезуитовъ получаетъ окончательное утвержденіе на Ватиканскомъ соборѣ (1870 г.). Наконецъ, ко времени же

среднихъ вѣковъ относится образованіе и развитіе самой богословской науки латинской церкви, съ ея схоластическимъ методомъ, съ ея діалектическими пріемами мышленія, съ ея полу-пелагіанскимъ взглядомъ на природу человѣка и съ ея казуистикой нравственности. Какъ извѣстно, богословская наука развилась подъ вліяніемъ философіи, а въ особенности діалектики Аристотеля, которому вѣрили тогда едвали не больше, чѣмъ слову Божію. Такимъ образомъ, всѣ особенности римской церкви, которыми она отличается отъ восточной, сложились изъ мѣстныхъ преданій, въ средніе вѣка, внѣ связи съ восточною православною церковію.

Теоретическое обоснованіе всѣхъ этихъ новшествъ всегда слѣдовало за случайнымъ принятіемъ ихъ и введеніемъ въ обычай, т. е. сперва къ нимъ привыкали, а потомъ подыскивали подъ нихъ теоретическія объясненія и основанія. При чемъ, какъ всегда бываетъ у раскольниковъ и еретиковъ, исключенія прежней жизни ставились въ законъ, а что прежде было закономъ, становилось исключеніемъ или совсѣмъ запрещалось. Такъ, напримѣръ, обливательное крещеніе въ древней церкви допускалось, какъ исключеніе, только для больныхъ, а погружательное было закономъ, а въ латинской церкви, наоборотъ, погружательное сдѣлалось исключеніемъ, а потомъ и совсѣмъ вышло изъ употребленія, а обливательное обратилось въ законъ. Причащеніе подъ однимъ видомъ было исключеніемъ, а подъ обоими видами закономъ, а въ латинской церкви—подъ однимъ видомъ вошло въ законъ, а подъ обоими видами — стало сначала исключеніемъ, а потомъ и совсѣмъ было запрещено закономъ.

Не смотря на то, что всѣ эти новшества имѣютъ характеръ мѣстныхъ преданій, они получили общеобязательное значеніе, въ силу непререкаемой важности папскаго престола, подъ покровомъ котораго они вошли въ жизнь и практику латинской церкви. Вотъ это-то притязаніе частныхъ преданій римской церкви и составляетъ *неоспоримый* и *неотразимый признакъ* ея *неправоты*. Почему она, какъ церковь частная, но съ притязаніями несправедливыми, и называется церковію *папистическою*, подобно тому, какъ испо-

вѣданіе, происшедшее отъ Лютера—*лютеранскимъ*, а реформатское—*кальвинскимъ* и под.

Восточные патріархи въ слѣдующемъ видѣ представляютъ образованіе латинскихъ особенностей; назвавъ ученіе латинянъ „*и отъ Сына*“ ересью, они пишутъ: „Ересь эта, со многими соединенными съ нею нововведеніями появившаяся около половины седьмаго столѣтія, сначала неизвѣстная и безъимянная, и подъ разными видами, вродолженіе четырехъ или пяти вѣковъ, тайно распространявшаяся по епархіямъ европейскаго Запада, потомъ, преодолѣвъ православіе тѣхъ странъ, по нерадѣнію тогда бывшихъ тамъ пастырей и покровительству властей, мало по малу ввела въ заблужденіе не только испанскія, дотолѣ православныя церкви, но и германскія, и галликанскія, и даже италійскія, которыхъ православіе возвѣщалось нѣкогда во всемъ мірѣ и съ которыми часто сносились святѣйшіе отцы наши, какъ-то: Аѳанасій Великій и небоявленный Василій, и которыхъ единеніе и общеніе съ ними послужили къ сохраненію чистоты ученія соборной и апостольской церкви до седьмаго вселенскаго собора. Когда же, завистію ненавистника добра, новизны касательно здраваго и православнаго ученія о Всесвятомъ Духѣ (на Котораго *хула*, по изреченію Господа, *не отпустится человѣкомъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій* — Мѳ. 12, 31—32), слѣдовавшія одно за другимъ нововведенія касательно божественныхъ таинствъ, особенно таинства спасительнаго крещенія, святаго причащенія и священства,— когда сіи несообразности, слѣдуя непосредственно однѣ за другими, овладѣли самимъ старѣйшимъ Римомъ, тогда онѣ, пріобрѣтши знаменитость въ церкви, облеклись отличительнымъ именемъ *папизма*. Ибо изъ епископовъ Рима, именуемыхъ папами, хотя нѣкоторые въ началѣ возстали противъ нововведенія соборне, какъ-то: Левъ III-й и Іоаннъ VIII-й, и отвергли его предъ лицемъ всей вселенной, — одинъ посредствомъ извѣстныхъ серебряныхъ дщицъ, другой въ посланіи къ блаженному Фотію во время (такъ называемаго) осьмаго вселенскаго собора и въ посланіи къ Свендопулхру, касательно Меѳодія, епископа Моравскаго, но большая часть ихъ преемниковъ, обольстившись предоставляемыми имъ сею

ересью, противными правиламъ соборовъ, правами на преобладаніе надъ церквами Божіими, и нашедши въ томъ для себя много мірскихъ выгодъ и много прибыли, измысливъ единодержавіе въ соборной церкви и единовластіе въ раздаяніи даровъ Святаго Духа, не только измѣнили бывшее у нихъ древнее богослуженіе, отсѣкши себя такими нововведеніями отъ прочаго древняго и истинно-христіанскаго общества, но еще старались, не безъ постыдныхъ ухищреній, какъ передаетъ намъ неложная исторія, увлечь за собою въ отступничество отъ православія и остальныя четыре патріархіи и поработить такимъ образомъ соборную церковь „хотѣніямъ и велѣніямъ человѣческимъ“ („Окружное Посланіе“ ст. 9—11).

Этотъ судъ восточныхъ патріарховъ, изложенный въ „Окружномъ Посланіи“, принятъ всѣми православными церквами и потому есть судъ вселенской Церкви, отъ чего и „Окружное Посланіе“ получило значеніе символической книги.

Г-нъ Соловьевъ, несмотря на то, что пишетъ въ намѣреніи увлечь за собой стомилліонный народъ къ уніи съ Римомъ, съ такою легкостію относится къ обвиненію латинской церкви въ новшествахъ, что приходится признать одно изъ двухъ: или онъ не понялъ всей важности и силы этого обвиненія, или же намѣренно уклоняется отъ его обстоятельнаго обсужденія. Чтобы примирить церкви, впродолженіе цѣлаго тысячелѣтія шедшія каждая своей особой дорогой, необходимо договориться до подробности во всѣхъ спорныхъ пунктахъ и такимъ образомъ, подготовить почву для примиренія. Между тѣмъ онъ становится исключительно на точку зрѣнія папистовъ и хочетъ убѣдить насъ, православныхъ, что латинское толкованіе обѣтованія Христова Петру единственно вѣрное, что кто вѣритъ Христу, тотъ долженъ признать, что этотъ камень *(и на семъ камени созижду церковь Мою)* есть святой апостолъ Петръ, предназначенный собственно быть основаніемъ соціальнаго устройства церкви, и что онъ водруженъ именно въ Римѣ, въ лицѣ римскаго епископа, такъ какъ внѣ Рима нѣтъ ничего похожаго на верховное главенство для вселенской Церкви.—Но сто-

милліонный народъ, выходя въ своихъ сужденіяхъ о религіозныхъ вопросахъ не изъ идей, а изъ устройства дѣйствительной церковной жизни, скажетъ, что хотя толкованіе г. Соловьева очень остроумно, но—слишкомъ философично, что если Церковь живетъ непрерывнымъ преданіемъ, то и пониманіе означенныхъ словъ должно имѣть свою непрерывность, а всякое мудрованіе будетъ произвольно и потому неубѣдительно. Исторія же намъ свидѣтельствуетъ, что послѣ Апостоловъ не осталось ни малѣйшаго слѣда какого-нибудь единовластія въ Церкви; если-бы оно было божественнымъ установленіемъ, оно-бы непремѣнно сохранилось или въ правилахъ, или въ какомъ либо богослужебномъ чинѣ или священнодѣйствіи. Между тѣмъ—ничего подобнаго нѣтъ; мы видимъ совершенно противное. Въ правилахъ апостольскихъ, которыми Церковь вселенская управлялась первые три вѣка своего существованія и которыя затѣмъ послужили началомъ для дальнѣйшаго развитія каноническаго права, вопросъ о преемствѣ апостольскаго рукоположенія и объ управленіи Церковію разрѣшается весьма просто и прямо, безъ всякой двусмысленности и неопредѣленности. Вмѣсто единоличнаго рукоположенія узаконяется рукоположеніе соборное, вмѣсто единоличной власти управленіе также соборное. Первымъ, какъ источнымъ правиломъ установляется рукополагать во епископа „собору епископовъ“, двумъ—тремъ епископамъ, что неизмѣнно и продолжается въ церкви восточной; правилами 34 и 37-мъ узаконяется порядокъ соборнаго управленія, при чемъ 34-мъ правиломъ положено было начало развитію *канонической* власти первенствующихъ въ каждомъ народѣ епископовъ и образованію іерархическаго единства въ лицѣ перваго между первенствующими. Когда этимъ правиломъ постановлялось „епископамъ всякаго народа знать перваго между ними и безъ разсужденія съ нимъ ничего не творить, а равно и ему безъ разсужденія со всѣми ничего не дѣлать въ вопросахъ, касающихся всей народной церкви“, то тѣмъ же самымъ узаконялись отношенія и между первенствующими епископами, и „первенствующіе епископы должны знать перваго между ними и съ совѣтомъ его, а онъ съ совѣтомъ

ихъ, разрѣшать вопросы, касающіеся всей вселенской церкви". Выше въ изслѣдованіи было уже раскрыто, что церковь вселенская послѣдовательно шла къ осуществленію этого единства и если остановилась, то единственно по винѣ римскихъ епископовъ. Канонами вселенскихъ соборовъ за ними признано было первенство и старѣйшинство, но это каноническое преимущество не давало имъ никакихъ исключительныхъ благодатныхъ преимуществъ священства. Св. Левъ, хотя и былъ ублажаемъ на IV вселенскомъ соборѣ, какъ преемникъ апостола Петра, но онъ отъ того не сдѣлался по епископству выше другихъ епископовъ, но мыслился какъ такой же епископъ, какъ и всѣ прочіе [7]).

Со времени же папы Николая I-го подъ каноническое преимущество стали подкладывать право божественное: папа сталъ считаться первымъ и старѣйшимъ епископомъ не *по соборнымъ постановленіямъ*, а *по божественному праву;* вмѣстѣ съ этимъ измѣнялась существенно и его юрисдикція. Когда онъ считался старѣйшимъ по канонамъ соборовъ,— онъ подлежалъ ихъ суду; когда же — по *божественному праву*, то логика права требовала, чтобы онъ подлежалъ одному Божескому суду, какъ въ концѣ концовъ послѣ непродолжительной борьбы съ соборами и признано за папой: „папа выше соборовъ и суду ихъ не подлежитъ". Въ этомъ заключалась первая и главная *узурпація,* т. е. самовольное

[1]) Святая восточная церковь хотя высоко чтитъ святаго Льва, папу Римскаго, однакожъ главное пѣснопѣніе (тропарь), въ которомъ обыкновенно выражается сущность или тема всѣхъ остальныхъ пѣснопѣній въ честь того или другаго святаго, берется изъ общей Минеи, т. е. такъ составлено, что съ перемѣною имени его можно пѣть и поютъ и въ честь другихъ святыхъ, подобныхъ святому Льву, а именно: преподобному Ѳеофану (епископу), преподобному Іоанну Дамаскину (пресвитеру), преподобному Стефану Савваиту и др. Вотъ это пѣснопѣніе: *„Православія наставниче, благочестія учителю и чистоты, вселенныя свѣтильниче, архіереевъ Богодухновенное удобреніе (святителю отче Льве), премудре, ученьми твоими вся просвѣтилъ еси, цѣвнице духовная моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ"* (20 февр.). Если бы восточная церковь дѣйствительно считала святаго Льва основаніемъ и главою вселенской Церкви по божественному установленію, она бы не позволила себѣ равнять его съ святымъ Іоанномъ Дамаскинымъ, простымъ пресвитеромъ Іерусалимской церкви.

присвоеніе римскимъ епископомъ власти, ему не принадлежащей. Вторая, какъ послѣдствіе первой, заключалась въ присвоеніи папами свѣтской власти и независимаго положенія. По нашему разумѣнію, положеніе перваго епископа вселенской Церкви, при образованіи новыхъ государствъ на развалинахъ римской имперіи, должно бы было обусловиться народными правительствами для обезпеченія ему возможности созывать вселенскіе соборы и слѣдить за выполненіемъ ихъ постановленій, но папы, не дожидаясь ни новыхъ соборныхъ опредѣленій относительно вчинанія вселенскихъ дѣлъ и созыванія на соборъ епископовъ вселенской Церкви, ни международныхъ договоровъ для опредѣленія его положенія среди государствъ, сами присвоили себѣ высшія права въ церкви и сами создали для себя и свѣтскую власть, и международное положеніе; то и другое опять было *узурпаціей,* за которую теперь и начинаютъ расплачиваться римскіе епископы. Такъ, употребляя сравненія г-на Соловьева, изъ посаженнаго въ землю желудя стало развиваться дубовое дерево, но къ этому дереву привили столько новыхъ, несродныхъ ему вѣтвей, что изъ дуба образовалось какое-то новое дерево, совсѣмъ непохожее на дубъ; заложено было основаніе церкви и отъ хозяина поручено строителямъ продолжать строеніе, и вотъ одна половина ихъ измѣнила планъ и вмѣсто храма построила дворецъ, который долженъ былъ превосходить своимъ величіемъ и роскошью всѣ существующіе дворцы земныхъ царей: вслѣдствіе этого измѣненія другая половина отказалась участвовать въ этой постройкѣ и продолжаетъ воздвигать по указанному плану Церковь Христову. Вотъ истинная причина раздѣленія между западною и восточною церквами—измѣненіе божественнаго плана западными, а не сепаратизмъ восточныхъ, какъ толкуетъ г-нъ Соловьевъ въ своей притчѣ [1]).

Мы увѣрены, что съ папизмомъ будетъ то же, что будетъ со всякимъ садомъ, „*его же не насади Отецъ небесный*“,— т. е. онъ искоренится въ опредѣленное ему время. Въ своемъ „Окружномъ Посланіи“ восточные патріархи пишутъ: „Изъ

[1]) Intr, pag. LXI—VI.

ересей, распространившихся какими Богъ вѣсть судьбами въ большей части вселенной, былъ нѣкогда аріанизмъ, а теперь—*папизмъ*. Но и сей послѣдній (подобно первому, который уже совершенно исчезъ), хотя до нынѣ еще въ силѣ, не превозможетъ до конца, а прейдетъ и низложится и *великій гласъ небесный возгласитъ о немъ: низложенъ* (Апок. 12, 10) [1]).

Какъ всѣ защитники папизма, такъ и г. Соловьевъ, особенно сильное свидѣтельство божественныхъ правъ папы усматриваютъ въ исторіи IV вселенскаго собора. Кстати сказать, защитники папизма ссылаются также на наши богослужебныя книги и находятъ въ нихъ выраженія о высокомъ достоинствѣ святаго апостола Петра и его преемниковъ, изъ которыхъ будто бы явствуетъ, что восточная церковь въ древности, т. е. до патріарха Фотія исповѣдывала главенство Рима, а со временъ Фотія, послѣ раздѣленія, перестала исповѣдывать. На эти ссылки мы отвѣчали и отвѣчаемъ [2]), что толкованіе папистами дѣяній IV вселенскаго собора и богослужебныхъ книгъ — несправедливо и не соотвѣтствуетъ истинѣ вещей, а чтобы наше отрицаніе имѣло силу, мы указываемъ основаніе, съ которымъ долженъ согласиться всякій вѣрующій, обладающій здравымъ смысломъ и непредубѣжденнымъ мышленіемъ. Мы говоримъ, что хвалебные возгласы отцевъ собора и хвалебныя выраженія богослужебныхъ книгъ слѣдуетъ разсматривать и судить по церковнымъ законамъ, по которымъ жила церковь и опредѣлялись взаимныя отношенія архипастырей, а никакъ не наоборотъ. Мы такъ и дѣлаемъ, а латинскіе богословы, какъ и во всемъ, поступаютъ вопреки этому здравому правилу. Если они не примутъ этого правила, мы съ ними никогда не сможемъ договориться. Очень жаль, что г. Соловьевъ сталъ на ихъ путь. Но у него оказывается, по крайней мѣрѣ, болѣе послѣдовательности, чѣмъ у самихъ папистовъ. Въ своемъ сочиненіи онъ ясно выражаетъ свое сомнѣніе въ единомысліи соборовъ, даже и вселенскихъ, и

---

1) „Окружное Посланіе“ стр. 4.

2) См. выше, въ сочиненіи.

потому въ своемъ введеніи рѣзко осуждаетъ дѣянія соборовъ II, IV, VI и Трулльскаго *пято-шестаго*. Когда, такимъ образомъ, самый принципъ вселенскихъ соборовъ осужденъ, тогда, конечно, не можетъ быть и рѣчи о нашемъ выше выраженномъ принципѣ—судить о хвалебныхъ возгласахъ по правиламъ соборовъ. Но справедливо ли это?

Относительно IV вселенскаго собора мы должны сказать, что исторія сего собора у насъ раскрыта съ несомнѣнною достовѣрностію и свидѣтельство его въ пользу верховныхъ правъ римскаго епископа оцѣнено по всей справедливости [1]). Съ своей стороны мы прибавимъ только, что вселенская Церковь всегда съ величайшимъ уваженіемъ взирала на пастырей, когда они выступали противъ ересей въ качествѣ поборниковъ вселенской истины и въ своихъ писаніяхъ служили выразителями вселенскаго православія, носителями вселенской истины, устами вселенской Церкви. Такъ она чтила и чтитъ великихъ поборниковъ православія: святаго Аѳанасія Александрійскаго, святаго Василія Кесаріи-Каппадокійскаго, Григорія Назіанзина и Кирилла Александрійскаго, также чтила и чтитъ и святаго Льва I, папу Римскаго, оказавшаго восточной церкви великую помощь въ борьбѣ ея съ евтихіанами. Въ лицѣ сего папы счастливо сочетались и чистота православія, и величіе каѳедры. Очень понятно, почему отцы Халкидонскаго собора съ восторженными похвалами приняли исповѣданіе святаго Льва, но эти похвалы заявлены были послѣ того, какъ особая коммиссія, состоявшая изъ 200 мудрѣйшихъ отцевъ собора, разсмотрѣла означенное исповѣданіе, и *по буквѣ*, и *по мыслямъ*, и представила *письменное удостовѣреніе* въ томъ, что оно *православно*. Только послѣ *этого удостовѣренія*, а никакъ не потому, что то было посланіе папы, отцы восклицали: „это—вѣра отцевъ! это вѣра апостольская! Это говоритъ Петръ устами Льва“ и т. под. въ этомъ родѣ. Восточные патріархи въ своемъ „Окружномъ Посланіи“ по достоинству оцѣнили

---

[1]) См., напримѣръ, сочиненія А. Н. Муравьева: „Правда вселенской Церкви“, или Авдія Востокова: „Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ“ т. I, стр. 146—155.

ссылку папы Пія IX на IV вселенскій соборъ и въ заключеніе своего разбора прибавили: „Если его блаженству и теперь будетъ угодно прислать что либо такое, что 200 отцевъ по изслѣдованіи и обсужденіи найдутъ согласнымъ съ прежними соборами, то и теперь, говоримъ мы, онъ можетъ услышать и отъ насъ грѣшныхъ не только слова: „Петръ сказалъ это", или что другое уважительное, но и такія слова: „да облобызается святая рука, отершая слезы соборной церкви!" (стр. 31—32).

Изъ всѣхъ возраженій противъ верховенства папы по *божественному*, а не по *каноническому* праву, г. Соловьевъ не могъ миновать одного весьма важнаго, а именно: какимъ образомъ власть апостола Петра переходила и переходитъ на римскихъ епископовъ. Мы говоримъ: если бы каждый папа, умирая самъ рукополагалъ своего преемника—это было бы понятно: послѣдующій папа получалъ бы свою власть отъ предшествующаго; такимъ преемствомъ дѣло объяснялось бы очень просто. Но этого преемства не существуетъ: какъ же объяснить возстановленіе власти, погасающей со смертію каждаго папы? Какая церковная власть можетъ давать достоинство, которымъ сама не обладаетъ и которымъ распоряжаться не имѣетъ никакихъ верховныхъ полномочій, потому что это достоинство принадлежитъ исключительно только одному лицу, пока оно живо. Это возраженіе, повторяемъ, столь важно, что имъ подрывается теорія мнимобожественнаго установленія папства. Въ самомъ дѣлѣ, въ Церкви установлены святыя таинства, какъ видимыя посредства для сообщенія благодати Святаго Духа вѣрующимъ, установлены и священныя лица, какъ совершители таинствъ; всѣ посвященія на разныя степени священства совершаются богоустановленнымъ порядкомъ чрезъ рукоположеніе и молитвы; какимъ же образомъ случилось, что для единственной, исключительной, основной и, такъ сказать, источной степени священства—для посвященія папы и для сообщенія ему чрезвычайныхъ полномочій не существуетъ никакого установленія, никакого таинства, никакого внѣшняго знака и никакого посредства? Что паписты не видятъ несообразности въ само-короновании папъ, это легко объясняется ихъ

тысячелѣтней привычкой и слѣпою ревностію. Но мы удивляемся г. Соловьеву, какъ онъ, человѣкъ въ отношеніи къ папизму сторонній и, такъ сказать, свѣжій, можетъ такъ легкомысленно относиться къ этому вопросу. Онъ пишетъ, что отвѣтить на этотъ вопросъ задача исторіи, которая за неимѣніемъ документовъ (?!) не можетъ быть рѣшена научнымъ образомъ (sic!) [1]), и затѣмъ, умаляя значеніе самаго вопроса—о способѣ передачи, относитъ его къ *чисто-человѣческой сторонѣ* церкви и придаетъ ему значеніе *совершенно второстепенное* [2]). Съ такою простотою и легкостію можно обходить всевозможные вопросы, но въ такомъ случаѣ мы никогда не дойдемъ до истины; все будетъ зависѣть отъ произвола толкователей. Между тѣмъ дѣло объяснилось бы очень просто, и не потребовалось бы дожидаться неизвѣстныхъ документовъ, если бы г. Соловьевъ обратился къ восточной церкви и посмотрѣлъ, какъ въ ней происходитъ передача высшей власти патріарха. Патріархъ, по понятію восточныхъ, есть глава своей помѣстной церкви въ смыслѣ нравственномъ и каноническомъ, и какъ таковый совмѣстно съ своимъ синодомъ судитъ подвѣдомыхъ ему епископовъ и митрополитовъ. Спрашивается: кто облекаетъ его такою властію? Отвѣчаемъ: высшая для него власть, а именно—соборъ епископовъ. Какъ высшая инстанція церковной власти, соборъ его избираетъ, посвящаетъ и затѣмъ, въ случаѣ его ереси или какихъ либо антиканоническихъ дѣйствій, судитъ и низлагаетъ [3]). Этотъ древній и всеобщій порядокъ существовалъ и въ церкви римской: но со времени чрезвычайнаго возвышенія папъ, когда утвердилось ложное мнѣніе, что „папа судитъ всѣхъ, а самъ судимъ быть не можетъ“, что „онъ выше даже вселенскихъ соборовъ“, — римскіе избиратели остались только при одномъ правѣ избирать папу, а право—судить его въ случаѣ его неправоты утратили. Такъ и образовался этотъ ненормальный и незаконный порядокъ вещей: соборъ высшихъ сановниковъ римской церкви со-

---

[1]) Pag. 158—159.

[2]) Pag. 160—161.

[1]) См. 1-е правило III вселенскаго собора.

здаетъ власть, какой самъ не имѣетъ, облекаетъ избраннаго божественными полномочіями, какими самъ не обладаетъ, словомъ — низшая власть создаетъ для себя высшую. — Со стороны папъ это — нарушеніе кореннаго и апостольскаго установленія соборной власти, какъ верховной въ церкви, предвосхищеніе власти, имъ не принадлежащей, или иначе— *узурпація*. Незаконностію такого порядка еще разъ осуждается подмѣна *каноническихъ правъ*, утвержденныхъ соборами за папой, *правомъ божественнымъ*, будто бы дарованнымъ отъ Самого Господа Если бы дѣйствительно Самъ Господь установилъ единоличную верховную власть, — Онъ бы установилъ и необходимое для того таинство.

Такъ латинская церковь сама обличаетъ себя своими новшествами, чего г. Соловьевъ не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить.

IV.

Четвертое средство для обличенія заблужденія мы имѣемъ въ самыхъ заблужденіяхъ. Около двухъ тысячъ лѣтъ духъ лжи возстаетъ противъ Христовой истины и за это время съ достаточною ясностію обнаружилъ свой характеръ дѣйствованія и свои пріемы въ обольщеніи. Обобщая всѣ существовавшія и существующія ереси и всякаго рода раскольническія лжеученія, съ несомнѣнною достовѣрностію мы можемъ указать слѣдующія двѣ особенности въ каждомъ вѣроисповѣдномъ лжеученіи: во-первыхъ, *исключительность* и во-вторыхъ, *софизмъ;* разъяснимъ это.

1) Объ исключительности святой Ириней пишетъ такъ: „Ересь происходитъ отъ греческаго слова, означающаго *выборъ*, потому что еретикъ дѣйствительно *выбираетъ* то ученіе, какое вымышляетъ или пріемлетъ. Посему то апостолъ и говоритъ, что еретикъ *есть самоосужденъ*. Наши авторы, наши писатели суть апостолы Господни, которые сами собою ничего не выдумывали и не выбирали, но предали вѣрно всему міру то ученіе, какое пріяли отъ Іисуса Христа. А потому, когда бы и *ангелъ съ небесе благовѣствовалъ* другое

евангеліе, *анаѳема да будетъ*“ (Гал. 1, 8). Сіе то преданное апостолами ученіе и есть православное ученіе; оно есть полнота истины, начинающаяся съ ученія о Пресвятой Троицѣ и заканчивающаяся послѣдними судьбами міра и человѣка. Отъ этой полноты ничего нельзя убавить и къ ней ничего нельзя прибавить. Таково значеніе православнаго Никео-Цареградскаго символа. Всѣ истины, въ немъ заключающіяся, одинаково важны и одинаково необходимы. Но ересь нарушаетъ эту полноту и это равенство; она непремѣнно имѣетъ одинъ какой либо центральный пунктъ въ своемъ вѣроученіи, на которомъ держится вся система и которымъ опредѣляется характеръ ея. Такъ было въ древнихъ ересяхъ, такъ продолжается и въ новѣйшихъ лжеученіяхъ. Такъ, ересь Арія заключалась въ одномъ изреченіи: „Сынъ сотворенъ, а не рожденъ. *Господь созда Мя въ начало путей Своихъ*“. Македоній подобнымъ образомъ лжемудрствовалъ о Духѣ Святомъ. Несторій раздѣлялъ естества во Христѣ, Евтихій—напротивъ сливалъ ихъ. Такая же исключительность заявляется и новѣйшими лжеученіями. Такъ, въ ученіи папистовъ съ формальной стороны исключительнымъ пунктомъ служитъ ученіе о главенствѣ папы, а съ матеріальной — Filioque. У протестантовъ—съ формальной стороны Священное Писаніе, какъ единственный источникъ вѣроученія, а съ матеріальной—оправданіе одною вѣрою. Подобная же исключительность и у мелкихъ сектантовъ, и у раскольниковъ.

Эта исключительность есть своего рода *болѣзнь* духа. Подъ ея вліяніемъ лжемудрствующіе, имѣя уши слышати, не слышатъ, и имѣя очи видѣти, не видятъ. Какъ въ Священномъ Писаніи, такъ и въ писаніяхъ церковныхъ писателей они видятъ и выбираютъ только то, что питаетъ ихъ исключительность, что подходитъ подъ ихъ взгляды, что имъ нравится. Этимъ объясняется такое явленіе, какъ распространеніе Евангелія съ подчеркнутыми текстами, благопріятными лжеученію. Въ ревнителяхъ лжеученія эта исключительность становится *фанатизмомъ*, т. е. слѣпою ревностію по лжеученію, съ нетерпимостію къ чужимъ мнѣніямъ.

Г-нъ Соловьевъ вполнѣ усвоилъ себѣ исключительность папизма. Главенство папы въ латинскомъ смыслѣ для него

догматъ, непререкаемый фактъ. Латинскій догматъ Filioque онъ выяснилъ даже путемъ діалектическаго процесса, равнымъ образомъ и догматъ о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы. Усвоивши себѣ эти лжеученія и защищая ихъ отъ православныхъ полемистовъ, онъ позволяетъ себѣ повторять іезуитскія измышленія, раньше его изобрѣтенныя, что будто бы сущность нашего православія заключается только въ отрицаніи. Онъ пишетъ: „лжеправославіе нашей богословской школы—одни произвольныя отрицанія, произращенныя и питаемыя одной политикой: Сынъ Божій не участвуетъ въ божественномъ порядкѣ исхожденія Святаго Духа. Святая Дѣва не была непорочною съ перваго момента своего бытія. Приматство юрисдикціи не принадлежитъ къ римскому престолу и папа не имѣетъ догматическаго авторитета пастыря и учителя вселенской церкви. Таковы главныя отрицанія. При этомъ, добавляетъ онъ,—довольно замѣтить, что, во-первыхъ, эти отрицанія не получили никакой санкціи и не опираются ни на какой церковный авторитетъ, признанный обязательнымъ и непогрѣшимымъ со стороны всѣхъ православныхъ. Никакой вселенскій соборъ не осудилъ и даже не судилъ католическихъ ученій, анаѳематствуемыхъ нашими полемистами, и когда намъ предлагаютъ этотъ новый родъ отрицательнаго богословія за истинное ученіе вселенской церкви, мы не можемъ не видѣть въ немъ одно непомѣрное притязаніе, проистекающее изъ невѣжества или дурной вѣры. Во-вторыхъ, очевидно, что это ложное православіе не болѣе истиннаго можетъ служить положительной основой „русской идеѣ“... Все ваше „православіе“ и вся ваша русская идея, обращается онъ къ намъ, есть такимъ образомъ въ основѣ только національный протестъ противъ всемірнаго владычества папы“ (pag. 18—20).

Мы уже разсмотрѣли по существу латинскія разности и, соображая нами сказанное съ сейчасъ приведенными словами г. Соловьева, можемъ судить, до какой степени напряженія достигло его увлеченіе латинскою *исключительностію*. Въ его рѣчахъ слышится уже тонъ нафанатизированнаго человѣка. Для удостовѣренія не столько его, сколько его читателей, въ томъ, что латинскія разности, какъ лжеученіе,

осуждены голосомъ весьма авторитетнымъ для всѣхъ православныхъ, мы приведемъ слѣдующій отрывокъ изъ „Окружнаго Посланія восточныхъ патріарховъ“, которое, повторяемъ, имѣетъ для насъ символическое значеніе. „Новоявившееся ученіе, будто Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына, измышлено, вопреки ясному и нарочитому о семъ предметѣ изреченію Господа нашего: *иже отъ Отца исходитъ*, и вопреки исповѣданію всей соборной церкви, засвидѣтельствованному седмью вселенскими соборами въ словахъ: *иже отъ Отца исходящаго* (Символъ вѣры)... Оно съ грубою и неслыханною дерзостію коснулось самаго Символа и измѣнило сей всеобщій залогъ христіанства, произвело столько смятеній въ мирной церкви Божіей и раздѣлило народы; при первомъ своемъ появленіи всенародно отвергнуто двумя приснопамятными папами Львомъ III и Іоанномъ VIII, который въ посланіи къ блаженному Фотію назвалъ даже сообщниками Іуды тѣхъ, кто первые внесли его въ Символъ; — осуждено многими святыми соборами четырехъ восточныхъ патріарховъ,—подвергнуто анаѳемѣ, какъ нововведеніе и увеличеніе Символа, на (такъ называемомъ) осьмомъ вселенскомъ соборѣ, созванномъ въ Константинополѣ для умиренія церквей восточныхъ и западныхъ. Едва только успѣло явиться въ западныхъ церквахъ, какъ или само породило гнуснѣйшія исчадія, или ввело съ собою мало по малу другія новизны, большею частію противорѣчащія ясно изображеннымъ въ Евангеліи заповѣдямъ Спасителя нашего, тщательно соблюдавшимся до его появленія и въ тѣхъ церквахъ, гдѣ оно введено, какъ-то: кропленіе вмѣсто погруженія, отнятіе у мірянъ Божественной чаши и причащеніе подъ однимъ видомъ хлѣба, употребленіе опрѣсноковъ вмѣсто хлѣба кваснаго, исключеніе изъ литургіи благословенія, т. е. Божественнаго призыванія Всесвятаго и Всесовершающаго Духа,—также нарушающія древніе апостольскіе обряды соборной церкви, какъ-то: устраненіе крещаемыхъ младенцевъ отъ муропомазанія и принятія Пречистыхъ Таинъ, брачныхъ—отъ священства, признаніе папы за лицо непогрѣшимое и за мѣстоблюстителя Христова и проч. Такимъ образомъ низвратило весь древній апостольскій чинъ совершенія

почти всѣхъ таинствъ и всѣхъ церковныхъ учрежденій, — чинъ, который содержала древняя, святая и православная церковь римская, бывшая тогда честнѣйшимъ членомъ святой соборной и апостольской церкви" (стр. 4—8).

Вотъ прямой и рѣшительный судъ, изреченный отъ лица всей вселенской православной Церкви на латинскія новшества. Мы не понимаемъ, какимъ образомъ, послѣ такого прямаго и рѣшительнаго приговора папизму со всѣми его новшествами, Соловьевъ осмѣливается повторять іезуитскія хулы на православную церковь, что будто бы латинскія новшества не осуждены судомъ вселенской Церкви, что наше православіе состоитъ только въ отрицаніи, что это отрицаніе есть дѣло только нашей богословской школы, а не народа? Да будетъ ему извѣстно, что ученіе православной Церкви есть самодовлѣющая полнота положительной истины, и что только въ отношеніи къ папизму и прочимъ заблужденіямъ оно есть отрицаніе, — отрицаніе всего того, что нарушаетъ эту полноту и чистоту истины (и что̀ составляетъ исключительность отрицаемыхъ нами исповѣданій). Да будетъ также извѣстно и то, что у насъ хранителемъ истины именуется не одно духовенство, а все тѣло Церкви, и духовные и міряне; и потому, если бы кто изъ пастырей или изъ нашихъ богослововъ сталъ склоняться на сторону папизма,—народъ возстанетъ и возопіетъ противъ измѣны православію. Впрочемъ, зачѣмъ распространяться объ этомъ,—кто ничего не хочетъ видѣть и слышать, того не увѣришь силою.

2) Вторая особенность еретическихъ лжеученій заключается въ *софизмѣ*. Этимъ словомъ мы хотимъ обозначить *свойства, пріемы* и *характеръ* мышленія лжеучителей. Ложь, въ какой бы дозѣ она ни примѣшивалась къ истинѣ, не можетъ быть доказана по законамъ нормально-здраваго мышленія и на основаніи неоспоримыхъ данныхъ; она прикрывается только кажущеюся основательностію своихъ доказательствъ, но для этого требуетъ отъ разсудка особой изворотливости въ мышленіи и искусственности въ построеніи доказательствъ. У всѣхъ лжеучителей мы обыкновенно находимъ слѣдующія черты: во-первыхъ—своеобразное толкованіе Священнаго Писанія и писаній отцевъ и учителей

церкви, навязываніе своего смысла тексту сихъ писаній, искусственный подборъ и отрывочность свидѣтельствъ, а при этомъ намѣренное уклоненіе отъ уразумѣнія общаго духа писанія и контекста рѣчи, изъ которой берется свидѣтельство; во-вторыхъ—и это въ особенности—смѣшеніе пріемовъ богословскаго мышленія съ пріемами мышленія философско-софистическаго; такъ, вмѣсто того, чтобы прямо и здраво смотрѣть на текстъ, принимать его въ прямомъ буквальномъ смыслѣ, лжеучители прибѣгаютъ къ софистическимъ пріемамъ: то до тонкости разлагаютъ и различаютъ понятія самыя близкія, то смѣшиваютъ и обезразличиваютъ понятія разнородныя, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое спеціальное содержаніе; то берутъ условныя (конкретныя) понятія какъ математическія, строго-опредѣленныя формулы, и такимъ образомъ, пользуясь всѣми этими пріемами, составляютъ выводы произвольные, какіе требуются главнымъ пунктомъ того или другаго лжеученія. Для примѣра произвольнаго толкованія лжеучителями Священнаго Писанія можно привести слѣдующій разговоръ одного скопца съ православнымъ (у Кельсіева). Православный спрашиваетъ скопца: „На чемъ вы основываете ваше ученіе!“ Тотъ отвѣчаетъ: „на Писаніи“. „Да гдѣ же вы видите?“ „Да вездѣ, по всей Библіи“. „А напримѣръ?“ „Напримѣръ, возьми первую главу евангелія Матѳея и читай“. „Что же тамъ?“ „А ты читай: Авраамъ роди Исаака, Исаакъ роди Іакова, Іаковъ роди Іуду и братію его; не сказано: Сарра роди, а самъ Авраамъ“. „Что же это, по вашему, значитъ?“ „А то значитъ, что онъ родилъ его духовно и наложилъ на него печать“. Православный возражаетъ такому оригинальному толковнику, говоря, что „въ книгѣ Бытія и другихъ священныхъ книгахъ Исаакъ прямо называется сыномъ Сарры“. На это тотъ отвѣчаетъ: „да, это по вашему плотскому разсужденію, а по *нашему духовному* — это не такъ“. Вотъ это то „духовное“ разсужденіе и составляетъ постоянный и неизбѣжный признакъ всякаго заблужденія, и обыкновенно—чѣмъ грубѣе заблужденіе, тѣмъ нелѣпѣе и самое разсужденіе. Такое разсужденіе мы называемъ *субъективизмомъ* или *произволомъ*.

Паписты не составляютъ исключенія изъ общаго правила.

Всѣ пріемы лжераціоналистическаго мышленія усвоены ими въ совершенствѣ и практикуются въ богословіи съ великимъ искусствомъ и беззастѣнчивостію. И замѣчательно, что наиболѣе рьяные изъ нихъ болѣе обнаруживаютъ чуждыхъ христіанской наукѣ элементовъ, а наиболѣе либеральные — менѣе (наприм. Боссюетъ, Фенелонъ и под.). При этомъ достойно замѣчанія и то, что въ вопросахъ общихъ съ прочими христіанами у нихъ менѣе раціонализма, а въ вопросахъ спеціально-латинскихъ—наиболѣе (Мёлеръ, его символика). Для нагляднаго знакомства съ пріемами латинскаго мышленія приведемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, доказывая свое ученіе объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына словами Священнаго Писанія, они занимаются не столько прямымъ смысломъ ихъ, сколько разными предположеніями и соображеніями о томъ, что содержится и что должно содержаться въ приводимыхъ словахъ, читаютъ не то, что написано въ строкахъ, а то, что предположительно стоитъ между строками. Напр., мы одинаково съ ними ссылаемся на слова Спасителя: *Духъ истины, Иже отъ Отца исходитъ*, но они толкуютъ ихъ совсѣмъ не такъ, какъ мы, а по своему „*духовному*“ разсужденію. Мы говоримъ, что эти слова суть достаточное выраженіе истины, а они утверждаютъ, что недостаточное: „изъ сихъ словъ,—говорятъ они,—можно заключать только исхожденіе отъ Отца, въ чемъ никто не сомнѣвается; но развѣ изъ того, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, можно съ достовѣрностію заключать, что *Онъ не исходитъ* и отъ Сына?!. Здѣсь Христосъ говоритъ о Себѣ почеловѣчески и потому исключилъ Себя изъ участія въ изведеніи Духа Святаго. Но такъ какъ Сынъ также посылаетъ Духа, какъ и Отецъ, то значитъ—Они оба равны между собою, а если равны, — значитъ Духъ Святый исходитъ отъ обоихъ т. е. отъ Отца и Сына“. Вообще, по ихъ собственному сознанію, догматъ „и отъ Сына“ понятенъ только тѣмъ, кто хорошо знаетъ онтологію. На подобнаго рода умозаключеніяхъ основанъ и новый догматъ о „непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи“. Такъ они учатъ: „Ангелъ назвалъ Святую Дѣву—*благодатной*, что значитъ по-латыни: полная благодати; но она не была бы полною благодати, если бы

была зачата, какъ всѣ люди; слѣдовательно она непорочно зачата". Еще: мы говоримъ, что на Тайной вечери, установляя таинство причащенія, Господь въ словахъ — *піите отъ нея*, т. е. отъ чаши, *вси*—далъ прямую заповѣдь причащать кровію и мірянъ, какъ восточная церковь доселѣ и дѣлаетъ. Но латины утверждаютъ, что слово *вси* относится только къ Апостоламъ, участвовавшимъ въ Тайной вечери, и потому мірянъ лишаютъ причащенія кровію, что, очевидно, дѣлаютъ вопреки волѣ Господа. Въ изъясненіи словъ Спасителя апостолу Петру: *Ты — еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою*",—мы православные подъ словами: *на семъ камени*—разумѣемъ исповѣданіе Петрово о божествѣ Христа, какъ Сына Бога живаго, на чемъ дѣйствительно и основана Церковь, а латины умозаключаютъ, что такъ какъ для видимой церкви нужна и видимая глава, то подъ *симъ камнемъ* должно разумѣть лицо апостола Петра т. е. надо слова Христовы читать такъ: „ты еси Петръ, и на тебѣ, какъ на камнѣ, какъ на скалѣ, Я создамъ Мою церковь". Въ словахъ—*молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя, и ты нѣкогда обращся, утверди братію твою,* — мы видимъ предсказаніе о паденіи Петровомъ и внушеніе ему загладить грѣхъ паденія нравственной поддержкой братіи, т. е. Апостоловъ; а латины видятъ дарованіе апостолу Петру и его преемникамъ *дара непогрѣшимости*. Въ троекратномъ вопрошеніи: *любиши ли Мя*—по нашему изъясненію, Христосъ вызываетъ Апостола исповѣдать свое смиреніе и раскаяніе въ своей самонадѣянности, а въ троекратномъ приглашеніи: *паси агнцы, паси овцы*—возвращаетъ ему апостольское званіе, утраченное отреченіемъ отъ Христа; а по толкованію латинянъ,—послѣдними словами Господь вручаетъ апостолу Петру всю церковь, даже вмѣстѣ съ его сослужителями, т. е. святыми Апостолами.

Старые славянофилы, которыхъ такъ недостойно и такъ обидно осмѣялъ г. Соловьевъ въ своихъ статьяхъ въ „Вѣстникѣ Европы", прекрасно охарактеризовали все западное просвѣщеніе, указавъ въ немъ преобладаніе *разсудочности*, т. е. такого качества мышленія, по которому мыслитель заботится не столько объ истинѣ знанія, сколько о стройной

видимости логическаго построенія, — домогается познать истину не путемъ изученія самаго предмета, а путемъ діалектической игры въ понятія, путемъ отвлеченнаго мышленія. Такой мыслитель, разсуждая о видимомъ мірѣ, повидимому, высказываетъ нѣчто новое и важное, но на самомъ дѣлѣ плететъ діалектическую ткань изъ своихъ понятій о мірѣ и ею накрываетъ или, лучше сказать, закрываетъ дѣйствительную жизнь міра. — *Качествомъ разсудочности* (или лучше ліераціонализма) запечатлѣна вся богословская наука латинской церкви, какъ древняя, такъ и новая, идущая по слѣдамъ древней. Это качество—*разсудочность* досталось римской церкви по наслѣдству отъ языческаго Рима, но въ началѣ оно умѣрялось и сдерживалось въ должныхъ границахъ общею жизнію Церкви вселенской, а какъ скоро христіанскій Римъ со всѣмъ Западомъ отдѣлился и обособился отъ общей жизни Церкви, оно сдѣлалось преобладающимъ и дало особый характеръ западному просвѣщенію вообще, а богословской церковной наукѣ въ особенности. Хомяковъ, упрекавшій латинскую церковь въ раціонализмѣ, справедливо выразился, когда сказалъ, что первый раціоналистъ— папа Николай I, а изъ-за него видѣнъ Лютеръ, а изъ-за Лютера — Гегель, этотъ завершитель отвлеченнаго западнаго мышленія.

Пока латинское мышленіе будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ своей односторонности, съ папистами невозможно никакое соглашеніе, никакое соединеніе. Они вѣчно будутъ вращаться въ діалектическихъ тонкостяхъ и оставаться недоступными для здраваго разсужденія; они не истины ищутъ, а самооправданія. Поэтому всякія препирательства съ ними безполезны. Святые подвижники, подвергавшіеся искушеніямъ отъ злыхъ духовъ, свидѣтельствуютъ, что злые духи такіе неодолимые діалектики, что никакой острый умъ не можетъ устоять въ препирательствахъ съ ними; они всякаго, кто захочетъ имъ отвѣчать такими же умозаключеніями, запутаютъ въ сѣтяхъ своихъ діалектическихъ тонкостей. Имъ слѣдуетъ отвѣчать такъ, какъ отвѣчалъ Спаситель искусителю-діаволу въ пустынѣ, т. е. словами Писанія, безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Поэтому всякое ратоборство со лже-

ученіями, на полѣ діалектики, безполезно и можетъ быть вредно. *Въ словопреніяхъ трудъ безъ конца есть,* сказалъ одинъ угровлахійскій господарь, когда латиняне предложили ему вести пренія о вѣрѣ.

Г. Соловьевъ вполнѣ усвоилъ себѣ всѣ односторонности и всѣ пріемы латинскаго мышленія, и такъ вошелъ во всѣ воззрѣнія папизма, съ такою ловкостію и развязностію защищаетъ ихъ, какъ будто бы родился въ латинствѣ и прошелъ всѣ школы іезуитовъ. *Субъективность* или *произволъ* въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ, *діалектика* въ пріемахъ мышленія, *самоувѣренность* тона, *смѣлость,* по мѣстамъ *остроуміе* рѣчи, *рѣзкость* сужденій и приговоровъ, *патетическіе* обороты—вотъ качества его сочиненія, свидѣтельствующія не столько о мужественной зрѣлости и степенности автора, сколько объ его юношеской живости и игривости. Съ этими качествами мы уже познакомились въ самомъ началѣ нашего чтенія. Мы уже слышали, какъ обидно—смѣло онъ, ученый мірянинъ, судитъ вселенскіе соборы, въ которыхъ мы признаемъ дѣйствіе Духа Божія,—какой рѣзкій приговоръ изрекаетъ онъ восточному аскетизму, которому мы обязаны развитіемъ чистаго нравственнаго ученія, — какъ жестоко отзывается о нашемъ православіи, на которое мы возлагаемъ наши надежды,—и какъ несправедливо обзываетъ стражей, охраняющихъ чистоту его [1]). Читая книгу г. Соловьева, невольно вспоминается упрекъ покойнаго Каткова, брошенный нашимъ писателямъ, что въ средѣ ихъ свирѣпствуетъ эпидемія благовѣстительствовать и пророчествовать. Думается, что этому упреку г. Соловьевъ подлежитъ наиболѣе.—Но обратимся къ книгѣ.

Основной мыслію всей книги г. Соловьева, служитъ положеніе іезуитовъ, которое проповѣдуется ими давно, но въ настоящее время съ особенною настойчивостію въ православныхъ странахъ Востока, что такъ какъ *единая церковь на землѣ видима,* то и *главу она должна имѣть единую* —

[1]) Depuis quand les gardiens de l'orthodoxie sont-ils devenus des chiens lâches, qui ne savent aboyer que derrière le mur?—т. е. съ какихъ поръ стражи православія сдѣлались трусливыми псами, лающими изъ-за угла? (р. 20).

видимую. Эта мысль стала исключительною мыслію въ головѣ г. Соловьева. Семь лѣтъ онъ работалъ надъ нею, и вотъ только теперь она созрѣла и отлилась въ ту форму, въ какой преподносится читателямъ, знающимъ французскій языкъ. Въ первой части авторъ критикуетъ современное состояніе православныхъ церквей и русской въ частности, во второй говоритъ объ установленіи видимаго главенства на землѣ въ лицѣ святаго апостола Петра, объясняетъ необходимость этого установленія и доказываетъ, что въ лицѣ святаго Льва, папы Римскаго, единоличная власть во вселенской церкви достигла своей зрѣлости и опредѣленности, и что IV вселенскій соборъ торжественно призналъ и исповѣдалъ эту власть. Въ третьей части, онъ дѣлаетъ попытку, какъ онъ выражается самъ, связать Троицу Божественную съ троицей соціальной, т. е. раскрыть ту мысль, что единовластительство во вселенской церкви вытекаетъ какъ изъ порядка жизни божественной, такъ и изъ порядка жизни міровой и человѣческой. Развитіе мыслей въ этой части ведется исключительно путемъ діалектическимъ. Начавъ съ понятія о единствѣ, авторъ вводитъ въ рядъ своихъ мыслей ученіе о Святой Троицѣ, о сотвореніи міра, о приготовленіи рода человѣческаго къ принятію Мессіи, о самомъ Мессіи, о троякомъ служеніи въ церкви—священническомъ, царскомъ и пророческомъ, о первенствующей важности священническаго служенія и наконецъ о таинствахъ: крещеніи, муропомазаніи, причащеніи и елеосвященіи. Здѣсь встрѣчается много мыслей странныхъ, напоминающихъ собою забытыя измышленія гностиковъ первыхъ вѣковъ христіанства (таковы мысли о хаосѣ и о душѣ міра, о высшихъ силахъ, о противоборствѣ адскихъ силъ Богу въ твореніи міра); встрѣчаются и мысли вѣрныя, но какъ онѣ не проведены послѣдовательно въ системѣ, то и не имѣютъ никакого значенія (напримѣръ, о равенствѣ епископовъ). Нѣкоторыя мѣста, напримѣръ, понятіе о пустомъ единствѣ и о хаосѣ, (который мыслится какъ *потенціальное состояніе* абсолютной субстанціи), напоминаютъ собою діалектическіе пріемы Гегеля, выведеніе изъ понятія чистаго бытія всѣхъ (конкретныхъ) понятій о дѣйствительномъ мірѣ. Преобладающій въ сочиненіи пріемъ

мыслить не о томъ, что намъ дано въ дѣйствительности, а о томъ, *что и какъ должно быть* [1]), напоминаетъ философію схоластиковъ и общій пріемъ латинскихъ богослововъ. Подобно схоластикамъ, авторъ взялъ на себя смѣлость, если не сказать дерзость, путемъ логическимъ изъ понятія о единствѣ вывести богооткровенное ученіе о Пресвятой Троицѣ, вслѣдствіе чего у него вышло, что Богъ-Отецъ есть всемогущество, реальное бытіе (бытіе въ себѣ), Сынъ—дѣятельность, Духъ Святый — самонаслажденіе божества, а такъ какъ самонаслажденіе происходитъ отъ всемогущества и дѣятельности, то значитъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына. Опредѣливъ троичность Божества, авторъ затѣмъ указываетъ троичность въ тварномъ бытіи; напримѣръ, въ хаосѣ—время, пространство, причинность; въ есте-

---

[1]) Вотъ обращикъ такого мышленія. „Если вѣчно-дѣйственное состояніе абсолютной сущности (субстанціи въ Богѣ) заключается въ томъ, чтобы быть всѣмъ въ единствѣ, то ея потенціальное состояніе (внѣ Бога) быть всѣмъ въ раздѣльности. Это есть неопредѣленная и анархическая множественность, хаосъ, ἄπειρον—грековъ, худая безконечность die schlechte Unendlichkeit нѣмцевъ, tohu vabohu — евреевъ. Этотъ антитезъ божественнаго бытія отъ вѣчности уничтоженъ, приведенъ только къ возможности самымъ фактомъ, первичнымъ актомъ божественнаго бытія. Абсолютная и всемірная сущность фактически принадлежитъ Богу; Онъ отъ вѣчности и изначала есть все въ единствѣ; Онъ есть, и этого достаточно, чтобы хаоса не существовало. Но недостаточно этого для Самого Бога, Который есть не только бытіе, но и бытіе совершенное. Недостаточно сказать—Богъ есть, надо имѣть возможность сказать, почему Онъ есть. Существованіе изначала, уничтоженіе хаоса, и содержаніе всего въ единствѣ актомъ Его Всемогущества,—это божественный актъ (le fait divin), требующій своего разумнаго оправданія (raison). Богъ не могъ удовлетвориться тѣмъ, что Онъ фактически сильнѣе хаоса; Онъ долженъ быть такимъ *по праву* (sic!). А чтобы имѣть право побѣдить хаосъ и на вѣки привести его къ ничтожеству, Богъ долженъ быть *истиннѣе его*. Онъ являетъ Свою истину, противополагая хаосу не только актъ или идею. Онъ долженъ такимъ образомъ, отличать Свою всесовершенную цѣлокупность отъ хаотической множественности и на каждое возможное проявленіе послѣдней отвѣтствовать въ Своемъ Словѣ идеальнымъ откровеніемъ истиннаго единства, основаніемъ (raison), обличающимъ разумную или логическую несостоятельность желающаго утвердиться хаоса“ (pag. 225—226).

ственномъ человѣчествѣ: мужчина, женщина, общество; въ христіанствѣ—Христосъ, Пресвятая Дѣва и церковь; въ служеніяхъ Христовой церкви—священническое, царское и пророческое; въ благодатныхъ дарахъ таинствъ — въ крещеніи свобода, (liberté) въ мѵропомазаніи равенство (egalité), въ причащеніи братство (fraternité) и т. дал. и т. дал. Главный выводъ, добытый изъ всей книги, заключается въ слѣдующихъ его словахъ: „Религіозное общеніе и нравственная солидарность трехъ верховныхъ властей — священнической, царской и пророческой, подъ *абсолютнымъ примат*ствомъ вселенскаго первосвященства — это есть верховный законъ, конечный идеалъ соціальнаго христіанства“ (pag 300). Основная мысль и діалектическій методъ развитія этой мысли имѣютъ здѣсь такое исключительное значеніе, что если бы авторъ сталъ на точку зрѣнія графа Л. Толстаго и написалъ бы сочиненіе *о непротивленіи злу* тѣмъ же методомъ, какъ и это,—онъ бы написалъ столь же стройное и для многихъ убѣдительное сочиненіе, какъ и это.—Полагаю, что не только сто-милліонный народъ русскій не пойдетъ за г. Соловьевымъ, но и сами паписты не особенно обрадуются такой философіи ихъ адвоката.

Да, г-нъ Соловьевъ посмѣялся надъ старыми нашими славянофилами (Кирѣевскимъ, Хомяковымъ и К. С. Аксаковымъ) въ статьяхъ „Вѣстника Европы“, чтобы разорвать нашу нравственную связь съ ними и чрезъ то очистить мѣсто для своихъ идей,—но напрасно. Мы знаемъ, что тѣ воспитались на философіи великихъ западныхъ мыслителей, подъ ихъ вліяніемъ развили въ себѣ широту и глубину своихъ взглядовъ и, поборовши въ себѣ справедливое увлеченіе ими, своимъ образованіемъ послужили дѣлу развитія русскаго самосознанія, а г-нъ Соловьевъ, развившись на философіи времени ея упадка, до того отдался ей, что утратилъ не только національное чувство, но и самую вѣру, съ которою утратилъ и связь съ русскимъ народомъ. Тѣ оказали несомнѣнную услугу русскому самосознанію, а г-нъ Соловьевъ если и принесетъ какую пользу, то развѣ только отрицательную, т. е. своими антиправославными сочиненіями возбудитъ въ интеллигентной публикѣ интересъ къ религіознымъ

вопросамъ, къ которымъ прежде она относилась безучастно. Что-жъ? и это нужно [1]).

Въ заключеніе, для общаго нашего назиданія, приведемъ слѣдующія слова Викентія Лиринскаго: „Всѣ истинно православные должны знать, что ихъ долгъ вслѣдъ за церковію принимать учителей, а не вслѣдъ за учителями покидать вѣру церкви... Подлинно и истинно православенъ тотъ, кто въ церкви, кто къ тѣлу Христову, кто къ истинѣ Божіей приверженъ всей душей, кто выше божественной религіи, выше вселенской вѣры ничего не ставитъ, ни авторитета, ни любви, ни дарованій, ни краснорѣчія, *ни философіи какого нибудь человѣка*, но презирая все это и пребывая въ вѣрѣ твердымъ, постояннымъ, непоколебимымъ, считаетъ долгомъ своимъ содержать только то, и вѣрить только тому, о чемъ извѣстно, что это съ древности согласно содержала

---

[1]) Изъ письма г. Соловьева къ о. Антонію, помѣщеннаго въ № 19 „Церковнаго Вѣстника“, видно, что онъ какъ будто ожидалъ или ожидаетъ обстоятельной критики на свою книгу, что намъ показалось нѣсколько страннымъ. Намъ думалось и думается, что едва ли самъ авторъ придаетъ своему сочиненію серьёзное значеніе; полагаемъ, что онъ хорошо сознаетъ, что его сочиненіе не есть *ученое изслѣдованіе*, а философическое построеніе, довольно стройно развитое изъ отвлеченной идеи, и изданное съ цѣлію – не столько содѣйствовать примиренію церквей (какой же благоразумный писатель въ такомъ дѣлѣ станетъ основываться на діалектикѣ?!,)—сколько показать свое искусство въ писательствѣ и доказать православнымъ полемистамъ, что если они пишутъ противъ папизма, то съ такою же силою можно писать и *за папизмъ* противъ восточной церкви. По характеру и складу своему это сочиненіе разсчитано было на *эффектъ*, и оно достигло своей цѣли, такъ какъ въ короткое время вышло уже вторымъ изданіемъ. Русскіе читатели, находящіе наслажденіе въ религіозномъ раздраженіи, прочтутъ его съ удовольствіемъ; а паписты съ радостію воспользуются имъ, какъ новымъ оружіемъ противъ православія въ славянскихъ странахъ, гдѣ они теперь работаютъ; они будутъ указывать въ ней, съ одной стороны, на картину печальнаго положенія восточныхъ церквей, а съ другой—на величіе папскаго единовластительства... Все это еще можно понять, но нельзя понять одного,—какъ здравомыслящій человѣкъ, желая увлечь за собой стомилліонный народъ, начинаетъ свою рѣчь къ нему съ грубаго оскорбленія. Если не здравый смыслъ, то по крайней мѣрѣ простое чувство деликатности должно бы было подсказать автору, что *такъ начинать нельзя*.

вся церковь вселенская, а о чемъ узнаетъ, что оно послѣ вводится кѣмъ нибудь однимъ помимо всѣхъ, или вопреки всѣмъ святымъ какъ новое и неслыханное, то признаетъ относящимся не къ религіи, но больше къ искушенію, внимая также въ особенности изреченію блаженнаго апостола Павла, который въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ пишетъ: *подобаетъ и ересямъ быти, да искусніи явлени бываютъ въ васъ* (1 Коринѳ. 11, 19). Какъ бы такъ говоритъ апостолъ: „виновники ересей для того не тотчасъ искореняются Богомъ, *да искусніи явлени бываютъ*“, т. е. чтобы видно было, какъ крѣпко, какъ вѣрно и непоколебимо любитъ каждый вѣру вселенскую. И дѣйствительно, какъ только покажется какая нибудь новизна, сейчасъ видна дѣлается *тяжестъ зеренъ* и *легкость мякины*...

№ 3.

Повѣсть Симеона суздальскаго объ осьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ [1]).

Исидоровъ соборъ и хоженіе его.

По благословенію святыхъ четырехъ митрополитовъ: святаго митрополита Марка еѳесьскаго, и святаго митрополита Григорія иверскаго, и святаго митрополита Софронія агійскаго, и святаго митрополита Исаія перестинъскаго,—и тѣми четырми святыми митрополиты, по седми святыхъ соборъ поборники бывшими во градѣ Флорентіи на соборѣ во ѳрязской земли, со Евгеніемъ папою римскимъ, ту бывшу, и самому царю греческому кур Калуяну Палеологу Іоанну и патріарху Іосиѳу, и митрополитовъ 20, и вселеньскому собору, и митрополиту русскія земля по имени Сидору, и съ нимъ епископъ именемъ Аврамей суздальскій, и иніи священницы, и мнѣ ту бывшу попу именемъ Симеону, то вся видѣвши и слышавши, и писавшу ми въ той часъ ихъ словеса и прѣнія. Тому самому царю и всѣмъ грекомъ и митрополитомъ, понеже всѣмъ прельстившимъся сребролюбіемъ, златолюбіемъ, а инымъ священникомъ плачущимся съ тѣми четырьми митрополиты, и мнѣ бывшу укоренну и въ нятьствѣ томиму своимъ митрополитомъ, а тою прелестію не

[1]) Эта повѣсть прилагается съ тою цѣлію, чтобы дать понятіе читателю о томъ впечатлѣніи, какое флорентійскій Соборъ произвелъ на православныхъ русскихъ, участвовавшихъ въ немъ.—Повѣсть взята изъ книги г. Павлова: „Критическіе опыты по исторіи греко-русской полемики противъ латинянъ“. Спб. 1878.

прельстившумися, и его ни въ чемъ (не) послушахъ, но додоихъ того митрополита еѳесьскаго Марка, и благословившу ему мене, оттолѣ никакова зла (не) пріяхъ, дондеже отбѣгохъ отъ него изъ града Венетія. И граду тому бывшу среди моря, мнѣ же Симеону, по благословенію святаго Марка еѳесьскаго, дошедшу ми святаго владыки Еуѳимія богоспасаемаго Великаго Новагорода, списахъ сія, яже видѣхъ и слышахъ, како во фрязской земли, во градѣ Ѳлорентіи, и како на русской земли и на Москвѣ, тамо начало злу бывшу греческимъ царемъ Іоанномъ и греки сребролюбцы, и митрополиты, здѣ же на Москвѣ утвердися православіемъ русская земля христолюбивымъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ. Радуйтеся священницы!

Въ лѣто 6946-е, пришедшу митрополиту Исидору кіевскому на зборъ во ѳрязскую землю на Успеніе пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Марія, во градѣ ѳрязскомъ, рекомый Ферарь, въ томъ градѣ наѣхаша царя греческаго Калояна и патріарха Іосиѳа, и митрополиты 20, и вселеньскій соборъ, и много грековъ, и отъ иверскаго царства митрополитъ на имя Григоріеосъ, а посолъ на имя Ѳедоръ, а отъ трапезонъскаго царства митрополитъ на имя Дороѳеосъ, а посолъ на имя Іоаннъ, а отъ волошскіа земля воеводы митрополитъ на имя Деміяносъ, а посолъ на имя Николае, и иныхъ много христіанъ было грековъ со царемъ и съ патріархомъ ту суща. А съ митрополитомъ Исидоромъ много же людей, и епископъ суздальскій Аврамей, а посолъ отъ великаго князя московскаго Василія Васильевича Ѳома, и архимаритъ Васіянъ, и мнѣ Симеону тутъ же бывшу въ то время духовникомъ попомъ, и тѣмъ всѣмъ людемъ. А людей много было 100 съ митрополитомъ Исидоромъ, болѣ всѣхъ, занеже славна бѣ земля та, и фрязове зовутъ ея Великая Русь. Царю пришедшу греческому мѣсяца Марта, а митрополиту пришедшу мѣсяца Августа въ 15 день, въ томъ градѣ и гардиналы и арцыбискупы и бискупы и ферары, сирѣчь архимариты, и попы, и черноризцы, и множество много латинъскаго языка: ѳрязове, аламани, катаяне, френцюзове, мамеріяне, меделеане, нѣмцы, много поморскаго языка латинъскаго. А папа на имя Еугеніосъ, и избравшу

ему отъ себе три ѳилосоѳы: 1) гардиналъ Ульянъ, 2) бискупъ Андріанъ, 3) бискупъ Иванъ болонскій, — тѣ же бѣ ѳилосоѳы родомъ были грекове.

Въ лѣто 6946-е наченшу сборовати царю греческому Калуяну и патріарху Іосиѳу, отъ себе избраша три святители: честна и свята мужа Марка митрополита еѳесскаго въ мѣсто патріарха александрійскаго, а другаго митрополита Исидора русскаго въ мѣсто патріарха антіохійскаго, третіяго митрополита Висаріона никейскаго въ мѣсто патріарха іерусалимскаго, и тѣхъ посадиша въ патріарховъ мѣсто. Ефесъ бо— въ началѣ христіанъство отъ Иванна Богослова, а въ Никѣи—первое зборы были въ ней, а въ Руси великое и преславное христіанъство. Болѣ всѣхъ грекове мнѣли Исидора великимъ ѳилосоѳомъ, да того ради и ждаша его. И наченшимъ же имъ зборовати во градѣ Ферарѣ, въ державѣ Марко(зо)вѣ, а русски зовется князь, а зборъ бысть на память святаго Иванна Богослова, а въ той зборъ ничтоже бысть межи ими. И три сборы зборовaша, никейскому Васаріону и Сидору, а Марку еѳесскому сѣдящу и молчащу, а на четвертый зборъ нача Марко глаголати тихимъ гласомъ къ папѣ, и къ гардиналомъ, и арцыбискупомъ, и бискупомъ, и къ всему латинъскому языку, и рекшу ему: „слыши честный папа римскій и учителю латынскаго языка, како ты глаголеши и осьмымъ сборомъ нарекаеши, и собе въ началѣ поминаеши, а царя не нарекаеши ни въ которомъ словѣ, и своимъ соборомъ зовеши осмымъ, а седми святыхъ соборъ отрекаешися, а патріарховъ собѣ братьею не зовеши, а Латыню въ началѣ поминаеши, а православіе послѣди поминаеши“? Ему же папѣ сумнѣвшуся и молчавшу имъ на долзѣ времени (велича бо бѣ гордость и буйство латинъское, и никакоже возмогоша смиренно гласу его смиренія отвѣщати), святому же и великому Марку еще тихимъ гласомъ глаголющу, и гардиналу Іульяну, и Андріану, и Іоанну гордостію, высокою мудростію отвѣщаваюшимъ. Святому же Марку глаголющу къ нимъ: „О Латыни! доколѣ буйствуете и неправду мудръствуете, и на святыхъ седми соборовъ глаголюше и отрекающеся святыхъ седми папежовъ и святыхъ отецъ заповѣдей, якоже заповѣдавъши намъ православнымъ

христіяномъ блюсти и хранити седми зборы. Святымъ первымъ папою Селивестромъ первый сборъ бысть въ началѣ, а Ондріяномъ послѣдній свершися—ни приложити, ни уложити ничесоже, и аще кто приложитъ или уложитъ, анаѳема да будетъ. А ты нынѣ, папа Евгеніосъ, не токмо приложилъ еси что добро, но и седми зборъ отрекаешися, а осмымъ зовеши, и собя въ началѣ поминаеши, а святыхъ отецъ не воименуеши, и своимъ зборомъ осмымъ зовеши, анаѳемѣ предаешися". Папѣ же слышавшу та словеса Маркова, и гардиналомъ, и арцыбискупомъ, и бискупомъ, и воставшимъ имъ съ мѣста своего — папѣ же, и всѣмъ гардиналомъ, и арцыбискупомъ, и бискупомъ—изыдоша вонъ скоро, и ѳрязомъ, и ѳренцузомъ и медилеаномъ, и аламаномъ, и нѣмцемъ, и югромъ, и чехомъ, и ляхомъ, и всему латиньскому языку, и римляномъ, и всѣмъ имъ скоро избѣгшимъ съ своихъ мѣстъ отъ мала даже и до велика. Овіи и у грековъ служаще Латына, и тіи избѣгоша, оставшимся единымъ грекомъ и всѣмъ, иже въ православномъ христіянствѣ. Мнѣ же Симеону о томъ почюдившуся, понеже видѣхъ, како скоро папа изыде, и въ той часъ сидѣвшу ми близь митрополита Дороѳеоса, его же митрополія близь Іерусалима за 3 дни, и видѣхъ его плачющася и веселящася, и мнѣ же вопросившу его: „деоспота мой, что плачешися, или что смѣешися"? И ему же ко мнѣ толма едва рекшу: „о Симеоне, духовниче русіосъ! Аще бы еси вѣдалъ, что честный и святый Марко еѳесьскій митрополитъ глаголеть къ папѣ и ко всей латынѣ, и ты бо тако же, яко же азъ, плакался и веселился. Яко же ты видиши честнаго и святаго Марка еѳескаго,—яко же былъ преже его святый Іоаннъ Златоустый и Василей кессарійскій и Григорій Богословъ, тако же и нынѣ святый Марко подобенъ имъ. И ты самъ видиши, како нынѣ латына глаголати съ нимъ не смѣютъ: папа избѣже и вси книжницы его и книги своя изнесоша вси. Мнѣ же то слышавшу и видѣвшу тая, како папа избѣже и вси книжницы его и вся латына, и благословившумися у того святаго митрополита Дороѳеяса, и написалъ то все въ той часъ. И потомъ возставши вси грекове и вселенныя православныя христіяны, собрашася близь царя и патріарха, гдѣ сидитъ Марко той

святый предъ царемъ самимъ и патріархомъ, а именуется на благословенѣ столѣ. Тогда слышахомъ царя къ нему глаголюща: „честный мой господине, отче! что еси тако жестоко глаголалъ папѣ и гардиналомъ, яко вси избѣгоша? А азъ, отче святый, не на то пришелъ. Аще бы смиренно и беззлобиво глаголали есте между собою, не бы поношеніе и укореніе которому человѣку межу васъ было". Марку же къ царю отвѣщавшу: „слыши, царю святый, кіръ Калуяне и святый старѣйшій патріарше, честный отче и учителю вселенскій, всего православнаго христіанства, Іосифе! Како есте глаголали во Царѣградѣ, какъ къ вамъ папа посылалъ во единачествѣ быти и первымъ единачествѣ во христіанствѣ быти, и церковь едина бы была, и христіянство едино бы было, яко и первое едино было христіянство, и на томъ тако слово въ концы приложили есте. А нынѣ, царю, ты и ты, патріарше Іосифе, слыши, что папа глаголетъ, иже осмаго собора поминаетъ: а седмь святыхъ соборовъ не хощетъ поминать; себя же въ началѣ поминаетъ и своимъ зборомъ зоветъ, а тобя царя не поминати, а патріарховъ собѣ братіею не звати, и православныхъ христіянъ въ первыхъ не поминати, но латыну въ началѣ поминати, а латынство повсюду поминати, а православія нигдѣ же не поминати въ началѣ". Тогда царю и патріарху слышавшу тая словеса Маркова, и ничесоже ему глаголаша, посмѣявшуся буйству и безумнію ихъ, на долзѣ времени бывшу сѣдѣвшимъ, и возставши въ полаты свои поидоша.

По томъ же времени, не по мнозѣхъ днехъ, нача (папа) носылати ко царю и патріарху гардиналовъ своихъ и арцибискуповъ, а злата и серебра съ ними много посылати, то аще бы не укорившe и пошли во свою землю, и много имъ пріѣздяше и біяше челомъ царю и патріарху и всѣмъ митрополитомъ. Тогда царю и діоспоту, брату цареву, и всѣмъ бояромъ царевымъ собравшимся, и грекомъ, и посломъ къ патріарху не токмо единова, но и многажды, и митрополитомъ, яко и царю, хотящимъ злата и сребра довольно взяти. И Марку же ко царю глаголющу: аще злато и сребро, царю, довольно возмете, то безчестіе себѣ получите и отъ всѣхъ языкъ поношеніе и укореніе пріемлете; аще ли, царю и па-

тріарше, злато презрите, а пойдете во свою землю, а святыхъ отецъ седми соборъ заповѣди не погрѣшивше, то отъ Бога милость получите и отъ святыхъ отецъ благословеніе пріимете, еще же и честь и славу получите. Аще ли, царю, не слушаете, а злата и серебра довольно возмете, то напослѣди безчестіе получите: то про что нынѣ зоветь ихъ христіаны? Слыши, царю, еще папа глаголетъ: латыню поминаеть, а христіянства не поминаеть, а тебя царя въ началѣ не поминаетъ же, а васъ патріарховъ братьею себѣ не зоветъ, седми святыхъ соборовъ не поминати въ началѣ,—то како христіанинъ наречется? — осьмый соборъ поминати, а седьми святыхъ соборовъ не поминати впервыхъ"?! Папа же довольно царю давши злато, и царю Марка не послушавшу, и грекомъ многимъ вдавшимъ себе на злато, потомъ начаша соборовати, мнящеся, аще бы чѣмъ усладити Марка, или златомъ, или сребромъ. Марка же всегда зовуще имъ и никако же хотящу покоритися царю, аки храбрый воинъ Христовъ божественныя церкве, и собороваша ту въ томъ градѣ 17 зборовъ. Папа же много злата даваше, а Марка же никакоже возмогоша усладити чимъ, ни златомъ, ни сребромъ, ни книгами своими умолвити его. Нѣцыи же отъ грековъ усладишася злата ради и чести, начаша къ папѣ часто приходити, и что слышаша отъ грековъ, и то повѣдаша папѣ. И потомъ же видѣвши, яко въ правду глаголу Маркову быти къ царю же и патріарху, хотяше послушати Марка и поити ко Царюграду отъ града Ѳерары, и злата много взяша и великую честь получиша, и всѣмъ грекомъ возрадовавшимся и намъ на Руси веселящимся.

И тогда нѣцыи отъ собора греческаго священницы приложишася единодушно къ папѣ, злата довольно вземши, и честь велику получиша, и придумаша папѣ дати царю много злата, да изведетъ папа царя за горы и всѣ грекове, къ Риму близъ, въ Ѳролентій: „аще ли не злата ради, но нужди ради, предавшися тобѣ будутъ, честный папа". Тогда тѣ отъ папы великую честь и отъ всѣхъ ѳрязовъ получиша, а грекомъ многимъ скорбящимъ, что царю и патріарху злата много обѣща папа. И приложиша ити ко граду Ѳлорентію, и поидоша отъ града Ѳерары мѣсяца генваря, на память

святаго Іоанна Златоустаго, на возвращеніе честныхъ его мощей. Исидору митрополиту съ великою честью идущу, съ приставы папежевыми и со слугами, занеже бо ни единаго возлюби папа митрополита, якоже Исидора. Патріарху же Іосиѳу бывшу въ глубоцѣй старости и въ немощи велицѣй, и пошедши на той нужный путь (зане бо рѣкою Ѳарою не много ити, но все по горамъ, и тѣ высоки бо быша горы), и вси грекове печаловаша о патріарсѣ старости ради и немощи его, и намъ видящимъ его и плачущимся, горамъ высокимъ бывше вельми. Тогда дошедшимъ имъ съ нужею великою града того Ѳлорентія—царю же, и патріарху и всѣмъ грекомъ, граду же тому межу горами бывшу: великъ бо бѣ градъ и много въ немъ богатства, и божницы вельми велики, и многи монастыри, и полаты украшены златомъ—и того всего не могу исписати, но се о сборѣ пишу. Папѣ же царю и патріарху и всѣмъ грекомъ злата не давшу, якоже преже глаголано напреди и реченно быша нѣцыми, якоже преже къ папѣ приходиша, но нужа бо (бѣ) велика царю и патріарху и всѣмъ грекомъ. Тогда собрашася грекове ко царю и помянувше слово Марково, якоже и сбысться. И потомъ начаша сборовати нужею мѣсяца марта въ 1 день, и доидоша дни святаго Алексѣя человѣка Божія. И многимъ зборомъ бывшимъ, нѣцыи же отъ священниковъ греческихъ, подписавше книги своя, аще бы чѣмъ умолвити святаго Марка: ничѣмъ бо его (не) возмогоша умолвити, ни златомъ, ни сребромъ, ни честію не возмогоша его усладити; того ради нѣцыи грекове и книги своя подписаша. Марку же болѣ подвизавшуся по благочестію и укорившу папу и гардиналовъ и не благословившу его собора и самого папу, и оставъ изыде во свою полату. Нѣкто же ѳилосоѳъ, именемъ Иванъ, нача злословити Марку много и въпреки глаголати съ нимъ, а ему же ничтоже глаголющу, толко ему исходящу изъ полаты папежевы, толко рекшу ему: „иди, буди готовъ, да отселѣ не злословиши на святыхъ седми соборовъ святыхъ отецъ“. И ему же въ той часъ отшедшу, святому Марку во свою полату, а Ивану тому ѳилосоѳу во свой дворъ пошедшу, и въ той часъ ѳилосоѳу умершу, и тогда царь начатъ гнѣватися на Марка, и въ той часъ и царь

впаде въ недугъ вельми великъ. Марку же не входящу въ полату ко царю, тогда царь нача слати по Марка брата своего деоспота, и тогда раздѣлишася на двое: 12 митрополитовъ съ Маркомъ, а со царемъ и патріархомъ иные. И оттолѣ начаша съ Маркомъ отъ Алексѣева дни, человѣка Божія, до дни великаго Сисоя, всегда сходящися къ патріарху на всякъ день царю и митрополитомъ и всѣмъ грекомъ, овогда двожды днемъ, иногда чрезъ день, то аще царю хотящу свою волю улучити или учинити, а Марка бы въ чемъ умолвити, никако же не повиновашеся царю и патріарху. Потомъ же патріарху Іосиѳу умершу и положиша его въ томъ градѣ Ѳлорентіи въ клаштарѣ, а порусски въ манастырѣ, гдѣ папа стоялъ, входъ въ божницу; написанъ ту, гдѣ самъ лежитъ, по чину патріаршескому.

Потомъ нача папа посылати къ царю со гнѣвомъ, аще бы въ концы было дѣло его. Марку же царя не послушавшу, папа же нача царю и митрополитамъ глаголати на Марка: „видиши ли, царю и митрополиты и вси грекове, всѣ вы повинуетеся мнѣ, единъ митрополитъ еѳесьскій Марко и съ нимъ иверскій митрополитъ Григоріосъ и тристинскій митрополитъ Исаія и оагинскій митрополитъ Соѳроніосъ ни мене послушаютъ, ни збора моего не соборуютъ. Слыши, царю, како глаголетъ святый апостолъ Павелъ къ Римляномъ и къ Еѳесѣомъ и во всѣхъ своихъ посланіихъ: „братіе, повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покоряйтеся; ти бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще, да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе“. Царю же къ папѣ отвѣщавшу: „хощеши ли Марку глаголати каково непотребно слово, како ему злословилъ твой ѳилосоѳъ Иванъ, и въ той часъ злою смертію умре? И ты, папа, избери отъ собора своего и пошли къ нему отъ себя, а не отъ меня, аще что хощеши ему глаголати“. Папѣ же слышавшу тая словеса царева и устрашися вельми зѣло папа и посла къ нему не со зломъ, но съ великою честію, повелѣ насыпати велико блюдо злато золотыхъ и ковшъ златъ золотыхъ, съ великою честію и прошеніемъ, аще бы пріялъ то и пришелъ бы и видѣлся съ папою, и честь бы велику взялъ у него. А преже того папѣ на Марка глаголати зла много и огневи хотяше пре-

дати его. Марко же пословъ папежскихъ ни въ полату свою не впустилъ и отвѣща имъ: „рцѣте учителю своему папѣ: не слышалъ ли еси Господа, глаголюща книжникомъ и ѳарисѣемъ: нынѣ вы, ѳарисѣе, стклянница и блюда очищаете, а внутрь ваша полна неправды и нечистоты? Тако и ты, папо, собра неправедное злато, то кому хощеши си, тому давай его. Гдѣ будетъ злато твое, тамо и ты будешь. А зборъ твой не зборъ будетъ, а сами вы вси погибнете“. Посланному же имя Амбросіе, града Ѳлорентія архимандритъ, и тому рече: „аще и ты злословишь на святыхъ отецъ седми соборъ, и ты по 40 днехъ отъидеши“. И потомъ умершу и тому Амбросію, и дивишася вси людіе и ѳрязове. Тогда имъ зборовавшимъ и безъ Марка въ большей божницѣ, множество безчисленное людей, мужей и женъ, и папѣ самому пришедшу съ великою буестію и гордостію, съ трубами и бубны и со свирѣльми, по своему праву, якоже всегда въ божницѣ творятъ гардиналы, и арцыбискупы, и бискупы; и много множество латинскаго языка, и самому царю туже бывшу, и съ нимъ митрополиты, но не вси. Наченшимъ соборовати на память великаго Сисоя, первое же начало: папѣ сѣдшу на мѣстѣ своемъ, тогда воставши митрополиты вси съ мѣстъ своихъ и пріидоша къ папѣ и приклякнуша къ папѣ по ѳрязскому праву и самому царю на колѣну припадшу, и брату деоспоту, и всѣмъ грекомъ. Намъ же то видѣвше плачющимся, но токмо глаголющимъ: „Господи, согрѣшихомъ!“ И мнѣ воставшу съ мѣста своего, убоявшуся, аще и мнѣ повелятъ тако же приклякнути. Потомъ же молебенъ пѣвши, нача потомъ мшу мшити; тако же имъ тѣла Божіе подняти, тогда они вси вострубиша въ свирѣли, въ арганы и въ бубны, и во всякую игру играша. И папа, пиша грамоты, по всѣмъ странамъ посылаше латынска языка, яко царю греческому пришедшу со всѣми греки и митрополиты, и приклякнувшу и подписавшу грамоты, и собе (въ) клятву предавше, тако же и митрополиты. И митрополитъ руській Исидоръ подписа ся и всю землю свою. Тогда же потомъ присла папа бискупа своего Христоѳора къ епископу Аврамію суздальскому, аще бы подписалъся. Ему же не хотящу, митропо-

литъ же Исидоръ я его и всади въ темницу, и сѣдѣ недѣлю полну, и тому подписавшуся не хотѣніемъ, но нужею.

И потомъ папа царю греческому вда честь велію, не прихода его ради, по подписанія его ради и прикляканья. Выѣхавшу ему изъ града Ѳлореньтія на память святаго мученика Андреяна и Наталіи, а Сидору митрополиту выѣхавшу опослѣ всѣхъ грековъ, на память святаго чюда архангела Михаила, а къ Венецыѣ пріѣхалъ на Воздвиженіе честнаго креста, а царь греческій бысть въ Венецыѣ 53 дни и вси грекове. А Сидору оставшу въ Венецыѣ, а къ папѣ посылающеся, а самъ по божницамъ ходя приклякаетъ, какъ и прочіе ѳрязове, и повелѣваетъ и намъ такожде. И мнѣ съ нимъ о томъ впреки много глаголющу, и ему мене многажды имавшу и державшу въ крѣпости, мнѣ же, видѣвшу такую неправду и великую ересь, побѣгшу ми изъ Венецыя, и послу побѣгшу Ѳомѣ, а мнѣ съ нимъ, на память святыя Анны, егда зачатъ святую Богородицу, декабря въ 9 день, а къ Новугороду прибѣгшу ми въ великую среду, и пребывшу ми лѣто все у великаго святителя у владыки Еуѳимія новогородскаго. Въ то же время пріиде князь Юрій Семеновичъ Лугвеньевъ, и сѣде въ Смоленьску въ своей вотчинѣ. И тому митрополиту пришедшу Исидору съ собора, и присла по мене князь Юрьй къ Новугороду, и мнѣ пошедшу къ Смоленъску, надѣющеся, яко христіанинъ есть. И тая слышавши словеса не отъ мене токмо, но и отъ всѣхъ, яко неправедна поношенія и укоръ христіаномъ, поидохъ того ради къ нему, яко христіанинъ есть, не предасть меня въ нужду правды ради и вѣры. И вшедшу ми въ комару, и рече ко мнѣ князь Юрьй: „во истину, отче Симеоне, право сказалъ еси, но иные болѣ тобя вѣдали, какъ и ты вѣдаешь и кажешь: не бойся, пребуди у мене“. И руку свою дастъ ми на томъ, яко „ничтоже ти будетъ, токмо честь тобѣ будетъ отъ мене и отъ всѣхъ христіанъ“. И мнѣ у него пребывшу не много дней, и ту быша грекове митрополичьи черньцы, и выдастъ мя имъ, глаголя на мя много. Мнѣ же всю зиму сѣдѣвшу во двоихъ желѣзѣхъ, въ велицѣй нужи, во единой свитцѣ и на босу ногу, и мразомъ, и гладомъ, и жаждою, и повезоша мя изъ Смоленска къ Москвѣ.

Въ лѣто 6949-е пришедшу митрополиту Исидору изо ѳрязской земли изъ собора отъ папы римскаго Евгенія на Москву къ благовѣрному и христолюбивому и благочестивому, истинному православному великому князю Василію Васильевичу, бѣлому царю всеа Руси, съ великою гордостію и неправдою и буйствомъ латынскимъ, нося предъ собою крыжъ и палицу сребряну: крыжъ нося во креста мѣсто, являя латинъскую вѣру, а палицу нося — гордость и буйство латиньское. Аще кто не приклякнетъ ко крыжу, то палицею ударивше, приклякнути велитъ, якоже у папы тако творятъ. И папа тую область дастъ ему — нѣмецкую, лятскую, литовскую, того ради, аще не приклякнутъ православніи христіане и христолюбивый князь, яко же Исидоръ рече Евгеніосу папѣ, яко „вси въ моей руцѣ, вси князи и епископи: ни единъ со мною не можетъ глаголати; а самъ князь великій младъ есть и въ моей воли есть, а иные князи велицы боятся мене". Таковыми словесы обѣщася папѣ, того ради дастъ ему тую область тые земли. А ему впервыхъ патрїарха въ церкви не поминати, а потомъ какъ его не пріимутъ, ино православныхъ князей не поминати въ началѣ: на томъ правалъ папѣ и приклякнулъ. И много злата папа далъ ему, и тою областію папежскою преиде всѣ земли и литовскую землю, доиде и до Кіева и до Смоленска, а въ то лѣто въ Смоленскѣ на княженіе сѣлъ князь Юрьй Лугвеньевичъ. Тогда пришедшу Исидору митрополиту на Москву съ тою прелестію къ благовѣрному великому князю Василью Васильевичю, и познавшу ему такую прелесть, и вшедшу ему во святую церковь пречистыя Богородицы соборную на Москвѣ, и служившу ему святую литургію, и помянувшу ему впервыхъ Евгеніаса, а патріарховъ не помянувшу: якоже обѣщася папѣ, тако и сотвори; якоже поминалъ въ Кіевѣ, такоже и въ Смоленскѣ при тѣхъ князехъ христіянскихъ: тѣмъ бо имѣющимъ надъ собою область латиньскую, и не смѣющимъ съ нимъ вопреки глаголати. Мнѣвшу же ему и надъ самодержавнымъ всеа Русіи государемъ, великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ, тако же учинити, якоже папѣ глаголалъ: „князь же великій младъ есть, а епископи ихъ не книжни суть и боятся мене; не смѣти имъ со мною о томъ впреки глаголати:

азъ волю свою возму, а твою сотворю, латинскую вѣру пріимутъ, тогда во церкви имя твое поминаю всегда, и князи къ тебѣ приведу вси, и христіянство все отъ греческія вѣры въ латинство приведу, и въ Римъ приведу ихъ къ тебѣ, и дары ти принесутъ, и въ Царьградъ не пойдутъ, и епископи отъ тебе поставлю, а самъ буду гардиналомъ на нѣмецкихъ и лятцихъ арцибискупѣхъ и бискупѣхъ, и русскихъ, а греческій легатосъ". Таковыми словесы обѣщася папѣ, и папа дастъ ему тую область, и грамоты подписа, и гардиналомъ его учини, и по землямъ послявъ предреченное слово. Тому благовѣрному великому князю Василью Васильевичю въ та времена младу сущу, но умомъ благоразумну и богобоязниву, не книжну, ни грамотну, но вѣрою утвержену, и теплоты горящъ духомъ, яко же рече пророкъ: „во отецъ мѣсто быша сынове твои". Сей же великій князь Василій Васильевичъ уподобися святымъ прежнимъ царямъ, равнымъ апостоломъ Константину великому и Владиміру, нареченному во святомъ крещеніи Василію, иже крестившему русскую землю и утвердившему православную вѣру, поборникъ по православної вѣрѣ греческой, якоже обычай есть святыя вѣры греческія по уставу святыхъ отецъ Василія кесарійскаго, Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова и прочихъ святыхъ отецъ и святыхъ седми соборъ, и святыхъ первыхъ папъ, седми. Селивестра и прочихъ, иже въ православіи и въ православной вѣрѣ поминаютъ ихъ, а не въ латынствѣ.

Радуйся, благовѣрный великій князь Василіе, иже русскую землю вѣрою утвердивый истинною положенный ти на главѣ твоей вѣнецъ, святое крещеніе! Радуйся, православный княже Василіе! утвердилъ еси вси священницы свои, имъ всѣмъ обнажившимся, тебѣ ихъ крѣпко утвердившу. Кто сему не почюдится—таковому твоему благочестію и благочестивому твоему разуму и истинной твоей православной теплой вѣрѣ во святую нераздѣльную Троицу: ереси отсѣклъ еси отъ святыя церкви. Радуйся православный княже Василіе! урѣза класъ буйства латинъскаго и не далъ еси возрасти въ православныхъ церквахъ и въ правовѣрныхъ христіанѣхъ, и да не насладятся буйства латинъскаго и ветхаго закона, да вкусивше, забудутъ истинныя православныя вѣры, да не насла-

дятся сердца невѣрія. Радуйся, православный княже Василіе! не далъ еси урѣзати класа зрѣла воздѣланна божественныя церкви. Радуйся, правовѣрный княже Василіе! православныя вѣры и всея русскія земли утвержденіе, а греческія вѣры подтвержденіе и поддержателю и всѣмъ православнымъ и богобоязнивымъ инокамъ и черноризцемъ радость, божественныя церкве и всѣмъ православнымъ христіаномъ неизъглаголанное веселіе и радость, воспитающи чада своя въ православной вѣрѣ безпечально, радостію духовною и тѣлесною исполнишася, видячи чада своя воспитаны млекомъ духовнымъ, якоже сами пріяша святую греческую вѣру! Радуйся православный великій князь Василей Васильевичъ! всѣми вѣнцы украсився православныя вѣры греческія, и сами радуются съ тобою вси православніи князи русскія земля, похвалою и радостію духовною своея вѣры, нерушимыми твоимъ утвержденіемъ. Радуйся княже Василіе! отъ всѣхъ земль латинскихъ и до самаго Рима прославися, и всю русскую землю православную вѣрою греческою прослави, и гордаго папы Евгеніаса зловѣріе и буйство латыньскія вѣры и ветхаго закона непокорство разори и безуміе зловѣрнаго хитреца и златолюбца и православныя вѣры разорителя и латиньскому неблагословенному собору поборника, и отъ седми святыхъ соборовъ неблагословеннаго, и отъ греческія вѣры отпадшаго златолюбіемъ и сребролюбіемъ, и осмаго собора исповѣдника по всѣмъ землямъ православнымъ и латинскимъ, гордяся и величаяся, сказателя осмому собору и ветхому закону проповѣдника, и новыя благодати отпадшему златолюбіемъ и сребролюбіемъ, и хитростію и наученіемъ злонравнаго папы римскаго Евгеніаса, и ученика его Исидора гардинала, претвореннаго легатоса, бывшаго митрополита русскія земля. И изгналъ еси его отъ святыя божественныя церкве соборныя христіанскія въ царствующемъ градѣ Москвѣ [1]), гдѣ лежитъ божественная пища, животворное тѣло

---

[1]) Вел. князь въ соборѣ же, при первомъ служеніи м. Исидора назвалъ его латинскимъ прелестникомъ, волкомъ, и велѣлъ его посадить подъ стражу. Въ 1441 году Исидоръ былъ осужденъ соборомъ русск. епископовъ, а въ слѣдующемъ убѣжалъ изъ-подъ стражи въ Римъ.

святаго митрополита и чюдотворца Петра всея Руси: святыми своими молитвами изъ своего гроба своимъ животворнымъ тѣломъ вразумивъ тя и научи и страхомъ утвердивъ положенный ти вѣнецъ на главѣ твоей, князь великій Василіе, истинныя православныя вѣры греческія. И самому тому царю греческому отступившу куръ Іоанну отъ совѣта благочестія, и омрачися тмою латиньскія ереси, а отечество твоего княженія просвѣтися свѣтомъ благочестія, недуги исцѣли и душу спасе церковными ученіи. Радуйтеся и веселитеся вси священницы, повсюду православніи и христолюбивіи христіяне, не прельщенни и не укоренни невѣрными языки поганьскими, а отъ всѣхъ странъ прославленны, и великую славу и честь пріясте со всѣми христолюбивыми странами, спасеніе и радость духовную, и царствія наслѣдницы бысте. Слава святѣй и единосущнѣй и животворящей и нераздѣльнѣй Троицѣ, вразумившу тобя, великій князь Василій Васильевичь, миръ тобѣ и благословеніе о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, ему же слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, аминь.

Считаю долгомъ извиниться передъ читателями относительно допущенной мною нѣкоторой небрежности въ цитатахъ. Одни изъ нихъ приводятся по подлиннымъ сочиненіямъ, другія по русск. переводамъ; одни по Манси, другія по Гардуину, а иныя по Миню. Въ объясненіе этого разнообразія я скажу только одно, что сочиненіе мое писалось менѣе года урывками отъ оффиціальныхъ занятій, и болѣе ночью, чѣмъ днемъ. Рѣдко удавалось мнѣ доставать подлинники на домъ; напр. сочиненія Ѳомы Аквината, изданія Манси или Миня, большею частію приходилось путешествовать по библіотекамъ, гдѣ не всегда заставалъ книги, въ которыхъ нуждался, и потому пользовался тѣми, какія попадались. Не считая удобнымъ жертвовать временемъ только для того, чтобы придать сочиненію ученый видъ, я позволялъ себѣ прибѣгать къ русск. переводамъ, особенно въ случаяхъ неважныхъ или безспорныхъ; таковы, напр., ссылки на Евсевія (стр. 142)—на писанія Мужей Апостольскихъ (стр. 256—258) и под. Въ случаяхъ же, когда требовались подлинныя слова,—я обращался къ подлиннымъ сочиненіямъ и приводилъ ихъ или безъ перевода, или въ переводѣ (см. стр. 25, 111—113, 136, 273—274). Имѣются цитаты, заимствованныя у моихъ предшественниковъ по разработкѣ даннаго предмета; нѣкоторыя изъ нихъ мною провѣрены, а нѣкоторыя оказалось невозможнымъ провѣрить, напр. нѣкоторыя цитаты Януса.

При этомъ смѣю доложить моимъ благосклоннымъ читателямъ, что силу моего сочиненія я полагалъ не столько въ цитатахъ, сколько въ новой постановкѣ предмета.

Прот. А. Л.

Академ...
Институ...
и фунд...
по общественным наукам
30·5·72.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Напечатано:	Надо читать:	Сверху:	Снизу:
73	значитъ	значить	10	—
101	истанцію	инстанцію	—	7
109	своимъ	своихъ	—	6
124	Православные	Православныя	22	—
205	никакого сомнѣнія	никакому сомнѣнію	20	—
213	заслуги	услуги	—	5
225	Григоріи	Григорія	17	—
236	не нужно	и не нужно	2	—
262	готорить	говорить	10	—
272	*свыте*	*свыше*	—	4
279	Славою	Главою	15	—
283	не погрѣшимости	непогрѣшимости	—	3
—	стр. 225—226	стр. 238	—	1
323	безъ сомнѣнія;	безъ сомнѣнія,	12	—
331	прежнія	прежніе	5	—